

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

В. Перцов

«И вот вам
результат...»

Владимир Васильевич Перцов

«И вот вам результат...»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39746604

SelfPub; 2019

Аннотация

Есть сегодня большая литературная ниша, куда безнадежно заглядывают многие. Заглядывают умные, отчаявшиеся в хорошей литературе или просто ищущие – а что, сами не знают. Вот книга. Ее автор Владимир Перцов – философ, а в прежней жизни известный эстрадный драматург и режиссер (легендарный некогда театр «Христофор», «Кролики – это не только ц.м.» и пр.). Но в первую голову – писатель. Писатель-юморист. Но юмор – это «побочный продукт». Главное, отчаявшийся в литературе обрадуется, умный «тощ не отыде», ищущий незнамо что скажет: вот, что я искал! Содержит нецензурную брань.

Содержание

«С грибами к бессмертию!»	7
Вместо предисловия	7
Об авторе	10
Воспоминание о французском ресторане (фрагмент биографии)	10
Как я встречался с поэтом Игорем Иртеньевым. Два раза	11
Раз второй	15
Из сборника «Последний закон Ньютона»	18
Последний закон Ньютона	18
Как начинался капитализм	28
Пост № 1	43
Глава 1	44
Глава 2	47
Глава 3	51
Глава 4	53
Глава 5	57
Глава 6	63
Глава 7, предпоследняя	68
И вот вам результат	72
1	73
2	75
3	78

4	80
5	81
6	84
7	86
8	87
9	89
10	91
Эпилог	92
Скульптор Николай и его детище	94
«Аквахрен»	111
Женщина и «Жигули»	124
Из сборника «Кролики – это не только ценный мех»	141
«Кролики – это не только ценный мех»	143
Вечная тема	151
Как я голодала семь дней	151
Танцор диско	157
Тумбочка	165
Вставай – наливай!	174
Объяснительная	190
Господа филуменисты	196
Шморгалка	204
Из сборника «Жить, как говорится, хорошо!»	214
«Жить, как говорится, хорошо!»	216
Глава первая	216
Глава вторая	221

Глава третья	224
Глава четвёртая	233
Глава пятая и, как говорится, последняя	235
Как делали клюквенный ликёр	239
Пустой посылочный ящик, или Случай в кошёлку ясновидения	254
Светлая грусть	268
Счастливого плавания! Открытое письмо из открытого космоса	281
Несколько сюжетов из жизни искусства	290
Что ли вступление	290
Сюжет № 1: «Оживление в зале»	294
Сюжет № 2: «В ландолёте резиновом»	298
Сюжет № 3: «Купите бублички!»	306
Сюжет № 4: Из жизни наших поэтов	311
Малое художественное отступление	314
Сюжет № 5: Как сегодня делается искусство кино. Новый Дон Кихот	320
Сюжет № 6: «Сосиски оставляют след»	326
Песни гор	332
Роман ее жизни	337
Забег на короткую дистанцию	355
Русско-японское воспитание подрастающего поколения	360
Нам – зеленый!	368
Из сборника «Трезвый образ жизни...»	375

Необходимое пояснение	375
Как мадам Анжу училась пить русскую водку	378
Как мы пили «Наполеон»	385
Как мы сливались с народом	393
Как пили текилу	410
Как мы ночевали на Подоле	438
Как делали обрезание	459
Глава первая	461
Глава вторая	467
Глава третья	483
Глава четвёртая	501
Из сборника «К лесу передом»	509
Мурка и местные ядовитые грибы	511
А хрен его знает, товарищ майор!	520
Летний скверик в центре столицы	530
Мы вечные странники	539
Попугай Мишо	548
Мормоны с видом на залив	553
1	553
2	559
3	564
Саша и козёл с бородкой, как у М. И. Калинина	568

Владимир Перцов

«И вот вам результат...»

«С грибами к бессмертию!»

Вместо предисловия

Сегодня интернет ежедневно и ежеминутно сообщает нам о жутких находках и сенсационных открытиях. Все эти сообщения начинаются примерно одинаково:

«Учёные кричали от ужаса, когда обнаружили это... двое на месте обос... ободрились!»

Тут и там мелькают переполоханная Ванга, нелюдимый Нострадамус; Эдгар Кейси выдаёт онлайн-предсказания, будучи глубоким покойником.

– Девочка из глухого аула ясно видит, что внутри нашей планеты находится ещё одна, только большего диаметра, отчего нашу голубую планету непрерывно пучит.

– Сенсация: японские рыбаки засняли, как нечто, охлаждающее кровь, всплыло из бездны и громко сдохло! Учёные глянули и снова обо... не обрадовались!

– Бабушкин способ восстановления девственности. Полу-

чается как новая, ещё крепче! Придётся вам, ребята, попотеть-2!

Спасибо, Бабушка!

– Ещё сенсация: наша Земля всё-таки ПЛОСКАЯ! Учёные подползли к краю, глянули вниз и снова... отползли назад, придерживая штаны!

Может, нам учёных поменять?

С другого конца, при всём научном ажуре нам как-то ненавязчиво, но упорно втюхивают мысли о конце света. Через стенку от упомянутых пропахших собственным ужасом учёных живут такие же эксперты. Они непрерывно дают непрерывную оценку происходящему, причём всегда в одном направлении: «Скоро гроба подорожают!»

Впитывая всё это, человечество живёт как бы в предчувствии мировой диареи. Вроде надо что-то делать, но лучше не начинать – вдруг не добежишь!

Короче, если почитать, послушать, пошерстить блогосферу, – это не жизнь, а послепраздничная рвота! То есть жить страшно, противно, дальше хуже некуда!.. Однако, что любопытно, на кладбище по-прежнему никого калачом не заманишь! Проезжаем себе мимо, вроде нас не касается! Обязательно покасается! Так чего наперёд плачем, скорбим, нервно меряем давление? Зачем обижаем судьбу? Жить-то, как выясняется, хочется. Зачем её портить?..

Потому что смотрим, цепляемся очами за всякую дрянь. Но выход есть: нужно читать хорошее.

Часто помогает.

С этой нехитрой мыслью автор решил обнародовать всё
нижеследующее.

Об авторе

Воспоминание о французском ресторане (фрагмент биографии)

Вспоминать об этом ресторане нечего. Разве что он находится в центре Минска.

Мы приехали туда около полуночи на каком-то огромном джипе. Вошли почему-то с тыла. Огромное белое помещение с двухэтажным потолком, холод от тупо работающих кондиционеров. На большое помещение нас было шестеро, все шестеро – это была наша компания. В меню всё было по-французски и лишь внизу русский перевод. В колонку цифр справа автор заглянул по глупости и сразу захлопнул эту книгу, чтобы не глянуть уже по неосторожности. И не то чтобы автор платил, нет, платил один состоятельный Виталик, просто человеку нормального состояния души и кошелек не надо показывать такие цены – это, во-первых, бессмысленно и, главное, безнравственно.

Где-то в середине тайма автор высказал мысль, которая, надо думать, витала у всех. Мысль была такая: а вот раньше бы по бутылке портвейна на лицо, два батона, кабачковая икра и плавленый сырок для дам – ведь хорошо было

бы, не правда ли, господа? На что господа промолчали, но в душе кивнули. Люди-то собрались хорошие, а французский ресторан располагает лишь к поглощению того, что они называют пищей. И называют напрасно. Ибо когда тебе на полуметровом в диаметре блюде подают что-то лежащее в центре и перекрывающее этот условный центр еле-еле – о чём можно говорить, друзья?! Но выпить можно везде и всегда. Что и делалось, занюхивая некоей булочкой, которая одна из всех яств напоминала именно еду.

Но Господь не даёт испытания выше сил, за наказанием следует избавление. Глубокой ночью ехали в том же джипе домой уже вдвоём. И вот мы едем, из динамика слышен хороший интеллигентный голос, читающий собственные произведения. Некто Игорь Иртеньев. И вот среди тех стихов автор услышал одну фразу, удивился, попросил хозяина отмотать плёнку – не ослышался ли автор? Хозяин отмотал. Автор не ослышался. Но прежде чем огласить эту волшебную фразу, автору хочется поделиться волшебным же воспоминанием, которое можно озаглавить просто:

Как я встречался с поэтом Игорем Иртеньевым. Два раза

Это было ровно много лет тому. Это была Рига, Международный конкурс юмора и тогдашней сатиры «Кубок А. Райкина». Автор со своим театром «Христофор» отправились

за этим самым кубком. Вот артисты говорят автору: «Васильевич, там есть номинация «Лучшему писателю» или поэту – выступи, а?!» Юра – директор – говорит: «Володя, у нас театр молодой, нам лишний приз не помешает». Он эти самые призы собирал, как смородину. А заявили они об этом потому, что полностью обнаглели.

Ибо уже на третьем году существования «Христофор» скопил бóльшую часть призов на последнем Всесоюзном конкурсе артистов эстрады. Скосили бы все, но москвичи, которые командовали всегда и всеми конкурсами и ВСЕГДА в них побеждали, никак не могли уехать домой с порожними руками, их бы в обратном поезде парализовало. Но факт, что провинциальный «Христофор» на то время был уникальным событием во всей огромной державе, и не его вина, что он был провинциальным. В этом коллективе, кстати, автор был его создателем, автором, режиссёром, художником по костюмам, музыкальным руководителем, хореографом... пожалуй, хватит. И у автора всегда была идея «побить Москву», что и делалось «Христофором» оптом и в розницу...

Естественно, автор тоже был слегка оборземши.

И вот мы едем в Ригу за пресловутым Кубком и не ниже. Автор склонился на уговоры артистов, написал специальные произведения, чтобы побить на голову пусть известных, но явно хилых конкурентов.

Приехали.

События развивались планово. «Христофор» с первого

дня обаял местную публику, ибо всегда был смешон и интеллигентен. Дошла очередь до писателей. Их было довольно много, как на тогдашний юмор. Понятно, что неумолимый отбор после каждого тура резко сокращал писательское поголовье, – так было всегда. И вот автор вышел в свою очередь, прочёл конкретное произведение, получил заслуженные аплодисменты и давай готовиться ко второму туру, а их три. Кстати, на первом же туре автор увидел в стане соперников худощавого мужчину неопределённой национальности, который читал стихи, и стихи те автору понравились. Оказалось, что мужчину зовут Игорь и он уже сильно известен в Москве. «Ну и пускай, – нагло подумал автор, – всё равно Главный приз у меня в кармане». И давай готовиться к своему второму антре.

Но случилось иначе. Случилось уникальное явление в деле конкурсов и соревнований.

Вечером накануне второго тура к автору подошёл знакомый человек, который был в жюри и который из всего того жюри один знал, что автор из себя представляет, ибо автор был-таки из провинции, – так вот он сказал, отводя взор в сторону: «Володя, тебя выкинули после первого тура, можешь лечь отдыхать». Ну, автор сильно, конечно, удивился. Оказывается, что остальное /московское, конечно/ жюри сказало: «Этот хлопец из Минска совсем сдурел: какая может быть сейчас публицистика, какие, к чёрту, призывы к свободе, к свету, – капитализм в ширинку дует!!» И выки-

нули автора с того конкурса, как паршивую свёклу... А автор-то говорил о том, что ему болело, и людям в зале тоже, — это был, напомним, 91-й год.

Ну, подумал автор, выкинули и выкинули! Не сильно и хотелось. Тем более что остальной «Христофор» на своей волне, то есть недосыгаемой. Автор уже на правах вольнослушателя посещал соревнование бывших соперников и видел, как поэт Игорь кладёт остальных буквально одной левой и получит Главный писательский приз, и поделом.

И вот финал. «Христофор», как и положено, получает этот самый «Кубок Райкина» и победу что ли в пяти номинациях. Под гром аплодисментов, ибо культурная рижская публика оценила, что можно быть смешным и интеллигентным одновременно. Что мог позволить себе лишь один их земляк с типично латышским именем Аркадий Райкин. Дальше объявляют победителей в номинации «Лучший литератор». Сидит Игорь И., он спокоен, у него уже дырка прокручена под лауреатский значок. Председатель /московского/ жюри говорит: «В данной номинации главный приз получает... Владимир Перцов, г. Минск!» Публика хлопает, удивленный автор выходит на сцену буквально в гостиничных тапочках, публика на это настораживается, но узнав, что это он командует «Христофором», прощает всё. У остальных участников глубокий вопрос: «Почему Перцов? Что такое Перцов? Где вообще этот г. Минск, кто его последний раз видел?!» Им говорят: «Это тот, которого выкинули после

первого тура; ну, который ещё говорил: "Поднять Россию с колен и поставить на попа!"»

Короче, скандал и кошмар!

А что выяснилось. Жюри, хоть и промосковское, наблюдало за остальным «Христофором» и спрашивало: «А кто им пишет тексты и вообще?» Выяснилось, В. Перцов. Что за Перцов? «Ну этот, – говорят, – который на первом туре спрашивал «чем мы думали?», за что нами справедливо изгнан, чтобы не путался под ногами с вопросами, мешающими восходить заре новой жизни». Но тогда у людей ещё были фрагменты и рудименты совести, и эта совесть велела им совершить поступок, беспрецедентный в истории конкурсов и ристалищ.

Больше автор Игоря И. не видел. Даже по ящику. Может, потому что не смотрит.

Раз второй

Итак, напомним, мы едем ночью по Минску с одним местным крутым на его же крутой машине, оба довольно сильно выпивши. И в крутой машине этого местного крутого звучит радио. Но не бухающая музыка, как можно подумать в это время суток и в этом состоянии хозяина, а – стихи. Оказывается, этот крутой любит стихи Игоря Иртеньева и много знает наизусть, – вот такие гримасы капитализма! И вот мы едем ночным осенним городом, в машине тепло, на душе то-

же, из динамика слышится приятный голос и хорошие слова. Да. И вот в какой-то момент автор с хозяином отвлеклись на разговор, но автор почти краем филологического уха что-то услышал. Что-то удивительное. Какое-то восхитительное словосочетание. И автор подумал: «Я, наверное, ошибся или почудилось». И сказал хозяину машины: «Остановите музыку! Остановите и отмотайте немного назад». Хозяин не удивился, он послушно отмотал. Оказалось, что автор не ошибся и не почудилось. Это было то самое волшебное словосочетание и звучало оно так:

«...колхоз – это вызов природе!..»

И тут автор заплакал от счастья и чужого таланта.

Кстати, после того триумфа въезд «Христофору» в Ригу был заказан. Он закрывал финальный концерт, публика не отпускала, и мы работали под их аплодисменты и под скрежет зубов организаторов. У них были свои резоны скрежетать. Автор – тоже лауреат этого собрания – стоит за кулисами, тут кто-то из артистов говорит: «Василич, мы споём напоследок «Девуцу красную», можно?» Автор легкомысленно говорит: «Валяйте!» Они спели, мы уехали в цветах и призах. Дома получили известие, что больше мы в Ригу ни ногой, мол, на границе отдан приказ стрелять на поражение.

А «Девуца красная» – симпатичная народная песня, а в исполнении нашего театра была вообще жемчужиной, розой на куче навоза, которую представляла уже тогда быстро перестроившаяся эстрада.

Солист:

– Девушка красная, уху я варила,
Девушка красная, уху я варила!

Хор:

– Уху я, уху я, уху я варила!.. И т. д.

Кстати, солидный в своё время «Кубок Райкина» вручался четыре, что ли раза. К двум из них автор имел прямое отношение: в 90-м году его получили авторские «Кролики», в 91-м «Христофор».

Хорошее было время...

Из сборника «Последний закон Ньютона»

Последний закон Ньютона

И вот, наконец, демократия победила.

Вот она уже стоит, и её можно потрогать за глаз. И никто уже и не вспомнит, как она хорошо начиналась.

А жаль, тогда происходило много поучительного и даже удивительного.

Короче, репортаж-напоминание с первых заседаний, например, украинского независимого Парламента. Вместо «украинского» по желанию можно подставить «молдавского», «российского», «азиатского». Они тогда все были похожи.

Итак, большое ярко освещённое помещение. В помещении полно как мужчин, так и остальных решительных депутатов. Депутаты так страшно любят независимость, что каждый второй готов целовать её взасос и отдать за неё жизнь, но всё нет подходящего случая. Обстановка в зале накалена, в воздухе стоит лёгкий чад перегретых мозгов. У Председателя под глазами синяки от недосыпа, более яркие – от мордобоя. То есть идёт нормальный законотворческий процесс.

Председатель сидит лицом к залу в окружении множества бумаг, говорит нервной скороговоркой:

– Панове депутаты, обстановка в нашей любимой Республике вам известна: Украина гибнет, погода неблагоприятная, жизнь короткая, до конца сессии осталось три дня, а нам ещё нужно принять 250 законов, три тысячи подзаконных актов, две Конституции и форму буханки национального хлеба! Кто за такой регламент, прошу голосовать!

Тут к микрофону в зале прорывается Крайне правый, которые бывают во всех цивилизованных Парламентах. Правый что-то кричит, размахивая над головой пиджаком.

Председатель:

– Нет, я вам слова сегодня не дам! И завтра не дам! И микрофон отключу навеки! От вашей фракции ничего конструктивного, кроме «топить жидов и вешать москалей!». Отойдите от микрофона! Оттащите там его за голову!..

Правого оттаскивают, Председатель начинает продолжать законотворчество – ворошит на своём кону председательские бумаги, что-то ищет. Страдальчески морщится:

– Поважные депутаты, на ваше рассмотрение выносятся... выносятся... чёрт его маму знает, что тут выносятся... Ага, вот оно! На ваше рассмотрение выносятся «Первый закон Ньютона»!.. Что-то название знакомое. Мы этот закон, случаем, не принимали? У кого память хорошая?.. Нет?! Ладно, читаю предлагаемый закон. «Всякое тело сохраняет состояние покоя или прямолинейного движения...» Точно

мы этот закон принимали, а когда?.. Короче, дальше по тексту! Призываю вас, панове депутаты, принять этот закон в первом чтении, прямо не читая! Кто «за», прошу голосовать!

Возле микрофона в зале возникает фигура депутата от Оппозиции:

– Оппозиции непонятно!

Председатель:

– Что вам обратно непонятно, только коротко!

Оппозиция:

– Коротко: чьё тело?

Председатель, нервно:

– Чьё тело?!

Оппозиция:

– В вашем тексте «всякое тело»! Чьё тело «всякое»?!

Председатель вздыхает, лезет в свои бумажки:

– «...состояние покоя». Значит, покойное тело, что непонятно?!

Оппозиция:

– То есть мы принимаем закон о покойниках?

Председатель сильно пугается этого слова, собирает с пола бумаги:

– Кто вам сказал, о покойниках... Да, о покойниках, как вы выражаетесь! Если мы пока не в состоянии ничего сделать для живого гражданина нашей независимой Республики, то мы просто обязаны, чтобы он почувствовал заботу об себе, когда покинул нашу независимую Республику по независи-

щим от неё обстоятельствам! Прошу меня не путать. Кто за – прошу нажать!

Но нажать не удаётся. Возле микрофона возникает кто-то из центристов:

Центр:

– Поважанный Председатель, поважанные паны депутаты, разрешите по существу. Тут в тексте сказано: «сохраняет равномерное движение». Вопрос к поважаной Оппозиции: куда может равномерно двигаться покойное тело?

Оппозиция, кричит с места:

– На кладбище, что непонятно, козлы?!

Центр, культурно:

– От козлов слышим! Это вашей фракции давно пора на кладбище! Вместе с вашим атаманом!

Сцепились. Председатель шарит по столу, чтобы в них бросить тяжёлое. Не находит, ибо всё тяжёлое давно брошено.

Председатель:

– Расцепите их там!.. Кстати, хотелось бы выслушать авторов закона! Депутат Ньютон в зале есть?! Что за фамилия такая, прости Господи! Опять нету?!

Возникает кто-то из либералов:

– Разрешите!

Председатель, кричит мученически:

– Давайте в темпе!! Мы принимаем только Первый закон Ньютона, а неизвестно, сколько у него ещё... У меня все бу-

маги перепутаны, кто-то явно ходил по столу, вот отпечатки ног!!

Либерал:

– Предлагаем наше прочтение рассматриваемого закона. Хочу напомнить, что согласно науке в природе существует три типа физических тел: мужское, женское, жидкое и газообразное. Итого – пять...

Председатель:

– Короче, ботаник!

Либерал:

– В вашем варианте «всякое тело сохраняет... состояние покоя... пока другое тело не выведет его из этого состояния». Так?

Председатель:

– И что?

Либерал:

– Ничего не понятно, ни черта! Но! Если вместо «всякое» тело мы подставим «женское» – можно голосовать!

Председатель тупо ворочает головой, как бы собираясь боднуть трибуну.

Либерал:

– Какое тело может вывести женское тело из состояния покоя?

Крик в зале:

– Давай, не томи!

Либерал:

– Предлагаем наше прочтение вашего закона: «Женское тело сохраняет состояние покоя, пока мужское тело не приводит его в состояние равномерного движения».

Председатель, тупо:

– Логично! А что скажут авторы закона?! Депутат Ньютон!.. Поважанные коллеги, кто последний раз видел депутата Ньютона и где именно?!

Поднимается дремучий мужчина в мятом пиджаке и соломой в причёске.

Председатель, радостно:

– О, депутат Ньютон. Давайте по существу.

Мужчина, хрипло:

– Я извиняюсь, я извиняюсь, я извиняюсь, я изви...

Председатель:

– Ты можешь по существу?!

Мужчина:

– Я слышу тут намёки про тело, я извиняюсь!

Председатель:

– Какое ещё тело?!

Мужчина:

– Депутатское тело, я извиняюсь!

Председатель, кричит:

– Вы кто такой, я извиняюсь?!

Мужчина:

– Депутат Лопата, 139-й приусадебно-избирательный участок! Да! Они нашли моё тело, а им даже спасибо не сказа-

ли! Месяц пролежало депутатское тело в городском фонтане, как цветок в пыли, а они тут намекают, сатирики, я извиняюсь!

Председатель:

– Так что вы хотите, конкретно?!

Мужчина:

– Вношу поправку в Конституцию: всякое депутатское тело не обязано ночевать в фонтане, как это принято в цивилизованных парламентах Азии, Африки и Латинской Армении.

Внеся поправку, депутат Лопата тут же стоя засыпает.

Председатель, срывается на жуткий крик:

– Панове депутаты! Клянусь, больше никому слова не дам! Сам попринимаю все законы к чёртовой матери!.. А? Что?.. Тут мне подсказывают, что депутат Ньютон уже умер. Наш коллега пошел от нас, а мы не можем договориться, чьё нам тело лучше: женское или депутатское. Позор!!.. Панове депутаты, прошу почтить память нашего товарища, депутата Ньютона Исаака... Кто мне подскажет отчество? Ладно, Ньютона Исаака без отчества почтить память принятием его Первого закона!

На «Исаака» вырывается Правый, что-то оттуда кричит.

Председатель, кричит:

– Да, Исаака! Да, еврея Исаака закон! Примем обязательно! Он всё равно выполняться не будет, а родственникам, может, будет приятно! Вырвите у него там микрофон! За-

бейте досками!.. Так, кто за первый закон еврея, прошу нажать на ньютона! Тьфу!

В проходе появляется большой конкретный военный.

Председатель, остывая:

– Армия просит слово.

Военный:

– Товарищи панове депутаты, я человек военный, поэтому у армии накопились вопросы. Например, перевод армейских команд на державную, я извиняюсь, мову!

Председатель:

– Например?

Военный:

– Например. Когда державные команды «Налива» или «Направа», «Стый» или там «Ура!» – всё понятно. Но бывают накладки. Возьмём команду «Раком руш!».

Председатель, на грани рассудка:

– Куда-куда?!

Военный, просто:

– Раком, извиняюсь! Приезжаю в часть, полковник командует державную команду, полк становится, извиняюсь, вот так, и в таком виде идёт торжественным маршем вместе с оркестром!

Председатель, дошло:

– Не «раком», а «кроком»! Шагом марш!

Военный, просто:

– Мы люди военные. Но нам понравилось. Особенно когда

женская дивизия, так другой раз смотришь, в каждом глазу по биноклю. Короче, у нас просьба этот вопрос решить. А мы – мы люди военные!

Председатель смотрит на часы, ужасается:

– Паны депутаты!! Закрываю прения к чёртовой матери!

Кто за первое женское тело, прошу нажать раком!!

Процесс голосования прерывает появившаяся решительная женщина.

– Уважаемые мужчины, прошу слова!

Председатель:

– Вы от кого?!

Женщина:

– Я от уборщиц нашего уважаемого Парламенту. У меня вчера было чисто! И позавчера было чисто. А сегодня у меня нечисто! Прихожу в мужской туалет, а в шестой кабинке через все двери написано, вот, читайте, я переписала!

Председатель громко читает:

– «Здесь седел Вова, 214 избирательный участок!» Владимир Семёнович, не прячьтесь! Вы член цивилизованного Парламента, а вы что в туалете пишете?! Разве «седел»?! Сидел!!

На «сидел» вновь вскакивает Правый, что-то оттуда кричит.

Председатель, безнадежно:

– Хорошо, я дам вам слово! Но если ещё раз услышу про топить жидов и вешать москалей!!!

Правый, спокойно:

– Паны депутаты, я не буду говорить про политику! Я буду говорить про экологию. Паны депутаты, Украина гибнет, реки мелеют, деревья сохнут. Если так и дальше пойдёт, **скоро не будет где топить жидов и вешать москалей!!!**

И тут, как говорится, началось.

А чем это всё закончилось – сегодня известно даже идиоту.

Как начинался капитализм

Лично для автора капитализм начался в поезде и некрасиво.

Было лето, над страной дул и мотал флагами ветер перемен. От него кое-что уже упало, кое-что громко крякнуло и рухнуло поперх упавшего прежде. А кое-что только крякнуло, необходимо накренилось и замерло в таком составе, раздумывая: так падать или потерпеть? Может, всё вернётся?

Не вернулось.

Надо признаться, что автор был вскормлен грудью развитого социализма. И нисколько об этом даже не жалеет, хоть грудь та была полупустой и снаружи – так себе. Но это сейчас автор не жалеет, а в то время диссидентствовал, жаждал перемен; стоя в строгой социалистической шеренге, несогласно и твёрдо сжимал в кармане фигу. Когда же шествовал мимо монументальных окон Комитета государственной безопасности /КГБ/ по ул. Владимирской, изображал на лице невыразимую благонадёжность. Ибо было, было, вызывали автора туда невыразительной с виду повесткой, и входил он в тяжёлые двери бледный, а выходил свободный, но Очень Встревоженный.

Было отчего.

И вот – свершилось! Новые ветры, новые слова, смелые сильные жесты, бодрые запахи свободы! Радуйся, народ! Ра-

дуйся, радуйся; и паки реку, радуйся!.. Да!

Но радость была недолгой.

Да. И вот в эти волнующие дни ехал себе автор из пункта А в пункт Б, то есть в родной Киев на верхней полке. На остальных полках ехало три человека мужчин. Они вошли в купе гурьбой, громкие, моложавые, энергические с редкими тогда портфелями-дипломатами. Это была зарождающаяся когорта людей, как их тогда называли, «при деле», хотя до легендарных малиновых пиджаков было ещё далековато. То есть пиджаки уже кроились, но клиенты, не дожидаясь, подняли временные паруса и дули на них в открытое море новой креативной жизни. И вот поезд двигался пока ещё по старым рельсам, соседи много и энергично говорили, часто одновременно, как бывает с женщинами. В воздухе так и мелькали тогда непривычные уху слова вроде «бартер», «лизинг», «СКВ» и проч. В купе буквально парило твёрдое слово «бизнес». Как бы гордый заокеанский стервятник, с криком согнавший с насеста нашу квёлую «птицу счастья завтрашнего дня».

Это была популярная тогда советская песня, предсмертная.

Потом эти трое, будучи пока ещё русскими, достали бутылку-другую, разложили закуску, вытряхнули казённые стаканы из жестяных подстаканников, налили, выпили за своё процветание – «просперити».

Сноска. Опытные помнят, что когда в купе мужская ком-

пания собиралась выпить, а присутствовал посторонний, его вежливо приглашали разделить праздник. Это был неписанный и никогда не нарушаемый наш закон: тебе культурно приглашают, ты хорошо отказываешься – мы друг друга уважаем.

Так было на ж/д путях со времён братьев Черепановых, кто знает.

Но в тот момент в этом правильном порядке что-то лопнуло. Эти предтечи, эти барабанщики и знаменосцы новых громокипящих дней выпили по второй, по третьей; громко закусывали, говорили ещё громче, хвастались вообще с надрывом. При этом НИ РАЗУ НЕ ПРЕДЛОЖИЛИ ПРИСУТСТВУЮЩЕМУ ЧЕЛОВЕКУ, ТОЖЕ МУЖЧИНЕ, РАЗДЕЛИТЬ ТРАПЕЗУ!!! Взамен они зычно радовались перспективам, ругали новую власть, торопливо хохотали. Человек с цыганскими золотыми зубами радостно делился, как он перегнал по телефону на чей-то адрес вагон сахара, заработав, угадайте сколько баксов?

Много, оказалось, баксов. И всего за 10 мин.

Автор наблюдал сверху это пиршество бизнес-разума, видел их прореженные макушки – будущую бытовую плешь, нюхал запахи чужого застолья и с глухой тревогой понимал, что наступает что-то непонятное, неправильное, некрасивое.

Что-то не наше!

Что впоследствии трагически подтвердилось.

В общем, для автора эта сцена была как бы визитной кар-

точкой новой чужой жизни.

Но Господь не посылает испытания свыше сил. Поэтому любяще послал такую же карточку, но уже в юмористическом преломлении.

Итак, зима, глубокий вечер.

Мы сидим вчетвером в мастерской друга-художника по имени Лёня. Мастерская небольшая, тёплая, невероятно уютная, что с мастерскими случается редко. Мы сидим вокруг накрытого стола, а столом служит чертёжная доска. Доска поставлена на табурет; правильная доска, украденная хозяином в... Короче, там, где её уже нет, такой необходимой в чертёжном деле, такой списанной рачительным завхозом с ещё десятком полезных в домашнем быту предметов.

Раз всё равно её не вернёшь...

Доска застелена свежими чистыми газетами. В газетах волнующие рассказы наших корреспондентов с мест о первых, трогательных ростках капитализма. Поверх газет расположился небольшой гастрон из початых консервов, хлеба, разнокалиберных рюмок и проч. Мы сидим вокруг этого скромного пира, за тёмными ночными окнами посвистывает что-то вроде вьюги, от этого внутри ещё теплее и душевнее.

Течёт неспешный разумный разговор.

Конечно, говорили о происходящем в стране, о новых передовых временах. Повторяли услышанные инде примеры молниеносной наживы. Думали «а чем мы хуже?», закусы-

вая мятыми бочковыми огурцами... Вот, вспомнилось. Тогда вдруг возникли кооперативы. Помнится, от них ждали чуда. Газеты, помнится, несли благоухающую весть, мол, кооперативы возникнут, окрепнут и быстро-быстро насытят потребителя. Насчёт «насытят» тогда это было актуально, достаточно было, например, посмотреть на наш праздничный ассортимент, расположенный поверх бодрых газет. Но чуда не произошло. Кооперативы возникли и быстро-быстро насытили друг друга на глазах изумлённого потребителя, которого по-прежнему выписывают из больницы с самым точным в мире диагнозом: «отмучился»!

Это автор в те времена так посылно юморил, выполняя наказ «прощаться с прошлым со смехом», как на то упорно нас нацеливали организаторы и стратопедархи будущих сокрушительных побед.

Сноска. Боже мой, каким же автор был дураком, вопиющим!

Но это выяснилось позже, а пока мы сидим в тепле, вспоминаем хорошее, надеемся на ещё лучшее; что-то неясно предчувствуем, располагая жить именно вечно.

Хозяин мастерской Лёня вспомнил, как некогда халтурял на одном заводе под Киевом, рисовал наглядную агитацию. И рассказал о бытующем там диковинном способе поощрения трудящихся.

Сноска-2. В те давние социалистические времена где-то наверху сидела группка людей, которые придумывали спосо-

бы, чем ещё подтолкнуть трудящихся на амбразуру трудового подвига. Проще говоря, как заставить этих сволочей-трудяжеников работать страстней, при этом не столько им платить, сколько отделаться улыбкой или треугольным вымпелом под такое же рукопожатие. Эти нанятые люди придумывали всякие трудовые движения, и почины, и начинания, и «бригады коммунистического труда», и «Люби пятилетку – мать твою!», и проч.

Сегодня они успешно работают в рекламе.

Да. А завод, где халтурял Лёня, был не просто завод, а имел впереди волшебную приставку «спирт». Полностью: Спиртзавод им. Чкалова. Или Юлиуса Фучика, или им. Дерсу Узала. Тогда не скупилась присваивать чужие имена фабрикам и заводам, лишь бы человек хороший.

И вот – рассказ Лёни про удивительную форму поощрения трудящихся и их передовиков.

Форму фантастическую, хоть и вполне в духе того времени.

Например, на общем собрании завода объявляется, что за работу и беспробудный труд водитель электрокара Шкуро М. С. награждается Большой почётной грамотой! Шкуро выходит, получает Грамоту, смахивает ею признательную слезу. А доводчица Михалюк Лена Ивановна награждается бесплатной путёвкой и немалым букетом полевых роз. Лена Ивановна получает цветы, берёт путёвку, смахивает букетом стакан со стола президиума, думает: «Лучше бы дали день-

гами, сволочи». А слесарь-сборщик ящикотары Ягайло Мирон как самый преданный производству награждается «МЕСТОМ ПОД БАНКУ»!

Конечно, и автокарщик Шкуро, и доводчица Михалюк, и каждый из иных награждаемых сопровождался тёплыми подбадривающими улыбками, товарищескими аплодисментами. Но самый большой авантаж и восклицания коллектива получал, конечно, Ягайло Мирон Йосипович, кавалер «Места – Под – Банку».

Что же это было за Место такое?

Волшебное, горячо чаемое место!

Дело в том, что готовая драгоценная продукция завода / спирт/ доставлялась до места хранения и дальнейшей транспортировки отнюдь не вёдрами, что было бы ужасно в последней четверти XX века, а по нержавеющей трубам. Те трубы, естественно, имели стыки-сочленения. А сочленения были сделаны кем? Правильно, своими же передовиками из сэкономленных у себя же материалов. Поэтому они естественно-исторически протекали.

Стыки, конечно, а не передовики...

Ну, «протекали», сказано ярко... Капали. И вот, по рассказу Лёни, под этой негромкой, но неуклонной капелью прикреплялись именные стеклянные банки, куда и собирался этот нектар наших лесов, полей и химических рек. Когда банка наполнялась, её хозяин опрокидывал содержимое в более личную ёмкость. Гордо и беспрепятственно нёс её

через проходную, шагая с работы устало. Конечно, эта награда не могла быть пожизненной и не была. Рано или поздно содержимое призовой банки валило обладателя с прямых ног, вследствие чего «Место под банку» передавалось более устойчивому. И т. д. И вообще, по наблюдению умного Лёни, на том заводе был расцвет демократии, равенства и братства. Поэтому, например, банки заводского руководства были зарегистрированы на подставных передовиков.

Боже мой! Каких только чудес не было в той, не знающей своего счастья стране!

Да. Вот в таких и иных хороших воспоминаниях протекала та тёплая во всех смыслах встреча в давней зимней мастерской. Однако по незыблемому закону подлости в самый апогей нашего скромного счастья закончилось горячее. Разговор сбился, начал тормозиться, затем пробуксовывать, затем буксовать. Затем он буксовать прекратил, поскольку остановился вовсе. Естественно, возник естественный вопрос: так что? В смысле, что ли, так и разойдёмся – ни туда ни сюда? А если нет, то куда бежать, ибо на часах половина двенадцатого зимней ночи, в окна ударяют снежные снежки! Но, кроме мрака полуночи, был ещё один мрачный пункт: на дворе уже действовал гнусный сухой закон, медленно, но верно иссушающий некогда пышное древо пьянства, самогонварения, а заодно вот такое тёплое человеческое общение. То есть ситуация обрисовывалась популярным в то время словом «глухо». Но тут кто-то вспомнил и воскликнул:

«Друзья, вы забыли формулу «товар – деньги – товар»!» «В смысле?» – спросили мы. «В смысле, – сказал этот кто-то, – что зреет капитализм, поэтому говорят, что на Крещатике табачный киоск выкупила группа пенсионеров, в смысле акционеров, и торгуют там водкой. Дорого, но круглосуточно».

А звали сообщившего ту хорошую весть тоже подходяще: Давид.

Ему, конечно, не поверили, ведь тогда капитализм ещё только бродил в умах. Однако Давид напомнил нам раздел из курса политэкономии, где утверждалось, что капиталист, по меткому выражению его лютого врага К. Маркса, мать родную кокнет, только чтобы получить пресловутую прибавочную стоимость. Не говоря уже об поставить горемычную старушку торговать водкой ночью на морозе.

В общем, хозяин мастерской остался сторожить свои холсты и подрамники, а мы втроём пошли по туманному адресу. Было сказано, что ночной бизнес происходит в киоске, что в конце Крещатика. Спустились на Крещатик, тут же замёрзли. Самый юный из нас по имени Олег Степанович настаивал, что у нормальной улицы обязательно должно быть два конца; в какой из двух будем двигаться? И правда. Крещатик-то улица, обычно не очень длинная, но не такая уж и короткая, особенно если зимой, особенно против ветра. Умный автор придумал: надо разделиться. Одни пойдут к Бессарабскому рынку, остальные – в направлении филармонии. В результате он обязательно попадёт в наши сети. Ки-

оск. Остальные автора охладили, доказав с цифрами в руках, что в этом случае придётся разделить и деньги, а денег было как раз в один конец. Решили положиться на счастье. Олег Степанович сказал, что последнее время ему везёт, как утопленнику, особенно в метро, поэтому предлагаю идти направо.

Его выслушали и немедленно повернули налево.

Ночной зимний Крещатик напоминал Петроград, как его показывали в фильмах про революцию: темно, пусто, мороз. Ночной ветер гонит через улицу языки снега, раздувает полы революционной шинели, сечёт снегом, разматывает ленточки на матросских бескозырках. Все эти прелести мы испытали на себе, ибо идти пришлось против ветра. Воротники подняты до бровей, оттуда поднимается пар стылого дыхания, руки засунуты в карманы по самые подмышки. «Я же говорил, направо», – глухо ругался Олег Степанович внутрь шарфа, но его никто не слышал, шли уже из принципа. Было немного страшно, знакомые здания и строения были тёмными, плохими и незнакомыми. Вспоминались случаи начинавшихся разборок и непривычной ещё в то время стрельбы по движущимся людям.

Куда мы идём, зачем, кто сказал, что там продают; может, вернуться назад, в тепло?

Разговор не клеился. Потом снова склеился, когда самый внимательный, хочется думать, автор вспомнил, что как раз по центру улицы есть старый табачный киоск, может, речь

о нём?! Все тут же вспомнили популярный киоск на легендарном углу Крещатика и Прорезной, тогда ещё Свердлова. Устремились туда. А вон и он – довоенной архитектуры, известный с курительного детства киоск, тяжёлый и коричневый. Сейчас он стоял ещё более мрачный, похожий на старый заброшенный склеп. Не хватало лишь луны, освещающей кладбищенский погост сквозь рваные бегущие облака. Обошли киоск вокруг – гробовой мрак. Поковыряли ногтем стену, покрытую сотней слоёв неизменно коричневой краски. Поругались в эту жизнь, перестройку, в автора – подателя идеи.

Нужно было отступить.

Начали отступать, нехотя. Вдруг кто-то заметил под окошком полосу света, узкую, как лезвие. Показалось. Нет, не показалось, ага – внутри есть жизнь! Постучали. Тишина. Постучали в три кулака. Окошко слегка приоткрылось, ровно, чтобы пропустить человеческий голос. Голос спросил, сколько? Ага! Мы спросили, почём? Сговорились. Окошко приоткрылось больше, как раз чтобы пропустить внутрь деньги. Быстро закрылось. После томительной паузы оно приоткрылось на ширину ружейного приклада, выпустило наружу бутылки с дорогим содержимым, тут же захлопнулось. Наше интеллигентское «спасибо» ударилось о замёрзшее стекло, отскочило и откатилось в сторону подземного перехода.

Где и сгнуло.

Но мы были не в претензии. Мы оживлённо распределяли товар по карманам, понимая, что участвуем в новых, не устоявшихся пока формах обслуживания. Тут, извините, не до культурных условностей. Тут бы быстрее домой!

И вот когда мы уже развернули лыжи в сторону покинутого стойбища, произошло нечто, что помнится до сих пор. Вдруг из темноты выросла человеческая фигура. Эта фигура как бы сгустилась из мрака, явно мужского пола, невнятного роста, неразборчивого во мгле вероисповедания. Озадаченные, мы остановились. Сильно озадаченные. Человек бесстрашно приблизился к нам вплотную и задал нам странный вопрос. Застигнутые врасплох, мы ему кое-как ответили. Выслушав ответ, человек промычал нечто застывшим голосом и сгинул. Он мгновенно слился с темнотой или растворился в ней, как бы ушёл в мрачное параллельное измерение. Всё произошло так быстро, что мы проводили его с его странным вопросом в его измерение и тут же как бы забыли.

Помнится, пар у него изо рта не шёл.

Возвращались назад бодро, как с урока физкультуры. Энергично хвалили прибавочную стоимость, мудро заставляющую человека мать родную... в смысле заставляющую людей сидеть страшной зимней ночью в непригодном для такого дела помещении и предлагать ищущим своего нехитрого счастья их нехитрое счастье. Город не казался таким уже страшным и забубённым, обретенные горячитель-

ные напитки горячили прямо через стекло.

Ветер дул в спину.

Поднялись в мастерскую, прослушали возгласы радости со стороны заскучавшего хозяина Лёни. Потеряв надежду, он уже начал демонтировать стол, а тут – мы трое, живые, практически с песней на негнущихся устах! Стол тут же восстановили, расселись вокруг, налили, преломили хлеб. Костёр беседы снова вспыхнул, осветил, согрел остывшую впопыхах душу...

Молодец автор, красиво, хорошо сказал!

И вот мы снова вместе в половину второго ночи. Всё позади. А впереди ещё полночи в кругу хороших разумных людей. Прерванный хороший разговор начался почти с новой силой. Однако из головы автора не выходил человек из ниоткуда. У соседа /Олега Степановича/ на лице было то же сомнение. Он первым обратился к автору с осторожным вопросом:

– Вова, а это... к нам возле киоска никто, это... ну, не подходил? В смысле ты никого там не видел, вспомни!

– Помню, – ответил автор, подумав, и осторожно справился: – А что?

Третий /Давид/ отставил руку с невыпитой рюмкой, замер, прислушиваясь к нашему переговору.

– А что он сказал, этот человек, не помнишь? – снова осторожно спросил спрашивающий Олег Степанович.

Повисла пауза.

В общем, после тройного перекрёстного допроса к великому облегчению выяснилось, что нет, не показалось, мы не стали жертвой массового гипноза или отравления – мы видели и слышали одно и то же.

– Так что там случилось? – допытывался хозяин Лёня, которому, может, было обидно, что все вокруг понимающе кивают, облегчённо вздыхают, улыбаются, а он один стоит недоумевающий с наколотой на вилку закуской рыбкой.

Как Робинзон Крузо с выловленным в океане канадским долларом.

Естественно, ему, хорошему художнику и человеку, рассказали в красках про поход и добычу, и про мистическое явление человека из мрака, и про его странное предложение.

Мудрый Лёня – старейшина того памятного застолья – поудивлялся вместе с нами, потом наполнил рюмки и сказал:

– Поздравляю, друзья, вот и наступил капитализм!

В конце этой небольшой правдивой повести автор хочет спросить любезного читателя:

– Любезный читатель, что мог спросить человек у трёх неразличимых в ночи мужчин зимой, на продуваемой ветрами улице пустого, дичающего уже тогда огромного города?

После небольшой паузы отвечаем: возникнув из какого-то нового измерения, он негромко, как бы не для посторонних ушей, сказал:

– Ребята, утеплённый линолеум не нужен?

Так выпьем же за прибавочную стоимость, заставляю-

щую человека пренебрегать законами природы, мироздания
и просто законами!

А паразиты, как говорится, никогда!

Пост № 1

Было некогда в нашей бывшей великой стране патриотическое явление – Пост № 1.

Находился этот Пост аккурат у входа в Мавзолей и состоял из двух вооружённых часовых. Он состоял как бы из двух смертных, сторожащих одного бессмертного. С примкнутыми штыками. Потом этот Пост переместился к могиле Неизвестного солдата, да и остался там навечно. Как бы убедившись, что бессмертный уже никуда не убежит.

Речь здесь пойдёт про старый Пост № 1, где в своё время случилось небольшое, но памятное для многих приключение.

Особо памятным это приключение оказалось для:

– рядовых Полещука и Туркени – военнослужащих срочной службы и сержанта-татарина их Асхата Бахтиярова;

– Алика Гликмана – артиста погорелого театра;

– Утелены Львовны Брик – старой коммунистки-ленинки и друзей её – старых и не старых большевиков с большевичками числом восемь. Или одиннадцать;

– двух безымянных девушек-лимитчиц, которые легко отделались.

Пожалуй, и всё.

Глава 1

Это случилось, когда в бывшей великой стране наступили новые времена.

В ухо уже дул холодный ветер перемен, в другое дули бодрые звуки новой жизни. Иногда они объединялись, дули в одно ухо, тогда страна накренилась и черпала бортом воду; шатались и раскачивались устои, жители цеплялись зубами за ванты и соломинки; в телевизоре мелькали молодые пакостные лица с новостями, мол, тоном, друзья, теперь уже точно конец, как в песне:

А море чёрное ревело и стонало.

На берег рушился, гремя, за валом вал.

Как будто море чьей-то жертвы ожидало.

Стальной гигант кренился и стонал.

Были, были жертвы, но меж тем держава крепилась. Например, Ленин по-прежнему лежал в Мавзолее, простой и навечно выбритый, как бы якорь старой жизни. К Мавзолею всё ещё выстраивалась очередь из любопытных или самых отпетых. Последние приходили регулярно и в тупой надежде, что однажды вождь не выдержит, прохаркнется, густо сплюнет – да как гаркнет голосом богатырским, да как свистнет посвистом молодецким, да как... Короче, рухнет поганая демократия, засучит ножками в неокрепших штанишках –

тут и сказке конец! И тогда они – упорные – возьмут хлеб-соль и выйдут встречать прежнюю Жизнь, Порядок и Старые Деньги, поя:

*Лишь мы, работники всемирной
Великой армии труда,
Владеть землёй имеем право,
А паразиты – никогда!*

И т. д. А как перейдут на третий куплет, все паразиты уже будут лежать рядами, как спички с оторванными головками: спикеры, олигархи, копирайтеры, служители культа, девы-писательницы. А особо – чёрные риелторы и бизнесвумены!

Как предупреждение будущим поколениям.

Но не поднимался вождь, не гаркал голосом богатырским, не свистел посвистом молодецким! А лежал, строго говоря, в гробу в костюме при галстукe и, похоже, смирился. Вот и почётный караул хоть и печатал шаг по-прежнему, но уже не слышалась в той поступи сталь – проклятая демократия раскрыла пасть и заглушила все остальные благоразумные звуки! Потому и неспетый Интернационал стоял колом в горле – ни туда, ни отсюда.

Как пресловутая кость.

А однажды во вторник двери Мавзолея и вовсе закрылись. Буквально перед носом у женщины с Каширки с двумя детьми. В прессе объяснили, что Мавзолей временно закры-

вается по техническим причинам. Очередь терпеливо вздохнула и, к великому ликованию подрастающего поколения, перекочевала к модному «Макдоналдсу». Тут же пошли слухи, что никакие это не технические причины, что дорогое тело собираются вынести наружу и зарыть на Немецком кладбище. То есть вульгарно предать тело земле, а помещение отдать детям под утренники. Будто мы с вами, товарищи, маленькие и не понимаем, каким детям и под какие утренники с подземным казино и сауной! Другие кричали, что никто никого не собирается закапывать, просто наши хотят получить с вождя последнюю корысть. Мол, революционная Венесуэла даёт за тело Ильича пароход кокосов для политической элиты. Но, мол, вопрос застопорился. Мол, наши оскорбились, крича, за вождя мирового пролетариата – пароход с кокосами?! Это знаете что?! Дайте хотя бы два парохода! А сбоку, мол, им подсказывают: «и не кокосов, а кокаина!» – «Да, именно! А то, мол, это будет не обмен, а политическое дежавю!» Тогда как раз в моду входили всякие резиновые слова, и это «дежавю» вставляли даже в аптекарские рецепты или называли новорождённых котят.

Тогда же на защиту дорогого тела организовался Комитет во главе с Утеленой Львовной. Это её папа так сокращённо назвал: Утелена. Полностью: «Утеха Ленина». Комитет постановил ночью дежурить у Мавзолея, чтобы эти сволочи тайно не вынесли Ленина вон; потом его ищи-свищи! Учредив такой план, комитетчики ещё раз общо прокляли

демократию и её аггелов, спели «Вихри враждебные», «Наш паровоз». Разошлись, выпив вина и установив график дежурств, крепко жмя на прощание мужественные руки.

Как при царе после маёвки!

Но время шло, страсти улеглись. Видя, что на Пост № 1, хоть и запертый изнутри, исправно ходит почётный караул, многие успокоились и занялись мелкой торговлей с рук. Лишь горячая Утелена с десятком таких же отпетых устраивали к Мавзолею внезапные ночные наскоки. Потом и они затихли, оставляя дежурить по одному ночью, чтобы если там что зашевелится, чтобы свистел всех наверх.

Глава 2

И вот в это тревожное время служили в знаменитом Кремлёвском полку белорус Туркения и хохол Полещук. И надобно случиться, чтобы военному служащему Туркение аккуратно стукнуло 20 лет аккуратно 20 июня – приятное совпадение. Он приготовился отметить его с боевыми друзьями, и мама для этого прислала кое-что из Белоруссии, и всё было хорошо. Но как раз накануне ему командуют: ночью заступишь на пост вместо Аكوпова! И попробуй послушаться. Своё горе молодой Туркения поведал старослужащему Полещуку, с которым судьба поставила его на ночную вахту. Полещук считал дни до дембеля, поэтому часто фотографировался на память. Услышав горе Туркении, он прервал это дело и сказал

коротко: «Не волнуйсь, отметим!» И добавил: «Это тебе не раньше!»

Собственно, история начинается с момента, когда разводящий Бахтияров забрал старый караул, и они ушли восвояси, печатая по брусчатке знаменитый кремлёвский шаг, по ночному делу как бы с глушителем. Новый караул в лице Полещука и Туркени замер у почётного входа, задрав подбородки, и верилось, что врагу не гулять по республикам нашим. Во всяком случае, пока они на посту.

Куранты показывали 02 часа короткой летней ночи.

Как только старый караул скрылся за углом, Полещук опустил подбородок и открыл двери Мавзолея ему известным способом. Они с Туркенией проникли внутрь, спустились в помещение. Там был холодный полумрак, дальше в гробу лежал вождь мирового пролетариата Ульянов /Ленин/. Был он в пиджаке и ботинках, прикрыт до половины красным флагом, как бы патриотической простынёй. Лицо Ульянова /Ленина/ глухо белело в сумраке.

– Стой здесь, – велел Полещук. – Я включу свет.

Вспыхнуло неяркое освещение. В помещении стало немного теплее и страшнее.

– Товарищ сержант, – проговорил робкий Туркения, стараясь не глядеть на белесое лицо вождя, – а вдруг он оживёт и вспомнит?

– Мы тоже сперва боялись, – невнимательно ответил Полещук, добывая из тайника стаканы и раскладывая на бор-

дюре старую газету. – О, и сало принёс?! Молодец, Туркения, хорошая смена растёт! Правда, товарищ Ленин?

Посмотрели на молчаливого вождя.

– Молчит, – констатировал Полещук. – Всегда молчит! Но однажды поднимется – и как скажет!! Только я уже буду на дембеле! – радостно закончил он.

Разлили мамин гостинец по стаканам.

– Ну, – сказал Полещук, – о хорошем: мне до приказа осталось 26 дней, а тебе, Туркения?

– Пятьсот тридцать восемь... уже семь, товарищ сержант!

Полещук пошевелил толстыми губами, как бы намереваясь досчитать до пятисот, затем плюнул.

– Туркения, – сказал он очень искренне, – я бы на твоём месте повесился!.. Ну, за вышесказанное!

Выпили. Полещук покрутил головой, заглянул в пустой стакан, снял фуражку и ещё раз покрутил головой. Как бы в облегчённом варианте.

– Ух, х-хорошая! У кого брал?!

– Мама делала, – пояснил простодушный Туркения. – Называется «Пой, петушок!».

– Кто называется?

– Это дедушка Михась любит каждому сорту давать имена. Ещё есть «Бей, барабан!»... Да разных много. Только «Барабан» идёт на экспорт. У нас его поляки покупают, потом клеят свои этикетки и перепродают немцам. Только у них называется уже не «Бей, барабан!», а «Катастрофа гума-

нитарна», и на этикетке пароход вверх ногами.

– А чего тебе её не прислали? – спросил Полещук, заедая с газеты. – Катастрофу эту?

– Для «Катастрофы» нужна специальная закуска, – сообщил Туркения. – Простая закуска от неё не защищает. – И пожаловался: – Поляки покупают у нас по 10 злотых, а немцам продают по 50 марок, сволочи!

Поругали поляков. Полещук вспомнил, что Ленин тоже никогда не любил поляков. Бывало, не пропустит случая, чтобы не погнаться за поляком и не ударить по спине палкой. Без палки и не гулял.

– Ну, – сказал Полещук, – за тебя, Туркения, выпили. Давай выпьем за него. Если бы не он, на земле не было бы мира, а были бы одни поляки!

– Можно я стихи про Ленина скажу, я в школе запомнил.

– Давай, Туркения, дуй стихами, я люблю! Если стоящие – запишу в дембельский альбом!

Туркения поднял руку со стаканом, посмотрел на крытого кумачом вождя и сказал прозой:

– Товарищ сержант, – сказал он. – Гляньте, он смотрит!

Полещук повернулся в сторону лежачего вождя и онемел – на бледном лице вождя буквально горели два глаза. И глаза те, нехорошие и немигающие, были устремлены прямо на них.

В этом месте занавес временно закрывается.

Глава 3

Некто Алик Гликман служил артистом в одном погорелом театре и не блистал там ничем. То есть блистал, но не талантом, а большой лысиной, чуть не с восьмого класса средней школы и благодаря которой, кстати, пользовался нелогичным успехом у озабоченных одноклассниц. А ещё в гриме он был страшно похож на вождя мирового пролетариата. Его, собственно, за это в театре и держали. А ещё Алик был юмористом-хохмачом. Например, однажды после премьеры мюзикла «Да Ленин всех вас передушит!» они со Стасиком, исполнявшим роль Дзержинского, надрались в театральном буфете, а затем пошли в город «водить козу». В костюмах и гриме. И конечно, нарвались. Любопытно, что Стасика-Дзержинского никто не узнавал, хотя был он тощий, в знаменитой шинели до пят, и даже в двух местах размахивал крашеным бутафорским наганом, требуя революционной законности. Законность он требовал от швейцара одного из ресторанов, в который их с Лениным не пускали, якобы Дзержинский без галстука. Стасик, войдя в образ, размахивал револьвером перед носом швейцара, на что тот покорно моргал, говоря: «Без галстуков не положено!» Алик Гликман мерил пространство перед входом мелкими ленинскими шажками, ругал швейцара «иудушкой» и кричал: «Театр! ты понимаешь, скотина, что такое театр?!» Пока рассвирепевший

швейцар не отодвинул Стасика-Дзержинского вместе с револьвером, спустился к Ленину, взял его за жилетку и громко крикнул в лицо: «Какой театр?! Ты же сам говорил: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино»! Говорил, вспомни?!» И пихнул вождя в грудь.

Вождь упал на мокрый асфальт.

– Стгелять, – кричал он, лёжа на спине, суча ногами в казённых штанах. – Стгелять всех, как бешеных собак!

Поднявшись на карачки, он сбился с мысли и предлагал стрелять всех, как бешеных кур! Короче, и в милиции сильно удивлялись живому Ленину, а у Дзержинского даже наган не отобрали, какой факт добил его окончательно. Потому что перед этим и в троллейбусе все показывали пальцем не на него, а на Алика-Ленина, хотя Дзержинский совал водителю в зубы пресловутый наган, пытаясь экспроприировать выручку.

– Какая тебе выручка, скотина?! – отбивалась немолодая женщина-водитель. – Отойди, говорю, а то звездану ключом! Дай на Ленина полюбуюсь! Может, я ему сейчас на дочку с зятем пожалуюсь!

Короче, вытурили Феликса Э. Дзержинского из отделения взашей, а Алика задержали до утра, чтобы показать это чудо-юдо начальству.

Потом вызывали, конечно, Алика куда следует, и имел бы он для себя плохие новости, но уже ударили новые времена, когда сам чёрт не мог бы твёрдо сказать, кто такие эти Маркс

и Ленин. Одни пишут «братья – продолжатели», на соседней странице написано «два душегуба», на третьей просто изображена голая девчонка без трусов... И кому верить?! Вот Алика и отпустили ни с чем, как бы в залог грядущей демократии. А Стасик-Дзержинский с тех пор заимел на Алика крепкий зуб, ожидая момент, чтобы ему подгадить.

Да всё не подворачивался случай.

Глава 4

Меж тем новая жизнь текла своим подлым чередом, подкидывая сюрпризы один гадостней другого.

Например, ни с того ни с сего в страну догорающего социализма решила прибыть делегация одной третьесортной братской страны. Возможно, сдуру. Нашим только этого не хватало. Наверху долго спорили, принимать побратимов или объявить неприлетную погоду. Постановили: делегацию принять, своей нужды наперёд не знаешь! Но тут заминка: делегация приедет, по ритуалу захочет поклониться основателю мировой перспективы, а на Мавзолее записка: «Извините, тело на реставрации». Какие же мы после этого материалисты? Короче, решили на самом верху, покажем братьям революционное тело, и пускай себе учёные ремонтируют дальше.

Но беда не ходит одна.

Когда наши велели приготовить тело к просмотру, им про-

кричали в ответ в трубку: «Какое тело, соображайте! Тело уже расфасовано по специальным ёмкостям!» Наши отсюда кричат: «Показ тела – идеологический гвоздь программы, вы там думаете чем-нибудь?» Те оттуда кричат: «Мы можем за просто выставить Ленина на обозрение, но в таком виде наши друзья могут поменять политическую ориентацию, или вам мало врагов?!» И так далее, в духе крепнущей демократии. Повисла тяжёлая пауза. Что будем делать, товарищи?!

Неизвестно!

Но ведь не дураки там столько лет сидели, врагам на страх! Кто-то помоложе подумал и сказал:

– Разрешите обратиться? Нужно подложить живого Ленина!

– Кого живого?!

– В смысле дублёра! Они же его нюхать не будут. Полюбуются – и на банкет.

– Да, – поддержал кто-то, жалея, что это не он придумал. – Главное, чтобы не пошевелился!

– И пускай шевелится, – продолжал гнуть предложивший. – Пускай! Он шевельнётся, а мы скажем: «Хорошая примета! Ленин шевельнулся, значит, приедете ещё». Вроде монетка в фонтан!

Покрутили старики-генералы сивыми головами, повздыхали, пожалели об старых порядках – выхода не было. Но велели, чтоб без шевеления, не то сами рядом ляжете! Мол, и без вас тут полно гадов и экстрасенсов!

Но беда не ходит одна-2!

Легко сказать, дублёра! А где его взять?!

Стали искать. Дублёры случались, конечно, но какие-то дикие. Один похож, но пугливый, сказал: «Не лягу, и всё! У меня на нервной почве скапливаются газы, а выходят с шумом». У другого Ленина оказалось росту метр девяносто восемь, впопыхах не придали значения. Обратили внимание, лишь когда везли в Москву, а пассажиры ругались, спотыкаясь об торчащие из купе две огромные ноги 47-го размера в украинских чунях! Бомжа в Ярославле отловили – вылитый Ленин, но так и не отмыли. Он сквозь толстый слой щёлочи и мыла так вонял дохлой рыбой, что опытные сотрудницы приводили знакомых срывать беременность, – тогда каждый зарабатывал как мог. И так далее. А сверху между тем интересуются: когда смотреть?! Наконец, звонят из Новгорода: тут шлифовщик Семёнов всем вам подходит, только лысина плюгавая. Ничего, подбрили, положили в гроб. Похож! Ура, товарищи, спасибо всем! Но этот Семёнов подсунул большую свинью. Дело было в пятницу к вечеру, смотрины для начальства новому Ленину решили сделать в понедельник. Разъехались. Семёнов бесстрашно обжился в помещении, потом заскучал без табака, пошёл за привычными приключениями и заплутал в кремлёвских катакомбах. Кинулись утром в понедельник: гроб есть, знамёна на месте – Семёнова нет! Давай спрашивать опытных, где его тут можно искать? Опытные сказали, нигде! рассказав неопытным

рассказ о том, как когда ремонтировали Мавзолей, инженер вот так пошёл вниз и вернулся только через 11 лет, женатый на гречке, в смысле гречанке. А как он пересёк столько границ под землёй, не знали и сами опытные.

А время меж тем подпирало, уже погоны начали трещать на ответственных плечах, когда один майор вспомнил про Алика. Алик, конечно, для начала покобенился, но его быстро урезонили; в той организации и не таких урезонивали – навык сохранился. Короче, положили его на место, укрыли кумачом. Открыл Алик глаз, видит, на него уставились люди в белых халатах, открыл второй – смотрят люди в громадных фуражках. Закрыл оба, слышит, ему велят не дышать, сколько может. Замерили. Спросили у Главного по встречам: «Уложите с прощанием?» «Уложимся, – сказал Главный, с любовью глядя на лежачего Алика, – только он у вас сильно красивый! Вот если бы его как-то не то, что придушить, а как-то временно...» Тут Главный пошевелил пальцами, как бы показывая степень Аликовой нейтрализации: не совсем, конечно, но и тем не менее!.. Глядя на его пальцы, Алик сильно пожалел, что не похож на тётю Броху, свою тощую и сволочную гротескную, но ему подмазали белым нос и брови и снова велели не дышать. «Другое дело, – сказал Главный и резюмировал: – Этот даже лучше, только стерегите». А чего лучше, Алик так и не понял, отходя от испуга и обживаясь в саркофаге, как царевна-лебедь в хрустальном гробу с лысиной.

Глава 5

Но вернёмся к пирующим Полещуку и Туркене.

При виде ожившего Ленина, уже отчасти свесившего ногу из гроба, как ветхозаветный Вий, они, конечно, тут же ослабли духом, то есть чуть не наложили в военные штаны. От позора и разрыва внутренностей их спасли близкий дембель, молодой организм и мамина настойка. А креститься их в полку не учили. Минут через пять они сидели вокруг закуски уже втроём, освободив вождю старшее место. Когда Алик раскрыл, что он не настоящий Ленин, а подложный, Полещук с Туркенеи недоверчиво повеселели. Окончательно они ожили, когда Алик дал себя ощупать, а сам рассказал анекдот про Ленина и козла в Разливе. Но всё равно молодой Туркенея упорно называл его «товарищ Ленин», а Полещук время от времени толкал Алика в грудь и нелогично кричал: «Ну как живой!» Пока Алик после очередного толчка не свалился с бордюра, задрав кверху короткие ноги.

Ржали. Алик громче всех.

А что ж ему не радоваться, чего ж не веселиться, если его поместили в эту гулкую могилу и бросили. Делегация, ради которой это всё затеяли, всё не прибывала: там усмиряли попытку переворота, потом у них был государственный оползень, потом кто-то тоже умер. Алик всё это время дежурил у своего сосуда, как Державин у гробового входа, оде-

тый в парадное, готовый по тревоге нырнуть и не дышать. Наружу его не выпускали, сырел в полумраке; уже не знал, что сейчас на поверхности – день или ночь. Пару раз покидал пост, пока не заблудился в катакомбах, но его отловили на самом краю и сильно пригрозили. Наконец сказали: «Ложись и вживайся в роль, Станиславский, завтра приедут!» Алик радостно забрался на своё ложе, пошевелил лопатками, разравнивая спиной что-то твёрдое, и давай вживаться. Лежал он и думал, что он – вождь мирового пролетариата по фамилии Гликман, а сейчас взял и случайно умер. Но умер-то он, например, для атеистов или царства животных, а для остальных он и теперь живее всех живых, можно потрогать. С этим он и задремал. Приснилось ему, что Славик-Держинский с наганом ведёт его в расход, а расход этот находится в столовой кабельного завода и похож на бочонок с рекламной перхотью; его раздевают по пояс и поясняют, что это та перхоть, которую он не сносил, пользуясь лысиной, но настал час расплаты. В чём заключался этот час, Алик не узнал, ибо проснулся от лязга металлической двери. Послышались голоса, щёлкнул и зажёгся свет. «Пришли, – подумал Алик, плотно зажмутив глаза и перестав дышать, стараясь с одной стороны придать лицу мудрое ленинское выражение, с другой – незаметно спрятать под покрывало руку с японскими часами. – Раз – два – три – четыре... двадцать один – двадцать два – двадцать три...» Воздух заканчивался, но голоса не уходили. Алик слышал в груди глухой стук, каза-

лось, все видят, как под покрывалом бьётся сердце. Он чуть-чуть приоткрыл глаза и увидел двух военных в фуражках – и больше никого. Военные занимались чем-то очень знакомым. Поняв, чем именно, Алик поднялся с места своего последнего упокоения и сказал: «Здгавствуйте, товагищи кгасноагмейцы!»

И трогательно протянул руку к стакану.

Дальше они пировали уже втроём. Ленин тоже удивлялся на мамин напиток, даже закашлялся, с характерной ленинской картавинкой:

– Откуда... где бгали?!

– Он сам с Белоруссии, – сказал Полещук, кивая на Туркению. – Брестская крепость. Они там такую самогонку гонят. Даже лучше!

– Не может быть! – воскликнул Ленин, вытирая слёзы. – Сейчас ведь указ о богббе с пьянством и самогоновагением!

– Не, – махнул рукой Туркения. – Мы в пуще гоним, в болотах. Мама писала, после указа над пущей несколько раз пролетал милицейский вертолёт и затих. У Надежды Константиновны цистерну с воздуха обстрелял.

– Котогая Надежда Константиновна? – оживился Ленин. – Кгупская?

– Нет, библиотекарка, «для детей и юношества». Они купили у ракетной части ёмкость из нержавеющейки, в смысле сменяли на двух кабанов. На весь район хвастались. А дедушка Михась их предупреждал, что нержавеющейка будет на солнце

давать отражение. Мама пишет, насчитали шестнадцать дырок от пулемёта! Теперь хоть выбрасывай.

– А у дедушки какая ёмкость? – невнимательно поинтересовался Ленин, любовно закусывая салом.

– У нас обыкновенная, – пожал плечами Туркенья. – Железнодорожная.

– Гвозди бы делать из этих людей, – прочувствованно сказал Ленин, вытирая жирные пальцы о казённые штаны. – Или обои!

– Товарищ Ленин, а перестройка победит? – поинтересовался Полещук, имея в виду свой интерес.

– Я скажу тост, – бодро сказал Ленин. – Наливай!

Но тут выяснилось, что наливать-то нечего, – не предвиделся третий.

Вжившийся в роль Алик-Ленин поднялся и сказал словами из «Да Ленин всех вас передушит!»:

– Дгузья, для коммуниста нет пеггад!

С этими вещими словами он вышел и вернулся с початой банкой спирта. Оказывается, за неделю он таки освоился в подземелье и подружился с лаборантами, которые обслуживали настоящего Ленина. А сегодня там кто-то незнакомый уединился с молодой лаборанткой. И пока они, увидав живого Ильича, застёгивались и приходили в себя, он прокричал им: «Вегной догогой идёте, товагищи!» – и по-большевистски экспроприировал стоящую на столе банку со спиртом. Эту сагу он рассказывал, высвобождая из карманов рекви-

зированной закуски, в частности открытую жестянку шпротов, от которых ленинский мундир тут же пришёл в полную негодность.

– Вот это я понимаю – вождь! – восхищённо сказала Полещук. – А не эти козлы на съезде!

И разлил спирт по стаканам.

– А чего он коричневый? – спросил про спирт наивный Туркения.

– Его подкгашивают гадостью, чтобы для коммуниста были пеггады! – горько сказал Алик и тут же успокоил: – Но ты не волнуйся, пока я тут – для коммуниста нет пеггад!

Выпили, закусили принесёнными шпротами. Стало совсем хорошо.

– Закурить не будет? – вспомнил Алик про наболевшее.

Ему не разрешали курить; мол, понятно, что в ленинском мавзолее не может пахнуть ладаном, не тот формат, но не может же в храме, где витает дух вождя всех революций, вонять харьковской «примой», такой страшной!

Полещук погнал Туркению наверх стрельнуть закурить. Туркения схватил карабин и выбежал в ночь.

– Мне, товарищ Ленин, – рассказывал разомлевший Полещук, – до дембеля осталось 26 дней, а ему – как до луны. Но ты, как говорится, спи спокойно, хорошая смена растёт!

Алик снял пиджак, осмотрел жирное пятно на жилете, махнул рукой – всё равно под флагом не видно. Стал рассказывать про случай с собакой на недавних гастролях в Мол-

давии, но не закончил – вернулся перспективный Туркения. Принес смятую полпачки сигарет, за ним, щурясь на свет и немного стесняясь, вошли две девушки лет за тридцать.

– Вот, товарищ сержант, – тоже стесняясь, проговорил Туркения, – сидели под ёлками, нарушали!

– А-а! – закричал одичавший без женского участия Алик. – Ходоки! Милости прошу к нашему шалашу!

Увидев живого Ленина, девушки вытаращили всё, что могли вытаращить в это время суток. Потом успокоились, особенно после спирта. Выпив, осмотрелись, старшая сказала:

– Хорошо тут у вас, а это моя сестра Валя. Правда, Валя, ты моя сестра?

– Правда, – ответила толстенькая Валя, мы – сестры, я из Можайска, Нина из Калуги.

Дальше сёстры заговорили о своей лимитной жизни, ругали какого-то Ваню Артуровича, который обещался прописать, но не прописал, а только деньги с них взял, а ключ из-под коврика убрал, выдаёт под расписку.

Вошедший в роль Алик гневался, иронично кричал:

– Вот вам и пегестгочка! Ну не козлы, я спгашиваю?!

– Вы им дайте, товарищ Ленин, – отвечали сёстры, – а то только обещают, а сами только пользуются телесно.

Пьяный Туркения слушал, неожиданно смеялся в неожиданных местах, а после и вовсе взобрался на единственное лежащее место и отключился. Лежал, свесив из чужого гроба

длинные ноги, прижав карабин к груди, как будущую дочку.

– Надо его поднимать, – сказал опытный Полещук и посмотрел на часы. – Скоро развод.

Но с места не стронулся, придавленный сидящей у него на коленях сестрой Ниной. Нина захихикала, пощечоченная в том месте, где Полещук её пощекотал.

– Туркения, – пошевелил за сапог Алик. – Вставай, скоро развод!

Туркения отрицательно помычал, потом открыл глаза. Увидев доброе ленинское лицо, он заулыбался, сказал:

– А я тебя знаю! – и оттолкнул Ленина свободной ногой.

Алик не обиделся, прикрыл его флагом, заботливо вынул карабин и потухший окурок изо рта.

– Пускай полежит, – отечески сказал он. – Солдат спит, служба идёт!

И вернулся к компании.

Глава 6

Этой самой ночью Утелене Львовне провидчески не спалось.

Во-первых, давали себя знать старые раны. Поверх старых давали себя знать новые раны, полученные недавно на митинге в защиту... «Чего мы там защищали-то?.. – горько думала Утелена, глядя в тёмную стену. – Или, может, какая-то годовщина была? Точно, годовщина! Или мыло давали, и я,

не выдержав, сцепилась с льготниками?..» Так она медленно думала, а где-то в голове как бы фоном звучали мужественные строки мужественной песни в исполнении их хора ветеранов:

*Суровые годы уходят
В борьбе за свободу страны.
За ними другие приходят,
Они будут тоже трудны.*

Да, именно трудны, ибо кроме хора слышала Утелена в бедовой своей голове собственный голос, бранящий популярного тогда экстрасенса Алана Чумака шарлатаном и хохляцкой скотиной. По его установке она честно выпила литровую банку «заряженной» у экрана телевизора воды. Заряженной, конечно, в кавычках, т. к. хоть Утелена и выпила для верности банку поверх литровой, но нисколько не помолодела, как клялся этот гад, а, наоборот, чуть не опозорилась возле метро, как на грех, «Марксистская».

Короче, вращалась и брякала в голове старой большевички привычная муть, когда раздался звонок телефона, по ночному делу особенно резкий и тревожный. Звонил активист Касьянов.

– Кажется, началось! – кричал он из автомата. – Я пришёл на пост, смотрю, а вокруг Мавзолея выются две девушки, как бы что-то высматривают. Я им строго говорю: «Кого вы тут высматриваете, а?!» А они обидно так посмотрели на меня

и обидно говорят: «Ну не тебя же, дед!» И ушли под ёлки. Я сделал вывод, что это не к добру! Плюс на посту нет часовых, а сперва были!!

– Молодец, Егорушка! – немедленно взбодрилась Утелена. – Беги, поднимай наших!

Вместо старческой мути в ушах у неё зазвучали колокола громкого боя, заржали, застучали копытами быстрые кони! Поспешно одеваясь, помолодевшая Утелена вспомнила, как Мирра Борисовна говорила, что приезжают голландские учёные – специалисты по выносу тел из мавзолеев. Мол, уже вопрос решённый, и что выносить Ильича будут, естественно, ночью, внезапно и на грузовике без мигалки. Сама Утелена тогда ещё с Миркой привычно поцапалась, мол, соображай, дура, как можно, чтоб без мигалки?! Последнее почему-то оскорбило её больше всего: повезут на грузовике и без мигалки, как какого-нибудь ксендза или депутата! А вот, значит, права Мирка! Позвонила Иде Сахитовне:

– Хватит дрыхнуть, Идка! Не убережём Ильича – потомки нас самих выроют и отдадут на растерзание прессе!

С того конца слышалось странное ликование и пение: «Это есть наш последний и решительный бой!...» Наверное, там тоже не спали.

Когда примчались к Мавзолею, увидели, что на посту в самом деле никого.

– Это чтоб не было свидетелей, – доложил вынырнувший из тьмы Касьянов и прислонил голову к дверям.

Оттуда доносилось глухое пение, можно было разобрать слова: на нём защи-итна гимнастёрка, она с ума меня сведё-ёт!

– Музыку включили, – сообщил он, – на случай, если Ильич проснётся и закричит, – чтобы заглушить крики об помощи!

Окружающие загалдели, заругались, как благим, так и ординарным матом; женщины привычно и нечленораздельно запричитали. Большая нервная толпа двинулась вперёд, как бы собираясь взять Мавзолей приступом, но не взяла, а, наоборот, отхлынула от входа и оцепенела. Ибо в этот момент дверь раздвинулась, на пороге возник сам виновник всех волнений В. И. Ульянов /Ленин/! Был он, как мы его помним и чтим: лысый, маленького любимого роста, в бородке, жилете, галстук в горошек.

– Живой! – выдохнуло собрание и оцепенело.

Увидев толпу, Алик-Ленин тоже запнулся, но тут же поленински бесстрашно сунул большие пальцы в проймы жилета, покачнулся с носков на пятки и возликовал. Ибо в нетрезвом состоянии его буквально разрывало красноречие, а тут такой случай. Он ещё раз оглядел неподвижную толпу, откашлялся, выбросил вперёд правую руку и прекрасным голосом начал свой коронный монолог из спектакля «Да Ленин всех вас передушит!».

– Бгатья молдаване, – загремел он, – в то время, как цагские сатгапы всё ту же затягивают петлю вокгуг вашей голо-

вы...

В Кишинёве, где они весной были на гастролях, возле местного драмтеатра тоже росли большие ёлки, и Алику показалось, что он снова в братской Молдавии.

– Бгатья молдаване! – прочувствованно повторил он. – В то время, как некоторые всё ту же затягивают свою петлю вокруг вашего всего, цагские сатгапы не упускают случая добавлять в спигт всякую дгянь!

Задышавшие, хотя по-прежнему полумёртвые молдаване ничего не понимали, но внимали с любовью. Женщины плакали, самые отпетые, которые ждали этого момента столько лет, обнялись и не знали, умереть им сейчас или сперва сфотографироваться на память.

Пошли первые обмороки.

– Это делается только для того, – по-ленински прозорливо продолжал Алик, – чтобы для коммунистов были пеггады! Но пока я вечно живой, для коммунистов нет и не будет пеггад!!

Эти прекрасные слова он прокричал уже на ходу, вспомнив, зачем, собственно, вышел наружу. Устремляясь под ели, крикнул старику Касьянову:

– Мужчина, поднимайте молдаван на богьбу, я тут начал!

Гордый ленинским доверием, Касьянов набрал воздух, чтобы сказать, есть, поднимать на борьбу! И тут же выдохнул впусе, т. к. из недр Мавзолея появился Полешук с карабином и Туркеней на свободном плече. Туркения свисал долу,

как пляжное полотенце. Заметив убегающего Ленина, Полещук закричал:

– Владимир Ильич, ты куда, счас развод! Стой, гад, с меня спросят!

Он сбросил Туркеню и устремился следом. Молдаване ожили, побежали за Полещуком с криком:

– Сатрапы! Не отдадим Ленина! Жми, Ильич, жми!!!

Оглянувшись на крик и увидев набегающую толпу, Алик, которого не раз били в разных составах, забыл про нужду и рванул через предрассветную площадь в направлении Василия Блаженного.

За ним устремилась безумная толпа, возглавляемая вооруженным Полещуком.

Глава 7, предпоследняя

Короткая летняя ночь подходила к концу. Луна закатилась, звёзды поблёкли, из кустов доносилась негромкая возня просыпающихся птиц. Разводящий сержант Асхат Бахтияров вёл сменный караул на Пост № 1.

Караул чётко печатал шаг: раз-два, раз-два!..

Дул лёгкий предрассветный ветерок, видимая часть неба на востоке явно розовела, мерный шаг часовых хорошо вкладывался в размер песни «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля». «Хорошая песня, – думал Асхат, строго прислушиваясь к привычному звуку шагов, – правильная».

Был он служакой, не рассуждал, твёрдо усвоив: воротничок должен быть белым, пуговицы – жёлтыми; кому назначено лежать – должен лежать, кто должен охранять – должен охранять и делать это в сапогах, начищенных до блеска. Это был милый его сердцу порядок, который последнее время то и дело давал трещину. Поэтому любил служивый Асхат безлюдные ночные разводы: раз-два, раз-два... Было для него в этих шагах что-то мерное и успокоительное, как сержантская колыбельная. В предрассветных сумерках верилось, что скоро всё закончится, и жизнь снова станет разумной и понятной, как строевой шаг: раз-два, раз-два!

Когда проходили через ворота башни, Асхат перестал думать и насторожился – в священную тишину ночной площади вплетался посторонний шум. И шум тот нарастал. Вывернув к Мавзолею, он увидел, что оттуда бежит большая тёмная толпа, как бы передвижной митинг. Присмотревшись, Асхат понял, что митинг кого-то отчаянно гонит. Такую картину он видел в детстве, когда всей деревенской ярмаркой гнали конокрада, поднимая злую елабужскую пыль. Когда гон приблизился, Асхат рассмотрел убегающего и понял, что откуда-то хорошо его знает и даже более того... Было в лысом человеке с бородкой что-то странно и мучительно знакомое. Асхат даже сбился с шага, а сбившись, увидел набегающего Полещука с карабином и всё понял: не устерегли, сволочи! Это был непорядок.

– Караул, за мной! – скомандовал он и бросился напере-

рез.

Увидев штыки, Алик-Ленин совсем протрезвел, вильнул и побежал к спуску.

Меж тем город оживал. Торопливо топали заступающие на ранние службы, бежала домой припозднившаяся молодёжь, зябли и бессмысленно поводили очами вытолкнутые взащей из запирающихся притонов и казино. Ранние собаки пасли на обочине четвероногих воспитанников, а те, заведя бегущую толпу, немедленно заскулили, включились в погоню, таща за собой хозяев. Прочие присоединялись сами, помня старинную примету: если все бегут, нужно бечь самому, потом узнаешь зачем; главное – не упасть. Вот уже приличных размеров толпа растянулась по набережной, огибая поливалку с водяным усом. Водитель притормозил, спросил у крайнего: «Куда бежим?!» Не получив ответа, выключил струю, побежал между двумя потревоженными, поднятыми на крыло бомжами. Возле моста к бегущим подключились какие-то отпетые стажёры, газовщики, мусорщики, ранние таксисты. С ночного радения возвращалась секта «Гербалайфа». Они шли устремлённым евростроем, глухо выкрикивая незамысловатые гербалайфовские речёвки, представляя собой как бы ячейку надвигающегося цивилизованного счастья. Заметив пробегающую толпу, передние вдруг задрожали, сбились с шага, беспомощно оглянулись на своих лидеров и – включились в общий бег. За ними бросились остальные. И вот они уже бегут, забыв про личный тоталплан, дис-

трибьюцию, инновации и другие птичьи слова. А вокруг все свои; и гены, как говорится, не задавишь ни ногтем, ни тюнингом...

А утро меж тем привычно красило стены древнего Кремля, затем прочие стены, затем леса, поля, горы и дальние огороды. Солнце поднималось всё выше, удивлённо глядя с высоты, как на грешной земле шевелится, оживает и вновь куда-то бежит целая огромная страна.

Куда обратно мчишься ты, Русь, дай ответ!

Бежит, не даёт ответа...

И вот вам результат

/маленький роман в прозе/

Запев:

*«Десять поросят пошли купаться в море.
Десять поросят резвились на просторе.
Один из них утоп —
Ему купили гроб. И вот вам результат:
Девять поросят пошли купаться в море...»*

/далее по тексту./

Дальше по тексту следует:

«...Девять поросят резвились на просторе. Один из них утоп – ему купили гроб. И вот вам результат: восемь поросят пошли купаться в море...» И т. д. вплоть до: «Один поросенок пошёл купаться в море...» и, порезвившись на том коварном просторе, обречённо затих рядом с прочими.

Самое поразительное, что каждый последующий «поросят» не учитывал опыт и судьбу предшественников! Автор полагает, если бы число поросят не ограничилось десятком, то со временем Мировой океан наполнился бы утопшими поросятами, а суша – миллионами пляжников, толкающихся по этому кладбищу с удивлённо вытянутыми лицами.

То есть чужой опыт желательно уважать.

Теперь по существу дела, которое, кстати, не имеет ника-

кого отношения к несчастным ныне покойным животным.

1

Было это, друзья, давным-давно. В самом начале сухого закона.

Можно даже посчитать когда.

А накануне весной Сашик Кутузов изобрёл Похмелительную машинку. На улице был то ли апрель, то ли просто пригрело. Радиоточка в Сашиковой квартире издавала негромкое приятное журчание. Меж сдвоенными оконными рамами вяло перебирала руками и ногами ожившая муха. Сашик Кутузов сидел за столом над ещё тёплой Похмелительной машинкой с наколотым на шлицевую отвёртку куском колбасы и думал.

Думал он непривычно долго.

Он, как водится, сначала не поверил своим рыжеватым глазам. Однако включил – работает. Выключил – затихла. Когда же на седьмой – контрольный – раз случилось то же самое, Сашик подпёр бедовую свою голову свободной рукой и вновь призадумался.

Поводов для призадумывания у Сашика было два.

Во-первых, он как раз не собирался её изобретать, машинку-то! Вот в чём фокус. Он же, Сашик, как раз хотел усовершенствовать её антипод, грубо говоря, самогонный аппарат. Поскольку эти козлы-правительство подняли цену на водку,

как перед концом света. Честный человек был вынужден выходить из магазина с вытаращенным от удивления взором. Или пить палёнку, от которой этот взор вытаращивается с той же силой, но назад больше не затаращивается. То есть, по логике этих козлов, средняя семья из четырёх лиц могла худо-бедно обеспечить горючим лишь одного пьющего. А куда, скажите, девать остальных трёх?! Например, у того же Сашика вся семья была выпивающая. Например, из всей семьи не пил только дедушка Егор Егорович, поскольку умер. В то время как остальных, например, палкой не загонишь!

Это была одна линия раздумий.

Согласно второй линии он сам собирался увеличить свою пьющую семью на одну единицу. За счёт одной Татьяны Викторовны, невнятного года рождения. Эта отнюдь не пушкинская Татьяна однажды утром глянула себе в паспорт, как в колодец, и сказала себе: «Таня, погуляла – и хватит!» И положила глаз почему-то на кроткого и молодого Сашика, имея свой не произнесённый вслух интерес. Напустив на него туман и обаяв, как это могут только женщины, которые погуляли и поняли, что розы в их ящике скоро облетят, уже начали.

Назначив дату медового месяца.

Вопрос: какая связь между эпохальным открытием и небольшими Сашиковыми резонами и диссонансами?

А вот мы дальше увидим.

Вернёмся к началу повествования и отметим следующее. Был у Сашика Кутузова, молодого технического гения, приличный самогонный аппарат, но ему неймалось. Гениям всегда неймётся, отчего вынуждены страдать остальные женщины и дети. Ими-то, гениями, вертит некая, чёрт его знает какая сила, в результате чего мы имеем то, что имеем! Да ещё ставим им памятные доски и стелы, абсурд! И вот вам результат: стоит на столе в немытой кухне Похмельительная машинка, и ничем хорошим ведь это не закончится!

Сашик, кстати, её сразу узнал. Ещё когда стал подгибать трубку бормотиметра в сторону, противоположную здравому смыслу. Гнул и думал: «Ой, не надо, ой, остановись, Сашик, не гни!» Но какого нормального изобретателя это оставляло?! Нормального изобретателя это всегда лишь раззадоривало!

На момент великого открытия у Сашика дома не было никого. Из старших, из жизненно опытных. Слегка напуганный своей дерзостью, Сашик не стал ждать возвращения отца, т. к. это возвращение могло затянуться до лета. Он поднялся, зачехлил Машинку подвернувшимся одеялом и разыскал папу на привычном месте – на ящиках во дворе универсального магазина. Выслушав Сашиков рапорт, папа посопел носом, высморкнул оттуда излишки, поочерёдно из каждой

ноздри. После этого окинул взглядом подъехавший хлебный фургон, поздоровался с чернявым водителем и сказал: «Я не удивляюсь!»

Тут нужно заметить, что папа, Василий Егорович, был крепко против Сашиковой женитьбы. Это ему принадлежат крылатые слова: «Не женись, Сашик! Не женись!» Которые позже украл автор, переформатировал, и в его произведениях можно часто встретить слова: «Говорил папа: Вовик, не женись! Не женись, Вовик!» Поэтому, кстати, хорошим людям можно эти произведения и пропустить, раз они такие!

То есть наполненные пусть и правильными, но ворованными призывами!

Так вот. Василий Егорович имел все права призывать ребёнка не делать глупостей и ошибок, которых сам наделал немерено. Примерно как старая библиотекарша в казино. А тем более он был против Сашикова мезальянса с Татьяной Викторовной. Во-первых, она была неопределённо старше Сашика, во-вторых, обидно шире в спине, в-третьих, однажды побила самого Василия Егоровича у пивного ларька, которым заведовала.

Причём как побила – унизительно!

То есть Василий Егорович однажды подошёл к ларьку решительным шагом и мужественно указал ей в окошко на участившиеся случаи недолива пива в кружки трудящихся. Молчаливо поддержанный коллективом коллег. Услышав слова сомнения в своей честности, Татьяна Викторов-

на высунула из своей амбразуры алебастровую руку, ухватила будущего тестя за грудцы, второй же рукой через то же окошко расторопно тыкала его во что подвернётся, объясняя изнутри, за что бьёт, посыльным армейским голосом.

На глазах присмирившего коллектива.

Короче, папа повспоминал, вздохнул, заплевал окурочек и спросил Сашика: «А ты уверен?!» «Да что ж я – маленький?! – разобиделся Сашик. – Похмельительную машинку не отличу, что ли?!» Сашик можно было верить. Тот же папа как-то очень давно заказал третьекласснику Саше доставалку денег из телефонного автомата, и они пользовались этой неожиданной подсобой в семейную копилку, пока автоматы не перевели с денег на подлые карточки.

«Ты вот что, – посоветовал папа, – ты её ещё проверь, погоняй на малых оборотах. Может, она тебе сгорит к чёртовой матери, я хотел сказать, может, у неё пройдёт! А я тут поспрашиваю ребят...»

На том и расстались.

В этом месте растерянному Сашику могли бы помочь пусть не конкретные, но любящие слова старушки-матери. Но Сашикова мать-старушка уже с месяц как ушла к резервному мужу, Анатолию Михайловичу, у которого числилась запасной женой от первого брака. Опыт говорил, что вернётся она в лоно семьи не раньше, чем он её вытурит.

Такой вот завязывается в этой повести посильный драматический узел.

Вернулся Сашик домой уже по темноте и ни с чем. Посмотрел на мирно лежащее поверх Машинки одеяло, расстроился дополнительно. Хотел забыться посредством просмотра хорошей, положительного содержания телепередачи, но некстати вспомнил, что телевизора в доме нет после одного спорного случая. Тогда он полез за этажерку, достал водку, припрятанную на случай форс-мажора, пошагово выпил её всю с целью постановки решающего эксперимента. Он её выпил, слегка закусил, чтобы не давить градус, и лёг отдыхать на упомянутое одеяло.

Ночь прошла без происшествий.

Утром Сашик проснулся.

То есть он открыл очи, тяжело и долго смотрел на батарею центрального отопления, коричневую от времени и осадков внутри дома, затем встретил глазами Машинку, улыбнулся и снова впал туда, откуда с таким трудом выпал. Ибо для чистоты эксперимента он выпил вчера крепко, крепче обычно где-то в 2,7 р. А больше у него просто не было. Полтора часа спустя он вновь подвигал ногой, раскрыл вежды и полежа некоторое время, соображая, зачем он лежит на койке обутый, под головой вместо подушки этажерка. Затем вновь встретил глазами Машинку и, убедившись, что это ему больше не кажется, подошёл к ней и включил. Машинку заело.

Сашик полежал некоторое время грудью на столе, затем поплюнил палец, чем послунилось, и смазал в одном месте возле злосчастливого бормотиметра. Машинка взвыла и дала результат. Через минуту Сашик подошёл к зеркалу с ясной головой и хрустальными мыслями, осмотрел опухшую морду, вспомнил вчерашние подробности вплоть до того места, когда первый раз упал, наклонившись поднять с пола отрезок огурца. Он осмотрелся. Огурец лежал не поднятым. Сашик его достал, потёр о живот, задумчиво скушал. Затем выключил Машинку и снова задумался.

Ещё на дольше.

С одной стороны, вот же она – вековая мечта человечества! Для страны, жители которой миллионы лет мучились похмельем, это как бы волшебная палочка Ильича! Славься, Отечество, наше свободное... Но, с другой стороны, радости почему-то нет! Сашик искал в душе насчёт радости – радости там не было. А было там, как за окном, за которым закончилось вчерашнее солнце, а сегодняшнее так и не наступило. То есть было пасмурно, и толстый кот сидел на соседнем крыльце, втянув толстую голову в воротник. С этим всем внутри Сашик пошёл на своё производство, на вторую смену, пугая коллег по механическому цеху несоответствием между трезвыми мыслями и запахом жуткого перегара, с которым эти мысли выбирались из его рта. Например, когда он приводил шлифовщице Галине слова известного педагога Клим Ворошилова о том, что «пить – здоровью вредить!».

та вытирала ветошью слезящиеся от перегара глаза и торопилась якобы в туалет по небольшой женской нужде.

4

В этом месте у нормального читателя тоже может возникнуть раздражение. Всё, мол, понятно, есть изобретатель, есть его нечаянное детище; зачем автор гонит туман?! Говори, чем закончилось, – и по домам! Автор культурно говорит в ответ такому горе-читателю: «Читатель, ты куда всё время спешишь?! Привык читать на бегу всякую блевотину; уже и сам не отличишь, где заканчиваются твои мысли, а где начинается городская канализация! Не нравится – отдай чтение более умственно усидчивому!»

В конце концов.

Для остальных продолжим.

В пятницу вечером домой явился папа. Папа привёл группу экспертов. Эксперты робко окружали молчаливую Машинку, спрашивали Сашика: «А можно потрогать?» По очереди трогали Машинку кто чем, однако участвовать в испытаниях отказались категорически. Они упирали на то, что аппарат похмельительный, а кто же похмеляется на ночь глядя, только варвары! Сашиков папа, видя такое дело, недолго поколебался, затем принёс из подполья в бутылке нечто изумрудного цвета с пурпурным отливом. Предупредив, что это сусло от антенного охладителя, которое он купил у одного

прапорщика Ракетных войск и артиллерии. Поэтому специалисты рекомендуют разводить ацетоном один к семидесяти. На что эксперты открыли, понюхали, временно потеряв дар речи, а обретя этот драгоценный дар вновь, резюмировали: «Что мы – немцы, разводить?!» Спустя положенное время вся группа живописно лежала вокруг стола в отключке, немного перед этим порассуждав, из чего гонят водку волжские болгары, и не допев песню «Зачем, мама, влюбляться, зачем, мама, любить?..».

Утром они тяжело поднялись, обступили стол, страшно похожие на старых гнутых морских коньков. Сашик включил Машинку. Затем выключил. После паузы все зашевелились и молча направились к выходу, по-прежнему страшно похожие на морских коньков, всё так же гнутых, но внезапно обретших разум.

Расходились тихо, стараясь не смотреть друг другу в глаза. Папа ушёл со всеми, осторожно прикрыв за собой дверь.

5

Естественно, вокруг Сашиковой квартиры образовались смутные слухи. Вследствие этого Татьяна Викторовна заперла пивной киоск, пришла к жениху, строго сказала: «Показывай, что тут намудрил!» Пока она по-женски неуклюже осматривала Машинку, Сашик докладывал ей в широкую спину детали; сообщил про экспертов, приврав, что экс-

перты в общем одобрили, высказав замечания по мелочам. «Одобрили, – передразнила его невеста. – Пьянчуги!» Она восьмым женским чувством понимала, что Машинка эта вредная, что с её появлением привычный мир изменится и понесётся по кочкам. И лично ей станет плохо. Поэтому она технически неумело обзывала Машинку железной дрянью, легко отменяя робкие Сашиковы возражения. В конце сказала, что приведёт настоящего эксперта, «раз ты меня не любишь». При этом она гневно хлопнула парадной дверью.

И привела в среду немолодую женщину неразборчивого пола с синяком на лбу. Уважительно называя приведённую Леонидовной. Леонидовна была женщина-легенда. Она тоже торговала пивом. Она торговала пивом на городской площади из жёлтой бочки на резиновом ходу и была как бы сад-гуру Татьяны Викторовны. По периметру площади располагались два небольших предприятия, парикмахерская, БУТ, эстрадно-цирковой техникум. Студенты техникума устраивали у бочки ежедневные маёвки, уважительно пропуская вперёд членов педагогического совета. Они с работягами и бутовцами облепливали бочку, словно хлопотливые пчёлки ёмкость с нектаром; топтались, жужжали, выпадали из гущи с полными бокалами, садились тут же на казахские корточ-ки, вдумчиво беседовали; употребив, возвращались к бочке. Тогда из гущи слышались возгласы: «Куда без очереди, дядя?!» Это был как бы пароль с ответом: «Чего я без очереди, мне повторить!» Время от времени, перекрывая общий

зуд, слышался сильный голос Леонидовны: «Эй, потребители, гоните пустые бокалы взад!» Короче, среди привычного мирового хаоса была некоторая гармония с центром в виде жёлтой полуцистерны, во главе с Леонидовной, строгой, ой, строгой! Но – справедливой! Всё здесь было правильно и хорошо; глядя на бочку, хотелось трудиться и продолжать жить.

Правда, время от времени гармония нарушалась, жизнь в недоумении замирала. Это случалось, когда по какой-то причине пиво не подвозили. Тогда мироздание давало ощутительную трещину, народ красноречиво безмолвствовал, холостая бочка стояла как бы с горько поднятыми бровями. В эту тяжкую годину народной скорби Леонидовна не ругалась, не бегала, не стучала, не звонила, – она вешала на бочку замок, говорила «я счас!» и шла в райком партии в чём была – в своём бывшем белом халате. Она вваливалась в высокий кабинет мимо переполоханной секретарши и в лоб спрашивала заседающих: «Чем народ похмелять будем, коммунисты называется?!» И, показывая пальцем на портрет с грудастым Карлом Марксом, приговаривала: «Не думал, не гадал наш дорогой Ильич, что у него будут такие внучата!»

В результате через час-полтора на площади стояла свежая ёмкость с пивом, даже если её приходилось везти самолётом и из соседней республики.

Да, были люди в наше время!

Леонидовна пришла в Сашиковы пенаты в производственной шубейке поверх халата, хозяйски осмотрела Сашика, потом комнату, в мебельной обстановке которой преобладал строгий минимализм, потом Машинку. Снова посмотрела на худощавого Сашика, сказала осуждающе: «Учат их в школе, учат чему попало, а главному, получается, не учат!» Выслушав его сбивчивую речь насчёт Машинки, покачала мудрой головой, но на эксперимент согласилась. Татьяна Викторовна на правах будущей хозяйки уважительно налила ей стакан водки, предложив бутерброд с самодельной котлетой. «Баловство это», – сказала Леонидовна про бутерброд. Она аккуратно опрокинула стакан, затем ещё полтора. Потом поделилась слухами, что водку вроде собираются совсем запретить, уже вроде уже есть тайное Постановление, и сама же слухи отвергла, горько заметив: «Ничего, сколько её, голубку, не запрещают, а она только крепчает!» Закончив вторую экспериментальную бутылку, Леонидовна задумчиво спела «Заинька, попляши, серенький, попляши» – вспомнила послевоенное детство. Потом вспомнила мужа, который не утонул на Байкале, а погиб в комсомольской пьяной драке. Кратко поплакав, она посморкалась в полу халата, трезво велела: «Пора!» Когда Машинка затихла, Леонидовна с удивлением посмотрелась в большое зеркало, послуни-

ла руку и потёрла лоб, пытаясь стереть синяк. Получив отрицательный результат, поправила сбившуюся кофту под халатом, поднесла к носу пустую бутылку, удивлённо сказала: «Ну, нормальная водка!»

Ушла, запнувшись о двери. Было заметно, что она уже старая.

– Побей, Татьяна, пока не расплодилось, – учила она подшефную, сидя в бутовской столовой. – Своей рукой возьми и побей! Мы работаем на пиве, мы – спасители народа! Мы, если хочешь знать, первый МЧС, и народ нас ценит как родных. А это же машина, железо: тут похмеляет, а с тыла на лёгкие воздействует, душу губит... Если они расплодятся, тогда пиво куда? Бочку мою светлую куда? Под откос!! А куда ты пойдёшь, на панель? Учти, будешь там стоять, как «главпочта до востребования»! А ты ведь не привыкла, ты в киоске своём царица: хочу не доливаю, хочу милую! Уничтожь, народ тебе спасибо скажет. Я первая.

Закончив этот текст, Леонидовна отодвинула тарелку с нетронутым гарниром, пошла на пост, бормоча: «Правильно говорил Будда: жизнь – это горящий лес. Никогда не знаешь, откуда на тебя свалится!» Эту мудрость она часто слышала в исполнении одного постоянного клиента, тоже бутовца, и сама, кстати, в школе была отличницей, победительницей олимпиад. Но вот и на неё откуда-то неожиданно свалилось и раскатало по родимым пригоркам.

Будду-то ещё никто не опроверг.

Конечно, Татьяна Викторовна буквально набросилась на Сашика с припевом: «Или я, или сломай эту гадость!» Но Сашик разобиделся за своё детище, даже робко пошёл на принцип и стоял на своём, как против ветра. Татьяна Викторовна закрывала точку, вешала табличку «Пива нет», хотя пиво как раз было, и ходила на переговоры как на работу. Получая от Леонидовны свежие инструкции.

Нет, и всё!

Непонятно, с какого дива кроткому Сашикуну попала вожжа под хвост. Татьяна Викторовна меняла кнут на пряник, затем пряник на кнут, затем путалась, мотая над головой пряником, как Давид пращой; хлопала дверями, грозила какими-то невнятными карами. В конце неумело всплакнула и снова хлопнула дверь.

Теперь уже окончательно.

Папа Василий Егорович впервые солидаризировался с будущей невесткой, хотя при её появлении прятался в чулане.

– Ушла? – глухо спрашивал папа из своего убежища. – Я тебе говорю, побей, лучше будет! Хочешь, я побью, вот тут гвоздодёр лежит!

– Не буду я её побивать, зачем тогда делал, не скажешь?! Может, я хочу её усовершенствовать, уже знаю как.

– Был бы дома Толик, – вздыхал папа, – он бы тебя сразу

поставил на вид.

Толик был старшим Сашиковым братом. Нрав имел отрывистый, неугомонный. Имел мечту разбогатеть и свалить за бугор. Он и впрямь однажды кратко разбогател, но свалил не за бугор, а в тюрьму, откуда слал редкие письма с замысловатым обратным адресом.

– Не по-нашему это как-то, – слабохарактерно убеждал папа. – Не по-русски. Смеяться будут...

А кто будет смеяться, не уточнял.

8

В результате натиска противных сил у Сашика развилось непривычное уважение к себе и к своему детищу. Он даже несколько раз смотрелся в зеркало и делал лицом разные фигуры, пытаясь придать себе орлиный профиль, потом, правда, плюнул. А Машинка неожиданно зажила востребованной жизнью. Приходили соседи, сперва так, потом с целью; хихикали, подталкивали друг друга – стеснялись чего-то, а чего, спрашивается? Отходили трезвые, слегка испуганные. Приходили их жёны, украдкой жали Сашикову руку, оставляли банки с домашней консервацией. Потом стали приходиться знакомые тех соседей, потом полужанки, потом ремонтники лифтов, сантехники, медработники после ночи дежурства на скорой.

Прослышав про такое, вне графика вернулась Мила

Адольфовна – мать и супруга. Она вернулась посмотреть, чем всё закончится, может, и хорошим. Сначала, правда, она подумала, что поторопилась, заглянув в пищевые кастрюли и на полки холодильника, где коротали время порожние коробки и жестянки из-под прошлой еды. Погремев холодным железом, она было заторопилась вон, но тут в дверь позвонили и анонимно поставили две банки с прошлогодними огурцами.

Дальше пошло дело в этом смысле веселей, примерно как по маслу.

Окончательно слава за Машинкой закрепилась после одного случая. Как и у любого нового дела, у неё тут же возникли враги и недоброжелатели. Например, известные философы-бутовцы. Те оставались верными присяге, которую дали Леонидовне и её Бочке, громко настаивая на проверенных веками способах реанимации силами природы, то есть бочковым пивом. Для подтверждения примата природы над машиной они откуда-то, чуть ли не из-под городского крематория, доставили дядю Цезаря. Дядя Цезарь от пожизненного употребления всего, что горит, стал цвета древнеримской бронзы, покрытой зеленоватой патиной. А сначала его называли как-то по-другому, это когда он ещё был цвета пионерского галстука. Сухощавого дядю Цезаря с уважением подвели к Машинке, о чём-то ему рассказали, похлопали по тонкому плечу, включили. Машинка завелась, взвыла и тут же запнулась. Натуропаты, поставившие на дядю Цезаря, ра-

достно переглянулись, показав за его спиной большой палец, мол, знай наших! Их противники с надеждой посмотрели на Сашика. Сашик нахмурился, чего-то пошевелил возле маятника – Машинка вновь тронулась, но с натугой, без улыбки. Натуропаты поскуачили, затем и вовсе загрустили, ибо в финале дядю Цезаря разбили паралич и столбняк одновременно, чего мировая медицина не наблюдала никогда. В конце сеанса дядя Цезарь обвёл присутствующих неузнающим взглядом, сказал: «Никому нельзя верить», – и умер, не приходя в сознание.

Когда его выносили, из кармана одежды что-то выпало и откатилось.

9

После памятного турнира Машинка, по словам Сашика, надорвалась и слегка повредилась в уме. А сделать такую же новую пока не получалось. Он было ещё раньше по горячим следам сделал Машинку второго поколения, гораздо более мощную, но вскоре разобрал на цацки. Ибо она простреливала клиента буквально насквозь, после чего он не просто трезвел – он бросал пить, курить, начинал нешаблонно мыслить. Горше того – он начинал говорить правду, причём невзирая на лица! Получив назад супруга с таким букетом, жёны уже не несли Сашикку пирожки и консервы, а, наоборот искали побить этот аппарат, желательно на его голове.

И дважды им это почти удалось. Помешала женская неопытность.

События сгустила Татьяна Викторовна. Однажды она поделилась новостями с хахалем Мишей, с которым коротала время перед будущим замужеством. Миша внимательно выслушал её критику, попросил подробности. Выслушав, кратко резюмировал: «Дура!» И пояснил: «Сашику твоему за это изобретение премия полагается, поняла?!» «Какая ещё премия?» – смутно отозвалась Татьяна Викторовна, пряча голую ногу под одеяло. «Нобелевская, дура, – пояснил Миша. – И не ниже! Ты знаешь, сколько за Нобелевскую премию дают бабок? Не знаешь? А что ты тогда знаешь?! Ты вот что, беги мирись с ним, пока его более умная не прибрала. И береги аппарат, как талию. У меня знакомый шофер возит в министерстве какого-то зама. Я поговорю, чтоб отослали заявку в Америку насчёт премии. А он её получит, помяни моё слово! А как получит, пусть сразу перепишет на тебя, придумай как».

Так объяснял Миша возлюбленной, заимев какой-то свой негативный интерес.

Поняв всемирным женским чутьём, что тут чем-то пахнет, Татьяна Викторовна вернулась на Сашикову грудь и даже начала готовить ему котлеты. Хвалила его и Машинку, говорила, что ошибалась, и только в разлуке заметила, какая это нужная людям Машинка: «Ты береги её, Александр!» Сашик рассеянно кушал принесённые котлеты и молчал. Де-

журя возле Машинки, он месяцами ходил непрерывно трезвый, поэтому тоже слегка повредился. Начал говорить церковнославянскими оборотами, призывал к любви, прощению обид и переходить улицу только на зелёный свет светофора, игнорируя остальные. На работе его осторожно приводили в пример. Доводчица Лидочка, от которой Сашик в своё время отказался под могучим давлением Т. В., ему давно простила всё и наперёд, сказала старшей сестре: «Я буду за него бороться!» «Давай, – сказала битая мужьями сестра, – дуй!»

Короче, что-то назревало.

И назрело.

10

Однажды в квартиру к Кутузовым занесло нового участкового, Михно Н. Б. Это был мужчина в круглой фуражке, сильно похожий на кота в сапогах. Уточним: в больших сапогах, как на кота – огромных! Участковый как раз знакомился с участком, то есть обходил дома, состоявшие на сомнительном учёте. И его, естественно, занесло по Кутузовскому адресу. Осмотревшись и не найдя входного коврика, он вытер ноги о соседский, спросил: «Кутузов В. Е. здесь проживает?», зная, что здесь. Выслушав неуверенный доклад жены и мамы Милы Адольфовны об отсутствующих, он рассеянно посмотрел в бумаги и рассеянно спросил: «Ну, рассказывай-

те, Кутузова М. А., как думаете жить дальше?» Мила Адольфовна уже приготовилась отрапортовать формулой насчёт скорого устройства на любимую работу и об купить подержанный пылесос, но тут Михно, ища стул с целыми ножками, натолкнулся взглядом на Машинку. Натолкнувшись, он раскрыл малахитовые милицейские уста и промолвил: «Ага, самогонный аппарат, я так и знал!» И, не вдаваясь в подробности, грохнул гениальной Машинкой об пол и походил сверху упомянутыми выше сапогами, р. 46/48. Присовокупив из газеты: «во исполнение Указа об усилении борьбы с пьянством, алкоголизмом и самогоноварением от 16 мая сего года».

Оказывается, в пылу событий вокруг Машинки народ пропустил этот хрустальный Указ мимо сознания.

Вот до чего доводят человеческие страсти!

Эпилог

А в жизни огромной страны началась Новая трезвая эра.

Плывут пароходы – смерть пьянству!

Гудят паровозы – смерть алкоголизму!

Летят самолёты – смерть самогоноварению!

Идут пионеры – смерть слабой успеваемости в результате пьянства, алкоголизма и неумелого обращения со спичками. То есть того же самогоноварения!

Страшно!

В результате народный Сашик собрал самогонный аппарат пятого поколения, взявший от природы всё лучшее. То есть работающий практически на кухонной углекислоте, как герань. Потом специалисты назвали это высокими технологиями и начали доить кроткое государство с помощью научной мысли.

А всё наносное, налипшее, ненужное как-то само отпало или растворилось. В результате чего сегодня мы имеем то, что имеем.

Тут и сказке конец.

– А при чём тут упомянутые сперва поросята? – спросит автора хороший читатель.¹

– Чёрт его знает, – отвечает автор. – Разогнался написать наше, положительное, хотя бы смешное, а полезло непонятно что!

А остановиться уже не смог.

¹ Хороший читатель – то есть человек, дочитавший это дело до конца.

Скульптор Николай и его детище

В Киеве есть такое явление природы, называется Бабий Яр.

Это гигантский овраг, спускающийся вниз, к Подолу.

То есть к Днепру.

Овраг тот славен и известен миру двумя событиями. В войну здесь убили огромное количество евреев. После войны, аккурат через двадцать лет, в 1961 году из Бабьего Яра сошёл селевой поток. Он сошёл вниз на Подол, вернее, на его преддверие Куренёвку. И утопил тысячи людей – в грязи.

Такое вот гробовое природное образование.

Оба события потихоньку забываются, всё забывается. Конечно, сначала помнили, говорили: «никогда не забудем» или «навечно сохранятся в наших сердцах». Всегда так говорят, после вспоминают лишь на круглые даты. Например, про сход лавины автор помнит лишь потому, что сам был в нём участником, но проскочил. А тысячи не проскочили, в понедельник 13 числа. Сегодня от тех жутковатых подробностей осталась в памяти лишь народная песенка, положенная на мотив невероятно популярной тогда итальянской «Марины»:

*На Куренёвку двинулась лавина,
Она снесла четыре магазина...*

И дальше весело, в бодрых оптимистических ритмах рассказывается, что ещё учудила эта нехорошая лавина.

В общем, «чуваки не унывают – рок на палубе ломают!».

Что касается первого события, то оно увековечено в памятнике. Этот огромный памятник стоит в самом начале Бабьего Яра, сам чёрного цвета и довольно ужасный. Впрочем, как и событие, ради которого он поставлен. Про памятник этот рассказывают нехорошее. Говорят, что все, кто работал над его созданием, закончили плохо. Автор не берётся утверждать насчёт всех, но лично и хорошо знал одного скульптора, который рассказывал автору, с каким жутким трудом им далось это громадное тяжкое произведение, хотелось сказать «произведение искусства», да как-то не проворачивается. Что касается того скульптора, то было заметно, что лично в нём что-то как бы растрескалось, в результате чего он однажды взял и повесился. Причём со второй попытки, с интервалом в три месяца.

То есть шёл к этому очень целеустремлённо.

Его звали Виктором.

Это было вступление, хоть, допустим, и грустноватое.

Дальше будет тоже про скульптора, но повеселей. Его звали Николаем, сокращённо – Коля. А фамилия ему была Олейник. Он был сыном своего папы, тоже Олейника и тоже скульптора. Папа был большой, широкой души. Поэтому в большой его мастерской на улице Пушкинской всегда тол-

кался народ. Иногда, по рассказам очевидцев, папа брал в руку бутылку, говорил: «Спорим?!» Кто-то из неопытных обязательно попадался, кричал: «Спорим!» Спорили обычно на ящик водки, минимальная ставка. И вот, оговорив предмет спора и размер ставок, папа-Олейник раздавливал рукой бутылку, получал взамен ящик нетронутых – и тут начиналось пиршество искусства.

Да! Были люди в наше время!

Коля рос в такой незабываемой атмосфере, но от папы взял лишь талант. Ибо достигнув возраста, в котором Олейник-папа показывал свой богатырский аттракцион, Коля был худым, каким-то изношенным, имел кучу болячек, поскольку ваятель – профессия вредная, кто бы что ни говорил. Единственно, что у него было целым, – это упомянутый талант, и лицо у него было хорошее. И памятники выходили из-под его резца тоже хорошие, честные. Можно посмотреть хоть его Памятник афганцам – в скверике возле Киево-Печерской лавры. Посмотреть и заплакать. Его работы стоят в Киеве и по остальной бывшей Украине, за которые его одни хвалили, другие хотели убить. Ибо Коля Олейник был настоящим скульптором, а значительный памятник – вещь, как правило, политическая.

Особенно когда половина нации чокнулась.

И вот обещанное более весёлое.

Автору буквально посчастливилось быть знакомым с этим замечательным человеком. Конечно, в процессе знакомства

Коля рассказывал всякие интересные истории из своей профессии. Хотя неопытные удивятся: что может быть интересного у скульпторов, это же, извините, не автогонщики и даже не конокрады? Но автор настаивает, что везде есть интересное, просто надо любить слушать больше, чем говорить.

А это трудно.

Кстати, автор именно от Коли узнал то ли притчу, то ли анекдот про памятник Ленину. У Черчилля отличительным признаком была сигара, хотя он изваян в виде перекошенного инвалида с палкой. У Феликса Дзержинского такой сигарой была чудовищно длинная шинель, ниже уровня моря. У Ленина была кепка. Конечно, Ленина ваяли много и по-разному. Бывало, что и неглиже. То есть неубедительно лысого, в виде школьного учителя в пиджаке, галстук. Но. Если нужно было придать Ильичу энергию движения, устремлённость в прекрасное, но опасное будущее, его ваяли с кепкой. Если кепка была в руке, было понятно, что он только что по-народному сдёрнул её с головы со словами: «Пропадай моя телега – вперёд, к победе коммунизма!» Если же кепка сидела поверх головы, значит, ещё минута – сдёрнет Ильич кепку с головы и призовет прихожан из студентов сброситься на постройку революционной «Авроры», громко поя Интернационал!» То есть это был не просто головной убор, это был символ, фетиш, знамя и оберег в одной руке.

Да. И вот, рассказывают, какому-то городу срочно понадобился более новый памятник Ленину. И более крупный.

Город-то разросся, а старый памятник был похож на лысое дитя с протянутой рукой, как бы для подаяния. Заказали памятник чуть ли не в Москве, сказали скульптору: надо, чтобы Ильич как бы стоит, а сам как бы устремляется и вот-вот шагнёт в будущее, прямо с постамента! Скульптор понял, что без кепки никак, и изобразил вождя с развевающимися полами пальто, кепка в вытянутой руке, рот широко приоткрыт. Ильич как бы первым устремился вперёд с криком «держи вора!».

В смысле «смерть капиталу!».

Памятник заказчику понравился. Хоть скульптор и затянул работу до последнего. То есть послезавтра открытие, а с кого сдёргивать белое покрывало? Плюс скульптор то ли заболел, то ли запил, они ведь тоже люди. Короче, привезли ящик с дорогим содержимым, распаковали; всё на месте, всё целое. Вдруг кто-то из молодых говорит: «Товарищи, у нас по плану Ленин с кепкой, а тут – ноль!» Кинулись в чертежи – действительно! Смерть. И тогда пригласили местного сикейроса, сказали: «Михаил, к завтрашнему дню должна быть на голове кепка: людей, денег, патронов не жалеть!»

И работа закипела. Раньше, кстати, могли работать и одновременно кипеть, изумляя иностранных коллег.

Короче, завтра днём праздник. Центр города украшен и как новый. Посредине памятник, памятник скрыт от нескромных глаз белым полотнищем. Самого Ильича затащили на постамент краном и ночью; штыри, цемент, всё как

положено, что-то, конечно, торчит, но хрен с ним, успели! И вот речи, музыка, «ура!» собравшихся. Полотнище, которое, как правило, цепляется за все выступы, сегодня медленно, но верно, по-большевистски сползает вниз. Начальство облегченно выдыхает: стоит Ильич! Стал на века, как на вахту. В прекрасном пальто, отличных ботинках, молодец скульптор, постарался! На голове вождя замечательная кепка. Другая кепка у него в руке, и он указывает вперед – к победе коммунизма.

Занавес.

Было ли такое или это эхо народной фантазии – наука молчит. Впрочем, жизнь при напрасно забытой советской власти была столь изобретательна на события, а Лениных валяли так часто, что такой эффект вполне допустим.

И вот Коля.

Когда на бывшую страну навалилась демократия, все стали добывать деньги чем попадая. Лично Коля бросил эпическую номенклатуру, давай валять памятники убитым бандитам. В мраморе, бронзе, граните на кладбище. Заработок был конкретный и, главное, стабильный. Но были нюансы. Тогда такое было время – иногда нюансы брали и прижимали вашу звонкую песню лицом к асфальту.

И вот про такой нюанс в монументальном искусстве.

Как-то в Колину мастерскую пришли бойцы и соратники свежеебитого брата. Как правило, они приходили скромно, без стрельбы, осматривали белые гипсовые головы, руки,

торсы, заготовки. Сами с такими же торсами, с толстыми запорожскими шеями, в знаменитых тогда спортивных штанах «адидас». В мастерской сразу становилось тесно и неприятно от жутких затылков. Тему задавал старший:

– Ты, что ли, этот... который памятники делает?

– Я. Скульптор.

– Это ты, значит, царице памятник слепил?

Коля осторожно:

– А что?

– Я говорю, можешь. У нас братана убили, суки, но мы отомстим.

– Нужен тоже памятник, нашему Толяну!

– Понятно. Какой бы вы хотели?

– Ну, на кладбище, какой!

– Понятно. В каком виде? Погребальная урна, склонённые ангелы, увядший дуб, ростовая скульптура, бюст, барельеф, стела...

– Подожди! Во-первых, при чём тут урна?! Или дуб! Думай, что говоришь!.. Какой мы хотим, братаны?!

Тут, говорит Коля, начинался худсовет.

Например, кто-то хотел, чтобы памятник блестел, чтоб как из золота. Чтоб все издалека жмурились, никаких бабок не жалко. Согласились, что Толян должен быть в бронзе, и нанять людей, чтоб начищали. Но кто-то вспомнил, когда был в Париже, в смысле в этой, как её, блин... о, в Италии! – так там памятники стоят явно тоже железные, но аж зелёные

– такие старые.

– Так что?

– Так то, блин! Если блестит – сразу видно: новодел. Лучше, чтоб зелёное. Пускай думают, что наш Толян давно лежит; что он тут самый крутой!

После такой заявки заказчики долго и глухо гуркотали меж собой, постановили:

– Да! Слышь, художник, сделай Толяну памятник, чтоб как старый, но чтоб далеко видать! Бабки – какие скажешь.

Договорились. Дальше начался разговор о главном, о деталях.

– Смотри сюда, – сказал старший Коле, – сделай, я сейчас нарисую как... Не рисуется, блять!.. Короче, вот это будет типа Толян, а это типа его любимый «лендровер»... Ну, ты разберёшь. Вот так они стоят, вроде он сейчас сядет и уедет от нас. Насовсем, блять!

Старший всхлипнул, при этом изобразил на ватмане огурец с одним глазом, сбоку – сломанную овощную тележку, вокруг много хреновин, вроде пиявок, только стоячих.

– А это что? – осторожно спросил Коля.

– Ну, люди, блять, пришли посмотреть на Толяна! Родные и близкие.

Худсовет нашёл предложение достойным внимания.

– Правильно! Главное, чтоб передние номера видать. Его номера вся ментовка знала! Под козырёк брали!

– И крест!

– Нет, братаны, машина – уже было!

– У кого это было?!

– У Юди. Я видел. Вот так его «мерс», а так – Юдя по пояс. Очень трогательно, блин!

– Я прослушал, Юдю грохнули?!

– Юдю! Матрос памятник видел!

– Матрос, какой ещё памятник?!

– В Саратове. Вот так «мерс», вот так – Юдя с какой-то бабой, на шее чепила. У бабы на животе розы, из чугуна. Как в жизни!

– Не понял, какие розы?! Мы с Юдей в субботу на стрелку ходили! Когда успели?!

– Ой, это Кудя с «мерсом», Кудя!

– Матрос!!

– Что?! Чуть что – сразу Матрос! Давайте по делу.

– Правильно. Я предлагаю сделать Толяна с крестом. Стоит Толян, как Владимир на горке, а внизу речка!

– С крестом?! Лучше сразу с церковой!

– Нет, церква уже было. У Боти Гоидзе. Ну, который из цимлянских...

– Блин, за ними не угонишься!

– Или на коне?.. На коне, по-моему, ещё не было никого!

– А если в кресле?

– Что в кресле?

– Сидит!

– На лошади?!

– При чём тут?! На лошади уже было. У Сёмы Полупана. Так его счас дразнят Получапаевым, памятник.

– Ну, допустим, с крестом. Горку сделаем, а как речку, из чего?

– Ну, из воды!

– А мне нравится, чтоб как Владимир. А вместо речки можно вечный огонь!

– Правильно, и Толян будет главней ихнего Владимира.

– Я не понял, про какого Владимира всё время базар?!

– Про киевского, дура! Короче, художник, ты слышал? Сделай сам, как понял, а мы посмотрим. Чтоб нам на сорок дней стояло.

– С зеленью!

Коля им культурно говорит:

– Насчёт старины, как вы говорите, зелени. Для такого дела нужно время.

Худсовет согласно кивает:

– Что ж мы – без понятия? Что за два дня такое не делается! Даём тебе четыре с выходными. Время пошло!

Коля тоже понимает, что если хочет ещё пожить и завершить задуманное, то лучше им не возражать. Что придётся покрутиться.

Собственно, крутиться, то есть выходить из положения, Коле было не привыкать. Тогда как раз учредили Аллею новой славы, украшенную головами новых героев, полтора десятка. Семён на тех головах неплохо захалтурил, Колин со-

перник. Назавтра четыре головы украли. Тогда металл был в большом спросе, в городах люки пропали, народ влетал в канализацию целыми семьями, кляня на лету демократию и её агтелов! А тут, значит, драгоценная бронза. Короче, на открытие должны приехать какие-то духоборы из Канады, а главных героев нет, шести штук. Ибо через неделю срезали ещё две с половиной. Короче, стоят на Аллее гранитные пеньки, а люди хотят поклониться, приложить венки, старики и старушки. Что делать? Коля придумал: за двое суток вылепил героев из гипса, покрасил бронзовкой, сам состав придумал. Успели. Правда, второпях нахомутали. На пенёк с женской надписью поставили лысого героя, а когда обнаружили, было поздно. Приехали иностранные старики, фотографировались на вечную память, промокали увядшие очи, одобрительно гуркоча по-своему, пели какую-то вышиванку дребезжащими голосами. Коля тогда грамоту получил от нового правительства, потому что денег у них не было. И на том спасибо. А дополнительные головы, может, стоят до сих пор. Радуют патриотическое око. Коля-то скульптор настоящий, Народный художник и проч.

И вот работа закончена, перед отливкой. Коля звонит заказчиком. Пришли всем худсоветом, натоптали. Коля снял покрывало с заготовки. Худсовет замолчал, потом заговорил:

– Толян, блять!..

– Похож!..

– Чего похож?! Как живой, блин!..

– И крест. С перекладиной!

Было понятно, что понравилось. У меня, говорит Коля, сразу отлегло от сердца. И от всего остального – думаю, пронесло. Но худсовет и есть худсовет, хоть советский, хоть бандитский. Обязательно находится какая-то зараза, которой нужно больше всех.

– Слышь, художник. А мы говорили с сигаретой...

– Про сигарету речи не шло.

– Так счас пошла!

– А может, без сигареты, Сухой? Толян и так как новый.

– Когда ты видел Толяна без сигареты, чушка?!

– Сухой! За чушку ответишь!

Коля говорит:

– Не ссорьтесь!

И вылепил сигарету:

– Вот сигарета.

– Блин! Как живая...

– Нужен «кемел»!

Коля сделал «кемел»:

– Вот «кемел».

– А чего дым не идёт?

Коля, после паузы:

– Ещё не прикурил. Задумался и пропустил. Вот, в правой будет зажигалка. «Зиппо».

– Нет, сделай, чтоб сразу дымилось! А зажигалку оставь,

для этого... для натуры!

Коля:

– Есть вещи, которые сделать нельзя, поймите...

– За дым – отдельные бабки! И чтоб из ноздрей. Толян любил.

Услышав про ноздри, Коля постарел, пытался отговорить. Но худсовет упёрся: раз сигарета горит, значит, чтоб из ноздрей тоже. Толян любил. Коля нарочно вылепил две струи, приставил к носу:

– Так?

Худсовет растрогался:

– О! Вот теперь совсем настоящий! Толян, брат!

– Так трогательно, блин!

– Слышь, художник, ты где так научился?!

– Ты понял, чтоб с дымом, и погуще. Правда, братаны?!

Коля, не подумав:

– Хорошо, сделаю дым... Но не обещаю.

– А ты нам пообещай! Ты и так затянул, блять!

– Да, мы тут базарим, а Толян уже месяц лежит без памятника, как рабочий и колхозница. Время пошло!

Строго так сказали и отчалили. Слышно, как во дворе захлопали тяжкие двери чёрных джипов. Сел Коля напротив своего творения, пригорюнился об этой жизни вообще и вреде курения в частности, который вред может вылезти вот таким неожиданным кандибобером! Что делать?!

Но – человек предполагает, а воз и ныне там!

Через пару дней в мастерскую нагрянули очередные клиенты. Эти были энергичные и злые, как шершни. Строго сказали: «Показывай, что можешь!» По-хозяйски осматривали мастерскую, словно желая скупить на корню. Какой-то лоб в кожаной куртке и спортивных штанах поднял полотно, скрывающее Толяна, затем опустил. Постоял, что-то соображая, снова открыл, крикнул:

– Миха, иди сюда!

Хромой Миха оторвался от Венеры, которую трогал чёрным пальцем, подошёл к памятнику. Подойдя, поменялся в чёрном лице, спросил:

– Это, падла, что?!

– Это мне заказали, – ответил Коля, поняв, что сейчас с чем-то попросается, может, и с жизнью.

– Да ты знаешь, падла, что это Толян шкловский?! Наш злейший враг!

Подошли остальные:

– Точно Толян! Вот и «кемел»!

– С крестом, блин!

– Мы его с таким трудом грохнули! Нашего Тараса из-за него завалили. Ещё трёх бойцов потеряли, а он вот! Типа – вечно живой!

– Главное, с крестом!!

– Зарыть обеих!

Видно, крепко насолил шкловский Толян пришедшим, раз они захотели немедленно расправиться с ним посмертно,

а заодно и с художником. Выручил Колю его талант. Старший Миха остановил жаждущую крови бригаду:

– Стойте, мы его ещё накажем!.. А теперь говорите: это Толян?!

– Он спрашивает, конечно, Толян!

– Красиво сделано?!

– Ну... Живой и глаза смотрят, блин!

– Так пусть этот лепила нам Тараса нашего сделает, такого же красивого, согласны?!

– Да, какой базар...

– Правильно. Смотрите: я думаю, вот так Тарас, а вот так его красный «чероки», он любил...

– Засохни. Мы про это счас побазарим.

Тут главный Миха посмотрел на Толяна, потом на белую гипсовую Венеру и резюмировал, адресуясь к Коле:

– Если хочешь, чтоб твой сарай случайно не сгорел вместе с тобой и этим козлом, ты его поломай нахрен, а сделаешь памятник нашему Тарасу, мы скажем какой!

– Миха, его наказать надо! Ты говорил, накажем!

– И накажем. А накажем, как при родной советской власти, – рублём! А за это сделаешь нам нашего дорогого Тараса без бабок, ты всё понял?!

– Понял, – ответил Коля.

Что ж тут непонятного: через неделю приедут «толяны» за своим Толяном, а его нет – убьют. Оставить Толяна, приедут «тарасы», увидят – убьют. А так – всё хорошо.

«Тарашанцы» обсудили свой памятник, отклонили «чероки», церковь, лошадь и крест. Остановились на двух скорбящих ангелах в полтора роста: они типа склонились, а посередине Тарас пьёт пиво из горла, он любил. И чтоб из бутылки была струя в рот, как в жизни! Снова услышал Коля, как во дворе захлопали двери джипов; как бы захлопали гробовые крышки, и все его.

Но не пришли ни те, ни эти. Банально поубивались на стрелке. Эти убили тех, те убили этих; остаток положили приезжие чмыри с Елабуги. Они ехали себе искать себе место под южным солнцем, а тут такой хороший город, остаёмся, братаны!

Остались.

Не пропал и Толян. Хотел осторожный Коля его развлять, но не успел. Ибо как раз завалили некоего Цыгана, как писали в газетах, «лидера Шевченковской ОПГ». Шевченковские нагло предложили объявить в стране трёхдневный траур, давали правительству большие деньги на выход из кризиса. Но правительство проявило последнюю силу воли и отклонило. Тогда «цыгане» явились к Коле насчёт памятника, чтоб все видали! Отклонили лошадь, купола и возле «феррари». Сильно хотели за столом в любимом ресторане, но Коля убедил их, что сидячего Цыгана будет плохо видно. И подсказал, как его будет хорошо видать. Дальше было дело техники: заменил голову, вытащил из пальцев сигарету, вставил в рот, наваял перстни и тельняшку. Поставили

на кладбище. Все говорили: «Как живой!» Жена говорила, дети говорили, ещё две непосторонние женщины, или три. Братаны плакали, говорили: «Никаких бабок не жалко!»

Это называется сила искусства!

С Цыганом тоже было приключение. Когда его ещё хоронили с воинскими почестями и ротой почётного караула, ему в какую-то трёхместную, устланную коврами могилу положили могучий царь-двухкассетник с его любимой песней. «Чтоб нашему Цыгану нескучно лежать...» День и ночь почва на кладбище содрогалась, кричали и исчезали вороны, давали усадку старые памятники. Цыган любил, чтоб если музыка, так громко. Через неделю на кладбище возобновился Вечный покой – в магнитофоне сели батарейки. Примерно к тому же времени забыли и Цыгана – подвозили новых.

Но смерть его имела косвенный культурный эффект: на том краю Центрального городского кладбища напрочь вывелись собаки.

Слава героям!

«Аквахрен»

Я тут недавно по телевизору выступал. И хорошо выступал. Только в ухе немного позванивает, вроде автоответчик. Вроде там кто-то отвечает моим же голосом, извините, мол, мы не можем сейчас взять трубку и нескоро сможем!

Голос треснутый, но узнаётся легко...

А началось с того, что я взял и провернул один бизнес. Вбухал туда весь семейный бюджет и провернул. Но не в ту сторону. Домашние как узнали, что стало с нашими деньгами... Короче, я пошёл к другу, говорю: «Шурик, вот я проходил мимо, дай, думаю, зайду к тебе, попою чайку недельку-другую!...»

Главное, дома осталась ее мама, Маргарита Ивановна, слабая старушка. Всю жизнь проработала в милиции, прогрохотала. Ей сам министр вручал именные наручники, она же ему их и защёлкнула по привычке. Говорит, очень много в зале было шуток и юмора, пока ключи искали. Но не нашли...

Короче, пришёл я к Шурику. А он тоже мечется, где зарабатывать. Как раз кричит в трубку:

– Нина Константиновна! Вы меня убили! Где я вам за час достану учёного с мировым именем?!.. Сколько платят?!

Тут он слушает, сколько платят какому-то учёному, а сам начинает пристально меня рассматривать. Потом кричит:

– Ура! Вы спасены! Ко мне как раз зашёл учёный на эту

сумму, то есть для вашей телепередачи! А? Согласится?!.. Да он за такие деньги мать род... в смысле прервёт свои опыты по клонированию брюк. То есть высылайте машину!..

Тут он бросает трубку, кричит:

– Слушай, у меня как раз халтура на телевидении!

Я говорю:

– Опять?

Он кричит:

– На этот раз – верняк! Они начинают рекламную кампанию детской зубной пасты, им нужен мировой учёный для солидола! Понял?!

Я говорю:

– Что?

Шура кричит:

– Я буду детским зубным живодёром, а ты – мировое светило в области гигиены штанов, в смысле, а ну, сделай умное лицо!

Я говорю:

– Пошёл вон!

Он кричит:

– Ладно, в машине потренируемся.

Я говорю:

– Соображай! Я пришёл пересидеть у тебя, как радистка Кэт! Меня Маргарита Ивановна в телевизоре увидит, а я ещё хочу пожить!

Шура кричит:

– Во-первых, передача дневная, по 20-му каналу! А днём телевизор смотрят только... Короче, никто не смотрит! Детская передача «Как убить бабушку»... как-то по-другому... Эх! Если бы тебе ещё бороду и пенсне, я бы с них такие бабки скачал!

Короче, пригнали за нами машину. Едем. Шура меня инструктирует:

– Запомни: на телевидении такой же бардак, как и везде! Только в два раза больший!

– А вдруг я не то ляпну?

– Переляпнешь! Они смонтируют. Они что хочешь смонтируют! Хочешь, смонтируют из тебя идиота!

– Я боюсь!

– Идиот! Тебя и монтировать не надо! Я буду говорить! Я! И спрашивать у тебя: «Правда, профессор?» А ты киваешь и говоришь: «Святая правда!»

Короче, приехали. На телевидение. А там – смесь всемирного потопа с пожаром последней категории сложности. Километровые коридоры, тысячи дверей, народ чумной: выскочит из двери, вытаращит глаза – и назад в ту же дверь. А там уже закрыто!

Нас уже ведущая поджидает, подпрыгивает, как лобзик на раскалённой сковородке, кричит:

– Где учёный?!

Шура кричит:

– Вот учёный, где ему расписаться?!

Она внимательно смотрит на мои кроссовки, кричит:

– Будьте немногословны! Прямой эфир, рассчитано по секундам!

Я говорю:

– Как – прямой?!

И смотрю на этого гада.

Шура внимательно шарит в карманах белого халата, который успел нацепить.

Ведущая кричит:

– Сейчас детки дают «Красную Шапочку», потом – вы, потом – академик!

Я говорю:

– Да, я – академик! Где у вас аварийный выход?!

Она кричит:

– И не забывайте ненавязчиво показывать в камеру тубик «Акватреша»! Ждите, вас позовут!

И сгинула.

Я говорю:

– Шура, я тебя замочу!

Он кричит:

– А тебя – Маргарита Ивановна! И суд ее обратно оправдает – как находящуюся в состоянии сильного душевного волнения по поводу растраты зятем денег!

Мы сидим в каком-то помещении. Монитор показывает, что происходит в студии. Шура ходит, учит с бумажки своё соло, кричит мне:

– Учись солидно кивать, Склифосовский!

Я чувствую, как у меня начинают трястись колени, затем локти, затем снова колени, но как-то изнутри.

А в мониторе тем временем на кушетке лежит Волк под простынёй, Красная Шапочка его спрашивает:

– Бабушка, почему у тебя такие больные зубы?

Волк говорит:

– Ты хочешь спросить, внученька, Большие зубы?

Красная Шапочка смотрит туда, откуда ей подсказывают текст, говорит:

– Нет, ты – Волк! Я узнала тебя по тяжёлому запаху изо рта! Ты чистишь зубы обычной зубной пастой, а Бабушка – «Денто...», «Фрешо...»

Тут она забыла, как называется паста, ей сбоку подсказывают, Волк подсказывает, даже сюда слышно, как шипят:

– «Акватреш»!

Она растерялась совсем, и в слёзы! Тут вытолкнули Охотников, они – пиф-паф! – положили Волка мимо носилок и убежали с порожними! Волку шипят:

– Уползай! Уползай!

Волк уползает, путаясь в простыни, но ухитряясь ненавязчиво показывать тюбик «Акватреша»...

Я думаю, лучше бы я в тоннеле метро отсиделся! Нет, лучше бы меня в роддоме подменили на девочку, я бы стал Красной Шапочкой, принёс бы бабушке Маргарите пирожки с ядовитой зубной пастой и снова попросился бы в мальчи-

ки!..Тут я смотрю на монитор, а там уже сидит красная, как редиска, Ведущая, рыщет глазами и приговаривает:

– А кто, ребята, страшнее Волка? Правильно, зубной врач, который уже должен сидеть у нас в студии... А! Наверное, сейчас он рвёт гланды тупому мальчику Серёже из режиссёрской группы!

Шура у меня над ухом как крикнет:

– Это же нас! Бежим!

Ну, бежим. Двери мелькают. В какую именно? Шура кричит:

– Сюда!

Останавливается, делает вдох, раскрывает двери и входит со своим припевом:

– Каждый раз, дети, во время бритья вы подвергаете свои зубы...

В помещении сидят трое деток лет по сорок и подвергают свои зубы закуске с газеты. Лица нехорошие. Короче, нашли студию. Светло, как в кабинете дантиста наприконце света! Шура снова набирает воздух, входит со словами:

– Здравствуйте, дети! Каждый раз во время того, чем вы обычно занимаетесь...

Ведущая кричит:

– Где вы лазите?!

Шура кричит в камеру:

– Да, ребята, нам – садистам – приходится много лазить в карманы пациентов, то есть их рты, в смысле нам – данти-

стам...

Ведущая говорит:

– Сейчас идёт реклама, уже заканчивается.

Шура уточняет:

– Ага! Значит, наша паста называется «Дентохрен»...

– «Акватреш»!

– Ну да! Остальные пасты называются «обычная» и вызывают у детишек понос и простатит, так?!

Я смотрю, у Ведущей глаза становятся оловянными, она смотрит в одну точку. Шура ей говорит:

– Нина Константиновна, а может, пострашней болезнь придумать, например, падучая или... Нина Константиновна!

Тут он начинает щёлкать у неё перед носом пальцами, она шипит:

– Мы в эфире!!

Шура внимательно смотрит в камеру, затем выскакивает из кадра и снова входит со своим текстом:

– Еда, дети, это наслаждение вкусом! Но каждый раз возникает опасность возникновения катышков!..

Короче, такая картина: раскалённая от света студия, камеры, в центре за столом Шура в халате машет руками и докладывает, рядом малиновая Ведущая. Вокруг площадки какие-то люди, тут же я стою в галстукe, как смонтированный идиот, в глазах от волнения пятна, кадык поднялся вверх, я его ощущаю практически на зубах. А Шура, между прочим, чувствует себя там, как рыба в водке, кричит в камеру:

– И вот, дети, эти нехорошие бактерии с криком набрасываются на беззащитные зубы, а-а-а!! Бедные крошки-зубы жмутся по углам, но – поздно! Как говорим мы, дантисты: экзитуслеталис – моменталис!

Шура кричит, народ вокруг студии замер, женщины всхлипывают. Ведущая давит под столом Шуре на ногу, но его уже не остановить:

– Тут бы, ребята, им и кранты! Но – что это?! А это, ребята, на битву с гадкими бактериями горой встала зубная паста... паста... А ну, ребята, кто мне подскажет, как называется наша зубная паста?.. Ладно, потом вспомню... Ага, тут мне подсказывают: «Акваплешь!»... Которая вытеснила обычную зубную пасту с криком: «Не можете, козлы, не беритесь!!»

Шура уже остервенел, чувствую, попадись ему в этот момент обычная зубная паста, от неё остался бы колпачок и немного перьев. Ведущая уже буквально стоит у него на ноге своими двумя, говорит в камеру:

– А сейчас, ребята, доктор Александр Михайлович вместе со своими юными помощниками разыграют сценку «У зубного врача». Правда, доктор?

Шура кричит:

– Святая правда! Тащите сюда этих юных подельщиков!

И продолжает:

– Многие детишки думают про себя, мол, почистил зубы – и можно идти играть в бильярд! Нет, мои юные друзья!

Возьмём такую простую вещь, как тёмный налёт на костях, который появляется вследствие курения, питья кофе, неумеренного употребления алкоголя... м-да... который вам, ребяташки, естественно, ещё рано, а то вам не поможет никакая зубная паста... то есть, естественно, кроме нашей зубной пасты... как же её... название которой, надеюсь, ребята, вы не забудете до самой своей смерти!

Пока Шура на площадке в поте лица отрабатывает свои деньги, за кулисой возникает суматоха: оказывается, тупой помреж отпустил детишек, заготовленных для сценки. Ведущая тут же показывает Шуре, мол, потяни время! Сама выясняет с кем-то отношения практически телевизионным матом! Шура тянет время как умеет:

– А вот, ребята, ещё одна поучительная история из жизни зубных врачей. Возвращается новый русский дантист домой вместе со своим другом. Глядь, что такое?! На столе две рюмки, бутылка французского пепси, из спальни доносятся странные звуки! Друг заглянул в спальню, говорит: «Серёжа, там твоя жена лежит с незнакомым дантистом!...»

В это время мат за моей спиной стихает, никого не нашли. Слышу голос Ведущей:

– Пускайте академика!

Какая-то женщина, чувствую, пудрит мне мокрое лицо, кто-то выталкивает на раскалённую арену, Шура прерывается, говорит в камеру:

– Ну, ребята, чем там у них закончилось, спросите у своих

бабушек, они ещё должны помнить!

С этими словами он ловит меня в противоположном конце студии, приговаривая:

– Не туда, профессор Алексей!

И усаживает за стол со словами:

– Профессор, дети, уже старенький, ничего не соображает, в смысле устал после долгого перелёта. Правда, профессор?! Лёша, подавай признаки жизни, нам деньги платят!..

Я начинаю подавать признаки как могу. Шура продолжает:

– Сейчас, ребята, мы покажем волшебный опыт с яйцами... Лёша, не кивай головой так быстро, у детишек начнутся судороги!.. Этот опыт наглядно докажет, что зубная паста... «полиартрит»... Лёша, показывай ненавязчиво пасту!.. Да не мне, идиот!.. докажет, что наша зубная паста заткнёт пасть обычной зубной пасте, и ассистировать мне в этом будет учёный с мировым именем, доктор медицинских наук, бывший Герой Социалистического Труда два раза, поэт-академик Алексей! Итак, мы берём обычное яйцо и куриное! Где наши яйца, профессор Алексей?

Я киваю и говорю:

– Святая правда!

Шура говорит:

– Ага, ребята, яйцо-то у меня!

Тут он лезет в карман халата и делает большие глаза.

Я спрашиваю:

– Ещё кивать?

Шура достаёт руку в яичнице, говорит как ни в чём не бывало:

– Создание новой зубной пасты, дети, дело очень маркое, то есть выгодное. Правда, профессор Алексей?

Я уже было освоился, даже кадык восстановил практически на место, зато заклинило челюсть. То есть сижу, как собака на арене: всё понимаю, сказать не в силах. Шура уже давит на ногу мне и продолжает:

– Вновь созданную зубную пасту сперва испытывают на младших научных сотрудниках. Почистит сотрудник такой пастой зубы другому научному сотруднику, профессор говорит: «А ну, друзья, дыхните!..» Лёша, кивай, пока нас не выгнали!.. И вот, дыхнут сотрудники на профессора, а запах, дети, хоть святых выноси! Не годится паста! Сколько вы ставили опыты, академик Алексей?

Я говорю:

– Ногу-то отпусти!

Шура кричит:

– Да, дети! Сорок длинных дней и ночей ставили учёные свои подписи в платёжной лаборатории! Лёша, хоть пасту ненавязчиво показывай!

Я беру тюбик пасты и ненавязчиво демонстрирую людям за кулисами. Там стоят все зелёные. Шура показывает Ведущей, мол, всё в порядке, профессор окрепнет с минуты на минуту. Та показывает: тяните время! Шура начинает тя-

нуть, но с ноги не слезает:

– И вот, ребята, ставят учёные опыты первый день! Ставят опыты второй день. Ставят опыты третий день – а они не стоят! Что такое?! Где ошибка?! Правда, профессор?.. Вот, дети, учёный выразительно таращит глаза, что на языке науки значит: коню понятно! Но учёные, ребята, не растерялись, и давай ставить опыты дальше! Ставят они опыты пятый день! Шестой день! Выходные, дети, коту под хвост вместе с уик-эндом! У многих уже началась сыпь и голодные обмороки...

Я смотрю, а возле Ведущей уже появился то ли её начальник, то ли босс. Шура его тоже замечает, и давай отрабатывать деньги:

– И тут, ребята, на помощь учёным бросился академик Алексей, лауреат Пулитцеровской премии, член Нидерландского общества стоматологов-реаниматологов, Гарвардского института ночной гигиены имени реакции Вассермана и прочая, дети, и прочая, и прочая! Вот тут и произошло чудо: на стыке дантизма и педикулёза родилась новая чудо-паста... чудо-паста... Лёша, покажи хоть раз ненавязчиво пасту, скотина!..

Я ненавязчиво показываю пасту боссу. У того брови взобрались на лысину, там и остались. Шура ненавязчиво показывает ему на меня и заканчивает:

– Надеюсь, друзья, после нашей передачи все умные девочки и мальчики выбросят обычную зубную пасту к чертям собачьим, а их родители под действием авторитета академи-

ка Алексея, Президента Всемирной организации защиты ребёнка от счастливого детства, члена Королевского клуба воспитания пингвинов, постоянного участника передачи «Анонимные алкоголики за мир» и прочая, и прочая, и прочая...

Шура заканчивает свою симфонию. Я делаю глубокий вдох, чтобы сказать ему, наконец, святую правду, если спросит, и забываю выдохнуть: прямо на меня идёт Маргарита Ивановна с вытянутым перстом и словами гоголевского Вия:

– Вот он!!

Оказывается, в соседней студии снимали популярную передачу «Моя свинья», то есть «семья». А её пригласили туда в качестве консультанта-эксперта по перевоспитанию трудных зятьёв.

Вот, дети, лишний раз убеждаешься: дрянь это телевидение! Лучше и не включайте!

Женщина и «Жигули»

«Что есть слава? – спрашивал, бывало, мудрец, прислонясь к дувалу. И сам же себе отвечал: – Слава есть яркая заплатка на ветхом рубище певца! Хорошо сказал, – думал мудрец, взваливая хворост на плечи терпеливого ослика, – надо будет записать».

Взваливал и – забывал.

С тех пор мало что изменилось, разве что «заплата» сменилась «зарплатой». Но в основном слава осталась той же: изменчивой, коварной, с короткой памятью – одним словом, женщина.

Автору рассказывал один неплохой столичный артист. Как-то они приехали на гастроли в некоторый город. Не очень большой, но и не очень маленький. В общем – провинциальный. И вот вышел он, такой столичный и такой кое-где промелькнувший на экранах, – вышел днём пройтись по местной штрассе. Людей посмотреть – себя показать. Иду, говорит, солнце светит, витрины показывают, автобус поднимает провинциальную пыль, но чувствую – узнают! Взгляды так и бросают. Девушки глаза отводят! Специально в универмаг зашёл – глянут и отводят! А которые нет – те делают вид! Думаю, ах вы, милые мои! Провинциалушки дорогие! Взор она потупляет! Да, говорю себе, это тебе не столица, где нас – звёзд – хоть вилами с кучи на кучу перебрасывай.

Здесь каждая на учёте и в почёте.

Вернулся в гостиницу, культурный, взволнованный. На встречу Илюха, наш завпост. Говорю: «А ничего себе городок, можно работать!» Илюха говорит: «Да, городок хорош, но ты всё равно ширинку-то застегни!»

Вот тебе и яркая заплата!

У автора тоже была минута славы. И была она самой настоящей. Поэтому автору так и кортит про это доложить.

Было это давно.

В стране только-только начиналось будущее великое скотство, именуемое «перестройка». Нормальная жизнь стремительно катилась к финишу, перепуганный народ бежал кто куда. Увидев такое дело, организаторы и режиссёры этого цирка сказали: «Пора!» – и выдвинули проверенный лозунг «Хлеба и зрелищ!». Однако вскоре хлеб тоже стал подходить к концу, пришлось нажимать на зрелища. В массы запускали всё новые святки и праздники, дни святого Валентина и какие-то лютеранские дожинки.

Вплоть до Всемирного дня дизентерии.

В тот год пришла мода устраивать Дни города. Некто Николай, штатный организатор советских гуляний, сказал автору: «Автор, я делаю День города, выступишь?» Автор спросил: «Сколько?» Николай сказал сколько. Ударили по рукам. Согласно этому юридическому акту автор, именуемый в дальнейшем «Автор», должен был прочесть собравшимся юмористическое произведение. А Николай, именуемый

в дальнейшем «Заказчик», обязывался выплатить Автору причитающееся ему денежное вознаграждение. Кстати, такие чтения были тогда тоже в большой моде, и автор поднаторел, читая со сцены сочиняемый юмор. Имея от филармонии официальную корочку, где в графе «специальность» женским почерком старательно было вписано «писатель-сатирик». Хоть никогда сатириком не был, честно именуя себя юмористом-меланхоликом.

Выступить нужно было на стадионе.

И вот автор написал специальное произведение, полное заказанного юмора и не свойственного ему оптимизма. Прочёл жене. Понравилось. Активная жена обзвонила знакомых со словами: «В воскресенье Вова будет выступать на стадионе, смотрите мне!» Смотреть было велено в телевизор. Приехали друзья из Киева, которым было посулено незабываемое зрелище на стадионе с последующей дармовой выпивкой – сочетание в ту пору презаманчивое! Жена на это потребовала от автора десяток билетов в партере. Автор поклялся, затем засовестился и, отводя глаза, попросил у организаторов три. В результате сам еле попал на стадион и то по чужому удостоверению. Милицейскому, кстати. Такой тогда был спрос на зрелища! Ураган!

Собственно говоря, это была длинная присказка.

И вот аккурат в воскресенье к вечеру автор подъехал к стадиону с небольшим опозданием – праздник там был уже в разгаре. Спешился, отпустил трамвай и насторожился: ста-

дион опоясывало несколько слоёв милицейского оцепления. Оно бы и ничего, но каждый требовал билет или пропуск и, главное, смотрел в него. У автора в пропуске значилось, что он Мельничук Ю. В., майор милиции. Оно бы тоже ничего, но факт в том, что автор чудовищно не похож на милиционера. И никогда не был похож. И подозревает, что если бы и решил связать жизнь с милицией, рано или поздно был бы с шумом отчислен из училища за наглую, вызывающую непохожесть. Про майора и разговаривать нечего! Поэтому на своё собственное выступление шёл если не со страхом, то с томлением духа.

Но дошёл. Хотя путь, который при нормальных условиях занял бы минут шесть, преодолел за полчаса. Ибо, кроме прочего, стадион был забит под завязку, и ещё два раза по столько остались за бортом. И, пробиваясь сквозь пеших и конных, автор уже несколько раз серьёзно порывался плюнуть и повернуть назад. Но останавливало ложное чувство долга, и что друзья будут втуне корпеть у голубого экрана, ожидая команды «к столу». Хорошо, что опытный Николай, зная автора, поставил его выход в самом финале. Само же представление закрывала популярная, а потом и вовсе легендарная рок-группа.

Как и положено в таких делах.

Само же мероприятие выглядело так. Огромная чаша стадиона, набитая зрителями, как банка бывших консервов «Кильки в томатном соусе», кто помнит. Внизу – футбол-

ное поле, уже подсвеченное лёгкими прожекторами, – начинаются сумерки. В центре непривычно пустого поля выстроены квадратный подиум-сцена. На ней выступают и пляшут артисты. Над стадионом реют флаги и ленты, гремит музыка, шумят аплодисменты, слышны оптимистические голоса Ведущих; по беговой дорожке движутся карнавальные и спортивные шествия, перескакивая через многочисленные телевизионные кабели, чтобы не убиться. Не забывая держать на лицах радость и ликование, оплаченные согласно Договору.

Да. И вот не успеют шествующие ликующие отмахать своими цветами и улыбками в камеры, как со сцены-подиума уже несутся удары и вопли очередной рок-группы. Короче, смесь «дыма коромыслом», «Спортландии» и «хоть святых выноси»! Помнится, при виде этой карусели у автора всплыла тогда вещая фраза: «Молодёжь с куплетами и прибаутками весело тащит по кругу клетки с наркоманами».

Как раз тогда наркоманы входили в свою прочную моду.

Но это ещё не всё. Не надеясь привлечь людей на стадион силами одного искусства, организаторы решили параллельно зрелищу разыгрывать блиц-лотерею. То есть ты купил билет – и вот ты уже участник лотереи. Время от времени концерт на сцене прерывался, колёсное или пешее шествие спешно сматывалось, гремели фанфары, Ведущие счастливыми голосами сообщали, что «наша лотерея продолжается!». Дальше Ведущий набирал воздуха и гремел Левитаном: «А СЕЙ-ЧАС! В НАШЕЙ ЛОТЕРЕЕ!! РАЗЫГРЫВАЕТСЯ /интри-

гующая пауза/ СЕТКА ВОЛЕЙБОЛЬНАЯ-А-А!!» или «... ПЛОЙКА ДАМСКАЯ ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ-А-А!!» Ведущая сказочным голосом называла сектор и место выигравших билетов, приглашая любимцев фортуны пройти к восточным воротам, где скучала тиражная комиссия, сторожа нехитрый выигрышный скарб.

Ибо тогда в магазинах на полках лежали в основном продавцы.

Надо заметить, что Ведущий не напрасно брал интригующую паузу. Сомневаясь в притягательной мощи блиц-лотерей, организаторы вставили в список выигрышей главный приз – автомобиль «жигули». Бесценная, по тем временам запредельная вещь. Это можно приравнять к сегодняшней, допустим, двухпалубной яхте. С той разницей, что яхта или самолёт – это блажь, а «жигули» в то время, да при тех ценах на бензин... Короче, мечта как средство передвижения! Конечно, все прекрасно понимали, что автомобиль этот «жигули» уже давно «выигран» кем-то из устроителей. И уже у дикторов заготовлена фраза вроде: «Ой-ой, надо же, никто не явился на место такое-то, сектор такой-то – а ведь как раз на него и пал наш главный приз!! Уже за «жигулями» народ не является, как после такого жить дальше, товарищи!» В общем, наши люди хорошо знали, как делаются такие лотереи, но... Но чем чёрт не шутит, – так всегда думает каждый участвующий в этих сомнительных мероприятиях.

И – участвует!

И вот уже разыграны Лодка резиновая, Мячи надувные, Стойки какие-то, Набор бигудей праздничный и иные полезные ископаемые. Но время главного приза ещё не настало, и пружина интриги закручивалась всё сильнее. А, напомним, закручивалась та пружина внутри 40 тысяч чающих движения воды.

А то и больше.

Это что касается лотереи. А что до самого действия, то оно себе играет, гремит, движется. И движется оно к своему логичному финалу.

Да, а где же автор? Где автор, которому вскоре должно появиться на сцене вместе со своим юмором? Где автор, уже проинструктированный одним из многочисленных помощников режиссёра: «За два номера до себя смело выходишь на беговую дорожку, потом – на поле к сцене; ни на что не обращаешь внимания – тебя всё равно никто не видит. Дальше становишься возле сцены и ждёшь своего объявления. Как объявят, выскакиваешь и дуешь в микрофон всё, что сочинил, понятно?!» «Понятно, что же тут загадочного?..» – думает автор, а сам немного волнуется, но не от предстоящего выступления, а от того, как на него, заразу, попасть?! Ибо в эти самые минуты бестолково блуждает и ударяется о какие-то откосы и захолустья под трибунами стадиона, куда его занесло якобы для сокращения пути, то есть сдуру. Подстадион – кто не был – это государство в государстве: оттуда можно смело выйти на беговую дорожку, но можно на неё

и не выйти, а смело сгнуть в его языческих закоулках и капищах! Автор, подозревая последнее, мечется, уже отчасти подвывая, ибо дивно и страшно состояние человека, когда буквально сверху и с остальных сторон слышны топот, крики, смех, прочий бодрый грохот живых людей, а ты посреди этого один, как палец в ухе, такой же ненужный и полуоглохший!

Спаси и сохрани!

Войдя в некие, сороковые по счёту двери, автор обнаружил там каких-то странных людей, судя по наглому виду, – пацанов с телевидения, и выбрался вслед за ними наружу. Выбравшись, с удивлением увидел, что небо уже потемнело, но что зрители всё ещё на трибунах. И вот тут, идя по беговой дорожке, автор таки заволновался. А как не взволноваться, когда идёшь по дну чаши, напиханной незнакомыми людьми. Вокруг гремит, волнуется, кричит, хлопает – и всё это в полутьме. Ибо ярко освещена лишь сцена в центре поля, где кто-то поёт, пугаясь собственных звуков, усиленных в жуткое количество раз.

Тем не менее до сцены автор добрался практически без приключений. Вокруг сцены маялись дурью человек десять obsługi. «Сейчас, – подумал автор, – отчитаю этот чёртов юмор, и больше в такие дела ни ногой! В крайнем случае – за более приличные деньги!»

Но человек предполагает, а Бог располагает. Ибо дальше начинается самое интересное. То, ради чего это писалось, а

вы читаете, делать вам нечего!

Итак, закончился последний концертный номер перед автором. Кто-то там отпел под фанеру свою лебединую рок-песню и двинул к кассе, за ним потянулась его музыкальная свора. Точно с буквой инструкции автор сменил их на сцене. Сейчас его объявят, и через 8 минут он свободен. «Нужно, кстати, сразу после выступления рвануть к выходу, а то попадёшь домой не раньше полуночи», – так думает автор и видит, что Ведущие его не объявляют, а, наоборот, держат паузу. Затем, включив малиново-рекламные обертоны, сообщают, что наша лотерея продолжается! «Ладно, – думает автор, обживаясь на сцене, – потерпим...»

– А сейча-ас, – гремит Ведущий, – разыгрывается главный приз нашей лотереи...

В паузе слышно, как Ведущий всасывает дополнительный воздух и выдаёт:

– Автомобиль «жигули-и-и»!!!

И тут, конечно, началось! Народ рокочет, хлопает, как-то несвойственно гудит. Фанфары ревут. А Ведущие тянут, выдавливают из момента все жилы и, наконец, объявляют:

– Автомобиль!! «жигули»!! Выигра-ал!! Обладатель!! Билета!! Сектор!! Такой-то!! Место!! Такое-то-о-о!!!

Все телекамеры и прожектора направлены на счастливый сектор, наступает великая тишь, хоть и гремит музыка! Но гремит она не для праздника, а чтоб не так страшно, когда несколько десятков тысяч человек орала, хлопала, свистели

и вдруг смолкли – ужас! Счастливым сектор поднялся, выглядывая своего счастливицу.

Ну-у-у!..

Пауза повисла и провисла, т. е. затянулась.

А автор меж тем стоит один на освещённом подиуме, как участник шоу «Круглые идиоты у микрофона», и понимает, что более большей свиньи организаторы подложить ему не могли! Что это конец, ибо кто станет слушать и какой юмор после такого потрясения?! Что единственно правильное сейчас решение – слинять, пока народ пытается высмотреть того, кого там не может быть по определению! Но тут автор дал маху, в смысле подрастерялся и пропустил момент, когда можно было незаметно исчезнуть. И вот он стоит один, как во поле ярко освещённая берёзка, и тупо ждёт, чем всё закончится. Тем более что пауза заканчивается, море входит в берега, ажиотаж затихает. Ибо, наконец, и коню стало понятно, что автомобиль «жигули» давно выигран теми, кто придумал поставить его в список. А счастливец, естественно, не явился. Или умер от счастья, что одно и то же. Кстати, автомобиль честно простоял за футбольными воротами, рядом с палатками, тюками чайных чашек и постельного белья. То ли муляж, то ли как издевательство.

Но жизнь продолжается.

Выдержав скорбную паузу, Ведущие вздохнули и уже как попало сообщили, что сейчас в нашем празднике вы услышите столь любимый в последнее время юмор в исполне-

нии... И называют автора. Это притом что автор уже минут пятнадцать болтается возле центрального микрофона, как кот учёный, только сильно поглупевший. Зрители поворачиваются к сцене, и автор начинает понимать, как себя чувствует рыба в большом высвеченном аквариуме, вокруг которого столпились пьяные гости и стучат ногтем по стеклу, призывая её к бодрости движений. Короче, на объявление Ведущих трибуны разорванно захлопали, ибо ещё не отошли от автопотрясения. И вообще не могут понять, откуда взялся на сцене этот тип, и главное – зачем?! Автору терять уже нечего и, доставая из кармана текст с юмором, он высказался в микрофон в том смысле, что нет худа без добра. Мол, бывает, от свалившегося счастья человека хватает кондрашка – и он попадает в руки к нашим лучшим в мире врачам, которые потом выписывают его из больницы с самым точным в мире диагнозом: «отмучился». На этот тезис стадион коротко хохотнул, как бы выдохнул один огромный, главное, добродушный человек. Автор слегка осмелел и давай читать свой юмор. Начал он это дело, конечно, не без трепета. Но волнение ушло буквально после второго абзаца, где автор высказал удивление, почему продуктовый магазин возле железнодорожного вокзала называется «Спутник». И сам же ответил: «Конечно, «Спутник»! Ибо эти макароны, пряники, скумбрия в собственных слезах, кофейный напиток «Дружба», где подружились овёс, мыло, спичечные головки, а также опилки мебельной фабрики по производству музы-

кальных инструментов на территории условного противника, – это и есть наши самые верные спутники от вокзала до самой смерти!» На эту правду зал объёмом в 40 тысяч душ шумно, отчасти горько засмеялся.

Хотя сегодня это, может, и не смешно.

Тем не менее зал засмеялся, и автор седьмым авторским чувством понял, что смерть миновала. Дальше, как говорится, было дело за техникой. И вот автор стоит на этой раскалённой сковородке, читает свой юмор, понимая, что насмешить 40 тысяч человек не сложнее, чем 40. А когда сказал, что время наступило подлое, что теперь при бабках каждый поросёнок с хреном понимает о себе, что он свинья в апельсинах, – на эту тоже правду зал буквально грохнул и захлопал. Автора немного контузило, но в душе порадовался, крепко держа, образно говоря, вожжи зрительского внимания.

Короче, дело шло к позитивному финалу.

Но не дошло.

В какой-то момент опытным ухом в стройном, хоть и шумном течении юмора автор уловил как бы размытость. Как бы он на секунду отпустил вожжи, лошадь вильнула в сторону и затормозила по малой лошадиной нужде. Автор читает свой юмор, а ухом слышит, что на трибунах возник посторонний шум. И шум этот нарастает. И вот его уже никто не слушает. И тем же авторским чувством он понимает, что это конец. Но притом не возьмёт в толк, что случилось?

А на стадионе уже стоит не культурный смех, а рёв, который бывает после забитого гола, только ещё страшней, ибо непонятный! Автор позорно замолкает на полуфразе и только тут замечает, что от злополучного сектора прямо через освещённое поле к сцене направляется человек, и человек этот женщина. Женщина идёт, шатаясь под тяжестью звуков, издаваемых ужасной толпой. В руках у неё что-то белеет, небольшая бумага.

Квиток.

Тут в голове автора смыкается, и он понимает, что, вопреки традиции, нашёлся владелец счастливого билета. В более идиотской ситуации автор не был и уже, даст Бог, никогда не будет. Вот только что всё было хорошо: ты стоишь в центре, ты всем нравишься, тебе хлопают; и ровно через минуту ты стоишь в том же центре и ты абсолютно никому не нужен! Коварная толпа нашла себе нового кумира, а ты не можешь даже провалиться, ибо строителями не предусмотрено. Конец!

Но это был не конец. Это было только начало.

Эта женщина в полуобморочном состоянии поднимается на сцену и направляется непосредственно к поглупевшему автору. По внешности она мелкий бухгалтер с 25-летним стажем тупой работы. При этом в глазах у неё нет сознания, в движениях одни рефлексy. И она протягивает выигрышный квиток автору, понимая, что он здесь главный. Дальше начинается трагикомедия. Автор мудро подхватывает её под ру-

ку, понимая, что поднимать ее с помоста будет ещё трудней, и кричит обслуге вокруг подиума: «Заберите её, отведите к тиражникам!» На внятный призыв автора внизу никто даже не шевельнулся. Они такого не предвидели; стоят, то ли пьяные, то ли парализованные. Автор сгоряча давай их материть страшными словами. В ответ – тишина. Если можно назвать тишиной какофонию вокруг. Стадион беснуется, женщина стоит, но стоит она временно, а сейчас будет ложиться умирать – и уже начинает!

И что делать?!

Ещё была надежда на Ведущих, но эта пара сволочей, которые целый вечер болтали языком, как ребёнок ботинками, вдруг резко замолкли, вроде подорвались на одной мине! Или дезинтегрировались!

Всё это длилось минуты полторы, которые, естественно, показались месяцем. Наконец автор взял себя в руки, включил микрофон и сказал залу: «Чего вы кричите, дайте женщине спокойно получить свой волейбольный мяч!» Стадион грохнул. Автор ещё что-то туда сказал в таком же духе, рёв постепенно начал организовываться в смех. Тогда автор, пользуясь тем, что некогда был журналистом, давай спрашивать женщину, как её зовут, где работает, далеко ей от дома до работы? И если близко, так зачем ей эта морока, в смысле машина? Но спрашивал доброжелательно, она понемногу отходила, даже что-то отвечала в микрофон, пугаясь своего голоса, ужасно усиленного, отчего приседала и пере-

ходила на шёпот. Тогда автор дублировал её текст, кое-что беззлобно перевирая. Надо ли говорить, что зал слушал как один невидимый отсюда добродушный человек. Смеялись, хлопали на каждую реплику. Но это не может быть вечно. Пользуясь особенно длинным смехом, автор ещё раз наклонился вниз и гласом велиим обматерил обслугу так, что сам охрип. Схватил какого-то хлопца сверху за чуб, приказав взять женщину и отвести к тиражникам. Хлопец как бы очнулся от гипноза, безропотно поднялся на сцену, взял женщину под руку, и они пошли через поле к своему призу. На прощание автор на весь стадион пожелал женщине любить милицию, СТО, правила движения, горюче-смазочные материалы и нас не забывать. И попросил остальных поддержать его в этом. Стадион так захлопал, затопал, засвистел, что провожатый хлопец поймал бедную жертву фортуны практически у земли.

Но и это ещё не конец!

Возникает второй вопрос: что делать дальше? Тема исчерпана, волна затихает, нужно уходить. А как, когда на тебя из темноты направлены тысячи глаз и ты чувствуешь себя, как кость в горле, сам себе тошный. И тогда автор взял и плюнул. Включил микрофон и сказал: «Так мне дочитать или как?» В ответ из темноты не то что прозвучало, а снова выдохнуло: «Д-да-а!!!»

И тогда автор дочитал свой юмор до последней строчки. Надо ли говорить, что зал реагировал так, как никогда в жиз-

ни. Особенно в конце, когда автор честно сказал:

– Ничего, ребята, времена подлые, но и это пройдёт. Всё опять будет хорошо, и нашей хозяйке при виде того, как гости налегают на твёрдую колбасу, не нужно будет вскакивать и кричать: «Почему мы не танцуем?! Мне хочется именно танцевать!»

Хорошо сказал!

Но это был ещё не конец.

Когда автор закончил, получил свои овации, на сцену уже поднималась всеми любимая популярная группа. Им, естественно, встречно хлопают, ибо их любят и любят за дело. Автор же спустился, идёт себе от центра поля к беговой дорожке, и ноги у него от всего этого совсем чужие. А ещё хуже, что не помнит: когда материл этих козлов, выключал микрофон или пускал живым звуком?! И вот идёт автор, пугаясь своих мыслей; слышит, как сзади настраиваются музыканты. И ещё слышит, что аплодисменты почему-то не стихают. Тогда усталый автор поднимает голову на сектор, видит в полумраке лица улыбающихся людей, которые смотрят на него и хлопают. И тогда автор показывает пальцем себе на грудь, мол, это мне? И люди отвечают: да, мол, да, естественно! И давай хлопать ещё сильнее.

Так и шёл по беговой дорожке к выходу мимо переполненных секторов, и каждый сектор как бы передавал его аплодисментами другому.

Почти как чемпиона.

«Что есть слава? – спрашивал, бывало, мудрец, прислонясь к дувалу. И сам же себе отвечал: – Слава есть не иначе как яркая заплатка на ветхом рубище певца!»

Автор же, в свою очередь, думает: что за дувал такой? Может, мудрецы к нему не прислоняются, может, они из него кушают?

Из сборника «Кролики – это не только ценный мех»

Вообще-то автор относится к исчезающему племени эстрадных драматургов. А драматург, кто помнит, – это человек, сочиняющий пьесы. За деньги, конечно. Получается, что эстрадный драматург тоже сочиняет пьесы, только это называется «малая драматургия». Очень малая, смотреть не на что.

И деньги такие же.

Бернард Шоу, к примеру, или там Мольер в жизни не взялся бы за подобное. Только, понимаешь, размялся, взял дыхание, дошёл до четвёртой страницы, а уже велено заканчивать! А куда прикажете остальные, числом восемьдесят?! Шекспир бы разругался: что за дела?! Ещё был такой северный человек Ибсен – тот мог бы и заушить. Характер-то нордический.

А Чехов бы простил. Он всем прощал.

Вот. А автор, в отличие от всех упомянутых, вынужден был окорачивать свой гений, заталкивать его в прокрустово ложе заказчика. Каждый раз такая была морока – пришлось бросить и забыть. Но кое-что сохранилось. Помнится, народ всё это смотрел и смеялся. Иногда до слёз.

Ниже можно почитать и обнаружить, что автор не врёт.

Впрочем, он давно не врёт, что-то надоело.

«Кролики – это не только ценный мех»

Лето. Украинское село. Правление колхоза. В раскрытое окно слышится придавленное мычание трактора. Или тракториста. За столом – председатель этого всего Иван Михайлович. Перебирает колхозные бумажки, бросает костяшки на бухгалтерских счётах, сопит, заноса в графики фиолетовые цифры. Вполголоса клянёт шариковую ручку.

Жарко.

В кабинет вбегают правленческая девчонка:

– Иван Михайлович! К вам корреспондент!

– Зачем?

– Из столицы!

Иван Михайлович клянёт эту жизнь вообще, затем – столицу, начальство, жару, зачем-то амбарного сторожа. Говорит:

– Проси!

Входит столичный корреспондент с магнитофоном через плечо. Знакомится.

– Иван Михайлович, мы давно с интересом следим за вашим хозяйством!

– Просю садиться.

– Вы опять разводите кроликов, а некоторые не хотят!

– Не хотят, говорят, мороки много, чтоб они повыздохли!

– А вот вы и расскажите нашим слушателям.

Корреспондент рассупонивает магнитофон, достаёт микрофон, готовится к работе. Председатель тоскливо наблюдает за операцией, жмурится, затем вскакивает, кричит в окно:

– Да выключи ты его, пока я тебе этот трактор на голове не побил!

Становится тише и жарче. Наконец у корреспондента всё готово:

– Иван Михайлович, начнём с броской такой рекламной фразы... Например: «Кролики – это не только ценный мех, но и три-четыре килограмма диетического, легко усваиваемого мяса!» Вот сюда – в микрофон.

Председатель смотрит на микрофон, как один из его диетических питомцев на удава. Говорит почему-то шёпотом:

– Оно уже включено?

– Ну да!

– Выключьте... Счас. Это же кролики быстро размножаются, а этие интервью мне прямое наказание! Весной приезжала корреспондентка, так я...

– Иван Михайлович! У меня ни минуты времени! Буквально десять фраз! Итак, «Кролики – это не только ценный мех...» Давайте.

– Уже включили?

– Нет.

– Включайте!.. Включили? Выключьте. Что вы спросили?

– Повторите: «Кролики – это не только ценный мех...»

– Давайте! /говорит чужим голосом/ «Труженики нашей артели вышли на новые рубежи по производству яиц от каждой овцематки!..»!.. Извиняюсь, матки! Всё?

– Стоп! Какие овцематки?!

– Ну такие, весь двор в катышках, гляньте нарочно.

– Давайте сначала! Иван Михайлович, соберитесь!

– Счас, только пускай у меня в животе перебурчит...

– Давайте! «Кролики – это не только ценный мех, но и...»

Ну!

– О, перебурчало! Включайте.

– Включено давно!

– Ага. Выключьте. Это, наверное, у вас бурчит.

– Иван Михайлович!

– Я понял, это Славик опять дизель гробит!

Председатель высовывается в окно, громко ругает Славика. Корреспондент смотрит на часы, барабанит по столу пальцами, затем кулаком:

– Иван Михайлович, давайте работать!

– Ага!.. Счас водички!

– Вы поняли, повторяете фразу за мной! Давайте!

– Счас водичку поставлю... Про каких животных вы спросили?

– Кролики! Кролики такие мордастые!

– Что ж я кроля не видел: вот такие уши, лицо красное, хвостами машут и гавкают! В смысле...

– У меня нет времени! Итак, «Кролики – это не только

ценный мех, но и три-четыре килограмма диетического легко усваиваемого мяса!» Включаю!

– /пауза/ Кролики – это не только ценный... Кто?

– Мех!

– Ага... мех, но и... как?

– Три-четыре килограмма...

– ...три-четыре килограмма...

– Диетического...

– ...диетического... что-то там про «легко» было...

– Легко усваиваемого мяса.

– ...легко усваиваемого мяса!.. Фу, слава всем святым сразу!!

Председатель откидывается на спинку стула, вытирает лицо графиком. На лице счастливая улыбка, большое душевное облегчение.

Корреспондент:

– Иван Михайлович, очень хорошо. Только не «усваиваемого», а «усваиваемого» мяса.

– В смысле?

– В смысле надо переписать.

– Кого?

– Этот кусочек. Давайте.

– Вы же сказали, очень хорошо! Я слышал!

– Там одно слово неверно. Надо «усваиваемого».

– А я как сказал?

– «Усваиваемого».

– Ну правильно, усваиваемого мяса!

– А надо «усваиваемого»! Пошли!

– Куда?

– Что куда?

– Вы сказали: пошли!

– Ну, поехали! Записывать. Включаю.

– /испуганно/ Уже пошло? Выключьте! Теперь включайте... «Друзья!..» Обратно не так...

– /сквозь зубы/ Продолжайте, продолжайте, пишем!

– /в микрофон/ Продолжаю: кролики – это не только ценный мех, но и три-четыре килограмма диетического легко... как?

– /сквозь зубы/ Усваиваемого.

– ...усва... усваяемого мяса! Правильно?

– Стоп! Нет такого слова «усваяемого»!

– Как нет, когда вы только что его сказали?!

– Это я вас повторил, а правильно будет «усвамаегаего», тьфу!

– Видите, вы городской и то с одного духа не скажете.

– Это вы меня запутали! Ещё раз: «Кролики – это не только ценный мех, но и три-четыре килограмма диетического легко усв... усмага...», короче, мяса! Давайте!

– Знаете что. Приезжайте к нам осенью.

– Но мне сейчас нужно! У меня автобус через...

– Зато осенью у нас вот такие коропа! Убийцы!

– Иван Михайлович!..

– Один корреспондент вот так залез в пруд, а они его хватъ

за стыдно сказать что... Короче, приезжайте, не пожалеете!

– Иван Михайлович! Я на работе! Дорогой! Одну фразу!
Слово!

– Хорошо, только вы его мне напишите!

Корреспондент хватает бумагу, начинает писать по слогам. С лёгким подвыванием:

– «Ус-ва-ма...» нет... «усваямо...», да что же это такое?!

– Может, усваюмаго?!

– Подождите!! «Усма...», «устраняемого...». Как же оно пишется?

– Идёмте пообедаем у нас в столовке...

– Да постойте вы со своей столовкой!.. Про что мы говорили?!

– Что там на раздаче стоит такая Люба, как Брестская крепость, только полнее...

– Стоп! /собрал волю/ Мы начали про кроликов, правильно? Что они...

– До того жизнерадостные животные: посадишь парочку, смотришь, через месяц их там уже пятьдесят!..

– Что они дают три-четыре килограмма легко устранимого мяса. Чушь какая-то!

– Усваймого!

– Ага! /пишет/ «Усваряемого...», усваряемого!..Нет!

Корреспондент пытается вспомнить слово. Вопрекл до мозга костей. Председатель подкидывает варианты. В кабинете стоит тихий бред.

Корреспондент: – Что за слово такое!

Председатель: – Кто его придумал! Покажите, я его убью!..О! Счас я девчонку свою позову, у нее по математике круглые четверки! Верка!

Входит Верка. С легким испугом смотрит на двух мужчин с безумными глазами и лицами цвета угорелой малины.

Корреспондент: – Уважаемая! Как будет правильно «усваиваемого»? /кричит/ Усваиваемого! Иван Михайлович, усваиваемого!..мого!

Они обнимаются. Ошеломленная Верка выходит спиной вперед, тихо прикрыв двери.

Председатель: – У нас в дивизии были сплошные наши, с Полтавы. Так верите, те никакого мяса не признавали! Ему с дома пришлют вот такой кусок сала...

Корреспондент: – Иван Михайлович! Дорогой! Вот слово, запомните, ус—ва—и—ва—е—мо—го!

– Да что ж я себе враг! Так я доскажу: он отрежет вот такой кусок...

– Иван Михайлович! последний раз! всю фразу! прошу как брата!

– /решительно/ Включайте!

– Включил!

– /перекрестился/ Кролики – это не только ценный мех!

Но! И три!

– Три!

– Четыре!

– Четыре!

– Килограмма!

– ...лограмма!

– Диетического, легко...не перебивайте, забуду...успа – и

– ваемого!!! Сала!

... Товарищ, товарищ, не закатывайте так глаза! Верка!

Верка, зови фершала, что за наказание такое! Этот тоже какой-то припадошный!

Вечная тема

У наших женщин две вечные темы: придут гости, а чем угощать, как угощать? Нечем угощать. Враньё. Угощать было всегда чем, даже тогда, когда в магазинах на полках валялись одни грузчики. И вторая тема – поскольку есть нечего, его не достать или не укупить, постольку практически всех женщин волнует вопрос: как похудеть?

Похудеть можно, и человечество уже в этом поднаторело: бег, гимнастика или шейпинг. И конечно, диеты: «японская вишнёвая», «польская соковая», «чесночная», «восточная», «асбоцементная», «американский салат красоты». И наша простая отечественная диета «что бы ещё такое съесть, чтобы похудеть?».

Самые отчаянные голодают. Ну, эти либо от избытка воли, либо от стечения обстоятельств. Ниже подаётся рассказ одной женщины, который так и называется:

Как я голодала семь дней

У нас тут на работе появился один недавно, новенький, короче. Такой, в общем, ничего особенного. Короче, наши женщины все обратно на каблуки встали. Взгромоздились... Я подруге своей, Лизе одной, так и говорю:

– Наши-то, – говорю, – ходят мимо него, шатаются, как

этажерки. Но он на них, – говорю, – ноль внимания.

Лизка-то меня выслушала, потом говорит:

– Ты чего это сама в дождь на таких каблуках прихромала?
Или боишься наводнения?

Я говорю:

– Потому что он на меня – тоже. Лизка, ты достань мне что-нибудь такое, 46-го размера. Чтоб я надела, дверь открыла – и ему стали делать искусственное дыхание!

Она говорит:

– Ты когда последний раз влезала в 46-й размер?

Я говорю:

– В третьем классе, а что?

Она говорит:

– У меня есть то, что тебе нужно. Но куда ты его натянешь? На бигуди?

Я говорю:

– Что же делать?

Она говорит:

– Голодать! Они сейчас все худых любят, чтоб они подавились. Те и другие.

Я вспомнила, что у него над столом такой снимок из журнала. Да вы видали: не то французенка, не то китаянка... Да они все похожи: тут пусто, тут негусто, а внизу два черенка торчат, чтоб было чем за почву цепляться... Короче, Лизка говорит:

– Где он?

Я говорю:

– Его как раз в командировку, на неделю.

Она говорит:

– Это шанс. За неделю ты должна дойти до 46-го размера.

Я говорю:

– Может, я и дойду, только я уже не вернусь.

Она говорит:

– А любовь?! Вспомни Анну Каренину.

Я говорю:

– Так что делать?

Она говорит:

– Ничего не ешь, пьёшь одну воду.

Я говорю:

– Много?

Она говорит:

– Увидишь.

День первый. Голодаю 45 минут. Настроение отличное. Наши женщины улыбаются – они ещё ничего не подозревают. Обед. Все пошли в столовую. Выпила воды, посмотрелась в зеркало. Сказала этой француженке: ха-ха! После обеда: сильно хочется есть. Снова выпила воды, посмотрелась в зеркало, сказала: ха-ха! Получилось, но хрипловато. Дома. Включила телевизор. Фермер из Саратова говорил о кормах. Я о них думала. Всю ночь.

День второй. Очень хочется есть. Весь день пила воду, сперва так, потом прямо из крана. Пока она не закончи-

лась. Пришёл хмурый слесарь, сказал: лопнула труба. Быстро ушла домой.

Дома. Очень сильно хочется есть. Надо почитать. Боже ж мой! Они же там все едят, от слова жрут. И королева Марго, и графиня Монсоро... О! «Виконтесса улыбнулась герцогу, отломив крылышко дикого кабана и сожрала без хлеба и соли». А всё остальное дожрала юная маркиза. Детские, между прочим, тоже. «Колобок, Колобок, я тебя съем». «Бабочка-красавица, кушайте варенье...» Не хочет, сволочь такая.

Ночью снилась жар-птица. Полупотрошенная.

День третий. Утро: как хочется есть! День: как хочется есть! Вечер: как хочется жить! На работе: помню, что пила, помню, что воду, помню, что много. Не помню, из чего именно. Зрение, руки, ноги замедлились. Но нюх обострился до слёз. Соседка несла сосиски – я взяла след. Сосиски «любительские» – след вчерашний.

Ночью снилась Анна Каренина. Звала к себе.

День четвёртый. Весь день заносило. Сперва на улице, потом в трамвай, потом из трамвая. На работе сносило три раза, пока кто-то не закрыл форточку.

Дома. Полезла в ванну – не могу погрузиться. Выпила воды – не могу всплыть. Кинула на карты, сколько мне осталось. Карты упорно показывают возле меня недоброжелательницу с острой косой и песочными часами и бубнового короля – в казённом доме с надписью «Столовая». Из-за кого я страдаю?

Снова снилась Анна. Говорит: «Ты скоро?»

День пятый. Надо вставать.

День шестой. Надо вставать.

День седьмой. А может, не надо? Самочувствие отличное.

Аппетита нет, зато зрение – дай Бог каждому: отлично вижу, что творится на земле, под землёй. Сползла вниз, глянулась в зеркало. Оттуда на меня глянула француженка и спросила по-русски: «Ну, доигралась?» Собрала силу воли, и мы втроем пошли на работу: я, сила воли и всё, что от нас осталось. По дороге ветром снесло шляпу, вместе со мной. Зацепилась за трамвай. В трамвае посмотрели на мои колени – уступили место. Я глянула тоже – заплакала.

На работе. Начальник кого-то смутно напоминает. Я сказала: «Колобок, Колобок, я тебя съем». Начальник выпил воды. С валидолом. Назад спускалась через четыре ступеньки. На третьем этаже вылетела в окно.

Ночевала на акации.

Ночью явились графиня Монсоро, королева Марго и женщина в белом со скорой помощи. Она сказала:

– А ну слазь, нашла время!

День. Дверь палаты раскрылась, на пороге стоял он с цветами и во-о-от такой передачей.

Я сказала:

– А теперь я вам нравлюсь?

Он покраснел и сказал:

– Вы мне всегда нравились. Особенно до того... Ну, в об-

щем, раньше.

Я как закричу:

– А зачем же тогда я?! А как же... а это... А француженка на стенке?!

Он говорит:

– А, это календарь. Сейчас там лошади.

Я говорю:

– Да? Тогда оставьте, пожалуйста, вашу лошадь, то есть передачу, и приходите через два дня. Я это быстро!

Танцор диско

Вот как бывало раньше, многие ещё помнят.

Небольшое помещение провинциальной «Фотографии». Лампы, белые экраны, стулья. Посередине тренога с ящиком аппарата. В помещении пожилой фотограф Яков Борисович. Входит Клиент. На нём пиджак, кудри и толстый деревенский галстук.

Фотограф:

– Сфотографироваться? Садитесь сюда.

– Сняться. Но можно и сфотографироваться.

Клиент сел, фотограф готовится.

– На что будем фотографироваться?

– На карточку.

– Паспорт, права?

– На памятник!

– Куда, куда?!

– «На память Любе от Николая».

– Сделаем. Так, смотреть сюда...

– Только я на фотографиях выхожу очень сильно плохо получаюсь.

– Не двигаться...

– Меня снимать не умеют.

– Сделаем, как на рекламе.

– Хочу, чтоб как киноартист. Как этот...

– Голову правее...

– Наш киноартист, вы его видели...

– Будем снимать... не двигаться... И-и...

– Подождите, я вспомню, а то обратно зря деньги даром потрачу.

– /терпеливо/ Вспомнили?

– Вот почти вспомнил, так вы перебили!.. Он ещё там был богатый, а она – негр... Юморной такой фильм...

– Будем фотографироваться или вспоминать?

– Ладно, снимайте так.

– Внимание, сейчас отсюда вылетит птичка... И-и...

– Стоп!

– Что ещё?!

– Вспомнил! «Танцор диско»!

– Я понял. Внимание /пауза/.

– /окаменел, сквозь зубы/ Пускайте, пускайте!

– Что?!

– Птичку.

– Куда пускать?!

– Вы же сами только что сказали!

– Это в шутку так говорят: «вылетит птичка!»

– Не надо шутить. У меня нервная система и так от вашего света парализовалась пополам!

Пауза. Отдыхают.

Фотограф:

– Вам нужно улыбнуться, понятно?

Клиент:

– А я что?

– А вы так смотрите, как будто отсюда вылетит топор!

– Ага, давайте!

– /готовится/ Внимание...

– Стоп!

– Что ещё?!

– Но вы поняли, как танцор!

– Так вас с ногами фотографировать?!

– Мне надо «на память»! Значит, до пиджака.

– Хорошо. Приготовились...

– Стоп! Я забыл, куда вы сказали смотреть?

– /слегка раздражен/ Учтите, у меня дорогие импортные негативы. Давайте с одного раза... /готовится/ Внимание...

– Я извиняюсь, а почём сейчас дорогие?

– У меня – ниже государственных.

– Тогда снимайте.

– Приготовились, внимание... Ты чего там губами шевелишь?!

– Тихо! Я считаю, сколько у меня в карманах денег... Давайте!

– /готовится/ Внимание... пошла улыбка... Ты что делаешь?!

– /сквозь улыбку и сквозь зубы/ Давайте снимайте, мне улыбку трудно держать.

– Стой. Как тебя зовут?

– /на той же улыбке/ Татьяна... в смысле Михаил.

– Слушай, Миша...

– Вспомнил, Николай Иванович!

– Коля, ты, главное, не волнуйся.

– А штанов не будет видать?

– Вспомни что-нибудь приятное.

– /настороженно/ Зачем вам?

– Ты про себя вспомни приятное. У тебя на лице появится естественная улыбка.

– Так бы и сказали /сосредоточился, начинает тихо ржать/.

– /тихо готовится/ Вот, вот, во...

– А сильно приятное можно?

– /раздраженно/ Какое хочешь!

– /нахмурился/ Гадость какая-то в голову лезет.

Пауза, отдыхают.

– Коля, ну ты видел, как американцы улыбаются?

– Какие американцы?

– Египетские, какие!.. Клинтона видел?

– Что я не видел старика Клинтона, что ли? На голове платок в клетку, вот такие губы и фамилия ругательная, я стесняюсь.

– Стоп, я понял! Скажи, «чииз»!

– Ч... как вы сказал?

– «Чииз» я говорю, «чииз»! Понял? «Чииз» я говорю!

– Понял, давайте!

– Приготовились! /пауза/ Ну!!

– Что?

– Что ж ты молчишь там, как танцор вкопанный?!

– Вы же сказали: «я говорю»! А я думаю, странный какой-то!

– Это ты должен сказать!

– Ага, давайте.

– /готовится/ Внимание... говори!

– /испуганно/ Что?

– «Чииз», понял?!

– /взопрел/ Ага.

– /из-под своей шали/ Вот так, громко, членораздельно, понял?

– Ага!

– Приготовились... Давай!

– /громко, членораздельно/ Ага!

– /из-под шали/ «Чииз», «чииз», понял!

– /мокрый/ Ага.

– Не агакай! Говори! «Чииз»!!

Клиент вытаращился, шевелит губами.

Фотограф:

– Ну!

– Так я уже сказал.

– Ты вслух должен сказать это слово, вслух, громко!

– Ага, я скажу, она глянет на фотографию и меня убьёт!

– Кто?

– За это слово!

Пауза, отдыхают.

Фотограф:

– Коля, ты в школе какой язык учил?

Клиент:

– Когда именно?

– Когда проходил!

– Наш, а что?

– ИностраннЫЙ, иностраннЫЙ какой?!

– Что вы от меня хочешь?!

– Это сыр по-английски! «Чииз» – по-нашему сыр. Сыр, круглый такой!

– Так бы сразу и сказал! Давайте.

Пауза, готовятся.

Фотограф:

– Внимание... голову сюда... /из-под шали/ И-и...

Клиент: – Стоп! /причесался/ Давайте!

– /глухо/ Пошел!!

– /громко, членораздельно/ СЫР!

– /кричит/ Надо «чииз», понял?! Когда говоришь «чииз», губы сами растягиваются, и получается улыбка, вот такая вот! /показывает/

– Не делайте так, мне страшно!

– Ты меня доконаешь! Это же так просто: сыр – улыбка, улыбка – сыр! Чем больше сыр, тем шире размер, понял?!

– Что же не понять? Когда учитель наш Александр Сергеевич узнал, сколько стоит кружок сыра, у него губы растя-

нулись в такую улыбку, что её потом всем посёлком назад стягивали. В пределы головы. Но так и не стянули!

– Давай последний раз!

– Стоп! Можно я сниму пиджак? /решительно стягивает пиджак через голову/ Давайте!

– Приготовились... стоп! /решительно стягивает халат/ Внимание... пошёл «чииз»!

Клиент сидит мокрый с пиджаком на коленях, галстук за ухом, глаза старательно выпучены, губы шевелятся.

Фотограф:

– Стоп. Иди сюда... иди, иди... /засовывает клиента под шаль/ Вот, посмотри на идиота!

– /Глухо./ Никого не вижу.

– Как не видишь? А куда же он делся?! /кричит/ Николай, ты где?! Где этот идиот?!

– Я – справа!

– Я с тобой тронусь... /садится на место Николая/ Смотри!

– /из-под шали/ Вижу идиота!

– Так это ты!

– /из-под шали/ Там кто-то другой. Я его где-то уже видел.

– /решительно/ Садись! Самый последний раз!

– /решительно/ Не сяду! Вы снимать не умеете!

– Это потому, что плохому танцору диско мешает! Оба!

– Да? Это ваша собственная парикмахерская?!

– Фотография.

- Я её вам спалю! Дайте спички!
- На, мне уже всё равно!
- Теперь давайте сниматься!
- Это твой пиджак?.. Забирай и уматывай!
- Вот смотрите, чииз, чииииз! Получается?
- Лучше бы я сегодня себе руку сломал!
- Вот я сел! Лезьте под свою тряпку!.. Да это же халат!..

Не надо ложиться, надо работать!.. Приготовились!

Пауза, готовятся.

Фотограф:

- Стоп! У тебя выпить не будет?
- Сейчас сбегаяю!
- Не надо!

Собрался, как перед смертью:

- Внимание, голову сюда, глазами не шевелить, и-и...
- Стоп! Как вы сказали, какая первая буква?
- «Чииз»! «Че» буква! «Ч»... Последний раз! Давай!!
- /громко, членораздельно/ «Ч»!

Занавес.

Тумбочка

Первый – бывший интеллигентный человек, с большого бодуна.

Второй – человек из народа, но бодун тот же.

Раннее городское утро. Московское время – шесть часов. Музыка. На сцене появился Первый с собачьим поводком, на поводке ошейник. В ошейнике никого, ни души. Первый явно ищет собаку. Пытается даже свистеть, но во рту у него великая сушь.

В это время появляется Второй, он в том же состоянии, но без собаки, зато правая рука у него оттопырена, вроде он несёт под мышкой тумбочку под телевизор.

Второй заметил Первого, констатирует про себя:

– О, юридическое лицо!..

Подошёл, достал бумажку, читает громко, но с трудом:

– Мужчина! Подскажите, пожалуйста, где ближайшая ул.

Мирзояна?

Первый молчит, он занят своим.

Второй:

– Спасибо!.. /читает/ «д. 44, кв. 76, второе пе, жёлтая дверь, третья от лифта, налево», не подскажете?

Первый занят своим.

Второй с бумажки:

– «Напротив магазина «Головная боль»... ага, «Голов-

ная уборная»?! ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ! Придумают же!.. Несу тумбочку под телевизор мириться!

Первый на это держит перед глазами пустой ошейник, пытается что-то сопоставить в голове. Не сопоставляется. Ко Второму:

– Слушаю вас, прекрасная незнакомка!.. Извините, ко-
мец!

Второй обнаружил под мышкой пустоту:

– Гляньте, нет ли у меня под рукой, похожее на тумбочку?

Первый:

– А ну, поближе к свету!.. Вынужден вас не об... брадо-
вать!

Второй, не обрадован:

– Жена сказала: «Бери тумбочку, иди мирись с моей ма-
мой! Или ночуй где хочешь!»

Первый, с медленным любопытством:

– А где вы обычно хочешь?

Второй, с бумажки:

– Мирзояна, 44, 76-й этаж, жёлтое налево, Морозова 33 /
три, три/.

Первый, смотрит на пустой ошейник:

– Извините, вы на этом конце ошейника ничего не видели,
извините?

Второй, внимательно смотрит сквозь ошейник:

– Извиняю.

Первый:

– Спасибо. /свистит собаке/

Второй:

– Я здесь!

Первый, увидел:

– Слушаю вас, прекрасная... прекрасный!

Второй, с бумажки:

– Мирзояна, 44, дальше по списку до Морозовой Три Три, жёлтого цвета морской молвы, прошу подсказать.

Первый, слегка удивлён:

– Морозова, сколько?

Второй:

– Три, три... это её мобильник, номер.

Первый, подумал:

– Цифр маловато.

Второй, обиделся:

– Это маленький мобильник!.. Счас я уточню... Морозова три... «зе»! Морозова ЗеЗе! Зинаида Зинаидовна, я же помню!

Первый:

– Это в корне меняет... корень! Как её зовут?

Второй, удивлён:

– Кого?!

Первый:

– «Зе-зе»!

Второй, задумался:

– Просто как-то зовут, по-медицинскому...

Первый, строго:

– Вспомните, это важно!

Второй:

– Вспомнил! Зараза!

Первый, строго:

– Суммироваем: Морозова Зараза Заразовна... Она у тебя татарка, что ли?

Второй, нехотя:

– Тёща!

Первый, сочувствуя:

– Лучше бы первое.

Второй, искренне:

– Лучше бы!

Первый, научно:

– Не теряем мысль: если она ваша тёща, значит, вы ей...

Второй, тупо:

– ...лучше бы!

Первый, мягко:

– Если она ваша тёща, значит, вы – ваш тесть. А если вы ваша тёща, значит, она ваш, ну...

Второй, тупо:

– Тесть!

Первый, научно:

– Суммируем...

Второй начинает нервничать:

– Что ты тут суммируешь, суммиматор?! Мирзояна,

44, всё налево, Морозова на три буквы, не знаешь?

Первый, честно:

– Нет!

Второй:

– Зачем тут стоишь, вроде знаешь?!

Первый, принял решение:

– Разрешите. /забрал бумажку/ Давайте всё сперва. /читает/ «Анитокс, йомамсь, сиримпоп...» Точно, татарка! /перевернул бумажку /Ага, «Помиришь с мамой, скотина!»

Второй, забрал:

– Не надо, это личное!

Первый:

– Мыслим логически: мы ищем женщину.

Второй, уточняет:

– Тёщу!

Первый, сочувствуя:

– Лучше бы первое!

Второй:

– Лучше бы!

Первый, строго:

– Не теряем мысль! У тёщи должен быть кто?

Второй, тупо:

– Тумбочка!

Первый, открытие:

– У тёщи должен быть тесть!.. А тесть – это вы!.. Вот вы и нашлись!

Второй осмысливает, не осмысливается:

– Я тебя последний раз спрашиваю: вот это Мирзояна как называется?!

Первый:

– Так и называется: Мирзояна! Тут всё называется Мирзояна!

Второй:

– Может, и ты Мирзоян?!

Первый:

– Будем знакомы, Суриков Михаил Михайлович. По гороскопу Мирзоян!

Второй, культурно:

– Очень приятно. Господин Мирзоян, где тут улица имени вас, д. 44?

Первый:

– Плиз! Бросьте взгляд на противоположнолежащую сторону меня и найдёте ископаемоваискомовоееое.

Второй:

– Бросаю!... /читает/ «Мирзояна, 43»!

Первый, растроганно:

– Она ждёт вас там! Идите, любите друг друга! – Уходит.

Второй, вслед:

– А 44?!

Первый, слегка раздражён:

– Ну сосчитайте! 43, следовательно, следовательноный будет 44! Как дети, честное слово!

Второй:

– Бросаю ещё раз!.. 45!

Первый оценил:

– Перелёт! Бросайте по центру!

Второй, менее культурно:

– Сам бросай, у меня уже голова от пиджака отламывается!

Первый:

– Главное, спокойствиивовее!.. Берём д. 43, медленно, без толчков, переводим голову налево... /обрадован/ Плиз, 45!..

А вам сколько надо?

Второй, сердится:

– Поменьше!.. Может, это не Мирзояна, говори!

Первый:

– Пока я здесь – это Мирзояна стрит!

Второй:

– Где на твоём стриту д. 44?! Упри меня в него пальцем!

Первый:

– Блестящая идея! Уприте пальцем в д. 43, я упру пальцем в д. 45, по команде резко сводим пальцы вместе – тут он и попался!

Долго и смешно ловят д. 44. Наконец упёрлись пальцами друг в друга, запыхались.

Второй, не узнал:

– Ты кто?!

Первый, дышит:

– По гороскопу?

Второй, дышит:

– По!

Первый, дышит:

– Морозов Павлик Мирзоянович!

Второй, дышит культурно:

– Очень приятно! Не подскажите?

Первый:

– Что именно?

Второй:

– Что-нибудь!

Первый заметил пустой ошейник:

– А какое сегодня число уже?!

Второй:

– 44-е!

Первый, расстроен:

– Я же 15-го вывел её погулять!!

Второй:

– Тёщу?

Первый:

– Лучше бы её!.. Знаете что! Идёмте к Мирзояну, тут неподалеко! Там у него кто-то вчера забыл тумбочку из-под телевизора.

Второй, замялся:

– А удобно?

Первый, гордо:

– Мы у себя на Родине! У нас человек человеку друг, товарищ и Мирзоян!

Второй, радостно, по-советски:

– Эх! Жить, как говорится... на «х» как-то, не помните?

Первый запел, и хорошо запел:

– Летят перелётные птицы в туманной дали, извиняюсь, голубой... Летят они в жаркие страны, а я остаюсь с тобой...

Так и ушли с песней.

Вставай – наливай!

*«Кто женился в январе – вставай, наливай!..»
/застольная песенка/*

Правильно, конечно, будет «кто родился... вставай, наливай».

Но речь здесь о другом. Как говорит горькая статистика, сегодня на сто браков приходится полторы тысячи разводов. Сам процесс развода – важный этап в семейном строительстве, но по халатному недосмотру поставлен на самотёк.

Или преступному – можно вопрос поставить и так.

Поэтому приглашаем вас сюда, в небольшое кафе широкого профиля. Здесь отмечают экономсвадьбы, корпоративы, юбилеи, средних размеров поминки. Это отражено в оформлении зала, где рядом с радостными надувными свадебными атрибутами и двусмысленными ухмылками амуров соседствуют строгие гробовые мотивы.

Сегодня здесь премьера – «Праздник первого развода».

Столы, жёлтые цветы, на небольшом возвышении пара микрофонов. Тут же оркестр и два тамады – Марик и Гарик – опытные организаторы торжеств и застолий. Гости за столиками внемлют происходящему, ожидая приглашения выпить и закусить.

Итак, начали!

Гарик:

– Дорогие гости со стороны мужа! Дорогие гости со стороны жены! Дорогие гости со стороны... /Марику./ Опять от тебя пахнет, сволочь!

Марик, выкручивается:

– Да! Да... Да и как же, дорогие друзья, как же не пахнуть, как не пыхтеть, когда мы с вами практически этим же составом собирались в этом же зале, поднимали бокалы, кричали молодым «Горько! Горько!» и считали хором, пока их пытались друг от друга оторвать.

Гарик – Марику:

– Посчитаемся у кассы! /гостям/ С тех пор, дорогие друзья, прошли-пролетели долгих три месяца. Эти стены ещё помнят звуки ваших песен, эти стулья – тепло ваших сидений, эти ступеньки – тепло ваших рук!

Марик:

– Да и как же без драки! Как сказал великий польский душегуб Иван Сусанин...

Гарик, пнул коллегу коленом:

– Да, друзья, ещё недавно мы называли наших молодожёнов простым русским словом «брачующиеся».

Марик:

– А сейчас цветами и музыкой встречаем наших отбракованных!

Оркестр играет «мендельсона», в котором угадываются нотки «варяга», в дверях появляются герои сегодняшнего

вечера Дарья и Артём, будущие бывший муж и бывшая жена. Не смотрят друг на друга, они давно и по-детски поруганы.

Гарик:

– Дорогие Дарья и Артём! С самого начала ваш семейный путь был усыпан цветами и утыкан родственниками. Потом начались суровые семейные будни...

Марик, удивлённо:

– Да и как же без драки?! Как говорил великий турецкий турок Турандот...

Гарик, пнул:

– Быстро пролетел ваш медовый месяц, и вот вы здесь. И первое слово по старшинству предоставляется дедушке внебрачной Дарьи Ивану Ильичу Голдпуперу!

Марик:

– И пока там ему кричат на ухо, дед, полундра! – напоминаем, что спонсор нашего развода – фирма «Цветочек аленький»: добыча, производство и отгрузка мраморной крошки!

Гарик, рекламным голосом:

– **«Цветочек аленький – кроши и пой!»**

В это время у микрофона уже возник застенчивый мужчина с дремучей щетиной на щеках.

Марик:

– А вот и любимый дедушка Пупергольд!.. Просим, любим!

Мужчина, скромно:

– Извиняюсь, я не дедушка, извиняюсь!

Гарик, строго:

– Так чего ты здесь?

Мужчина, скромно:

– Извиняюсь, мы насчёт горячего, извиняюсь. Когда подадут?

Марик:

– Какое горячее, турандот, мы ещё не начали?!

Вытолкали. Встречают дедушку.

Марик:

– А вот и любимый дедушка Пупеншток. Вот сюда, дедушка, в микрофон.

Дедушка, со слезой:

– Дорогие мои. Сегодня мне особенно больно говорить – я вместо своих зубов вставил старухины очки. А что эта слепая лань видит сквозь мои зубы на носу...

Гарик:

– Дедушка Штуцер, по существу.

Дедушка:

– Ага... Так я гляжу сейчас на нашу красавицу новогоднюю ёлку и на глазах молодею душой!

Гарик:

– Дедушка, это не ёлка, это супруга нашего уважаемого спонсора.

Дедушка, приятно удивлён:

– А я смотрю на эти шары и не могу вспомнить, где я их видел!..

Гарик, с хорошей улыбкой:

– Дедушка, это не шары!

Марик – спонсорше:

– Да, как говорится, красоту не упрячешь!..

Гарик, пнул:

– Дедушка, врежьте по воспоминаниям, сюда, в микрофон.

Дедушка:

– Бодрая молодость! /Запел./

С лейтенантом я гуляла

И с майором хочется,

Потому что у майора...

Гарик, наступая песне на горло:

– Дедушка, тут детишки, соображайте...

Дедушка:

– Ага, счас дам дошкольные! /даёт/

Предлагал милёнок Ваня

Погулять за хатюю...

Я сказала, что согласна.

Только с предоплатюю!

Гарик:

– Спасибо, отец!.. Марик, отними у него микрофон! /Гостям./ И первый тост мы поднимаем за наших молодых, в

смысле за наших выбракованных! За Дария и Артёму! /оркестру/ Сеня, давай!

Оркестр играет «Созрели вишни в саду у дяди Вани». Гости облегчённо выпивают и закусывают, входят во вкус. Оркестр играет уже нечто третье. Дело на мази.

Марик, вытирает уста, прячет рюмку в карман:

– Минуточку внимания, дорогие! Однажды великий английский... англичец Ньютон сидел под деревом – и тут ему на голову что-то сделалось!

Гарик, пнул:

– И пока вы делаете себе в бокалы, напоминаю: центральное блюдо на столе – это не оливье. Это образцы мраморной крошки от нашего спонсора!

Марик, нетвёрдым рекламным голосом:

– **«Цветочек аленький» – блеск и удаление нежелательной растительности во рте!**

Гарик, пнул:

– И пока, дорогие, вы там плюётесь, хочу напомнить охране: вас пригласили для участия в разделе имущества, нажитого супругами в совместной драке... браке, а ваш старший уже «в лохмотьях», когда успел?!

К микрофону скромно подходит тот же дремучий мужчина, скромно ждёт.

Гарик, заметил:

– Мужчина, вы с чьей стороны?

Мужчина:

– Я со стороны нашего стола.

Гарик:

– Давай, говори гостям!.. Слово предоставляется вот этому представителю!

Мужчина, скромно:

– Дорогие наши... Поднимите руки, которые тут дорогие!.. О! Дорогие наши сидящие с поднятыми руками! Вот так же и мы, извиняюсь, члены нашего стола сидим здесь ещё с вашей свадьбы, хотя нас сперва отсюда гнали, но мы сказали, не уйдём, так теперь нас стали показывать за деньги!

Тамады, большое удивление:

– Чего вы тут сидите?!

Мужчина:

– Так мы со свадьбы ждём, когда подадут горячее!

Тамады вытолкали «горячего»:

– ТАНЦУЮТ ВСЕ!

Грянул оркестр, народ поднялся и заплясал в силу возраста и танцевальных склонностей. Остальные наливают себе и пьют без тостов.

Официанты меняют тарелки, ударяясь о танцующих.

Первая пара:

– Как вам этот развод?

– Молодцы ребята! И дед у них боевой!

– У нас дедушка тоже был патриот! Бывало, кушаем, а за спиной – наш флаг! Дед вдруг оближет ложку, да как трахнет бабку по лбу...

– За что?!

– И она тоже интересуется: «За что, старый пень?!» Он нахмурится, говорит: «Простить себе не могу, что тебя не девкой взял!»

«На недельку до второго я приеду в Комарово...»

Пляшут все и хорошо пляшут. Мало всё-таки у нас праздников!

Тамада Марик прячет рюмку в карман, обмахивается чужой тарелкой:

– Дорогие наши... находящиеся в этом помещении! Как говорил великий монгольский акын Софий Ротару... А вот и он! Давай, Софико, врежь подкожное!!

К микрофону подходит большая трезвая женщина, в большой руке держит некий флакон, энергично говорит:

– Дорогие подруги! Сегодня нам всем нелегко. Посмотрите на меня – ещё совсем недавно я весила 260 кило... Когда я вывешивала во дворе своё, извините, нижнее бельё, мужчины говорили: «Какой дурак сушит чехол от танка?!» А дети забирались внутрь и играли в войну! Но теперь это всё позади, ведь у нас есть «ЖИРОМОР»...

Гарик:

– Тётка, ты от чьей стороны?!

Тётка, хорошим рекламным голосом:

– Я дилер женской компании «Подмышки счастья»! «Жи-ромор – жри и худей»!

Марик, строго:

– Слушай, дилер! Покинь эстраду, пока я тебе жиромор не отломал вместе с подмышками!

Гарик, кричит:

– Не пускайте в зал посторонних! Это не развод, это проходной двор!.. /вежливо/ А сейчас слушаем материнское напутствие мамы выбракованной Дарьи! Прошу, Нина Маргиналовна!

Мама, тоже крепкая женщина с шестым размером:

– Дорогие дети: Дарья и ты, Артемон! Мы для вас ничего не жалели! Хотите установку? – Хотим! – Нате. – Хотите жить отдельно? – Хотим! – Нате. – Хотите, подселим к вам бабушку? – Не хотим!! – Нате!.. Тамадам этим тогда на свадьбе по сотне накинули! За что, спрашивается?!

Гарик, с большим человеческим удивлением:

– Это когда по сотне?!

– Спроси своего напарника! Он тогда ещё пьяный не мог в карман попасть, в ширинку затолкал, культурно, да?!

Гарик – Марику, зловеще:

– Марик, не понял?

Марик:

– Танцуют ф-фсе!

И вновь грянула музыка. Отяжелевший народ выбирается из-за столиков, женщины стряхивают с подолов мраморную крошку. Под потолком замигали разноцветные огни, завертелся зеркальный шар.

«Так вперёд за цыганской звездой кочевой...»

Первая пара:

– Что это вы всё молчите и молчите! /обещающе/ Обычно мужчины говорят мне комплименты!

– Так я зарёкся насчёт комплиментов!

– /многообещающе/ А вы попробуйте...

– Боюсь. Я прошлый раз на ихней свадьбе сказал одной комплимент...

– Наверное, очень тонкий, а эта дура не въехала!

– Конечно, дура! Я говорю: «Как хорошо вам быть такой яркой блондинкой – перхоти почти не видно!»

– Так это же была я!..

Ещё одни:

– Девушка, можно вам интимный вопрос?

– Ни за что!!

– Ага, извиняюсь...

– /держит/ Нет, если вы уже начали, так продолжайте. /томно/ Так о чём вы хотели меня спросить?..

– Да, это... вы не в курсе, когда подадут горячее?

«А цыганская дочь – за любимым в ночь...»

Тамада Марик пересчитывает какие-то левые бабки, говорит невнимательно:

– Дорогие мои... прежде чем приступить к... минутку внимания, хочу напомнить слова знаменитой японской куросавы...

Мама Артёма отнимает микрофон:

– Помолчи, тенор! Дорогие гости, мы – люди простые! Я

днём мёрзну на рынке, вечером работаю девушкой по вызову – травлю грызунов на участке! А годы идут, вместе с этим вот /показывает на мужа/, у которого чёрный пояс по разливу в темноте!.. Так я хочу сказать, что тут передо мной одна говорила, вроде это они сами свадьбу решили; оркестр, свидетелей, поздравление в газету... А мы вроде с этим... с супругом рельсу нюхали! Это мы, которые на свадьбу продали галантерейный киоск «ДАРЫ ТРУСОВ». Почти магазин!.. Я тут слышу, как сбоку издаются какие-то звуки, так я сейчас подойду, сделаю дырку в шиньоне!

Решительно двинулась в сторону соперницы. Женщины энергично, как-то профессионально сцепились. Оркестр врубил «Вдруг, как в сказке, скрипнула дверь». Присутствующие воодушевились. Пользуясь шумом, к микрофону пробралась скромная тётя Фира в сопровождении военного мужа. Муж явно недоволен.

Тётя Фира:

– Дорогие Дарья и ты, мальчик!.. Забыла, как тебя...

Муж, недовольно:

– Артём!

Тётя Фира:

– Ага, и ты, Волонтёр! Пользуясь счастливым случаем, пока ваших родителей растаскивает охрана, мы с дядей Стёпой хотим сказать, что...

Дядя Стёпа, отодвинул:

– Погоди, бэть! Артём, ты меня знаешь – я человек во-

енный, радоваться не привык! /тёте Фире./ Молчи, кукуруза!.. Артём, я твоим родителям говорил: «Отдайте парня в армию, будет головой кирпичи гнуть – вам же утеха на старость!» Но твои родители подсунули невесту, чтобы избежать тебя от армии!

Тётя Фира, плавно:

– Да, мы хорошо помним вашу свадьбу, как вы принимали наши поздравления и наши ценные подарки. А теперь с улыбками на этих же счастливых лицах мы хотели бы вернуть назад нашу торжественную скатерть и увеличительное стекло от дяди Стёпы.

Марик, кричит от дальних дверей:

– Дорогие друзья, я дико извиняюсь! Но если все бросятся отнимать свои подарки и труселя, так мы с вами, извините, встретимся завтра! На пути в травматологию!

Гарик, отсюда:

– Поэтому следующее слово... слово предоставляется единственной трезвой подруге свеженадутой Дарьи... Как тебя по паспорту?

Подруга:

– Магдалена.

Гарик:

– Друзья, слушаем эту мандолину!

Подруга, поправляет очки, сильно волнуется:

– Дорогая Дарья! Ещё вчера ты мечтала, в чём ты будешь на вашей золотой свадьбе, и вот вы здесь. Разреши препод-

нести тебе эти взволнованные стихи.

Подруга достаёт листок бумаги, подносит к глазам, читает, прерываясь на всхлипывания, перерастающие в рыдания:

*Ты – как берёзка возле у реки... /Всхлип/
Вся в красные цветы она убралась.
Он попросил тогда твою руку...
Но ты не жадная – ты вся ему отдалась!..
Ты отдала ему свой первый цвет...
И вот теперь его назад уж забираешь!
Ты забираешь также и мечту,
До гроба ты их в землю зарываешь!..
Он не услышит больше птичью трель.
Другому ты споёшь свою уж песню.
Вы разошлись, как в море корабель,
Махнув ей на прощанье головою!*

Подруга плачет в три ручья, уходит, смахнув на прощанье микрофонную стойку. Марик ловит микрофон, на лету объявляет туда:

– Танцуют все!!!

Начались привычные танцы, но тут же затихли. Это поднялась мама Артёма, ещё не остывшая от предыдущей схватки:

– А ну, стой! Оркестр, закрой поддувало! Я тут слышала, как эта дура читала, как, мол, эта Дарья отдала свою пыльцу! Так мы с мужем бешено хохотали!.. Василий, хохочи!.. Так я

хочу сказать вам, гости дорогие, что её ещё до свадьбы, наверно, обтрясли, как грушу!.. Молчи, Артёмка, молчи, сынок! Мама лучше знает!.. Вася, куда ты хохочешь, скотина, это же наши!..

Мама Дарьи:

– Это нашу дочку обтрясли?! Это ваш сынок малокровный чуть не уронил невесту в Вечный огонь! Я уже молчу про первую ночь!

Мама Артёма, с уместной язвительностью:

– Да?! Вы под дверью дежурили?!

Мама Дарьи:

– Да, дежурили! И всё видели, и можем вам рассказать!

Молчи, доченька, мама должна всё знать!

Мама Артёма:

– Давай, давай, расскажи, нам будет интересно!

Обе дуры – детям:

– Молчи! Мама лучше знает!!

Мама Дарьи:

– А-а, это не вы кричали: «Вспомни, сынок, как нашему

Мурзику кошечку приводили!»?

Мама Артёма:

– А вы вообще ничего не можете! Бюджетники!!

– А вот за «бюджетников» ты ответишь!!

– Танцуют все-е-е!!!

Гремит оркестр. Гремит под ногами мраморная крошка.

Смешались, как говорится, в кучу кони и люди. С улицы до-

носятся звуки то ли песни, то ли драки. Весело.

Среди этого варева одиноко смотрится томно танцующая пара.

Она:

– Вы не знаете, чего народ кидается посудой?

«Горячий»:

– Так разводятся же люди!

Она:

– А-а, действительно. А чего разводятся, неизвестно?

«Горячий»:

– Так на свадьбе не подали горячее!

Она:

– Плохая примета.

Гарик:

– А сейчас, дорогие друзья, наступает торжественная минута – мы подошли к самому рег... рег... ламенту!

Марик:

– Сейчас представитель нашего, извиняюсь, если что, государства расставит точки на Ё! Прошу, Людмила Людмиловна!

Людмила, «в кусках»:

– Дорогие наши... Маша и Аркаша! Разрешите мне в этот замечательный турдефранс спросить у вас: вы не помните, куда я сунула государственную печаль...ть? Ага, вот нашу-пала... за лифчиком... Счас я её увижу!

Марик, ей:

– Прошу присесть, я вам туда на неё подышу вместо вас!
Я умею.

Людмила, оттолкнула:

– Я при исполнении!.. Дорогие драчующиеся! Разрешите мне сегодня от имени нашего... двухэтажного загса спросить: а где разводявывающиеся, кто видел?

Все смотрят, где разводящиеся? Нигде нет!

«Горячий»:

– Извиняюсь, вон они за портьерой целуются!

Мама Дарья:

– Дарья, не смей! За развод деньги уплочены!

Мама Артёма:

– Артём! Немедленно же прекрати!

«Горячий», им:

– Глохните, коросты!.. Друзья, важное сообщение!!

Несут горячее!! Горька! Горька!

«Кто женился в январе – вставай, наливай!»

Объяснительная

Её Величеству английской королеве-матери
От временноподданных Её Величества
Сурикова и Скачко

Дорогое Ваше Величество. Не знаем, как Вас по имени-отчеству. Разрешите называть Вас просто – мама!

Мама! Пишу тебе предельно откровенно. Образно говоря, в одних трусах... А куда делась остальная одежда – убей Бог! Может, её спёр псих-охранник, когда мы ночью глушили воблу в рыбном отделе лондонского супермаркета.

Мама, по существу! В пятницу, 20-го, мы – российские бизнесмены – решили культурно провести уик-энд и пришли в себя в самолёте. В ту же пятницу, но уже 22-го, стюардесса сказала: отстегните ремни! Суриков понял это буквально и бороздил по салону без ремня и без штанов, причём без всех, прикрываясь спереди горстями, а сколько там тех горстей!

В ту же пятницу, но обратно 20-го, мы снова потеряли сознание, пытаясь на спор спойть автопилот. А эта дурная машина не хотела пить даже за самое святое – за своих родителей, хотя мы всем салоном показывали, как это делается, без закуски. Что было дальше, расскажет «чёрный ящик», когда его отнимут у того же Сурикова, что вряд ли, он таскает этот ящик с собой вместо подушки, а сейчас вот кричит в него,

не ври, не вырывал я у штурмана руль! я его честно выиграл на щелбаны!!

Мама, дальше у меня в памяти провал! Который закончился в пятницу, но уже 35-го! Когда твои ребята в касках снимали нас со знаменитых часов Биг-Бен. Мама, мы же залезли туда из любопытства: чего такие здоровенные часы, а не тикают? А если это электрические, то какая там батарейка?! Потом мы с удовольствием осматривали достопримечательности Лондона с целью узнать, где у них туалет. Суриков предлагал стать прямо в городском фонтане в виде скульптуры «Писающий лебедь»! И уже стал, но никак не мог сообразить: если расставить крылья, то чем поддерживать фонтанную струю против ветра?!

В пятницу того же года мы открыли глаза. Затем ещё раз. Так мы моргали, пока не поняли, что находимся в здании Королевского клуба. Мама, потом спросишь у них сама, как мы туда попали. Короче, там сидело человек 20 сэров во фраках. Мама, у нас в таких фраках сидят в оркестровой яме, которую роют рядом с крутым покойником, исполняя последнему марш Шопена «Не уезжай, ты мой голубчик», пока он не уедет... Мама, в Королевском клубе нас явно не ждали!! Минут через 40 неловкого молчания старший пригласил нас сесть, поскольку мы лежали в упомянутых трусах, покрывшись мурашками, несколько штук прилагаю!

Ещё через час Суриков сказал: джентльмены, сколько ни сиди, а пьяным не будешь! И вернулся с ящиком напит-

ка «блек хорс», по-нашему – «белая горячка», и бальзамом Биттнера, на случай если будут дамы!

Мама, они у тебя неплохие ребята! Но не пробуй пить виски на брудершафт! Особенно из пригоршней! Перевод продукта! Так что пришлось нарушить пункт 2 устава клуба, который запрещает лордам пить из подсвечников! А герцогам – нет! Мама, ты бы обхохоталась, если бы увидела, как герцоги на брудершафт слизывают виски с подоконника, и всё это в гробовой тишине! Мама, как вспомню, так вздрогну. Короче, после третьей тишину с их стороны нарушил седоватый. Он поднялся и сказал: будем знакомы, принц Джордж. Мы похвалили, что он так хорошо сохранился, а то по нашим учебникам он умер ещё в 16 веке 18 столетия! Он похвалил наши учебники и хвалил бы до сих пор, но после пятой разговор логично перешёл на женщин. На что лорды и пэры весело загелготали, а один сэр, видно, язвенник по мужской части, кричал, что женщинам в клуб запрещено вот уже 550 лет! И тыкал нам на это Книгу с правилами! А мы поняли, что это книга для почётных посетителей, и оставили в ней почётные отпечатки пальцев, а также лица, так как забыли к тому моменту не только грамотность, но и письменность! Зато обнаружили, что прекрасно понимаем по-английски вплоть до песен. Хотя до этого знали только два английских слова: «тхе битлз». Потом Суриков сказал «хорошо сидим» и сбегал на проспект. Вернулся через час под ручку с местными джентльмями. Это оказались украинские девча-

та из Кишинёва, а на проспекте работали по контракту ночными стоп-моделями! Так ты бы видела, мама, лицо своего лорда – хранителя печати!.. Которой, кстати, у него больше нету! Этой печатью упомянутые девчата всю ночь штамповали себе вид на жительство, гринкард и другие документы, которые начинались словами: «Справка. Дана мисс Европе такой-то, что у неё ВИЧ не обнаружено». Кстати, одна дура написала список лиц, которые обещали на ней жениться, но злостно уклонились! А военный лорд за неё разобиделся! Так что, мама, ты сейчас находишься в состоянии войны с Польшей, Грецией, Киргизией. А также государством Израиль или республикой Татарстан на выбор. А также Швецией, Финляндией, Пакистаном и тем же Суриковым, которого, гада, я беру на себя!

Кстати, насчёт шумихи вокруг шотландских стрелков! Мама, у нас в юбках ходят только женщины, и то самые отпетые! Мы были приятно удивлены, увидев на площади столько ногастых баб. Это послужило нам поводом залезть им под юбку и долго соображать, что это там у них сильно знакомое, но явно не то. Пока эти лжебабы не стали лягаться своими ножищами, как тот же умирающий лебедь из чугуна и бетона! Вот тебе и знаменитое шотландское гостеприимство! Отчего, мама, у нас в памяти образовались естественные провалы, несколько штук прилагаю.

Тогда же, в пятницу... нашей эры... мы вспомнили молодость и решили оживить в Королевском клубе культмассо-

вую работу. Так что сейчас там функционируют кружки: шашечный, пешечный, морского боя и «Ой, мороз-мороз-2»! Проведено празднование 350-летия со дня присвоения Ньютону почётного звания «Исаак»! Твоим пэрам нововведения очень понравились. Многие перестали бриться и стали похожи на людей. Особенно им понравилась старинная русская интерактивная забава «Битьё подушками» и украинская национальная гульня «Завали кабанчика», то есть свинью мужского рода, которую сделали из лорда-истопника, раз он стал так похож.

Да! В перерывах приезжала какая-то баба в парике, мы думали, местная Пугачёва. Оказалось – спикер Палаты лордов. Уговаривал последних занять места в парламенте. Но остался сам. Так что теперь, мама, ты не находишься в состоянии войны с упомянутыми странами, но, извини, должна принять делегацию наших чукчей. Понимаю, что не хочется, но они уже выслали две собачьи упряжки с чукотской политической элитой... или рыбой... Короче, ты их легко отличишь: которое без хвоста – это политик, потому что пахнут они, мама, одинаково! Кстати, насчёт пахнут. Чтобы не сидеть у тебя на шее, мама, мы пустили клуб на самокупаемость: сдали поле для крокета трудолюбивым корейцам. Так они это поле немедленно вспахали, завезли шесть машин навоза и теперь его трудолюбиво нюхают!

В перерывах мелькало бледное лицо премьер-министра. Приезжали королева-дочь и королева-внучь. Так что теперь,

мама, ты вынужденно находишься в состоянии родства с упомянутым гадом Суриковым. Подробности спросишь у королевы-внучи, если она, конечно, припомнит.

Да, а Шотландия от тебя таки отделилась. Прилагаю на твоё утверждение текст нового шотландского гимна моего сочинения, который начинается словами «Роспрягайте, хлопцы, пони!»

Мама, через неделю мы заскучали по своей необъятной Родине и ушли по-английски. То есть попрощались с членами клуба за ручку и остались ночевать непосредственно в камине, откуда нас долго вытаскивали твои люди в форме. Опять мелькало премьер-министр, которому мы хотели вручить ноту протеста, а он уворачивался, бросался кусками упомянутого навоза, влезал на дерево, то есть вел себя как пацан шестого класса – вот тебе и хвалёная английская дипломатия! С кем ты работаешь, мама?!

Дорогое Ваше Величество! От лица нашей необъятной Родины, во имя мира во всём мире просим дать нам денег на дорогу «Лондон – ст. метро «Таганская» и приглашаем Вас с дружеским визитом на уик-энд! Мама, встретим по полной программе! Ты нас уже знаешь!

Господа филуменисты

Присказка: чем эта жизнь дальше, тем больше я понимаю меньше! В этой жизни. Были слова неприличные – стали привычные. Например, ботаником сегодня обзываются, а за «нумизмата» можно вообще в лоб получить. Уже, кроме специалистов, не помнят, что, например, филумения – это не расстройство желудка. А филуменисты – это кроткие коллекционеры этикеток, занесённые в Красную книгу навечно. Поэтому дальше речь пойдёт о прекрасном, то есть о политике.

Итак, дело происходит в большой ненормальной коммунальной квартире. Такие квартиры ещё встречаются в старых заслуженных городах. На кухне все всё видят и всё обо всех знают:

– Поздравляю всех, господа и товарищи! Нашего соседа идиота Петрова снова избрали кандидатом от его чокнутой партии! Вот, в газете!

– Так и написано: идиота?

– Сейчас гляну... Тут подразумевается, мол, все политики – идиоты, итого – наш сосед идиот Петров – идиот в кубе!

В это время кандидат Петров у себя с женой:

– Лиза, у меня завтра встреча с избирателями, где моя речь?

– Петров, ты опять пролетишь!

– Я?!

– Сейчас никто не читает с бумажки! Сейчас с бумажки читают только... – Петрова значительно смотрит на мужа. – В общем, никто не читает!

– Ой, у меня предвыборная диарея!

Петров убегает в туалет.

Жена:

– Петров, ты с кем завтра встречаешься?!

Петров /из туалета, с трудом/:

– Я?!

– Ну не я же, идиот! Ты!

– Я идиот?!

– Да, но сейчас речь о другом! С кем ты встречаешься?

– Вот его паспорт, вот, я просунул под дверь!

– Это же твой паспорт, идиот!

– А я думаю, где я его видел?!

– Ага, нашла!.. Встреча в клубе филуменистов. Это кто такие?!

– Я знаю?! Может, секта какая! Или эти женщины...

– Какие женщины?!

– Значит, с ними!

– Петров! А ну, выходи!

А на кухне, конечно, все в курсе:

– Этот дурак встречается завтра с филуменистами, а не знает, кто это такие!

– Действительно дурак!.. А кто это?

– Ну вы как маленький!

– А вы сами соткудова знаете?!

– У меня книга. Там про них всех: некрофилы, маньяки, мазохисты!

Входит Петров:

– Доктор! Там и про филуменистов?!

– Про всех! Одни знаменитости!

– Дайте мне скорей книгу!

– Её сейчас моя бабушка читает. Говорит, напрасно жизнь прожила.

– Представляете, Петров, вы завтра к ним со своей платформой, а они к вам – со своей!

Все понимающе ржут.

У Петровых:

– Ну что, узнал?

– Лиза! Это... короче, какое-то сексуальное недоразумение. Я не пойду!

– Пойдёшь!

– Не пойду!

– Петров, один извращенец – один голос!

– Говорил папа Вовик, не лезь в политику, козленочком станешь!

– Петров, ты можешь стать премьер-министром, а я – его женой!

– Филумениста?

– Одного идиота! Пойдёшь, голоса не пахнут!

Входит сосед, говорит вполголоса, поглядывая на дверь:

– Петровы, я знаю одного филумениста!

Жена:

– Как его найти?!

– Не надо искать, он сам прибежит!

Петров бледнеет, как потолок.

Жена:

– А он это... не агрессивный?

Сосед:

– Тихий! Но если про филуменистов – под землёй доста-
нет!

Петров:

– Ни за что!!

Жена:

– Петров!! Один филуменист – один голос! Звоните, дядя
Коля!

На кухне в курсе событий:

– Они ему уже позвонили!

– Кому, кому?!

– Филуменисту.

– А он что?

– Говорит, сейчас буду, только кое-что прихвачу.

Все значительно переглянулись. Звонит телефон:

– Да. Здравствуйте, Мандолина Каллистратовна!.. /
остальным/ Это Петрова тёща... /в трубку/ Он не может, у
него сейчас встреча с филуменистом!.. Да, да, эти самые,

только хуже. Ну, вы отстали! Сейчас это даже модно! Ну, сейчас все звёзды – филуменисты. В крайнем случае – библиофилы!.. И, судя по всему, сегодня одним библиофилом станет больше!.. /к остальным/ Она сказала, через мой труп! Побежала на такси!

Вбегает пацан:

– Плиехал, плиехал, филуменист плиехал!

Комната Петровых. Супруги и филуменист – тихий человек с коробкой. Пауза. Петров судорожно смотрит на коробку. Он и дальше разговаривает, обращаясь практически к ней.

Филуменист:

– Я слышал, вы интересуетесь филуменизмом? Может, приступим?

Супруги:

– Не надо! В смысле давайте постепенно. /пауза/ Вы фи... этот, да?

– Да.

– Ага... кгм... И давно?

– С детства.

– Да... кгм... Ну, и как?

– В смысле?

– Вообще... э-э... ну... артериальное давление?

– Замечательно!

– Если было бы плохо, вы им бы не занимались?

– Чем?

– Ну, этим фи..., которым, ну... фи...

– Давайте я сразу покажу!

Петровы вместе:

– Не надо!! То есть давайте пока теоретически.

В коридоре под дверью Петровых. Доктор смотрит в замочную скважину. Остальным тоже хочется. Небольшая дав-ка, голоса:

– Тише! Тише! Доктор, ну что там?!

– Что, ну что?!

– Что вы там видите в скважину? Чем они уже занимают-ся?

– А вы хотели, чтобы чем?

– Я думал, может, уже началось!

– Не волнуйтесь, я скажу когда!

В комнате Петровых продолжается трудный разговор.

Жена:

– И как часто вы этим занимаетесь?

Филуменист:

– Не так часто, как хотелось бы!

– Кгм... Сильно хочется?

– Вы попробуйте, вас не оторвёшь!

Жена:

– Петров, не дави меня ногой. Кстати, мой муж хотел бы...

– Понимаю, он тоже хочет стать филуменистом!

Жена:

– Петров, молчи!!

Филуменист:

– Все наши будут только за!

Петров, обречённо:

– Я уже это понял!

– Вас примут с раскрытыми объятьями!

– Не надо с объятьями!.. Лиза, перестань меня пинать, ты не лошадь!!

Под дверью Петровых:

– Что они там беседуют, как в полиции! Может, им подсказать?!

– Доктор, посвистите им туда!

– Товарищи, у кого-то явно несвежее дыхание! Если не сказать хуже!

У Петровых.

Филуменист:

– Кстати, у нас в клубе уже выступал ваш соперник.

Петровы:

– Кто?! Когда выступал?!

– Теперь он активный филуменист!

– Активный?!

– Интерактивный!

– Лиза! Я пошёл!

– Куда?!

– В шоу-бизнес!

– Петров, ты – политик!!

– Ни за что!!

– Один филуменист – один голос!!

Супруги пошли стенка на стенку. У кроткого филумениста брови поднялись до границ волосяного покрова: сейчас что-то будет! Тут с грохотом распахивается дверь. В комнату всыпаются соседи, кто как сидел. По ним, энергично ступая, врывается женщина с усами – это примчалась Мандолина Каллистратовна:

– Через мой труп!!

Через час на общей кухне. Телефон:

– Кого? Мандолину Каллистратовну? /остальным/ Это её старик... Не может. Она сейчас филуменизмом занимается! /остальным/ Он сказал, через мой труп! Побежал на такси!

О сколько нам открытий чудных
Готовит просвещенья дух!..

Шморгалка

Участвуют:

Украинский дядько-фермер. Зычный шумный мужчина. Когда, например, зовёт жену или сына, делает это всегда неожиданно и так громко, что немец вздрагивает и хочет домой.

Немец – обыкновенный немец в очках и культурном галстуке. Дистрибьютор большой фирмы. Прибыл в эту страну недавно и примерно столько же времени не рад, что взялся за эту работу.

Действие происходит во дворе фермера-хохла. Немец пригнал ему под заказ трактор «Катерпиллер», потрясающую машину.

В данный момент они осматривают трактор, как невесту, отбиваясь от путающихся под ногами поросят.

Дядько, ругается:

– А ну, пишли отсюдова!.. Люда!!! Та зачини ти этих чортових поросят! Вы, герр господин, тоже осторожно, а то вони вам уси брюки пообсци... пардон, обрызгають! О, давайте краще зализем усередину!

Залезли. Дядько ошеломлён ещё больше. Немец доволен, говорит:

– Гут!

Дядько, осматривается:

– Ох, ти ж и машина... А это чьто?

Немец, солидно:

– Это ест кондиционер.

Дядько, не понял:

– Кого ест?

Немец, втолковывает:

– Приятни воздух, гут!

Дядько, понюхал:

– Это поросята прокляти навонялы... пардон, надишали другим местом. Но на сале это, чьто удивительно, не одпечатується!

Немец, проводит экскурсию:

– Это ест телекамер... Это – бортовой компьютер. Это...

Дядько, вертит головой, приговаривает:

– Тут последнюю голову зкрутиш!.. А сколько лампочок!

А як вони вси поперегоряють?.. Господи, хоч би что-то знакомее побачить... О! Герр немец, а де тут бардачок?

Немец, тупит:

– Вас?

Дядько:

– Та не меня – бардачок! Бар-да-чок?

Немец, обрадован:

– О, бар?

Дядько:

– Ну да, бар! Ласкательно – бардачок!

Немец:

– Это кнопка – бар. Нажимайст – вот прохладительный напиток!

Дядько нажимает, получает прохладительный напиток, собрался попробовать. Но тут заметил кого-то на улице, кричит:

– Павло! Павло!.. Это мой сусидский фермер идёт... Павло!!! О, машина!! Приходи, я тебя баром угощу!! Га?! Да не даром, баром, халявщик... Що?! Шморгалка?! Не волнуйсь, шморгалка на уровни мировых стандартов!! Герр, я как раз хотел спросить, а яка ж тут шморгалка?.. Ну, шморгалка!.. от тупа германия... Щоб трактор заводить, дир-дир!!

Немец, дошло:

– О, дир-дир!

Дядько:

– Ес!

Немец, элегантно:

– Вот эта кнопка, ви нажимайтс!

Дядько, нажал:

– Ну?

Немец, доволен:

– Ну!

Дядько:

– Що ну?! А где дир-дир?!

Немец, доволен:

– Ви брать это на себяя.

Дядько, «взял это на себяя», ноль эмоций:

– Ну что, спортився ваш аппарат?.. О, а чо́го это сарайчик на нас вроде побежав?

Немец, доволен:

– Ми ест двигаться!

Дядько, смотрит на Немца, потом на сарайчик, испугался, кричит сарайчику:

– А ну стой! Стой!.. Сарайчик, сарайчик, сворачуй, сволоч такая!!

Немец остановил машину, улыбается, как немецкий ясный месяц, то есть сдержанно.

Дядько, отходит:

– Фу! Так последни внутренности в голове полопаются!

Немец, посильно сияет:

– Этот трактор управлять даже ребионок!

Дядько, вспомнил, кричит:

– Вовик!! Вовик!! Иди сюда!

Пришёл Вовик, меланхолический переросток.

Дядько:

– О, Вовик, машина! Тут одних лампочек две... двадцать шесть тысяч штук! И все мигают!

Вовик, меланхолически:

– Нащо, папа?

Дядько, не знает:

– Нащо-нащо!.. Щоб прикурювать! Нравиться машина? У всий области од зависти буде заворот кишок в лёгких!

Вовик, меланхолически:

– Ну, я не знаю... А яка в нього хоть шморгалка?

Дядько, ликуя:

– В том-то и дело, що нету!!

Вовик, событие:

– Кого нету?! Шморгалки?!

Дядько, ликуя:

– В том-то и дело! Ось нажав эту кнопку и ждьош! Как сарайчик на тебя побиг, так и вискакуй!

Вовик, тупит:

– Куда?

Дядько:

– Що куда?

Вовик:

– Куда вискакувать?

Дядько, нахмурился:

– Это шутка, остолоп!

Вовик:

– Ну, я думав...

Дядько, сердится:

– Вин думав! Уся Европа давно от шморгалки одказалась! Америка скоро тоже!.. Вин думав! Ти думай, що од тебе уже третя бугалтерша ходить по селу з киндерсюрпризом!

Выгнал, расстроен. Немец заметил перемену.

Немец, тревожно:

– Ви говорить, эта машина гут?

Дядько, расстроен:

– Гут, гут! Но ти учти, що наш человек привик стільки лампочек видеть только на Новый год. А шморгалку – кожен день!.. Люда!! Люда!! Это фермерша моя... Та брось ти клятих индюков, сюда иди!! Иди, глянеш!

Пришла фермерша Люда. Культурно поздоровалась. Смотрит на трактор, кричит так же громко и внезапно, как и муж:

– Да ни чорта я в этих зализяках не розбираюсь! Таки страшни гроши стоить!! Купляй, може, хоч шморгалка буде людська!!!

Ушла. Немец сильно озадачен:

– Чьто ест шморгалка?!

Дядько, задумался:

– Ну, шморгалка... де тебя учили... Пошли, покажу на местности.

Подошли к старому Дядькову трактору. Немец сильно озадачен:

– Это ест чьто?!

Дядько, гордо:

– Это ест стальной конь марки «Б». Полностью – «Беларус».

Немец, озадачен донельзя:

– Это ест фирма?

Дядько:

– Это ест такая народность, очень кротка... Вовик!! Де наша шморгалка?! Ага, вона у мене в бардачке, извиняюсь,

в बारे... Вот это ест шморгалка, сделано ин ССР... Смотри, заводим! Дир-дир!

Накрутил шморгалку, как рекомендовано в ССР, дёрнул согласно ГОСТу. Из трактора выпала какая-то тяжёлая деталь, на ноги Немцу.

Дядько, кричит:

– Вовик!! Скильки раз я тоби казав хряпалку приварить!!

Снова дёрнул, завелось, загрохотало. Дядько кричит Немцу, перекрывая большой шум:

– О, сразу видать, що машина работае!! Залазь в середину, Германия!

Немец боится. Вспомнил фатер и мутер. Захотел нах хаузе к киндер.

Дядько:

– Залезай, не бойсь, она не заразна!.. Тепер трогаем!.. Тоже сперва не трогается! А почему?! Потому чьто водитель забув знять с тормоза.

Вытаскивает некую железную распорку, аппарат взвыл и прыгнул вперёд.

– О! Сразу видно, що это ми тронулись, а не сарайчик!

Немец ударился затылком, вспомнил Фатерлянд и молитву, которой в детстве его учила соседка фрау Герда: «Фатер Унзер им Химмел...» А больше он ничего не вспомнил, продолжая ударяться телом о выступы, обильно торчащие внутри стального коня марки «Б». Выступы были тоже стальными.

Дядьке это дело сильно привычно, запел:

– Летять перелётные птицы... Ну как – нравиться?!

Немец:

– Найн!.. Мне ест плохо!!!

Дядько, рассудительно:

– Эх, товарищ, а кому зараз хорошо?! Ладно, останавливаем!

Совершает некие манипуляции, аппарат не слушается.

– И тут у нас продумано: останавливаем механизм методом картошкой у выхлопну трубу! По-вашому – «дер бульба»!

Заглохли, стоят. Аппарат внезапно сильно накренился, выпали наружу.

Немец, стоит на карачках:

– Не надо «дер бульба»! Надо кнопка! Кнопка ехайст, пахайст – всё кнопка!!!

Дядько, хладнокровно:

– Чого ти кричиш, воно уже мовчить. Ви там у себе на кнопках помишались! Думаеш, у мене кнопки нету?! Во-вик!! Де наша кнопка?! Ага, вона в बारे... Вот, камрад, кнопка, не знаю она откуда. Жми, не стесняйся, жми!

Немец ошеломлённо тычет в кнопку, ничего. Дядько забрал кнопку, выбросил под колесо:

– А тепер бери шморгалку! Дёргай... Та не мене дёргай, шморгалку!

Немец безвольно дёрнул, опять выпало ему на ногу.

Дядько, кричит:

– Вовик!! Ти можеш хряпалку... ну хоть гвоздями при-
бей! Дьоргай смело, товариш, я её подержу.

Немец неумело дёргает, Дядько критически наблюдает,
налил в стакан из бутылки:

– Стой! Стой, говорю, на напитокка!

Немец выпил, перестал дышать. Задышал, но слабо.

Дядько:

– На, салом, салом прохладись!.. Прохлаждайся, спешить
некуда! О, вижу, понаравилось!

Немец, задышал решительно:

– Давайст шаморгалка!!

Снова дёргает, пока плоховато.

Дядько:

– А ну, ище напитокка! Тепер прохладись... Понаравилось!!
Мой Вовик на спор зубами заводить. Дер зубами, ам-ам! На
прохладись ще разик, до пары!

Немец выпил ещё, накручивает шморгалку, дёргает, не
получается, а должно! Вас ист дас?!

Дядько:

– Стой! Забув заглушку вийнять!

Вытащил картошку из глушителя, заревело.

Дядько, перекрикивает:

– Це ж сила!! А так – откуда я знаю, чи то лампочка ми-
гает, или у мене в голови всё перегорило!

Дядько, налил себе, показывает на ревуший «беларус»:

– Ну, за прогрес в мировому масштабе!

Выпили за прогресс. Немец, командует:

– Залезайст на прогресс!!

Дядько:

– Молодец, Германия! /сели, нюхает/ Обратно эти сволочи на заправке солярку коньскою мочою розвели!

Немец, принимает:

– Это не ест конский! Это ест кобыльский!

Дядько, одобрил:

– З понятием!

Немец, командует:

– Ми ехайст! Дранг нах вперёд!

Дядько:

– Нах, куда?!

Немец, решительно:

– Нах!! Пахайст, сеяйст, нюхайст, ломайст...

Начинает петь из Хорста Весселя – это у них в генах.

Дядько, одобрительно:

– О, сразу на человека став похожий. Только галстук, галстук, кажу, зними, а то наши собаки бросаются!

Ми железным конём все поля обойдём, обдерём, и обсеём, и вспашем...

Уезжают, может, и ездят по Украине до сих пор.

Только это вряд ли.

Из сборника «Жить, как говорится, хорошо!»

Если присмотреться, то в жизни, оказывается, масса смешного! Прямо возьмёшь и обхохочешься. А другой раз – просто поулыбаешься.

Перетерпишь, значит.

Но порой как навалятся ситуация да обстоятельства, не видишь ничего смешного! Глаза таращишь, как вобла в незнакомой пивной. Нет, и всё!

Кругом остывающая печаль...

Потом оботрёшься, отдышишься – глядь, а уже обратно на юмор потянуло. И вообще, оказывается, если бы не было тех слёз, не было бы сегодняшних улыбок!..

Дальше только расслабился – вновь холодком потянуло, непосредственно в ухо...

Другой раз даже запутаешься и плачешь, когда вокруг хочут.

Ситуация.

И вот однажды в четверг вечером дошло до автора, что это жизнь такая. Не бывает, чтобы давило голое горе или мотал чистый /читай: дурной/ смех. Обязательно внутри каждого прчется его противоположность.

Это такая формула на этой планете: в сегодняшнем «пло-

хо» спрятано завтрашнее «хорошо».

И наоборот.

Будучи в этом твёрдо уверенным, автор предлагает нечто из художественно-терапевтического сборника, который он из принципа назвал:

«Жить, как говорится, хорошо!»

«Жить, как говорится, хорошо!»

Глава первая

В тот год рыба не ловилась.

Городские рыбаки ходили сутулые, лица осунувшиеся, при встрече непонимающе пожимали плечами.

Здоровались сухо.

А перед тем рыба ловилась. Рыбаки приветствовались громко; обнимались, хлопая друг друга по спине, как лопатой. Показывая размер пойманной рыбы, разводили руками так, что руки те высывались на проезжую часть, мешая движению.

И вдруг такое – крокодил не ловится, не растёт кокос!

Как жить и чувствовать дальше?

В тот неурожайный бескровный год автор лежал на спине и думал о разном. Ровно в полдень, то есть без двадцати четырёх, явился его знакомый по имени Иосиф – запёклый рыбак и вообще энергичный человек. Лежишь, сказал он автору с энергичной укоризной. Автору стало стыдно, и он сел. Завтра, энергично объявил Иосиф, едем на рыбу! На платное озеро, жди!

И испарился без объяснений.

Застигнутый врасплох автор энергично лёг, полагая, что

глядишь – рассосётся. Что Иосиф найдёт более другую кандидатуру, или дороги покроются нехарактерной для августа коркой льда, или в стране объявят всеобщую мобилизацию, а к ночи отменят, – но это позволит избежать поездки на озеро с пугающей приставкой «платное». С тем и уснул. Снился далеко отстоящий от большой воды Ватикан, почему-то дающий определённые преимущества. И ещё какая-то невразумительная вуаль. Вследствие чего после обеда следующего дня под окнами просигналила машина. В машине, кроме Иосифа, сидели ещё двое полужнакомых мужчин, лица строгие. По дороге Иосиф сообщил, что едем в ночное на одно озеро, где за поимку рыбы хоть и берут деньги, что для настоящего рыбака, конечно, донельзя унизительно, но зато – дело верное. Говорил он это громко и убедительно, из его речи выходило, что одно слово «платное» гарантирует поимку рыбы в том озере даже в случае форс-мажора.

Например, при отсутствии в нём воды.

Так, во всяком случае, представлялось неопытному автору.

Пока ехали мимо полей и деревень, неугомонный Иосиф сокрушался, что напрасно взяли под рыбу только один мешок. Под конец он сокрушил себя так, что его еле уговорили ехать дальше. И то, когда хозяин машины Валера пообещал предоставить под улов весь багажник, выбросив оттуда запаску, а надо – и под сиденьями.

Ехали долго. Свернули с асфальта на другой асфальт, на

местный.

Местный, судя по убитости, был уложен ещё до изобретения колеса и лошади. Вскоре, к счастью, он закончился, плавно и незаметно перейдя в дикую лесную дорогу. Несколько километров машину бросало и швыряло, как утлый чёлн из забытой песни, где в финале все нехотя утонули. Заходящее солнце светило в спину, поднятая колёсами пыль была розовой на просвет.

К озеру подъехали хорошо.

Большое длинное озеро лежало как бы в котловине, один его берег был песчаный и плоский, другой берег уходил вверх, там красивый полудремучий лес подступал к самой воде. Сама вода была гладкой и безмятежной, в ней отражались закатное небо и лес со своими подступающими деревьями. На нашем песчаном берегу тут и там виднелись стоянки с адептами хоть и платной, зато верной ловли.

Оттуда поднимался неуверенный пока дым первых костров.

Выбрали место. Начали выгружаться. Достали пресловутый мешок, в котором при желании можно было спрятать и носить по деревне небольшого милиционера. Иосиф подержал мешок в руках, даже посмотрел на просвет, как бы проверяя его на наличие водяных знаков, затем осмотрел общо, хотел было ещё раз сокрушиться насчёт размера, но передумал – стало недосуг. Затем из багажника достали сдутую резиновую лодку, ведро каши для рыбы, разномерное рыбац-

кое дреколье. Последним добыли рюкзак с провизией. Когда в рюкзаке дружно звякнули бутылки, четвёртый из компании, бесхозный человек по имени Игорь прислушался и удовлетворённо кивнул. Так кивает опытный человек, убеждаясь, что всё хорошо и всё идёт по плану, как он и предполагал. Автор же отметил про себя, что крючков, лесок, удочек, каких-то металлических прутьев, намёток и колышков было набрано как бы в желании оборониться от Второго пришествия. О чём он и сообщил старшему Иосифу, присовокупив, что это ещё никому не удавалось, оборониться. Иосиф юмору не внял, а не вняв, приставил автора к заготовке кустов и сучьев для будущего костра.

То есть всё начиналось правильно и разумно.

И вот пока автор таскал из недалёких посадок подходящую древесину, профессионалы под командованием Иосифа торжественно и отчасти сурово разворачивали свой арсенал, заколачивали колья, распутывали специальное рыбацкое вервие. Автор косвенно наблюдал за ними, отбиваясь от комаров свободной рукой, а затем и свободными ногами, рассуждая, что лишь часть этого арсенала назначалась для собственно ловли. Остальное забрасывалось в потревоженную воду как бы для устрашения мирной как флоры, так и фауны. В общем, через час они буквально перегородили своей арматурой довольно широкий участок воды. Было чувство, что делают они это, как бы говоря: хорошо, мы унизимся – заплатим, но вы запомните нас надолго! Главный Иосиф

строго ездил на резиновой лодке, отмечая какие-то ведомые лишь ему перпендикуляры. Даже издали было видно, что брови у него сурово сдвинуты, даже заползли одна на одну. Вдали по берегу озера тут и там двигались, наклонялись и восклонялись, разносили и нечто заколачивали человеческие фигурки – там тоже готовились к путине. Глаз невольно искал над всем этим воскресником кумачовый транспарант с текстами прошлых замечательных лет:

«Рыбаки! Дадим Родине ещё больше угля!»

То есть, конечно, рыбы.

Вняв моменту, автор наблюдал все эти эволюции сперва с юмором, затем серьёзно, затем и вовсе с некоторой робостью. Поймав себя на пионерской мысли, что ему тоже хочется куда-то бодро идти, приветствовать, рапортовать. В крайнем случае быть чего-то достойным. Стесняясь своей никчёмности, автор даже попытался что-то к чему-то привязать, какую-то ёлку к палке. Но был немедленно отогнан Иосифом, который укоризненно всё перевязал в нужном направлении, для верности несколько раз подёргав. В общем, надвигалась работа, большая и важная. И, судя по всему, – перспективная, ибо упомянутый Игорь ещё при разгрузке машины наскоро настроил удочку, забросил наугад и немедленно вытащил довольно небольшого ерша. Тут даже бывалые крякнули! Бывалые крякнули, солнце упало за лес, природа мигнула, в стоящей неподалёку машине что-то коротко брякнуло – вот это да! Но Иосиф холодно приструнил Иго-

ря с его небольшим приплодом, строго указав, что мы не за этим сюда ехали.

При этом он не выпускал из рук пресловутый мешок.

Глава вторая

Уместно напомнить любезному читателю, что в тот год рыба не ловилась. Уж на что автор далёк от этого дела, а и до него доносились вздыхания: не ловится, не ловится! И на том озере не ловится, и на этом тихо – а ведь ловилось всегда! Вот и из четвертого места знакомые прибыли порожняком – мотоцикл утопили! Вернулись позорным пешком с пустыми вёдрами. В общем, мрак! А тут не успели забросить – и сразу ёрш! И это притом что многие уже забыли, какие они из себя, – ерши и удавы. В смысле краснопёрки.

Прав оказался Иосиф: лучше унизиться и заплатить, зато наверняка!

Смирившийся автор натаскал из посадок хвороста с запасом, распалил костёр, вдувая в него кислород из неприспособленных городских лёгких, и с облегчением прилёг тут же набок, наблюдая хлопотливую работу небольшого огня. Солнце подавало прощальные лучи уже из-за леса, где-то в поле ещё бегали длинные вечерние тени, а тут, в котловине, сжижались ситцевые сумерки. Верхушки деревьев всё резче рисовались на фоне торопливо угасающего неба. Слева прокашлялась и забормотала какая-то водяная птичка. С проти-

воположного берега ей ответили какие-то местные водоплавающие, может, и лягушки.

Стало живей и прохладней.

Видя трудовую озабоченность спутников, автор уже приготовился куковать у костра в одиночку, но, к его счастью, хозяин машины Валера тоже оказался философом, то есть лентяем. Подхваченный общим энтузиазмом, он некоторое время энергично относил, привязывал и заколачивал. Однако делал это всё менее горячо, всё более вдумчиво, под конец и вовсе созерцательно. В какой-то зыбкий момент, распутывая сложный узел, он постепенно опустил на тёплый песок на колени, затем, не переставая распутывать, лёг набок, затем перевернулся на спину, стал справлять это дело на большом животе, наподобие морского калана, абсолютно, кстати, на него не похожий. Затем и вовсе бросил это дело – просто лежал, уставив в небо большой живот с не без труда скрещёнными на том животе руками. При этом он изредка посматривал в сторону костра, как бы высчитывая, каким образом можно огонь переправить поближе к телу. Поняв, что если гора не идёт к Магомету, то кто-то должен быть умнее, он поднялся, прихватил рюкзак с провизией и опустился у костра. Автору понравилось, как он лёг – прочно, очень надёжно, как бы намереваясь пролежать здесь весь отпуск и часть зимы. И дальше монументально лежал на большом боку в виде валуна, оставленного отступившим ледником. Когда от костра особенно припекало, он брал палочку, отгре-

бал горящие уголья, вполголоса пеняя автору, что, вот, мол, тот развёл не костёр, а горящую избу.

Спустя некоторое время к костру присоединился Игорь, оставив Иосифа мешкать возле снастей. Благодаря их стараниям прилежащая нам часть озера была усеяна белыми пенопластовыми плашками, означающими местоположение каких-то еретических рыбацких орудий. Берег же был утыкан рядами удочек, рогулек, палочек, от которых в глубины отходили струны лесок с большими и маленькими тревожными колокольчиками. Иосиф лично попробовал звучание каждого. Он взбадривал колокольчик возле уха, сам похожий на настройщика Большого органа в слабоосвещённом католическом соборе. Когда звучание его не устраивало, он хмурился, доставал из малого мешочка запасной колокольчик и вновь тряс. И долго от берега доносился мелодичный перезвон, похожий на рыбацкий благовест.

Наконец угомонился и Иосиф. Придя к костру, он сухо сообщил, что все снасти и снадобья распространены, что теперь дело стало за рыбой. А это, чует его рыбацкое сердце, случится вот-вот. Он принёс упомянутый мешок, но не бросил, а уважительно положил неподалёку, буквально под рукой. Было ясно, что как только вострубит первый ангел, он схватит мешок, такой, к сожалению, небольшой, и первым устремится на этот вечный рыбацкий зов. А пока на его строгом лице было написано: «я сделал всё что мог, теперь я могу заслуженно отдохнуть». Правда, спокойствие это оказалось

обманчивым, ибо, не успев присесть, он тут же вскочил и устремился к снастям, откуда вернулся через минуту, что-то озабоченно бормоча. Так он вскакивал и уходил на каждый посторонний звук, пока ленивый Валера не сделал ему замечание в том смысле, что у костра нужно сесть и сидеть. Что этим, мол, костёр и отличается от деревенского пожара, где тревожные вскрики и нервные движения оправданы нестандартностью ситуации. Сам он тревожил лишь комаров, неспешно хлопая себя по открытым местам. Но делал он это без неприязни, принимая комариный зуд как необходимую и, кстати, невысокую плату за удовольствие вот так прочно лежать на тёплом песке вдали от неугомонной супруги и чудовищно быстро взрослеющих детей. Тем более что ничей Игорь уже добывал из рюкзака, раскладывал на покрывале походные рюмки, скромную столовую утварь и закуску.

В общем, всё началось и двинулось просто великолепно. На зеленеющем небе показались первые прозрачные звёзды. Даже комары поутихли, как бы откочевали, что было воспринято всеми как ещё одно положительное знамение.

Глава третья

Когда налили по первой разминочной рюмке и терпеливо подождали, когда Иосиф вернётся из привычной командировки, из густеющих сумерек вынырнула большая машина.

Машина остановилась не очень далеко. Прибывшие торопливо спешили.

– Опоздали, субчики, – злорадно пробормотал Иосиф, – а место-то занято!

Прибывшие посмотрели в нашу недалёкую сторону, видимо, что-то решая, и, что-то решив, начали энергично разгружаться. Иосиф ревниво наблюдал за их действиями, приподнявшись на локте. Затем и вовсе встал и застыл в виде межевого столба с рюмкой на изготовку. Но приехавшие не обратили на столб никакого внимания, ибо вдруг заволновались, прекратили разгрузку, заговорили, затем запереругивались.

– Водку забыли, – уверенно промолвил Игорь. – Полосатый рейс.

– Думать надо, – сердито сказал Иосиф, не оспаривая факт забытия водки. – Заранее собраться, потом уже думать, в смысле ехать!

– С чего ты взял, что забыли водку? – отозвался Валера, чтобы не молчать. – Может, собаку забыли или мешок под рыбу, вот и волнуются.

При этом он выразительно посмотрел на потревоженного Иосифа.

– Конечно, водку, – уверенно возразил Игорь. – Насчёт забытой собаки или, допустим, жены, волнуются не так, я знаю.

При этом он внимательно наблюдал, как приехавшие по очереди ныряли в машину, затем выныривали, о чём-то до-

кладывая остальным.

В докладах чувствовалась нарастающая безнадёга.

– А ведь её уже нигде не достанешь, водку-то! – по-старушечьи озабоченно промолвил Игорь. – Вот и порыбачили, называется!

В это время соседи заругались громче, быстро забросили вещи в машину, хлопнули дверями, резко отчалили. Иосиф сел в исходное положение, Валера убил очередного комара, Игорь провёл машину обеспокоенным взглядом:

– Разве купят у местных крестьян, – предположил он, – только это вряд ли.

Чувствовалось, что ему тревожно за незавидное будущее незнакомых лично ему людей.

– Всегда всё нужно продумать и предусмотреть! – настаивал безжалостный Иосиф, выпив наконец рюмку. Он был учителем. Он преподавал историю в педагогическом колледже, и преподавал её беспощадно, имея лично своё видение мировых процессов и движения светил. Было очевидно, что дай ему волю, он переписал бы мировую историю набело, не допустив в неё множество очевидных глупостей, особенно матриархат, большевиков и древнегреческого царя Агамемнона. Последнего он не любил потому, что, имея небольшой дефект речи, так и не выучился произносить его имя одним духом. С его лекций будущие детские педагоги не выходили, а как бы выныривали, отдуваясь и трясая головой, безуспешно пытаясь восстановить в голове здравый смысл и правиль-

ное движение молекул.

Налили по второй, автор собрался сказать тост, но тут от воды что-тобрякнуло. Иосиф вскочил, затем силой воли уселся, мол, ничего особенного, всё впереди. Чувствовалось, что сердце его и сам он там, в тёмных глубинах, насыщенных громадными лещами и подлещиками.

– Ну, – сказал он, перебив автора, – ловись, рыбка, большая и маленькая! – и умчался на какой-то плеск, прямо с рюмкой.

– Разольёт, – произнёс Игорь, озабоченно глядя ему вслед. – Ничего святого!

– Не волнуйся, – ответил Валера, – у меня в канистре са- модельный коньяк. Будущий зять привёз, грек.

Он достал из запасов варёное яйцо, повертел лысеющей головой, сказал:

– Игорь, принеси топор.

Игорь, успокоенный насчёт греческой канистры, легко принёс топор, спросив:

– Зачем тебе топор, Валера?

– Надо яичко разбить, – сказал Валера, собираясь это сделать.

– Ну ты и лентяй, – сказал Игорь. – Дай сюда!

Он взял яйцо, энергично стукнул им себя об лоб. Яйцо энергично растеклось по носу, особенно по бороде, ибо оказалось полностью сырым. Автор с Валерой на это покатались от смеха, ибо это смешно всегда, прямо с момента изобре-

тения яиц. А ещё есть у цирковых или театральных старинный юмористический приём, называется «тортом в морду». Феномен: сколько смотришь – столько и ржёшь. Хотя в умной компании буквально млеешь перед тонким английским юмором, и, что интересно, все тебе верят, поскольку тоже врут.

В природе стояла тишина. Валера в треть голоса ругал подлецов, берущих на рыбалку сырые яйца. Небольшой костёр набрал силу, освещая небольшой круг. Круг в нескольких метрах становился слабее по краям, свет костра упирался во мрак окружающей ночи, перемешивался с ней и растворялся в темноте. Если прищуриться, отсюда были видны дальние огоньки соседей. От озера слышались плеск и лошадиное фыркание – это Игорь умывал лицо, стирал большую бороду, как платье. Было слышно, как Иосиф сердито призывает его делать это потише.

– Всю рыбу распугаешь, – говорил он. – Мы зачем сюда ехали?!

Действительно.

Вернулся Игорь один, вытирая лицо бельевой майкой.

– Ну что там? – спросил Валера, чтобы что-то спросить.

– Пока ничего, – озабоченно доложил Игорь. – Тишина на дистанции.

И принялся с ходу рассказывать, как он поймал однажды на крючок целого кота.

– Своего? – сердито спросил вернувшийся следом Иосиф,

желая, чтоб именно своего.

– Нет, – ответил Игорь, – подкидыша.

Оказывается, однажды он сторожил небольшую стройку, но, к его счастью, неподалёку было озеро. Сам он жил в строительном вагончике, поэтому вокруг образовался животный мир в лице нескольких собак и котов. По вечерам они строем отправлялись на озеро – на рыбалку. Делали они это в целях пропитания во главе с Игорем, так как денег у него почему-то не было никогда. Животные садились позади, терпеливо ждали улова; каждый, естественно, получал справедливую часть. Но в любом коллективе есть самый «умный». То есть которому больше всех надо. Такой белой вороной был упомянутый кот, рыжий, похожий на зубного врача. Его так и звали – Доктор. Он садился непосредственно у воды и как бы дремал, не глядя на поплавок.

– И вот, – говорит Игорь, – как только поплавок начинал шевелиться, он приоткрывал глаз, как бы просыпался, даже зевал. Но стоило мне выдернуть рыбку, этот гад взвивался наперерез, срывал её с крючка, валился в воду! И ни разу не промахнулся, только один раз чуть не утонул – сорвал вот такого леща и сожрал на берегу. Вот тогда и пришлось его спасать – обожрался!

Игорь показал размер сожранного леща. Увидев размер рыбины, Иосиф побежал к воде, буквально подвывая от горя и нетерпения.

– Но однажды этот гад попался, – продолжил Игорь. – По-

жадничал.

– Не придумывай, Игорёк, – неторопливо перебил его Валера, с медленным осуждением глядя в сторону убежавшего Иосифа. – Коты боятся воды как огня! Водобоязнь – это второй признак принадлежности к семейству кошачьих; сразу после хвоста, в смысле усов.

Игорь немедленно вступился за Доктора. Они с Валерой негромко заспорили насчёт кошачьих обычаев. Вернувшийся Иосиф, услышав часто повторяемое слово «водобоязнь», начал невпопад приводить в пример полководца Дария, который собрал было огромный флот, чтобы кого-то наказать, какую-то непослушную страну. Но как только они отчалили, немедленно поднялась буря, в результате чего культпоход не состоялся. Впервые в его, Дария, боевой карьере. Так что придумал этот горе-Дарий? Он решил наказать море, велел своим солдатам его высечь, мол, всё равно дурью маетесь! Однако Иосифов рассказ успеха не имел. Во-первых, почему-то обидно было, что хоть и подневольное, но войско лупило по воде мечами и колющими, лишённое возможности даже выругаться как следует в адрес тупого военачальника, ибо до изобретения русского мата было ещё, как оттуда до неба. Во-вторых, ввиду примитивности поступка Дария на фоне хитроумного пройдохи кота.

– Даже сравнивать некорректно, – сказал Валера. – Будь моя воля, я бы лично высек всех Цезарей, Дариев, Бериев и Навуходоносоров, – дал же Бог фамилию! А заодно препо-

давателей истории, засоряющих молодые умы непризносимыми названиями.

Оскорблённый до мозга костей Иосиф набрал воздуха, чтобы не оставить от Валеры камня на камне, но некстати вспомнил, что оставил лодку без привязи и без присмотра с вёслами, такую дорогую и японскую. Он привычно устремился к озеру, бормоча неразборчивые угрозы, а сам уже протоптал в песке дорожку от костра до берега, принципиально не разуваясь.

Автор так и не дослушал сагу про рыжего кота и почему его называли Доктор, в честь кого. Впрочем, не сильно и хотелось. Хотелось вот так лежать на песке, наблюдая, как в ярком от больших светлых звёзд небе прокладывает путь невидимый самолёт неизвестных авиалиний, неспешно мигая сигнальными огоньками, красным и зелёным. «Вот, – думал автор, – там кто-то внутри сидит и прислушивается к работе двигателя, страшно боится за свою жизнь, вспоминая соответствующие истории. А мы лежим вокруг огня и ничего не боимся, хотя у нас временно ничего не ловится, но вот-вот начнётся».

И в самом деле, Игорь с Валерой прекратили кошачью прю и налили в знак примирения. Автор выпил вместе с ними, позабыв закусить, поскольку давай вновь искать тот самолёт, но не нашёл. Зато вспомнил, как однажды ярким солнечным днём шёл по городу и увидел женщину с сумками. И взялся ей помочь. Женщина с большим облегчением пере-

дала сумки, сообщив, что после одного случая руки совсем тяжесть не держат. И рассказала маленькую авиаповесть. Как они летели из Кургана в Киев от замужней дочери, и как мужа буквально загрузили в самолёт, и как она пристёгивала его привязными ремнями – чтобы не выпал в проход. А пассажиры ругались: что он у вас, женщина, храпит, как в опере, примите меры! А потом ругаться перестали, потому что самолёт начал дрожать, дрожать... А потом, наконец дрожать прекратил, потому что начал падать. И тут все начали прощаться с жизнью, да громко так; я от себя тоже не ожидала! А потом, когда в аэропорту остановились, то многих спасатели выводили под руки. А стюардессу вынесли на носилках – она всё это время ходила между людей и успокаивала, особенно детей, а когда закончилось, сама перегорела. А что этот паразит, муж? Проснулся уже на земле, говорит: Галя, чего это все такие странные, особенно ты? Взял сумку с курганскими гостинцами и пошёл себе на выход!

Помнится, автор постановил себе запомнить этот случай, чтобы при случае вставить, когда зайдёт речь о вреде алкоголя и водки.

А небо вверху было мирным и отнюдь не чёрным, а праздничным. Оттуда доносился запоздалый ропот пролетевшего самолёта. При этом звёзды шевелились, небо слегка раскачивалось.

Странно.

Глава четвёртая

Спустя час даже непрофессионалам стало понятно, что рыбы не будет. Не будет ни ершей, ни язей, ни окуней, ни голавлей. Не будет также карасей, плотвы, сомов, верховодки, чехони, судака и щуки. Ничего не будет – недолго музыка играла. Последним с этим смирился Иосиф. Он ходил к воде, ходил возле воды; он ходил по воде, аки посуху, подгоняя нерасторопных ершей и голавлей. Возвращался всё менее энергичным, зато всё более сердитым. В конце стало понятно, что имей возможность, он высек бы озеро по примеру любимого Дария, но он не мог позволить себе сделать даже эту малость!

Вот тебе и половили рыбку, большую и длинную!

Также постепенно выяснилось, что радость насчёт комаров оказалась напрасной, ибо они вскоре вернулись. Они никуда и не откочёвывали; скорее всего, они летали за подмогой. На этот случай Игорь предложил Валере распечатать тару с зятевым коньяком – лично он, Игорь, коньяку не доверяет, но бывают исключения. Налили коньяк. Коньяк оказался хорошим, то есть совсем как чай – такого же цвета и температуры. Выпили, похвалили греков за качество и православие.

Только приступили к сравнению греков с армянами, тоже по-своему православными, как из темноты вновь выныр-

нули яркие столбы света. Вслед за ними появилась машина. Как выяснилось, это вернулся незадачливый, но упорный экипаж. Не став разгружать снасти, чтобы не тратить время на ерунду, они спешили и перешли непосредственно ко второму пункту рыбной ловли, а именно: разложили одеяло, двое исчезли в темноте, третий давай расставлять при свете включённых фар бутылки и закуску.

– Достали, – удовлетворённо констатировал Игорь, повернувшись к приезжим передом. Видно было, что сейчас он уверен в хорошем, а главное, правильном будущем незнакомых ему людей.

Соседи тем временем принесли сушняк, развели большой костёр, налили и загудели.

И хорошо загудели.

На этой красивой ноте воспоминания автора начинают путаться, события наезжать друг на друга.

Помнится, вдруг со стороны прибывших соседей начал доноситься голос Иосифа. Голос грузил соседей перепиской Вольтера с Екатериной Великой.

– Ты, Лёня, ответь мне на вопрос, – кричал Иосиф, – что двигало великим философом в переписке с великой женщиной?

Было слышно, что кроткий Лёня ему что-то неправильно отвечает.

– Какая свадьба?! – гремел Иосиф. – Когда ему оставалось жизни ерунда, соображай, Лёня!

Слышно, как за тихого Лёню заступился их старшой. Потом зазвякали рюмки, закрепляя примирение сторон. Потом к нашему костру подошли двое, поинтересовались для вида уловом, потом сигаретами, потом присели к выпивке и влились в наш праздник. После их ухода небо начало сильно раскачиваться, звёзды завращались, как рыбы глаза. Параллельно из темноты доносилось нестройное самодельное пение. Потом откуда-то чуть не с воды послышалась ещё песня. Было хорошо, как на чистом деревенском празднике. Вот у кого-то забухала современная музыка, но тут же резко оборвалась. Видимо, рядом находились умные люди, которые вежливо утопили динамики в воде с несуществующей там рыбой либо культурно побили их на голове любителя современных ритмов.

Дальше было ещё много чего интересного, что происходит во время таких волшебных ночных посиделок у ночного озера, только автор ничего не помнит.

Память-то уже не та.

Глава пятая и, как говорится, последняя

Проснулись поздно.

Имея тонкую натуру, автор не выдержал, пошёл ночевать в машину. Лежал там, как Буратино в коробке из-под женских сапог, перекладывая затёкшие части тела, пока не отключился. Снова снился Ватикан. На этот раз Ватикан был

похож на железнодорожный полустанок, но назывался почему-то «Рубежевичи». Был он покрыт русским рубероидом, который плавился на горячем итальянском солнце. Автор, помнится, всё пытался разглядеть в толпе Папу, уже почти увидел, но ему преградили видимость бельевые верёвки с сохнувшими фиолетовыми от синьки простынями.

Папа так и остался не увиденным.

Зато, тяжело проснувшись и буквально выпав наружу из разогретой машины, автор увидел, что снаружи всё ещё лето. При этом голова трещит и почему-то поворачивается не на шее, а вместе с остальным организмом. Повернув голову, автор увидел на песке разбросанные тела коллег по платной ловле. Коллеги лежали вокруг тлеющего тонким дымком кострища в позах павших гарибальдийцев, где кого сразило. Соседи уехали. На их стороне было посильно прибрано, если не считать пластмассовую тару с водой.

Потом поднялся Иосиф, хмурый, увидев бутылки с водой, он развёл руки и сказал:

– О, водичка!

После чего припал к воде, как немолодой конь Пржевальского, отдуваясь и что-то вспоминая. Вспомнив, он немедленно отправился к снастям, даже потянул несколько лесок. Там было пусто. Откуда-то возник неторопливый Игорь. Они начали вдвоём сматывать удочки. Делали они это молча, стараясь не шатать головами. Последним поднялся Валера. Он встал и, не раскрывая глаз, вошёл в воду, в чём был, и

замер там, как буйвол, выставив наружу большую лысеющую голову с закрытыми ещё со вчера глазами.

Болящий автор попытался открыть рот, чтобы сосчитать насчёт чего-нибудь, хоть насчёт места для пойманной рыбы, но рот не послушался, и вместо внятной остроты оттуда вылезло что-то первобытное, требующее современной фонировки. Зато легендарный мешок пришёлся очень кстати: в него складировали мусор, состоящий в основном из порожних бутылок и остатков /увы!/ фабричной рыбы. Радовало, что озеро хоть и оказалось платным, но платность эта оказалась условной. То есть, видимо, когда-то оно было платным, но затем рыба внезапно умерла либо эмигрировала, либо выбросилась на берег, следуя глупому примеру гренландских китов, – потому платная тема, естественно, отпала. Вот и радость, хоть, допустим, и сомнительная. Однако на обратном пути Иосиф холодно сказал:

– Кстати, гоните деньги за ловлю!

Оказывается, под утро кто-то ездил по берегу на мотоцикле, собирал мзду в небольшой молочный бидон в люльке мотоцикла. Бидон держала между ног не старая ещё женщина с печатью. При этом Иосиф показал расплывчатую квитанцию с расплывчатыми словами, добавив:

– Гоните деньги, я за вас заплатил.

Нехотя полезли за деньгами, а поскольку Игорь, как птица, всегда путешествовал не один, а с весёлым другом – пустым карманом, он за деньгами не полез, а, наоборот, по-

смотрел на автора. Ни в чём не повинный автор выгреб из карманов последнее, оставшись должным ещё небольшую сумму.

Великодушный Иосиф великодушно обещал потерпеть.

Назад ехали налегке, по тем же былинным дорогам. Голову постепенно отпускало, солнце бодро светило. При въезде в какую-то плохую деревню вскочили в небольшую яму. При этом что-то явно и сильно брякнуло. Но Валера только покрутил круглой головой и нажал на газ. Остановился, лишь когда машина начала издавать ужасные звуки взлетающего самолёта. Вернулись обратно, увидели лежащий на дороге глушитель. Глушитель был похож на часть заржавевшей искусственной ноги. Сунули эту ногу в багажник, Валера нажал на газ. Машина взревела. Куры, вышедшие сдуру на дорогу, от ужаса вспомнили, что они тоже птицы, – взлетели кто куда!

До конца лета оставалось ещё недели три.

Как же не радоваться? Как не щуриться в окно?

Жить, как говорится, хорошо!

Как делали клюквенный ликёр

*Люблю я осенью природы увяданье...
А пруд уже застыл...
/м. б., и Пушкин, похоже/*

Осень приходит так.

Незаметно. Бежишь, устремляешься. Впереди – вечность, но времени в обрез. Нормально. Глядь, а на клёне, ещё вчера усыпанном клейкими весенними почками, уже трепыхаются листья, и листья те уже большие, вычурные; а где-то сбоку горит жёлто-горячая прядка, яркая и неправдоподобно красивая среди поздней пыльной зелени.

«Сосед мой отъезжает в какие-то поля с охотою своей»...

В одно время, аккуратно перед сухим законом, в стране появился финский ликёр. Ликёр тот был вкусный, крепкий и дорогой. Он был словно та яркая осенняя прядь на глухих грядках тогдашних винных полок.

...Ах, если бы знать, что вскоре он исчезнет, пропадёт вместе со своим вкусом, крепостью и всеобщим здравым смыслом... если бы!

Но кто же знал?!

Примерно тогда же Лёня пришёл к Вове откуда-то воодушевлённый и сказал.

– Вова, – с порога сказал он, – я нашёл простой рецепт, как сделать финский ликёр в наших широтах! В смысле недоро-

го.

– Ой, – сказал Вова, – не может этого быть!

– В том то и дело, что может!

– А что нужно?

– Для этого практически не нужно ничего! В смысле, конечно, нужна водка и клюква, и ещё сахар. И всё! Ну, там ещё мелочи для придания напитку чего-то там. Короче, перемешать и настаивать 10 дней. Поставить в тепло.

– Мелочами, – сказал Вова, торопливо одеваясь, – можно пренебречь! Чай, не немцы.

Было утро субботы. Поэтому, не откладывая, сделали вот что:

– выскочили из парадного,

– нашли и купили уже тогда плохо доступную водку,

– купили клюкву у девчонки возле метро,

– принесли домой.

Сахар у Вовы был в наличии.

Привычно поспорили насчёт ингредиентов, их соотношения, подходящей ёмкости. Помирились /пожали руки/ ввиду величия задачи.

Дальше было дело техники.

Водку вылили в подходящую ёмкость, добавили клюкву, предварительно раздавив её в наволочке, досыпали сахар и что-то, что нашлось из мелочи. Потрясли. Смесь стала приятного, очень обещающего буроватого цвета. Но пахла водкой.

– Ничего, – говорил Лёня, дополнительно встряхивая банку, – потом она вберёт в себя полезные ископаемые, то есть ионы клюквы. И мы ещё посмотрим, кто кого!

Этой фразой он как бы бросил вызов цитаделям и форпостам финского ликёрного дела.

Наволочку пришлось выбросить – ничего не жаль!

– Давай ещё проверим по пунктам, – сказал осторожный в обращении с водкой Вова, – в таком деле не может быть мелочей. – И почему-то добавил: – Это тебе не «Аэрофлот»!

Проверили, поспорили. Помирились. Поставили в кладовке в тёплое место. То есть накрыли старым пледом.

– Сколько, говоришь, настаивать? – уточнил Вова.

– Десять дней.

Вова с грустью посмотрел на прикрытую банку, запел: «веселья час и боль разлуки хочу делить с тобой всегда...» Но закончил оптимистично: – Давай сгоняем партию, раз такое дело!

Расставили шахматы, задумались.

– Ходи, Вова, кого ждём?!

Однако Вова никуда не походил, он, наоборот, сидел, собрав пальцы в щепотку, чтобы ухватить пешку, глаза имел отвлечённые.

– Я вот думаю, – проговорил он, пойдя пешкой, как обычно не ходят. – А ты уверен?

– Насчёт чего?

– Насчёт поставить в тепло.

– Вова, не говори загадками!

– Следи за мыслью, Фишер, – сказал Вова. – Если бы речь шла о кубинском клюквенном ликёре, то вопрос постановки в тепло был бы логичен, правильно?

– Где клюква, а где Куба?! При чём тут Фишер?!

– При том, что население этой страны /Куба/, как мужчины, так и женщины, с рождения ходит в тазобедренных повязках, чтобы зачем?

– Чтобы зачем?

– Я тебя спрашиваю: зачем они поголовно ходят почти голые, исключая, конечно, команданте?!

– Вова, ты заставляешь меня нервничать!

– Они ходят в... чтобы не умереть от... ну?!

– От туберкулёза?

– От жары, Леонид!

Лёня внимательно посмотрел на непонятого Вову, взял его пешку, перепошёл по правилам, ответил любимым конём.

– Однако, – продолжил Вова, наблюдая за его эволюциями, – в нашем случае речь идёт о /внимание!/ финском ликёре! То есть о напитке, рождённом в недрах страны, население которой половину года ходит в пальто, вторую – в том же пальто, но расстёгнутом по случаю жары, которой там не было от сотворения мира, то есть той же Финляндии.

– Что ты к ней пристал, к Финляндии?.. – начал сердиться обычно мирный Лёня. – Что она тебе сделала, кроме пре-

красного ликёра, отвечай?!

– Я говорю, ты уверен, что там сказано «поставить в тепло»? Может, там было «поставить на лёд», вспомни?!

– Что я, по-твоему, тепло от холода не отличу, так?!

Лёня был инженер, поэтому отличить тепло от холода, естественно, мог, глупый вопрос! Но речь шла о водке, собирающейся вот-вот исчезнуть с экранов народных радаров, и Вовино волнение в этом тревожном аспекте было понятно и извинительно. Поэтому умный Лёня не обиделся, а толково объяснил, что речь в рецептуре шла именно об поставить в тепло, напомнив Вове параграф из учебника химии, где сказано, что химические процессы решительно ускоряются именно наличием тепла и чистых рук лаборантов.

В резиновых и иных перчатках.

Помирились. Сидели, играли, вспоминали уроки химии. Играли рассеянно, ибо главные мысли были возле ёмкости с дорогим содержимым. Лёня «зевнул» слона, после чего начал проигрывать. Сделав ещё один глупый ход, поднялся, сказал:

– Надо глянуть, по-моему, там как раз недостаток тепла, то есть процесс может затянуться на годы.

Вернулся почти весёлый. Сказал:

– Уже почти шумит! Вдруг что – накроешь сверху курткой. Но, может, и не надо.

Сели доигрывать партию, не игралось. Плюнули. Побарабанили пальцами по столу.

Вова куда-то сходил, вернулся и объявил, что затеялся написать юмористический рассказ, уже и название есть. Будет называться «Большой, крытый железом ангар».

– Чего так длинно? – спросил Лёня без интереса.

– Потому что ангар большой, – логично ответил Вова. – В длину!

– Действительно...

Вова принялся рассказывать недавнее приключение.

Недавно за вокзалом появился ребристый ангар, а Вова шёл, что ли, с работы. Вот он постоял, полюбовался на длину ангара, а дверь туда была открыта, проделанная в воротах. В дверь заходили люди парами и поодиночке. Как на собрание, подумал Вова и тоже вошёл, руководимый любопытством. Помещение ангара было заставлено рядами скамеек, на скамьях сидело много людей, больше женщин. В глубине было возвышение вроде эстрады. Там стоял строгий мужчина и что-то говорил. Потом махнул рукой, зал запел. Ага – это собрание какой-то церкви, которых развелось в то время, как родственников на богатых похоронах. Потом мужчина радостно сообщил, что к нам на собрание приехал брат из Америки, просим! На сцене возник негр. Негр был настоящий, тугой и лоснящийся. Бывают в зоопарке такие налитые гиппопотамы, такой же расцветки. Зал захлопал. А негр – улыбка, энергия, белая рубашка; руки так и машут, обе! Тут же переводчик. Негр, как истинный пастырь добрый, давай загонять малое стадо в загорожу правильного христианства;

у пасомых лица умильные. Дело-то происходит в жуткие 90-е годы, жизнь обмирает, а тут благодать так и прёт!

Пусть и непривычного /чёрного/ цвета.

Короче, пастырь энергичный машет незримым кнутом, худой переводчик не поспеваает, этот сердится, топает ногами. Рассказывает, что хотя Христос был очень занятым человеком /он сказал: busy man, то есть практически бизнесмен/, он нашёл время остановиться и поговорить с самарянкой. Христос нашёл время, конечно, а не негр. Воздав должное ленивым самарянам, пастырь чёрный сделал выговор своим нерадивым овцам; мол, соседняя – враждующая им церковь – наполняется членами куда активней!..

Вова заскучал и вышел на свет.

– Так чем закончилось? – невнимательно спросил Лёня.

– Ну, закончилось... – неопределённо сказал Вова. – Можно придумать для интриги, что я с ним познакомился, он пригласил к себе в Пенсильванию... а сам оказался не проповедником, а председателем местного отделения ку-клукс-клана... Это будет интересно, как тебе кажется, Лёня?

– Мне кажется, – задумчиво сказал Лёня, – мне кажется, сахара положили маловато. Ликёр любит сахар; он его обожает.

Отложили ку-клукс-клан, пошли к банке. Банка мирно дремала под пледом, как старая невеста, покрытая паранджой. Лёня поднял банку, глянул на свет – весь сахар лежал на дне, как в аквариуме.

– Я же чувствовал, – научно сказал Лёня. – Вот так совершаются мировые ошибки.

Банку трясли, раскачивали в разных плоскостях, сахар растворялся, но неохотно. Остановились.

– Дай досыплю, – сказал Вова, держа наготове раскрытый пакет.

– Нельзя спешить, – остановил его Лёня. – Тут, как говорится, семь раз отлей... то есть дай столовую ложку.

– Зачем тебе?

– Бережёного Бог бережёт, – туманно ответил Лёня, рассматривая банку на свет. – Глаза могут подвести, и тогда может случиться непоправимое.

– В смысле? – затревожился Вова.

– В смысле пересыпанный сверх нормы сахар из ликёра уже не извлечь. Нужно сперва попробовать на сахар и, буде понадобится, постепенно досыпать, по столовой ложке. Где ложка?

Он открыл банку, сунул туда ложку, почерпнул, приложил к устам. Не распробовал. Черпнул второй раз, выпил, пошевелил губами.

– Лёня, отстань от неё! – ревниво сказал Вова.

– От кого, от неё?! – спросил Лёня.

– Ну не от меня же. От ложки! – сказал Вова, забрал и почерпнул сам.

И тоже не распробовал.

– Ни черта непонятно, – сказал он. – Надо ещё раз.

Лёня выдвинул гипотезу, что, возможно, это не столовая ложка, а как-то наоборот. Вова на это обиделся и заявил, что ложка именно столовая, ибо украдена лично им в Астрахани, в местной столовой с видом на Волгу, весной. Попробовали по контрольной. Помирились на том, что сахара действительно маловато. Подсыпали сахара, всколотили. Попробовали последний раз, обрадовались.

Вот теперь норма!

Посидели. Поговорили про изготовление вин. В том смысле, что любое изделие, сделанное своим руками, не сравнить с фабричным, ибо там дурная машина, а у человека всё-таки есть совесть. Потом полюбовались на вид из Вовиноного окна, который открывался на большое здание больницы, которое неторопливо перекрашивалось в синее.

– Ну, Вова, я, наверное, пойду, – помешкав, сказал Лёня и не ушёл.

– Забыл тебе сказать, – сообщил он, как бы объясняя свой неуход. – Ничего у тебя с этим ангаром не получится, в смысле рассказом.

– Это почему?

– Потому что сейчас негров нельзя называть неграми. Ты опоздал!

– Кто сказал?! – изумился Вова.

– Газеты нужно читать, – оживился Лёня. – Теперь все негры поголовно стали афроамериканцами.

– Зачем?!

– Затем, что теперь если назовёшь негра негром – тюрьма, Синг-Синг!.. С другого конца – как он может быть председателем ку-клукс-клана? Он же негр, тьфу, афро... этот, афродит.

– Почему не может? – возразил Вова, осмысливая афроновость. – Сейчас у них полное равенство полов, то есть красок!

– Так ку-клукс-клан сам негров вешает, забыл?!

– Да, вешает, – вспомнил Вова и тут же нашёлся: – Так и что?! А мои будут бороться за право вновь гордо именоваться неграми. И под это дело будут вешать бледнолицых и байкеров. Начнётся с Пенсильвании...

Почти поругались, имея о Пенсильвании такое же представление, какое добрые пенсильванцы имеют о белорусских драниках.

– А где Ира? – примирительно спросил Лёня, зная, что Ира уехала.

– Уехала к маме в Ростов, а что?

– Знаешь что, – неожиданно заявил Лёня, – давай перенесём банку ко мне.

– Давай, конечно, в смысле, чтобы зачем?!

– Смотри, – резонно проговорил Лёня. – Ира приедет от мамы, а мама у неё – генератор энергии, вечный двигатель! Ира там подзарядится, скажет: ой, какой ты Вова без меня устроил в квартире гадючник! И давай всё энергично драить, мыть и сметать пыль палкой. И по невнимательности кокнет

банку с ликёром, увидишь. Ты пришёл с работы, она к тебе: ой, Вовочка, ты только не сердись...

Вова уже собрался обидеться за жену, но серьёзность перспективы пересилила.

– Действительно, – сказал он. – Она может.

Пошли в кладовку, укрепляя себя мыслью, что для них в этом смысле нет ничего святого!

Для женщин, естественно.

Взяли банку вместе с пледом, бережно отнесли через площадку в квартиру, где холостяковал Лёня.

– Ей Богу, шумит! – радостно приговаривал Лёня. – Процесс пошёл!

Поставили, тщательно накрыли. Удостоверились в правильном температурном режиме. Поулыбались перспективам.

– Мы его во сколько зарядили, – оптимистично спросил Вова, – в двенадцать?

– Да. В без четверти два!

– Считай, в двенадцать. А сейчас двадцать минут шестого. Значит, до готовности осталось...

Посчитали. Получалось, что осталось ещё долго.

– Ну, – неохотно сказал Вова, – пойду, наверное, к неграм.

И сел на кухонный табурет.

– Давай покушаем, – предложил Лёня, – а то я с утра на кефире.

– Опять олады?!

– Нет, сосиски с хлебом.

С оладьями была история. Обычно Лёня кормился гречкой и прессованным супом, который откусывал прямо из брикета, запивая кипятком. Став, кстати, нигде не зафиксированным пионером фастфуда в наших краях. Но иногда на него нападал кулинарный пароксизм, от голода. На прошлой неделе он пригласил Вову на изготовление блюда «Кабачковые Оладьи с Сыром». Затеялись делать оладьи, но что-то не учли. Оладьи комковались, разрывались в неожиданном месте, пригорали. А также неожиданно валились из сковородки на пол и ни за что не хотели от него отделиться. «Не можешь – не берись! – поучительно сказал Вова. – Дай я!..» Он принёс из дому женин передник, препоясал чресла, приводя при этом древнее кулинарное поверье, что любое изделие можно исправить сметаной. Добавляли в исходник сметану, всколачивали миксером. Под действием сметаны оладьи растекались по поверхности сковородки, покрывались лопающимися медицинскими волдырями, решительно отказываясь принимать форму, хоть какую-нибудь!

Да что же это такое?!

– Слушай, ты же говорил, с сыром, – вспомнил Вова. – Ой, – сказал Лёня. – Забыл – Конечно, – резюмировал Вова, дробя твёрдый, как асфальт, кусок сыра на тёрке. – Расплавленный сыр станет как бы армировать вязкую кабачковую массу, и в результате мы получим оладьи в виде признанного мировым сообществом хрестоматийного овала.

Посыпали смесь тёртым сыром, который для начала ни за что не хотел плавиться и тем самым армировать осата-невшую от экспериментов вязкую кабачковую массу. Вращались вокруг сковородки – вроде физики-ядерщики вокруг реактора, как это показывают в фильмах про физиков-ядерщиков и их дурноватое детище. В финале оладьи приняли хрестоматийный вид усечённой пирамиды, возвышающейся над сковородкой в виде кабачковой Фудзиямы. Оладьи кушали ложками, хвалили, соглашаясь с древним кулинарным поверьем, что любую дрянь можно спасти с помощью вина.

А вино было. «Ливадия», кто помнит.

Ну вот. Повспоминали приключения с оладьями, посмеялись. Накрыли стол чистой газетой, пожарили сосиски. Разложили по тарелкам. Вова сбегал принёс банку консервированного горошка. Стало зелено и перспективно.

– Знаешь что, Вова, – сказал Лёня, задумчиво нарезая батон. – Я другой раз думаю: жизнь такая – непонятно, что с тобой завтра будет. Да что там! Не знаешь, что будет даже сегодня вечером...

– Да, – грустно подтвердил Вова, глядя на потревоженную банку импортного горошка «Глобус». – Время подбрасывать камни.

– Возьми, к примеру, Владика, – перебил Лёня, – ты его должен знать. Владик что учудил – открыл своё дело! Открыл, а сам думает: «Что-то у меня аппетит плохой, наверное, у меня язва желудка». Жена говорит: «Конечно, Владик,

иди в поликлинику, беги!»

– Правильно, – невнимательно похвалил Вова. – Сам не позаботишься, никто тебя не позаботит...

– Так он пошёл в поликлинику, перед этим попрощался с женой, Галкой. Ты же знаешь, что сегодня пошёл в поликлинику – как в разведку: вернёшься ли? Ну, приходит туда, а ему для начала в регистратуре говорят: «Мужчина, нужен паспорт!» Он говорит: «Чтобы зачем?!» Ему говорят: «Чтобы затем – сейчас так положено, несите!» Короче, он вернулся за паспортом, глядь, а на кровати вместо него лежит кто-то. Что такое?! Пока он думал, неизвестный ожил и – в окно! Владик подумал, что это вор, – и следом!

– И что? – спросил Вова, думая о другом.

– Ничего, лежит на растяжке второй месяц, открытый перелом. Жена ушла, Галка... А собирались летом в Крым... место присмотрели...

– Да-а, – неопределённо произнёс Вова, глядя на памятную сковородку.

– Вот так, – сказал Лёня. – Никогда не знаешь, откуда тебя догонит.

– Да-а...

– Да-а...

– Да-а...

– Так я что подумал... – неуверенно произнёс Лёня.

– Конечно! – энергично вскочил Вова. – А про «никогда не знаешь» я тебе потом расскажу, как мы с Ирой продавали

шапку на стадионе!

Он и впрямь рассказал эту волнующую историю, но уже потом. А пока радостно снимали с банки паранджу, словно освобождая женщин Востока от векового унижения; Лёня доставал рюмки, гигиенично протирал их пальцем; разливали мутно бурую жидкость, которая ещё не пришла в себя от последних встряхиваний; весело потирали руки, рассаживались вокруг стола...

Пауза.

Подняли рюмки. Сказали тост за дружеский финский народ, изобрётший такой прекрасный, такой простой и, главное, быстрый в изготовлении напиток. Выпили, поцокали языками. Сказали:

– Ну, это же практически другое дело!

Налили по ещё. Выпили, сказали:

– Хорошо пошла!

То есть, конечно, хорошо пошёл.

Ликёр ведь...

А про Вову и шапку на стадионе – это уже другая история.

Пустой посылочный ящик, или Случай в кошёлку ясновидения

Автор просит любезного читателя не волноваться – это только заголовок длинный, а сам случай конкретно короткий и, честно говоря, не такой уже и удивительный, как автор о себе возомнил.

Скажем скромнее – странный.

Вот, некстати, вспомнилось о времени. В Тибете время мерялось не как у нас – минуты или, допустим, фунты, в смысле таймы. У них время засекалось проще. Например, «время, нужное, чтобы пообедать», или «время, чтобы прочесть молитву», или «время, нужное чтобы щёлкнуть пальцами»... То есть ни о какой точности или, допустим, нанотехнологиях говорить не приходится. Там до сих пор часы есть только у Далай-ламы, который обязан держать свои народы в мировом, извините, тренде.

Нехотя, а надо.

Да, так пользуясь буддистской хронологией, автор утверждает, что чтение этого рассказа займёт время, нужное, чтобы его прочесть. Если, конечно, без перерыва на обед или в отпуск.

Короче, речь пойдёт об отпуске, т. е. возвращении оттуда.

Итак, однажды ехали в поезде, конкретно из Сочи в Ростов. А был август, самое пекло. Жара и днём тягостна, но-

чью же и в купе медленно движущегося поезда – она ужасна!

Так вот здесь речь об таком медленном ужасе.

На некотором отрезке этой раскалённой дороги поезд ни с того ни сего тормозит и дальше движется со скоростью пешехода. Ночью! Ну, скажем, быстрого пешехода. Но ему, пешеходу, хорошо, а каково сидеть в купе, в поезде, набитом бывшими отдыхающими, раскалившимися на Юге до возгорания. Накопившими на пляже солнечного жару столько, чтобы довести его до семьи на Кольский п-ов, не расплескав.

То есть страшное количество.

Тем не менее ехали. Раскрыли всё, что открывалось: окна, двери, какие-то лжевентиляционные заглушки, короче, всё, вплоть до ртов, которыми и дышали, как морёные лошади. Сидели в купе мокрые и обвисшие, в открытое окно вместо прохлады медленно вваливалось что-то вязкое, осязаемо горячее.

В купе, кроме автора, ехала молодая женщина с ребёнком, девочкой пяти лет. А ещё безымянный мужчина неопределённого возраста в больших трусах, именуемых «семейные». Он принципиально пролежал всю дорогу на нижней полке, куя силу воли, а может, без сознания. Был ещё один, по виду совершенно моряк. Тот некоторое время потоптался, даже запрыгнул наверх, там он недолго повращался на липкой простыне, что-то проговорил в низкий потолок, спрыгнул вниз, обулся и куда-то пропал.

Потом некто большой и пузатый заглянул в наше купе,

перегородив голым животом всю дверь, осмотрел вялыми, похожими на водоросли, очами. Убедившись в чём-то, оторвался и пошёл дальше.

Спасаться.

Но спасения не было.

Поезд еле двигался, колёса, которые обычно бодро так-такают внизу, сейчас неохотно делали тук-тук, тук-ту-ук-тук. В тяжком ритме похоронного вальса. Было ощущение, что ещё немного, поезд остановится, замрёт в поле до весёлого Рождества и двинет дальше по холодку, только мы этого уже не увидим.

Автор лежал на верхней полке, что-то проклиная; ага, свою глупость, поскольку собирался самолётом! Об заснуть, не могло быть и речи. В голове вращалось медленное марево, мысли были вязкими и квёлыми, картинки нерезкими. сосед-одиночка на нижней полке сердито лежал под простынёй носом в стенку, выставив наружу толстую волосатую спину. По ней, как река в джунглях, стекала струйка пота. Автор старался туда не смотреть. Девочка время от времени принималась хныкать. Мама вяло обмахивала её самодеятельным веером, сама мокрая буквально во всех местах. Автор смотрел на них, жалел, медленно думал: «А где-то ваш папа сидит в прохладной шахте, обдуваемый лёгким ледяным ветерком, и не дует в ус, твёрдый от угольной пыли. А вы наплавались, прожарились, прокалились, проморожились – зато теперь мучаетесь, получая урок по популярной теме

«За удовольствие нужно платить».

Автор пытался хоть в воображении представить себя режущимся или хотя бы тонущим в проруби, но мысли упрямо вращались вокруг чана с кипящей смолой. Логично вспомнилась такая же жара, но уже днём. Когда вывезли нас, рабов Божьих срочной службы, выгрузили в раскалённой донельзя степи, на стрельбы... Ярко всплыл тот слепящий день, сверлящее солнце; впереди, до самого до моря – выжженная, ровная территория. Даже не степь, а чёрт знает что, покрытое сгоревшими травинками, камнями и прочей безжизненной хренью. А сверху лежишь ты – в матросской робе, как оригинальная сардинка на бутерброде в духовке; между тобой и дальним вожделенным морем торчат мишени-силуэты, похожие на инвалидов, по ним нужно стрелять. Буквально перед твоим носом мучается бескровный цветок. Вдали – море; на море, далеко, как в сказке, белеет настоящий парус одинокий, – почему я не там?! Вдруг сбоку – бах-бах! Слева, справа. Ага, это прозвучала команда «огонь!». От неожиданности ты потерял свой силуэт, быстро отыскал, нажал на курок. Автомат дёрнулся, стукнул в плечо, ты пришёл в себя. Ты пришёл в себя и обнаружил, что твоя мишень по-прежнему торчит между двумя чужими, прямая и не целованная. Тыжимаешь курок более тщательно; буквально видишь, как пуля нехотя выбирается наружу из раскалённого ствола, летит вперёд с зажмуренными от неохоты глазами; сослепу попадает в лежащий неподалёку камень, их тут много, от-

скочила – дз-з-з – и растворилась в горячей синеве. Такое же резкое, противное дз-з-з-з слышится слева и справа постоянно – это палят твои товарищи. А ты тупо жмёшь и жмёшь на курок – и вдруг! – вдруг и очень ярко представляешь, что это не мишени, это лично ты идёшь оттуда, от моря сюда, навстречу ужасным, смертельно зудящим звукам. И никуда не спрятаться, нечем укрыться на этой гиблой плоскости, а тебе нужно идти навстречу буквально ощутимой смерти. В такую жару...

Боже мой!..

...Девочка внизу вновь захныкала. Мама очнулась от своего обморока, давай обмахивать её мокрой пятернёй, успокаивая тихими неразборчивыми словами. Сосед зашевелился, намереваясь перевернуться на другой бок, но сил хватило только на половину оборота – так он и застыл на животе... Надо бы выключить верхний свет... На этот свет в открытое окно неторопливо залетали какие-то отпетые мотыльки и вновь ныряли в темноту, не сильно, впрочем, размахивая короткими крыльями.

...Свет уже выключали, но быстро включили назад, ибо без света было почему-то ещё страшнее...

В общем, надо было что-то делать.

А что?

Правильнее всего было бы выйти и быстро пойти рядом с вагоном, ухватившись за поручень, чтобы не убиться обо что-нибудь, возникшее из мрака. Выйти и зашагать, не что-

бы скорее добраться, а чтобы делать хоть что-нибудь. Не умирать же лёжа, как забытый больной на ярко освещённом операционном столе. Да, встать и выйти, прямо в окно... Может, отчаливший сосед-моряк этим пешком и спасается, непосредственно по пыльным шпалам?

Вряд ли...

Да. С этого нехитрого предположения наше повествование медленно двинулось в сторону неожиданного финиша.

Для начала автору вспомнились такие же переходы на военном корабле по горячему морю. Внутри раскалённого железа жить было невозможно, но надо. В то время вентиляторы и кондиционеры были лишь на кораблях условного противника. Но наши тоже не спали; наши не спали в прямом смысле слова, пока не придумали ветроотбойники. Это были такие металлические штуковины специальной формы, которые выставлялись из кубрика в иллюминатор поперёк движения. Корабль двигался, воздух упирался в препятствие, нехотя заворачивал в каюту, создавая рукотворный сквозняк.

И флот условного противника с его НАТО был нам уже по колено.

«Вот, – вяло думал автор, рассматривая невидящими очами нечто небольшое, – вот если бы что-то твёрдое и плоское выставить поперёк окна, получился бы правильный ветроотбойник. Выставить, поджать окном, и в купе бы сразу потекла вентиляция. Что бы это такое было? Самое тонкое

и плоское в купе был горячий матрац, подушка не в счёт. Да ещё чья-то громадная сумка на колёсах, которую автор вместе с моряком еле затолкали наверх, вон она чернеет напротив. Покрутив остатками ума, автор понял, что самое действенное – высунуться из окна самому до половины и ждать, пока встречный поезд не прекратит мучение вместе с молодой жизнью.

Но это не выход.

Девочка снизу снова захныкала. Сосед сердито поднял голову, подержал её над мокрой подушкой, как бы желая высказаться. Полуобморочная мама активней замахала своим жидким опахалом. Девочка затихла. Сосед опустил голову, так ничего и не сказав. И вот в этот момент автора посетила вторая мысль, как бы озарение. «Нужно подняться, – сказала мысль, – выйти в тамбур, там стоит пустой посылочный ящик. Нужно от него отломать крышку и вставить поперёк окна, а окно поднять, чтобы прижать крышку вертикально...» Это было так просто и очевидно, что автор явственно увидел и тамбур, и ящик на грязном полу.

Ящик был новый, пустой и фанерный.

Не откладывая, автор точно по инструкции спрыгнул с нары, вставил ноги в босоножки, даже не стал застёгивать, вышел в слабо побрякивающий тамбур. В тамбуре было ни души и, к большому удивлению автора, никакого ящика там тоже не было. Очень странно... Ага, тамбуров много, они все похожи. Значит, ящик ждёт в соседнем. Вышел в сосед-

ний. На нечистом полу действительно стояли пустые пивные бутылки. Надо полагать, ещё с прошлого рейса, ибо какой ненормальный будет пить пиво в такую жару? Самих ненормальных в тамбуре не было, посылочного ящика тоже.

Меж тем должен быть!

Автор постоял, пошевелил бровями. Надо идти дальше, как ни противно. Прошёл насквозь горячий купейный вагон, мимо ряда открытых дверей, за которыми ворочалась медленно угорающая жизнь. В следующем тамбуре было не пусто – там стоял, именно стоял густой табачный дым и никуда не девался. «Боже мой, может, они перешли сюда, те ненормальные?! Кто ещё может сейчас курить?!» Впустую порыскав глазами по полу, автор пошёл в следующий вагон, плацкартный. При самом входе в вагон неопределённо стояла проводница. Была она высокая, даже длинная, как на проводниц. Под мышками у неё были тёмные круги, такие же круги, только синие, были вокруг намазанных глаз и ресниц. Увидев вошедшего автора, она открыла рот, как бы желая что-то произнести, но тут же забыла что хотела, повернулась и молча пошла внутрь своей кладовки.

Со служебной спины она выглядела милостивей.

Если в купейных вагонах люди страдали прикровенно, то в плацкарте страдание народное было обнажено, как выставляют свои болячки калеки-нищие, давя на сочувствие граждан. В полумраке, в бывшем воздухе, густом и напрочь лишённом кислорода, люди лежали или сидели. Они сидели

просто; сидели, завалившись; сидели, запрокинув голову с раскрытым ртом, словно тянули длинную некрасивую ноту. Было ощущение дикой, запущенной эвакуации. Какой-то счастливец спал, при этом жутко храпел, – вокруг и с ненавистью бдели несчастливцы.

В середине вагона проход перегораживали чьи-то ноги. Они торчали с верхней полки, левая и правая. Ниже, прямо под ними сидела немолодая бабушка. Она сидела под этим шлагбаумом, как бы арестованная на границе, ожидая решения своей участи. Но не это удивило автора, а что, несмотря на пекло, ноги были обуты в носки и тяжкие челябинские босоножки. Автор тут же вспомнил рассказ одного дяди Димы. Дядя Дима был послевоенным хулиганом, если не сказать больше. Они промышляли в поездах, в которых люди возвращались из побеждённой Германии. Но народ там ехал опытный или предупреждённый; спали чутко, не раздеваясь, привязав себя к заветным вещам. Выручали пьяные офицеры. Те замачивали в Европе свою Победу, пока Родина-мать не собирала их домой, к мирной жизни. Они и возвращались, домачивая победу на каждой станции. Потом, будучи опытными или предупреждёнными, они забирались на свою полку, в чём недавно плясали. Вот он лежит там без памяти, торча сапогами в проход, но стянуть их и не пытайся, – если хозяин очнётся, запросто могут убить, что и делалось неоднократно. «И что мы придумали, – вспоминал дядя Дима. – Мы брали и натягивали на спящие сапоги тугие резин-

ки, поверх голенища. Натянешь резинки, сядешь внизу под сапогами, дремлешь, когда сверху что-то – бух-бубух! – это упал первый сапог. Резинка-то пережимает ногу, хозяин мучается во сне, ему опять снится война – сколько можно?! Пока не столкнёт с ноги помеху, читай: родной сапог. Ты сидишь, ждёшь второй. А вот и он – бух. Второй падает быстрее, ибо сталкивается уже босой ногой. Ты взял, аккуратно сложил пахучие портянки, возвратил наверх, как бы сдачу, и ушёл. И всем хорошо: ты при сапогах, пьяный счастлив, что ему не давит и не жжёт. Может, ему снится, как он поёт под гармонику, свесив ноги с родительского крыльца. И спит он, счастливый, улыбаясь, до самого рассвета».

До хмурого утра, туманного и седого, по словам поэта.

Вспомнив это, автор наклонился под вытянутые ноги, зацепил сидящую бабушку, извинился. Бабушка что-то проговорила, что-то неразборчивое.

Может, и выругалась.

До следующего тамбура добрался без приключений. В тамбуре некто в клетчатом стоял, прислонившись лбом к стеклу, ящика не было. Но автор воспринял это практически без эмоций, как бы привык.

В следующем таком же госпитальном плацкарте какие-то конченные персонажи выпивали и тут же закусывали в полумраке. Резко воняло горячей водкой и колбасой. Они выпивали молча и остервенело, видимо, предчувствуя завтрашнее пробуждение. Среди них автор чуть не увидел соседа-мо-

ряка, даже остановился, но, к счастью, ошибся. Облегчённо двинул дальше, думая, как же им завтра будет нехорошо!.. И как нехорошо их соседям уже сейчас.

Ужасно.

Конечно, автору стоило бы подумать не о них, а о себе. Например, куда, собственно, он направляется, к каким звёздам? Ну, допустим, за почтовым ящиком! Тогда следующий вопрос: что его туда гонит?! Ибо кто и, главное, зачем будет расставлять посылочные ящики в тамбурах, да ещё в такую жару?!

С какой целью?!

Если бы эта простая мысль мелькнула хоть краешком, может, автор остановился бы, перекрестился, чтоб отбиться от наваждения, и вернулся в свою горячую постельку. Но в голове прочно стояло видение порожнего тамбура с жёлтым фанерным ящиком внутри. Толкаемый видением автор шёл сквозь поезд, направляясь с хвоста в голову, что называется, на автомате. Причём шёл так уверенно, что, закончись наши тамбуры, прошёл бы поезд насквозь и двинул впереди по шпалам. Пока не настиг бы следующий поезд.

Идеи движут массами! /Ленин./

Однако выходить наружу не пришлось, потому что в предпоследнем, восьмом или десятом по счёту, порожнем тамбуре автор остановился. Остановился, ибо увидел на полу небольшой ящик. Ящик смутно желтел в углу, пустой и посылочный. Нисколько не удивившись, автор отодрал верх-

нюю крышку, которая была слабо прихвачена несколькими посылочными же гвоздиками. Машинально пригнул их пальцем к крышке, чтобы не зацепить и не зацепиться. Какое-то время постоял в стучащем железнодорожными костями тамбуре. Пробыл там время, необходимое, чтобы постоять в полутёмном тамбуре, обмахиваясь крышкой, отломанной от фанерного ящика, бессмысленно глядя на осиротевший короб – на что он может сгодиться? Но мышление, а с ним и рассуждения не возвращались, автор повернулся, чтобы идти назад, но в это время дверь открылась на опережение. В тамбур вошла давешняя длинная проводница. Она посмотрела на автора, вновь открыла рот, тут же забыла, что хотела им сделать, так и прошла в передний вагон с незапертым ртом, пригнувшись, чтобы не треснуть голову в короткой стрижке.

Посмотрев ей в спину, автор двинул домой. Обратный путь лежал по той же трассе. На трассе ничего не изменилось. Компания конченных вяло гуркотала на своём диком пиру, окисляя воздух начатками будущего перегара. Клетчатый человек обернулся на брякнувшую дверь, смутно посмотрел на автора, потом на фанерную крышку, свёл брови, как бы что-то узнавая. Не узнав, вновь тяжело упёрся лбом в стекло двери. В плацкарте всё так же торчали большие ноги, перегораживая проход. Старушка под ними сидела в прежней ждущей позе. Впрочем, были изменения. На левой ноге туфля уже не было. Автор остановился, посмотрел на ста-

рушку, затем на желтеющую ногу, снова на старушку. Она восклонилась, что-то вновь пробормотала. Может, выругалась.

Автор прошёл под этим рукотворным шлагбаумом, смутно припоминая, вроде он про это уже читал. Или слышал.

В купе вернулся без приключений. Похлопотал, зажимая крышку поперёк окна. Зажал. В купе немедленно повеяло чем-то почти прохладным.

Женщина благодарно посмотрела на автора, подвинула ворочающуюся девочку к окну. Сосед снизу, почувствовав что-то волосатой спиной, поднял голову, поводит осоловевшими очами и снова впал туда, откуда выпал. Девочка затихла, задышала ровно, потом засопела – уснула.

Что и требовалось доказать.

Завершив дела, автор запрыгнул наверх, на своё место. Выключили верхний свет – резко выступил освещённый проём двери. Через какое-то время в проёме появился моряк, постоял, понюхал воздух. После разулся, запрыгнул на соседнюю верхнюю нару. Автор свесил вниз засыпающую голову, посмотрел на его обувь.

Обувь была покрыта пылью.

Уже много лет спустя, вспоминая эти приключения, автор взял и подумал. Например, откуда ему в голову явилась мысль про ящик? Даже не мысль, а непоколебимая уверенность. И почему он там стоял, пустой и безымянный, ибо на крышке не было никаких адресов и обозначений?

Кто его там оставил?

Специально для какого случая?

Подумав, поудивлялся, шевеля пальцами; неопределённо побарабанил ими же по столу – ответа не было. Успокоился словами, что ли, Шекспира: мол, бывает в мире такое, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам.

Да, где-то так.

Светлая грусть

*Уж сколько раз твердили миру:
Поспешность нужна при ловле блох!
/стихи И. Крылова, слова народные/*

Женатый человек Игнатий о вреде поспешности никогда не думал и вот что учудил.

Он вообще слабо думал, в принципе.

Однажды он вернулся с чужих похорон. Открыл дверь своим ключом и заявил с порога, а сам трезвый:

– Нина, ты хоть знаешь, сколько сейчас стоит похоронить?!

– А что? – спросила Нина, куда-то собираясь.

Игнатий, не снимая ботинок, полез в интернет и вылез оттуда, сказав: ну, не сволочи, а?!

Оказалось, что сегодня похоронить среднего человека стоит ещё дороже, чем вчера!

– Ты слышишь, Нина?!

– Чего?!

– Ты куда собралась, такая назелённая?!

– Как там похороны, много было народу?

– Которых хоронили?!

– Которые провожали, горе моё!

– Много, и тех и тех. У нас оркестр играл на двух клиентов одновременно. Чуть не подрались! Но в конце подра-

лись! Наши посчитали, что те должны платить больше, раз оркестр стоял ближе к их яме. А те кричали: зато ветер в вашу сторону – вам звук сносило! Как тебе нравится?!

– Не нравится. Я скоро буду!

И ушла, свистя шелками.

Игнатий на это невнимательно постоял, потом сел и задумался. «Если сегодня, – непривычно думал он, – похоронить стоит больше, чем вчера, то, выходит, завтра будет больше, чем сегодня, так? То есть через десять лет это будет...»

Ой, надо срочно что-то делать!

Рассеянно скушав что-то из холодильника, какую-то несоленую ерунду, Игнатий взял карандаш и углубился в свои мысли дальше. В результате он определил, что в деле погребения существует несколько этапов, а именно: самоё закапывание с последующим притаптыванием свежего грунта, гражданские поминки, установка памятника, чтоб не перепутать своего почившего с посторонним; установка оградки, чтоб живые сволочи не унесли наш памятник.

А ведь это всё – деньги! Интересно сколько?..

Вылезая из интернета, как из проруби, Игнатий пошёл на кухню срочно согреться, но не согрелся, нечем. Оказалось, например, что памятники в смысле цены проделывают ту же эволюцию вверх. Только ещё быстрее.

Если они растут с такой скоростью, тогда а кушать за что, питаться?!

Крепко подумав, Игнатий решил действовать на опереже-

ние.

Через три дня, проведя маркетинг, он давай заказывать фирме памятник, чтобы с фотографией, датами и красивой надписью, желательно золотым.

– Кому памятник? Вертикальный, горизонтальный, под ключ, из какого материала, что писать? – конкретно спросили на фирме. Да энергично так, с непривычки и не сообразишь.

Морально неготовый Игнатий струсил, сказал:

– Я посоветуюсь с покойным и вам перезвоню.

Это было первое расстройство. Второе: а действительно, что писать и кто сочинит?! Гадость какую-нибудь придумают, лишь бы обделаться... в смысле отделаться! С третьей стороны, надо срочно, ибо если так дальше, то потом одно слово будет стоить, как сегодня вся плита!

С оградкой и насаждениями!

Сел Игнатий на кухне, начал чёркать из головы. Написал: «Спите спокойно, дорогие...» Вспомнил, что где-то такое видел, зачеркнул. Посидел, подумал. Нарисовал холмик, стоячий прямоугольник с крестом и двумя овалами, вроде фотографий. Написал: «Просьба не беспокоить. Игнатий, Нина». Ерунда какая-то. Зачеркнул. Забил в гугл «надписи на памятниках», выскочило «эпитафии». Открыл, долго искал, выписал на листок подходящее.

– Нина, иди сюда, что я тебе нашёл!

– В смысле, что?! – отозвалась Нина с балкона, где спасала

цветы чем-то вонючим. Извиняемся, дурно пахнувшим!

– Я говорю, стихи, тебе понравится!

На «тебе понравится» пришла Нина, принеся с собой запах гадости.

– Что ещё за стихи, я не знаю!

– Слушай:

«Когда тебя забудут люди,
Забудут все твои друзья,
Одно лишь сердце помнить будет,
И этим сердцем буду один лишь я!»

Нина, конечно, ничего не поняла, но скандально насторожилась.

– Не поняла, – сказала она, – это ты на 8 марта, что ли?

– Какое 8 марта, соображай!

– Так это про кого «забудут люди»?

– Ну про тебя, про кого!

– Не поняла! – занервничала Нина. – С чего это люди должны меня забывать?!

– Тут ещё «забудут все твои друзья...» Все забудут! Лорка забудет, Владик твой забудет, Инка с мужем, Майя Адамовна...

– Во-первых, он никакой не мой – Владик! Во-вторых... А ну, дай посмотрю!

Нина сердито взяла листок, неумело прочла, трудно шевеля губами. Последний раз она читала стихи в девятом классе,

к великому несчастью учительницы языка и литературы, которую после каждого подобного чтения покрывало экземой.

– Это ты сам такое придумал?!

– Ну, считай, что я. Нравится?

– Зачем?

– Я заказал нам памятник! Я же тебе говорил, сколько стоит похоронить, вспомни.

Нина задрожала:

– Игнатий, какой памятник?!

– Могильный! На нас обоих, в смысле двухместный! А это стихи, что про тебя на нём напишут, понятно?!

– «Забудет каждая свинья»?!

– Друзья забудут, друзья!! Вчера Гинзбурги звонили, спрашивали, как ты там? Видишь, уже готовятся!

– Игнатий!!

Нина ушла на балкон, не по-женски ругаясь, вспоминая слова, которые говорила мама Ольга Кузьминична про их союз с нынешним Игнатием. Слова были пророческие, то есть нехорошие.

Удивляясь недалёкой тупости супруги, Игнатий кричал сквозь балконную дверь:

– Молчишь?! Я сам на одного себя закажу и сам напишу!..

И не надо делать такие глаза! Будешь делать, когда прочитаешь ими «сумму прописью»! Тогда они сами из тебя выпадут, прямо на люк! Давай закажем себе памятник, пока не поздно! Слышишь?!

На эти ужасные тексты Нина хлопала себя ладонями по ушам, а ртом делала длинное «а-а-а-а!», как делают дети, когда не хотят что-либо слышать, а другие дети отрывают им ладони и кричат в ухо всякие страшные гадости.

Так что мы после этого от себя хотим?!

В общем, где-то через месяц Игнатий привёз домой чёрный камень с золотыми буквами и фотографией. Бригада грузчиков в фирменных штанах и спецовках, кряхтя и не сдерживая мужских эмоций, затащили памятник в квартиру, потребовав доплату за этажность. А ведь в договоре не было!

– Так мы тоже памятники на шестые этажи не каждый день таскаем, – хрипел бригадир. – Это у нас вообще впервые в мировой практике. Гони бабки, хозяин!

С памятника на спор живых смотрел молодой покойный Игнатий, буквы вились золотом, в отполированных чёрных плоскостях отражались окно и мебель. Мебель в отражении смотрелась богато, красиво и загадочно.

Игнатий отдал деньги.

Вечером пришла Нина. Увидев камень, она села, слабо сказала:

– Игнатий, это что тут стоит?!

– Что, нравится? – мудро шурясь, сказал Игнатий.

– Этот камень? Зачем?

– Затем, что через сто лет он будет стоять как золотой. А мой – вот он! Можешь потрогать!

Однако Нина, сильная женщина, трогать памятник отка-

залась наотрез. Она, наоборот, сидела безгласная, как бы уже вдова, смотрела на живого пока мужа, сравнивая с образом, запечатлённым на камне, и непривычно молчала.

Игнатия же наоборот разбило красноречие. Он ходил вокруг воронёного камня, как кот учёный, и проповедовал:

– Смотри, Нина, что говорят учёные в гугле: «Надгробие – это то, к чему вы будете приходить со светлой грустью много-много лет...» Поняла, «со светлой грустью»! А ты подойдешь к своему памятнику, да как вспомнишь, сколько в него вбухала бабок, считай, зарыла в землю, – светлая грусть с тебя и сползёт, как новое пальто со старухи! Отдохнули, называется!

Нина молча встала и ушла ночевать к Ларисе.

Пока та ещё её помнит.

С появлением памятника в жизнь Игнатия вошла новая колея. Камень застыл посреди гостиной, как отполированный волжский утёс, на котором золотой славянской вязью было начертано: «ГАНЯ! ПОМНИМ, ЛЮБИМ, НЕ ХОТИМ ВЕРИТЬ!». Да и как поверить, когда на большом, в половину памятника, изображении Ганя сидит полный сил за столом с рюмкой, с фруктовой вазы культурно свисает виноградная кисть!

Любой не поверит, подумает, это такая шутка или новая услуга.

Игнатий ходил вокруг памятника с тряпочкой, подсчитывал, сколько собирается прожить и на сколько при таких тем-

пах подорожают надгробия. Получалась такая экономия, что он накидывал себе ещё десяток лет, чтобы дотянуть до круглой цифры. Но это было его личное одностороннее счастье, ибо, например, Нина – мужественная женщина – стала бояться оставаться в квартире одна, начала бояться вставать по ночам.

Потом стала бояться вообще.

– Это же кому рассказать?! – кричала она. – По собственной квартире хожу, как по военному кладбищу! Ты ещё оградку поставь, я буду на кухню с кастрюлями перелазить!

– Не надо оградку, – объяснял Игнатий, дыша и протирая полированный гранит. – Можно внизу поставить вазон, вроде цветы на могилке, а сама сидишь рядом, как на лавочке. Как бы тренируешься насчёт светлой грусти... Нет, ты присядь, почувствуй светлую грусть! Глянь как надо.

Игнатий садился на диван, на краешек, светло смотрел на себя такого покойного, легко вздыхал и даже умнел с лица.

Но нет, не хотела Нина тренироваться, не выходила у неё светлая грусть. На неё, наоборот, становилось страшно смотреть и видеть!

– Увези, я тебе говорю! – кричала она через неделю. – Убери по-хорошему!

– Куда его дену? – отбивался уставший отбиваться Игнатий. – Поставлю на кладбище, его тут же сопрут, скажут: «Там внизу должен хозяин лежать, а раз не лежит, извините, нейтральная территория!»

– Ничего не знаю. Вези в камеру хранения.

– Ты соображаешь?! Знаешь, сколько сейчас стоит сумки?! Не знаешь, так пойди спроси! Давай положим плащмя.

С жутким трудом уложили плащмя.

Теперь Ганя смотрел носом в потолок, но с лица построжел. Свет от включённой пятирожковой люстры отражался в чёрном глубоком граните потусторонними пятнами, стало ещё страшнее.

В общем, обстановка в доме накалялась-накалялась и накалилась.

Как-то в среду Игнатий пришёл домой, увидел рядом с памятником нечто непривычное: стопку женских вещей, две собранные сумки, сверху зонтик. Нина сидела на диване, как на лавочке, только на автовокзальной. То есть без светлой грусти на лице.

– Это что? – предчувствуя нехорошее, спросил Игнатий.

– Это, – сказала Нина с торжественной злобой, – это или он, или я!

Игнатий подумал и проявил волю. И в его жизни началась новая колея. Теперь он лично садился на диван с тарелкой быстрого питания «ролтон», и ему было хорошо. Он завёл календарь, вычёркивал дни, плюсовал туда только ему понятные условные единицы, приятно качал головой. Лицо его источало непрерывную светлую грусть, что отметили даже на работе. Отметив, велели напарнику Грише следить, чтобы Игнатий с собой ничего не учудил, отвечай за него потом!

Только напрасно волновалось начальство. При наличии ежедневного напоминания о смерти вдруг сильно захотелось Игнатию жить. Захотелось семейного уюта: например, завести и гладить мягкого кота. Кофе захотелось в постель – хоть раз в жизни попробовать, как это – выпить и не налить на живот. Начал смутно ощущать он, что жил торопливо и непроизвольно. Всё как-то бегом, с отдышкой. Начал он названивать Нине, гуманно намекая на чувства. Но теперь упёрлась она: «Я тебе сказала, и всё!» И завела его номер в «чёрный список». В общем, проклял Игнатий быстрое питание и давай звонить на фирму с темой: «Я заказывал у вас плиту, хочу сдать обратно». Ему оттуда что-то нервно заговорили, как всегда бывает в таких случаях. Игнатий отставил трубку, потом вернул к уху и давай тоже кричать:

– Вы говорили, гарантия вечная, в смысле пять лет при правильной эксплуатации памятника, говорили?! А я его всего два месяца с половиной эксплуатировал и всё время правильно... Да нет же, всё устраивает, но клиент не готов!.. Нет! Все думали, умрёт, а он всё никак. А теперь совсем передумал, позавчера!.. Ну, почему передумал... женился на молодой, почему!

В конце докричались, договорились, что фирма заберёт за полцены.

Он спустился вниз, позвал соседа Сашу с сыном. За бутылку вытащили плиту на общий коридор, прислонили к стене возле двери. С этой хорошей новостью он нанял такси и

привёз Нину назад, рассказав про фирму.

– Зачем он им, такой бэушный? – подозрительно спрашивала Нина.

– Нашли внешне похожего, – врал Игнатий, не зная мотивов фирмы. – То есть я имел в виду, в смысле однофамильца. Они, знаешь, какие опытные! Обещали завтра забрать.

С этой ноты началась в его жизни новая полоса, ибо утром, когда перед работой он прощался со своим памятником, из двери напротив вышла немолодая Стася. Поздоровавшись, Стася посмотрела на Игнатия, потом на Ганю, потом села не на тот троллейбус. В результате чего устроила скандал водителю, заявив через стекло: «Не знаешь, куда едешь, – зачем садишься за руль?!» То был её центральный на тот момент тезис, обрамлённый, естественно, словесными рюшами, фестонами и рефренами медсестры, целый день отгавкивающейся в регистратуре от нервных больных.

Это было начало неприятностей, ибо памятник не забрали ни завтра, ни через неделю. На фирме поменялось начальство, сказало: «Этак мы по миру пойдём, уже чуть не пошли! Через суд!»

Соседи Игнатия смотрели на камень, читали надпись «не хотим верить» и впрямь не верили: когда?! Но это было полбеда. Беда начиналась, когда они, мысленно простившись с Ганей, всё ещё не веря и грустя, что все там будем, сталкивались с Ганей нос в нос, выходящим из лифта. Мрак! Ведь, как известно, среди наших соседей полно людей с повышен-

ными нервными окончаниями и не к месту беременных!

Последние не верили настолько, что норовили родить тут же, на площадке!

Чтобы не наживать врагов, Ганя /Игнатий/ решил до времени исчезнуть и поселился у приятеля Володи, строящего дачу. Узнав, в чём дело, Володя сказал: «Так давай его мне. Я как раз хочу сделать на даче живой уголок – буду разводить кур, нужен камень для фундамента». В другое время на такое предложение Игнатий бы оскорбился, но к тому моменту что-то уже в нём треснуло. Он благодарно пожал Володе руку, сказал: «Жди!» И с этой новостью отправился домой, купив жене в подарок тюбик крема от морщин на пятках, в смысле трещин. Крем для такого дела содержал экстракт лаванды и пчелиный воск. «Врут, – думал Игнатий, рассматривая тюбик с красиво нарисованными кистями ног, – там такой же пчелиный воск, как я – экстракт лаванды, что за лаванда такая?!» Об этом и о многом другом размышлял он, трясясь в троллейбусе длинного маршрута, тихо радуясь непонятно чему, то есть грядущему семейному счастью.

И пока он так радовался, глядя в окно, к ним домой явился Владик, упомянутый друг семьи. Владик пришёл, увидел стоящий у входа памятник, почитал, сказал: «Ага!» Позволил в дверь и опрокинул Нину прямо в прихожей со словами: «Давай, Нинок, всё равно его не вернёшь!»

А Игнатий вернулся. Он стал у своего обелиска, светло

улыбнулся, открыл дверь своим ключом...

И в жизни его наступила новая колея.

Вот так всю жизнь переступаешь из колеи в колею, как в дождь по убитой российской дороге. Сам себе друг, товарищ и враг. А сбоку кричат: «Не надо спешить! Думать, – кричат, – надо!»

А чего думать-то – всё равно будет, как нанесёт, или кто-то за тебя решит!

Счастливого плавания! Открытое письмо из открытого космоса

Я – Иван Ковальчук, бывший лётчик-космонавт СССР, мать – русская, был запущен на орбиту в октябре 1990 года вместе с экипажем и двумя неполадками на борту.

Забыт на этой же орбите в августе 1991 года, когда в стране было не до завоеваний космоса, и сейчас с большим трудом.

Списан из отряда космонавтов СССР тогда же в 18:50 по Москве как невнятно отвечающий на позывной «Сокол», а СССР закончился.

Вычеркнут женой из личной жизни по совету её мамы Ольги Сидоровны со словами: устраивай личную жизнь, Вера, раз он даже им не нужен, носатый!

Так начиналась новая эра в завоевании Космоса.

О чём ниже.

Сперва статистика.

На сегодняшнее, не помню какое, число лично мною проведено выходов в открытый космос с целью покричать вниз на Землю: «вы что там, совсем с ума посходили?!» Ещё столько же выходов было осуществлено с целью, может, какая сволочь на этот крик обзовётся?! Плюс – не считал сколько – с целью по нужде. Так начались наши первые неприятности.

Они начались сразу, когда на станции вышел из строя туалетный бачок. На предложение прислать нам космонавта-сантехника Земля шесть раз отвечала гробовым молчанием, на восьмой раз лампочки окончательно погасли. Поэтому самые первые наши выходы в открытый космос были вынужденными, то есть по нужде. Куда обычно выходили вдвоём с космонавтом-обрубщиком и топором. Чтобы отрубить нуждающегося от нужды, за которой пошли, так как за бортом всё же минус 200!

Вторые неприятности начались сразу после третьих и продолжались сутки. Когда незнакомый космонавт сказал: ребята, где чайник, пойду чаёк поставлю. На наши вопросы: какой чаёк, сволочь, как ты сюда попал?! он продолжал поиски чайника, удивлённо пожимая плечами. Оставшееся время суток мы потратили, пытаясь освободить его голову, которую он зажал упомянутыми плечами, не зная ответа на вопрос: где настоящий космонавт-сантехник и, если тебя прислали вместо него, то почему ты в концертном костюме и с баяном «Вельтмайстер», гад?!

Тут я пропускаю, потому что следом была ещё одна неприятность, международная, – потому что это не космос, а проходной двор! Никто ихний спутник-шпион не сбивал и не собирался. Его зацепили крюком в 2001 году какие-то космонавты-крючники, разобрали на цветные кусочки и провода и аккуратно спустили на Землю с отклонением шесть метров от пункта приёма цветных металлов и люков в Казани.

Сами спустились на следующем витке, притормаживая расставленными полами ватников, охлаждаясь в процессе торможения, чем у них накопилось ещё от пива.

О чём – дальше, только схожу в открытый космос ещё один раз, поскольку навеяло...

Продолжаю космическую повесть.

Мой командир Турсултан Мусалбаев, 1959 года рождения, белорус, в июле какого-то года нашей эры вышел в открытый космос с целью продать скафандр для нужд экипажа. И вернулся на борт по-подлому, без скафандра в сентябре со следами воспаления лёгких. То есть его подложили на коврик у входного люка, позвонили и подло смылись, забыв, что за бортом по-прежнему минус 200 °С. А кто такие и откуда – Турсултан Мусалбаев молчит, как вкопанный, поскольку потерял дар родной речи и паспорт, может, оставил в залог.

Тут я тоже пропускаю, поскольку натолкнулся на космический документ... Сейчас... ага, это накладная с грузового корабля, который не смог пристыковаться к нам из-за неполадок в стыковочной части. Которой у нас никогда не было, так как стыковочная часть ещё на Земле была разобрана на цапки и роздана людям на зарплату. А тормозящую и притормаживающую жидкость мы выпили ещё на Байконуре. Во-первых, для настроения, остальное – на 40-летие покорения казахскими космонавтами таблицы умножения. Вследствие чего грузовой корабль с силой пролетел мимо нас, хотя их космонавт-хввататель высунулся из иллюминатора по по-

яс, пытаюсь вцепиться в нашу солнечную батарею. И вцепился, но очень неудачно. То есть они пролетели мимо и долго удалялись с космонавтом-хватателем, торчащим с закатанными руками, держащими нашу солнечную батарею. После чего в упомянутый открытый космос приходилось ходить со свечой, которую держал нуждающийся космонавт, напоминая собой «Ёжика в тумане», за которым следовал космонавт-обрубщик.

Сейчас, конечно, это всё позади, но жуткое дело, как в темноте приходилось уворачиваться от топора.

А если смотреть на эту картину в иллюминатор, так нарочно не придумаешь!

Перед тем как вспомнить дальше, закончу мысль о незавидной доле упомянутого грузового корабля. Этот корабль вместе с экипажем и незадачливым хватателем чуть не сгорел в плотных слоях атмосферы планеты Меркурий, которую они сами же и уплотнили за счёт матюков. Израсходовав выражения, они долбанулись об жуткую поверхность этой молчаливой планеты. В чём был косвенный экономический эффект, так как на Меркурии открылось много новых рабочих мест, чтобы похоронить тех, что подвернулись под удар.

Или увернулись, но плохо.

Об этом космическом казусе нам крикнул пролетающий мимо космонавт-наблюдатель Полещук Микола Миколайович – лицо монгольской национальности, такого же года рождения. Который был принят в отряд космонавтов, пото-

му что мог своим лицом полностью и без щелей прильнуть к иллюминатору и не ходить в туалет годами. Мы наблюдали его пролёт мимо нашей станции, прильнувшим к иллюминатору, от которого его так и не смогли отлепить, так что в 2004 году пришлось его вырезать вместе с иллюминатором и обшивкой и отпустить на околосолнечную орбиту, а то на Земле он бы выглядел странно.

Но были и положительные случаи.

Не буду врать, какого года, давновато, мы тормознули американский шаттл с простой космической просьбой: ребята, закурить не будет?! На эту просьбу в иллюминатор высунулась ихняя космонавт-баба, повращала чёрными белками глаз, такая же страшная, и засунулась обратно. На её месте возникла механическая рука, которой они пытались нас ухватить, но не ухватили. Поскольку мы уже были в их середине с баяном и космонавт-цыганами. После небольшого дружеского концерта мы покинули ихнюю машину со спичками, произведя дружеский обмен: их сухие пайки против нашей метёлочки для обметания углов станции от вездесущих пауков. В результате чего возник скандал, ибо, пока мы грузили еду и учили дружественных космонавтов, как пользоваться метёлочкой в условиях невесомости, чтобы случайно не выколоть глаз, наш космонавт-Василий давай приставать к упомянутой космонавт-бабе, главное, пользуясь успехом. Но его тоже можно понять: за бортом по-прежнему минус 200, и спасти организм от переохлаждения может только

тепло женщины, уже и неважно какой!

А что они там вслед кричали и махали кулаками и будут ли у этого негра впоследствии негритята – так не мы первые начали! После чего, кстати, упомянутые шаттлы подумали и закончили летать на орбиту и вообще.

И правильно сделали. Себе дороже.

Теперь теория.

Брежут и не краснеют! Американцев на Луне никогда не было и не скоро будет. Во-первых, есть куча свидетелей, во-вторых, я сам лично ходил туда с вёдрами, никого там не видел. А те, которые при виде наших гуманоидов подкидывают вверх пыль и образцы грунта, а после бьют себя кулаками в спину, издавая неприличные звуки, похожи на американцев, как я на Папу Римского.

Только я сильнеей.

А вообще американцы не дураки – на Луне делать нечего! Мы ещё раз были там, буквально на Рождество с космонавт-медведем и ряжеными, которых сделали из местных двухрядных. Так их и рядить не надо, такая умора! Особенно, если как пойдут вприсядку, а там же притяжение мизерное! Уже и музыка закончилась, гости разошлись, а они ещё неделю спускаются, дёргая ногами и издавая характерные звуки, которые при исполнении украинского гопака обычно заглушаются музыкой.

А больше они ничего не умеют.

Теперь по поводу планеты Марс, пятой, если считать с го-

ловы поезда. Тут мне подсказывают: четвёртой! А я говорю – пятой, если считать ещё одну планету Фаэтон, которая сейчас крутится вокруг Солнца в виде обломков горных пород, кусочков кустарников и кабинок с городского пляжа. В прошлом году мы встречались с ними насчёт Марса. Они рассказывали, что сперва их планета Фаэтон тоже была круглая. Но потом у них наступил мировой экономический кризис, буквально по глупости. Они давай изучать наш опыт землян, как им из него выйти, по какой модели. Они долго выбирали из китайской, чилийской, финской или полтавской, но с умом. Остановились на японской, поскольку сами такие же, желтоватые с виду. Через месяц недалёкие фаэтонцы таки вышли из кризиса. Но что-то напутали, так как взяли за модель Хиросиму.

Теперь они предупреждают нас, что надо быть внимательней, даже в мелочах.

Тем более что в околоземном пространстве сегодня творится чёрт знает что! В космос летают кто попало: туристы, военные, бизнесвумены; на орбите срач, скандалы; летающие тарелки бьются, как об стенку горохом. Вокруг мусор, женские подгузники, пластик, кока-кола. Те же японцы запустили на орбиту баки для бытовых отходов. И что? Тут же в них поселились космонавт-вьетнамцы, а в баке для ТБО мы обнаружили космонавт-подкидыша! Когда такое было?! Я уже не говорю, что творится на самой Земле. Я своими глазами видел, как Наблюдатели из соседней галактики смотрят

вниз, на нашу голубую планету, что-то торопливо докладывают своим.

При этом неумело крестятся.

Что касается планеты Марс, так она обитаемая, не лезьте. Она обитаемая с декабря месяца прошлого года, когда мы подгребли к ней буквально руками. Там постепенно собирается народ, у которого есть хоть что-то в голове. Хотя бы рот, чтобы выучиться говорить по-русски.

Пока вы там воюете и разгораживаетесь друг от друга ямками и кольями, мы тут тоже строимся. Конечно, наши скачуют. Но как вспомнят, что творится дома, никого и подгонять не надо! Хотя трактор, конечно бы, не помешал. Тут блуждает американский марсоход, женщины предлагали его переделать, чтоб не ездил дуриком. Но мы его держим для развлечения. Подкидываем ему под камеру то ложку, то ботинок, то коровью лепёшку. А вечером садимся на лавочке, смотрим, как вы там изумляетесь и выдвигаете тупые гипотезы.

Немного юмора: космонавт-Михаил придумал поперёк пути марсохода что-нибудь написать, от слова «помочь-ся». Но пока не знает, что именно. Он, кстати, может изобразить струёй на песке отрывок из стихотворения «Скажи-ка, дядя»! Не отрываясь, без ошибок и метровыми буквами – что значит молодость!

Забыл сказать, что здесь две Луны, и ночью будет хорошо видно.

Дорогие земляки и земляне!

Прощайте и не прилетайте сюда хотя бы, пока мы не придумаем, чем можно будет вас отогнать. А ещё убедительная просьба запустить в космос космонавт-иерея, чтобы нам покрестить упомянутого подкидыша. Тем более тут у нас некоторые женщины начали энергично пухнуть в области талии, начинается головная боль насчёт яслей. А буквально в среду откуда-то появилась пара, которой у вас на Земле запретили между собой пожениться, поскольку он парень, а она – девушка. Так они хотят пожениться у нас. И чтобы не просто, а чтоб вокруг аналоя, с венцами и батюшкой. Мы с ними полностью согласны, поскольку сильно хотим, чтоб всё было не как у вас, у людей.

А чтоб по-человечески.

Несколько сюжетов из жизни искусства

Что ли вступление

Дело было давно в Москве в Пушкинском музее, под крышу которого автора занесло в очередной раз! В Пушкинском было хорошо, то есть чисто и немногочленно. Знаменитую музейную тишину подчёркивали лёгкое гудение ламп, негромкие переговоры редких посетителей да музейные женщины – сидящие, пожилые и культурные.

И вот автор ходил себе по этому ковчегу, читал надписи «руками не трогать», отдыхал у древнегреческих искусств, старательно водил глазами по живописи, ни черта в той живописи по-прежнему не смысла. Но не забывая изображать на лбу эстетические морщины; почему-то стыдясь признать себе, что, допустим, «Девочка с персиками» или «Золотая осень» с синим небом и берёзками ему гораздо интересней, чем изогнутый в дугу Модильяни или фиолетовые «Танцовщицы», что ли, Матисса. Которыми танцовщицами, если их резко выставлять перед посетителями из-за угла и громко издавать при этом ноту «ре» третьей октавы, можно запросто срывать беременность у желающих её сорвать.

То есть оказывать входящие ныне в моду дополнительные

платные услуги.

Короче, автор не спеша перемещался по залам и лестницам, пока не подошёл к ещё одной известной девочке – «Девочке на шаре», к которой имел непонятную слабость и всегда приходил как бы на свидание. И тут случился маленький облом. К этой же картине подошли ещё несколько любителей музейной природы. Парень и две ничего себе девушки. У молодого человека были длинное художественное пальто и такие же волосы, какое сочетание автора сразу насторожило.

Как выяснилось, не напрасно.

Подойдя к картине, молодой человек строго посмотрел на спутниц и вкратце изложил про голубой и розовый периоды маэстро. Спohватившись, добросовестно перечислил все имена собственные великого художника. Оказывается, кроме известных «Пабло» и «Пикассо», у него было, что ли, штук семнадцать имён менее ходовых! Автор потом перепроверил – точно семнадцать. В крайнем случае – девятнадцать. А тогда автор изумился и не поверил: не может у хорошего человека быть столько имён – он же сам первый запутается и упадёт под лошадь. В порядке примирения с логикой автор решил, что, наверное, имён у него было не больше шести, как у ненормальных португальцев. Всё остальное – отчества. С третьей стороны, какая бы у него мать ни была пылкая испанка, столько отцов у ребёнка – это грубо перечит данным современной науки. Помнится, автор успокоился тем, что биологический отец у Пикассо был всё же один,

остальных мама подключила, чтобы не расслаблялись. Углубившись в эти медицинские превратности, автор пропустил самоё рассказ про «Девочку на шаре». Вернее, его начало. Включившись, услышал, что в картине изображены контраст и конфликт; причём Девочка открыта, в то время как взгляд Атлета спокоен. Дав слушательницам убедиться насчёт открытости и спокойствия, молодой человек подумал и добавил, что Девочка нарисована в холодных тонах, в то время как Атлет – в терпимо тёплых. Как бы в подтверждение этого он расстегнул пальто, но тут же добавил, что в цветах, которыми нарисована Девочка, есть тревожность. То есть предупредил доверчивых спутниц, что расслабляться рано. Автор тоже послушно присмотрелся к цветам, которыми была нарисована Девочка, пытаясь определить градус их тревожности. Но ничего опасного не определил и успокоился в том смысле, если тревожность бросается в глаза не сразу, то можно потерпеть, надеясь на завтрашний день. Молодой человек тоже смирился с минимумом тревожности в красках и в порядке примирения с этим фактом сообщил, что лошадь, па-сущаяся вдали, – это равномерное, мирное, живое и тёплое движение. В то время как платье маленькой девочки вдали / назовём её Девочка-2, добавил он педантично/, развевающееся на ветру в той же дали, – это ещё одно важное движение, лёгкое и воздушное. В этом месте он застегнул пальто и строго резюмировал, что лишённая этих акцентов картина становится сухой зарисовкой. То есть, безжалостно добавил

он, если это всё убрать, то ничего в картине не провоцирует воображение зрителя на размышления. Автор подумал: действительно, если убрать всё перечисленное, то есть оставить одну голую раму, то ни о какой провокации на размышления мечтать не приходится. Можно смело брать верёвку и вешаться на перилах лестницы, что есть неудобно и хлопотно донельзя!

И не пробуйте!

В общем, молодой человек разобрал картину с дотошностью, с какой еврейская мама разбирает рыбу для семейного праздника. И с точки зрения искусствоведения не оставил от Девочки камня на камне. Не говоря уже об Атлете в синих трусах и неновой майке. Тем более от шара, Лошади и ветра, развевающего платье Девочки-2.

Автор отошёл от любимой картины с ощущением, что Девочку ощупали жирными после ухи пальцами, а Атлету, пользуясь его недалёкостью, написали на спине нечто двусмысленное.

Помнится, почему-то было чувство обиды.

Потом автор успокоился, вспомнив, как ещё одна Девочка, уже напрочь забытая, но всё равно удивительная, Наденька Рушева говорила просто: когда я смотрю на «Девочку на шаре», мне хочется плакать.

Вот и у автора всегда при этом деле возникали примерно те же чувства.

Вообще-то искусство, как и Восток, дело тонкое, поэтому

перейдём к описанию обещанных и более привычных сюжетов.

Сюжет № 1: «Оживление в зале»

Сначала жизненная зарисовка, отчасти относящаяся к искусству.

У автора был друг, замечательный музыкант и умный человек. Поэтому автор презентовал ему свою книгу со словами, читай гораздо! И всё было хорошо. Спустя небольшое время этот человек позвонил и рассказал счастливым голосом, что вчера он обнаружил в авторовой книге одно удивительное предложение. Обнаружив, бегал с раскрытой книгой по всему институту, где преподавал ту же музыку, и пристаивал к сотрудникам со словами: старик, ты только послушай!! И читал из книги вслух. И, по его же словам, все радовались, как не в себя, поражаясь точности и красоты авторской фразы.

Автор слушал эти словоизлияния, скромно потупив взор, ибо ничего не изобрёл, никаких таких америк, а написал, как подсказало сердце и опыт. Фраза же была простой и, как теперь выяснилось, гениальной в своей простоте:

«Водка закончилась на самом интересном».

Так ведь это её свойство и удивительная, не поддающаяся никакой логике особенность: водка всегда заканчивается на самом интересном. Если, конечно, выпивает русский, а

не подлец немец. Оттого, кстати, умный выпивающий народ придумал на эту тему множество взволнованных пословиц и поговорок, одна из которых вот сейчас пришла автору на ум:

«Пошли дурака за бутылкой, он, дурак, её одну и принесёт!»

На самом деле у народа таких мудростей – море непаханое!

Это была присказка.

А вот и обещанный сюжет.

Был некогда у автора хороший знакомый из скрипачей по имени Юрик. Он играл в оркестре одного столичного театра. У Юрика, в свою очередь, была внешность тонкого чеховского интеллигента и такая же бородка. Плюс у него были талант и собака спаниель со свисающими ушами, – поэтому он любил выпить. Юрик, конечно, а не спаниель! При этом он /Юрик, а не его собака/ был добрым, чувствительным человеком, поэтому практически не закусывал. Иногда он приходил в театр выпившим, а уходил – как стекло. Иногда приходил трезвым, а уходил на бровях. Иногда он туда не являлся, поскольку перед этим и не уходил, а ночевал у костюмеров на складе.

В перерывах Юрик сидел в сквере напротив театра с собакой и томиком забубённых стихов какого-нибудь Апухтина, которого старое поколение непрерывно путает с полузащитником московского «Спартака», в то время как младшее поколение такое имя не слышало и уже никогда не услышит.

Они-то, молодые, и голову сейчас моют, не выпуская из ушей наушники.

Конечно, у Юрика на почве своего главного увлечения было много недоразумений.

Вот, например. В театре дают спектакль. То ли «Дядю Ваню», то ли «Дядю Стёпу»... А может, «Скажи-ка, дядю»...

Короче, классику.

На сцене буржуазный быт, костюмы, атмосфера. Мужчины благородные до синевы, ходят с аристократическим подскоком. Огромным усилием воли заставляют себя не отдёргивать голову, когда дамы суют им ручку для поцелуя. Дамы тоже двигаются, как по минному полю, – ужасно боятся наступить на хвост своего же платья и покалечиться.

И так далее и тому подобное.

Но постепенно классика берёт своё. Т. е. конкретно за горло. Публика, не отрывая взор от сцены, начинает хлопать себя по карманам в поисках несуществующих платочков. Тем более что оркестр в нужных местах подпускает горькие трели. И чем дальше, тем больше! Вот мужчины в партере уже сидят насупленные, женщины махнули на платочки, промокают носы практически подлокотниками.

Зреет кульминация...

А Юрик всё это время сидит в оркестре, крепко выпивши, и держится за смычок в основном, чтобы не выпасть из ансамбля! То есть конкретно не упасть под ноги дирижёру. Но тоже посильно накаляет воздух с помощью терций и глисс-

сандо. Хоть и автоматически. Как бы скрипач-беспилотник. И что он видит краем нетрезвого ока?! Сквозь мглу искусства он видит, что его друг Станислав, в данном случае главный герой, страдает прямо на сцене! А Стасик – артист тоже крепко пьющий, поэтому талантливый, сидит в кресле и практически рыдает! Так глубоко вошёл в образ! Но, скорее всего, вспомнил, как недавно с него высчитали почти всю зарплату после случая в зоопарке. А Юрик – тонкий человек, друг всех обиженных! Короче, рассказывает Юрик, я вижу: мой друг плачет! Кто ему поможет, кто ободрит?!.. И тогда я встаю в оркестре и говорю туда, на сцену: «Стасик, держись! Мы с тобой: я и твоя любимая песня!» И в наступившей тишине звучит его любимая песня:

*Сидел я на дознание, ждал от силы пятерик,
Но тут внезапно вскрылось это дело.
Пришёл ко мне Шапиро – мой защитничек-старик,
Сказал, не миновать тебе расстрела!*

И зал оживился!!! – вспоминает Юрик. – И на бледном от непривычного аристократизма лице Станислава появился нормальный человеческий румянец. И злодей, его обижавший, закрыл лицо скатертью, и плечи его задрожали!

Надо полагать, от раскаяния!..

Дальше, рассказывал Юрик, было ещё лучше! Только я ничего не помню...

Сюжет № 2: «В ландолёте резиновом»

Это история про того же неугомонного Юрика.

Случилась она, когда он играл уже в авторском легендарном театре. Дело происходило в городе на Неве. Время от времени автор проживал там в гостинице «Ленинградской» с видом уже забылось на что. Там же шумно проживали порусски талантливые, поэтому выпивающие артисты его театра.

Иногда крепко выпивающие, но, что интересно, искусство от этого не страдало. Наоборот, и театр, и артисты, его составляющие, были любимы зрителями. Поэтому попасть в него было затруднительно...

Лирическое отступление. Нету сегодня у автора театра, и город Ленинград теперь называется как попало, и есть ли там гостиница «Ленинградская» – большой вопрос... Вот столько дел натворила заклеимённая народом демократия!

Конечно, выпивали в той гостинице после спектаклей кто где. То есть в номерах, экономя на закуске.

А ещё в оркестре упомянутого театра играл дополнительный скрипач, в смысле альтист Гена. Они с Юриком дружили, вопреки анекдотам о скрипачах и альтистах. И вот однажды они вдвоём что-то отмечали в номере, что-то своё личное. Они негромко это отметили и призадумались, что делать дальше. Юра был тонкая, поэтическая натура, а тонкая

натура любит приключения. Тогда по его совету они с Геной зацепили с собой бутылку креплёного вина и решили спуститься в ресторан, зная по тогдашнему опыту, что в ресторане главное – это в него попасть. А потом как-то само нанесёт. Вот они спустились по гостиничной лестнице в это помещение, в этот временный земной рай. Оттуда на них пахло табачным дымом и коллективным счастьем. Они вошли туда солидно, в галстуках, обмениваясь солидными фразами, обращаясь друг к другу практически на «сэр». Гена элегантно согнул левую руку в локтевом суставе, чтобы пиджак не перекашивался под тяжестью бутылки в левом внутреннем кармане, 0,7 л. Опытный метрдотель окинул их опытным взглядом и уже собрался вытолкать их взащей вместе с лондонскими манерами и преступными 0,7 л., но тут что-то его отвлекло, какой-то крик, он и отвлёкся. Гена и Юрий быстро и беспрепятственно заняли единственный свободный столик за колонной, утвердив бутылку слева от ножки стола. После чего и заказали кофе и два овощных салата.

На больше у них не было ни денег, ни фантазии.

Между тем в ресторане постепенно наступил час дыма коромыслом. Женщины, по своему обычаю, давай издавать оживлённые звуки; громче зазвякали вилки, пронеслись служащие с подносами над головами, от оркестра доносились фразы вроде: «Для дорогого гостя из солнечного... извиняюсь, солнечной Белой Ху... извиняюсь, как? Из солнечной Белой Холуницы! Прости, Господи, с кем приходится

работать!..»

Ресторанный туалет заработал на полную катушку.

В общем, начиналось то, за что мы так любим эти заведения.

А жизнь тратим, кстати, непонятно где!

Короче, музыка гремела, женщина на эстраде суетливо пела, дым изгибался упомянутым коромыслом, барометр жизни показывал на «хорошо».

Гена и Юрий уже почали по бокалу портвейна, по возможности элегантно закусив салатиком, с ненавистью принесённым блондином-официантом. После этого бокала Гену взяло и развезло, хотя обычно первым развезило тонкого Юрика, почему его часто приходилось уносить в постельку на закорках.

И вот в апогее на сцене появились дамы.

Они пришли, остановились в дверях, привычно осматривая столики и с горечью убеждаясь, что свободных мест нет, если не считать столика, за которым сидят два худосочных непонятно кто. Так они подумали про Юрика и Гену, профессионально определив их как финансово беспризорных. Вот они прокалькулировали это, вздохнули, присели к этим интеллигентным босякам, заказали кофе-авантюр, надеясь, что эти хиляки скоро напьются, или умрут, или их выгонят со словами: «Да сколько можно жрать одну тарелку салата, честное слово?!» А пока дамы начали активно приводить себя в товарный вид, ожидая наплыва настоящих чувств, в

смысле клиентов. Совсем как в одних хороших стихах, кажется, у Попова:

*А та красотка понимает,
Вертится, словно стрекоза,
И поминутно налагает
Тушь и помаду на глаза.*

Вот они налагают свою тушь и помаду, оценивают взглядом окружающих, курят длинные сигареты, одна с метровым мундштуком, но лица меж тем грустные – крокодил им пока не ловится, не растёт кокос. И эти козлы рядом явно не собираются умирать!

А что же наши музыканты? Увидев возле себя дам, наши музыканты, как водится, тут же встрепенулись. Например, Юрий вскочил, элегантно отставил стулья и так же элегантно подставил их под сидения милых дам. Пьяный Гена тоже попытался взбодриться, то есть начал стараться смотреть непосредственно и твёрдо перед собой. Но сделать это было очень трудно, ибо, как известно, глаза у альтистов вставлены непосредственно в верхнюю часть головы, а голова насажена сверху туловища. Генино же туловище кренится туда и сюда, как в забытой песне, поэтому вся конструкция болтается вместе с остальным Геной, как пальто на хромом канатоходце. Наконец, догадавшись, он завинтил ноги вокруг передних ножек стульев и замер. При этом его глаза неподвижно уставились на близстоящую колонну, такую же непо-

движную. А у Юрика тонкая душа, совсем как у его коллеги Венявского. Он только вошёл в хорошее состояние, а тут приятный сюрприз – дамы! На него немедленно навалился и придавил возвышенный стих. Ибо он, Юра, воспитан высокой поэзией: сначала Агнией Барто, потом Блоком, потом Пастернаком, потом ещё каким-то поэтическим сельдереем... Автор забыл, которым именно... вот этим, который «в шумном платье муаровом, в шумном платье муаровом»...

Короче, автор потом вспомнит, про что там дальше и кто про это /шумное/ платье наколбасил.

А Юрику меж тем вступило в голову. Ему романтически представляется, что он – благородный рыцарь Айвенго, и он пришёл в вертеп разбойников. «Зачем же я, Айвенго, пришёл в вертеп разбойников? – смутно думает он. – Ага, я пришёл сюда с заданием. И сюда же неизвестно как попали две дамы! Да что там дамы – две феи!»

Кстати, о феях. Автор таки вспомнил, что там дальше насчёт платья:

*«В шумном платье муаровом,
В шумном платье муаровом,
По аллее олуненной
Вы проходите морево.²
Ваше платье изысканно,
Ваша тальма лазорева.*

² Это так сказано у того поэта, название которого автор пока ещё не припомнил. У него бывали выражения и погуще!

*А дорожка песчаная
От листвы разузорена...»*

Итак, Юрик сидит за ресторанным столиком и наблюдает за пришедшими феями как бы сквозь ненормальное морево. Вот они робко присели возле рыцарского стола, трогательные и незащитные, непосредственно в джинсах олуенных. «Кто протянет им благородную руку?! – эмоционально размышляет сильно нетрезвый Юра. – Кто вступится за их честь в этом гнусном вертепе, полном негодяев? Кто подбодрит их словом участия, наконец?!» Юрик смотрит на Гену в смысле подбодрёжа, но Гена по глупости оторвал глаза от надёжной колонны и теперь буквально машет взором, ловя точку опоры, как цирковой эквилибрист, потерявший баланс, то есть зарплату.

При этом он пугающе похож на персонажа из анекдотов про альтистов. Мрак!

И вот оркестр гремит тарелками, публика пляшет, зал дрожит; пробегая мимо их столика, блондин-официант косит огненным взглядом, даже сквозь шум слышно, как он бессильно скрипит зубами. Но Юрик не слышит, он в плену выпитого портвейна и тревожных возвышенных чувств. Глядя на фей, он шепчет незабвенные слова, которые по пьяному делу путает с другими незабвенными словами:

*«Ножки плэдом закутайте,
Дорогим, ягуаровым,*

*И, садясь комфортабельно
В ландолёте бензиновом,
Жизнь доверьте вы мальчику
В макинтоше резиновом
И закройте глаза ему
Шумным платьем жасминовым...»*

Конечно! Это – Игорь Северянин. Только он мог такое свинтить, сидя на мызе! Ибо остальным поэтам сочинять в таком духе просто запрещали, был даже издан секретный документ СНК – тогда ещё заботились об умственном здоровье народа.

Кстати, если кто не знает: «ландолёт бензиновый» – это примерно то же, что «турбодизель лазоревый».

«...Правильно их забросила сюда тяжкая судьба, – думает Юрик, глядя на тяжело покрашенных фей. – Да, тяжкая доля привела их на этот гнусный пир Валтасара, чтобы они жутким, неприемлемым способом смогли заработать на хлеб для больной матушки и шампунь для её нездоровых волос с секущимися кончиками! Как им помочь?!» Эта мысль терзает его несовременное сердце. Он чувствует, что нужно сказать что-то ободряющее, нужно найти некое сильное Заветное Слово, которое укрепит их хрупкую психику! Он ищет это слово, но на ум приходит всякая отрывистая дрянь, как бы из жизни насекомых! Сиди он в оркестре, он сыграл бы им что-то бодрое, хоть бы и «Марш энтузиастов»! Да, можно было бы попросить на минутку скрипку у оркестра. Но он

давно зарёкся просить инструмент у ресторанного оркестра, после одной нехорошей драки в Алушке в конце 90-х годов прошлого /XX/ столетия. И феи это тоже чувствуют, и, чтобы скрыть свой чистый девичий испуг, непрерывно курят и тревожно оглядываются, как бы в поисках того, кто защитит их от гнусных посягательств на их чистоту, на их невинность. То есть Рыцаря.

То есть его, Юрика.

И вот, пока он находится в таком нетрезвом и нерезком борении, из-под стола показалась струйка тёмной жидкости, которая при данных обстоятельствах могла быть только чьей-то кровью. Кровь быстро увеличилась, и вот уже возле их стола образовалась бордовая лужа, на которой первым поскользнулся и грохнул поднос с заказом нервный блондин-официант. Это Гена, перевинчивая затёкшую ногу, опрокинул бутылку с народным портвейном «Три топора», цвета венозной крови висельника. В смысле сифилистика. Грохот разбившейся посуды был как бы краткой, но оригинальной увертюрой к энергичной сцене под названием «Изгнание из рая вон». Когда усилиями нескольких валтсаровцев наших героев с позором выводили прочь, Юрик не думал о себе, он думал о них: «Как они останутся одни?!» И тут вспыхнуло в его мозгу Заветное Слово. Он вывернулся из гнусных лап варваров и крикнул феям Заветное Слово.

– Девчонки! – звонко крикнул он. – **Не бздите!!**

На что старшая фея, не отрывая взгляда от зеркала, а по-

мады ото рта, ответила благодарным баритоном:

– Да мы, собственно, и не бздим!

«Для утонченной³ женщины

Ночь – всегда новобрачная;

Упоенье любовное

Вам судьбой предназначено...

В шумном платье муаровом,

В шумном платье муаровом.

Вы такая эстетная, Вы такая изящная...»

Сюжет № 3: «Купите бублички!»

Когда заходит речь об искусстве и связанных с ним приключениях, в голове всплывает чёрт знает что, но всегда с одинаковым концом. Например:

– В опере миманс напился, кажется, в «Князе Игоре», а у режиссёра новое прочтение классики – никаких условностей, всё как в жизни! Ну, «наши» по пьяному делу сцепились с «половцами», причём по-настоящему! И вновь позорно бежали; уцелевшие собирали со сцены павших, при наглухо закрытом занавесе. Был скандал!

– В Н-ской деревне перед съёмками фильма били традиционную тарелку. Которое битьё всегда сопровождается пиром. Постановочная группа украли в колхозе кабана, желая

³ В отличие от женщины «утблщенной».

сделать из него пассивного участника пира, а он вырвался и давай гонять городских дураков, особенно дур! Спаслись в тонвагене.

– На балете у балерины NN лопнула юбка. Плясали «Болеро» композитора Равеля; музыка дурноватая, нудная; балетные толпой ходят по кругу и думают, кто во что горазд, головы художественно задраны. Тут у главной солистки лопнул пояс на юбке, а она не видит, ибо голова задрана выше всех. Юбка, пользуясь невниманием хозяйки, медленно сползает с её балетных бёдер, аккуратно в такт Равелю и его болеру. Но сползает она, гадина, не сразу, а потиху. Постепенно обнажая квёлую подноготную этой примы. Её партнёр по Равелю это заметил, пытается незаметно поймать сползающую дрянь – получается, хлопает по обнажающейся заднице, прима незаметно лупит его по рукам, мол, нашёл время, дурак! Она лупит, Равель ревёт, публика всё видит и ликует, уже что-то туда им подсказывает... Хорошо, что Равель длинный, как собачья песня. Эта пара гнедых художественно ускакала в кулису за булавкой, вернулась и доплясала трагикомическое болеро до успешного конца.

– Одна фотомодель бегала по магазинам и упустила момент. То есть внезапно до неё дошло, что если через две минуты она не попадёт в туалет, то лучше про это не думать. Вот она закусила свою фотогубу и увидела через дорогу знакомый дом. И она, не отпуская губу, громко позвонила в квартиру, где всегда толклись полужнакомые художе-

ственные личности, сбросила пальто первому, кто открыл дверь, какому-то ничего себе мужчине, крикнула на ходу: «Где Лидка?!», а сама устремилась в туалет, к счастью, свободный. «И вот сижу я в туалете, – вспоминает эта рассеянная модель, – возвращаюсь к жизни. И тут начинаю замечать, что возвращаться к жизни можно и не надо! Ибо это туалет, но явно не Лидкин! Лидкин туалет обычно оклеен фотографиями попугаев, особенно унитаза. А тут в смысле попугаев полная тишина, зато на двери перед глазами разрозненные листки с начертанными от руки иностранными словами и их переводом...»

В общем, упомянутый мужчина оказался Михаилом, хозяином квартиры и научным физиком по профессии, теперь у них двое неплохих детей...

Это всё были случаи со счастливым концом, но вот вам случай другого характера, ибо чудеса в искусстве случаются не только лишь под крышей, но и в местах, для искусства вовсе неожиданных!

Итак, едет пригородная электричка.

Суббота. Народу – нормально для субботы. Некая Марина, ничего из себя дама, с внешними достоинствами, едет в пункт Б. по делам. Она едет и ещё готовится к экзаменам, чтобы не гонять электричку зря. Она наполовину поглощена конспектом, на вторую половину поглощена вопросом: какое она производит впечатление на лиц иного пола?

И видит, что производит.

Что и требовалось доказать.

На одной остановке в поезде появляется ещё одно мужское лицо. Лицо подсаживается к Марине и мгновенно начинает к ней приставать. Собственно, Марина не против, не таскать же с собой эффектную внешность дуриком. Пусть пристают, главное, чтобы не в подворотне и не пьяный. А этот гад подсел, давай приставать вслух, да громко так, ибо именно пьяный. Качает головой, ручки целует, из горла вырываются неорганизованные комплименты. Короче, Марина уже никак не рада таким энергическим знакам внимания. Тем более что она почти учительница, могут увидеть знакомые. Она односложно отнекивается, говорит честно, что зовут Марина, что вообще-то она замужем, но лично сейчас она очень занята. А этот электрический донжуан раскаляется всё крепче, уже, слышно, дует полустихами. Народ оборачивается. Женщины, конечно, злорадствуют. Мол, что, донакрашивалась, дура?! Тогда терпи.

И тут на сцене появляется спасительное искусство.

Оно появляется в виде трёх парней с гармошкой, цыганским бубном и песней! То есть один играет, другой стучит себя бубном по разным выступам на крепком теле, третий громко поёт вслух. У того, который с бубном в руках, дополнительный, самый главный инструмент – чёрный полиэтиленовый пакет для сбора благодарностей. Вот они допели и тронулись собирать дань с пассажиров. Когда подошли к Марине, её нетрезвый жених поднимается и командует на

весь вагон. Стойте, кричит он, даю 20 долларов, если споёте для женщины... девушки Марины её любимую песню «Драгоценная моя женщина»! Я молчу, вспоминает Марина, я эту скотскую льстивую песню просто ненавижу, но испортить мне настроение уже нельзя, оно уже испорчено вплоть до чёрного дна. Услышав предложение, тамады переглянулись, сказали мужчине, готовь бабки, и завели про женщину. А самим бы по виду пахать приусадебные участки или собирать плоды садов, лесов, полей и мешки с цементом одновременно. Крепкие ребята поют, а драгоценные женщины пашут – всё нормально. Мой ухажёр, вспоминает несчастная Марина, тоже им подпевает у меня над ухом, сначала громко, затем как-то тише и тише. Допели они в одиночку, мой жених сидит, отвернул голову в окно. Они закончили и к нему, товарищ, гоните гонорар. На что жених давай громко корить их, призывая меня и остальных в свидетели, что разве это пение?! Что пусть скажут спасибо, что за такой гнусный зуд их не вытолкали на рельсы и проч. Вся электричка повернулась в эту сторону, которым плохо видно, вышли в проход – тоже им тоска ехать полтора часа без приключений. При этом все, естественно, смотрят на Марину! И если сначала она была готова провалиться, теперь уже готова умереть, но, как назло, не умирается. Естественно, в вагоне поднялась буча. Одни стали на её защиту; а кто-то, особенно молодые, настаивают, что за базар нужно отвечать. Тамады говорят, ничего не знаем, заказ выполнен, гоните бабло! Говорят спокой-

но, но очень строго. В это время электричка остановилась, жених проворно выскочил на перрон и давай оттуда махать тамадам руками и показывать средние пальцы. Электричка тронулась ни с чем. Марина говорит, сию мокрая, вспоминаю, с какой руки крестятся, думаю, слава Богу, легко отделалась. А между прочим, эти бодрые молодцы отнюдь не уходят, говорят, ничего не знаем, женщина, заказ выполнен, надо платить! Красная, как свёкла, Марина достала деньги, отдала старшему, только чтобы поскорее закончился этот моральный ужас. Но ужас не торопился. Тот, что пел про драгоценную женщину с дыханием и подкатыванием очей в лоб, сказал, одну минуточку. Не спеша достал калькулятор, пересчитал двадцать долларов по курсу, сказал: женщина, маловато будет! И показал окошко калькулятора. Марина, не глядя, вынула всё, что было в кошельке. Тамада снова неторопливо пересчитал, вернул лишнее со словами: нам чужого не надо!

С этими благородными словами тронулись по проходу, позвякивая бубном, – пошли грабить дальше.

Как говорится, до новых встреч, дорогие друзья!

Сюжет № 4: Из жизни наших поэтов

Однажды летом 19... года Михаил Юрьевич Лермонтов – молодой человек лет 27 – зашёл в редакцию литературного журнала и скромно, но с достоинством сказал:

– Я хотел бы напечатать в вашем журнале стихи.

– Что? – сказал замотанный редактор. – Какие стихи?!

– Хорошие, – ответил Лермонтов и добавил: – бабушке нравятся, Е. А. Арсеньевой.

– Не припоминаю, – сказал редактор.

– Урождённой Столыпиной, – уточнил Лермонтов и добавил, как из учебника по литературе: – «Прекрасно образованной женщине, сильной и цельной личности».

– Только драчливой, – добавил он от себя и вздохнул.

– Так что вы хотите?!

– Стихи, – сказал Лермонтов, – и прочёл:

*Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом,
Что ищет он в краю далёком?
Что кинул он в краю родном?..*

Редактор прислушался и сказал.

Он сказал: – Это вторично.

– То есть? – обиделся Лермонтов.

– На эту тему были прекрасные стихи:

*А ты такой холодный,
Как айсберг в океане...*

Не слышали?! Только там это всё ёмче!

– Не слышал, – честно сознался Лермонтов. – Кавказ, по-

нимаєте, денщик – подлец; черкес коня увёл. И вообще...

– Ну как же, ну как же не слышали, – заволновался редактор. Он отодвинул рукой телефон, прикрыл глаза и запел, раскачиваясь и волнуясь. Когда он дошёл до места «и все твои печали под тёмною водой», Лермонтов уже стоял на другом этаже, в другой редакции и декламировал:

*А он, мятежный, ищет бури,
Как будто в бурях есть покой!*

– Прекрасные стихи! – сказала пожилая тётка, глядя в пепельницу. – Добротная свежая рифма «ищет – тыщи». Я заслушалась.

– Там нет тыщи, – осторожно сказал Лермонтов.

– Разве? – удивилась женщина. – Жаль, она бы только усилила ваши сатирические стихи!

– Какие, вы сказали, стихи? – удивился Лермонтов и даже потрогал свои усики, которым было обидно далеко до усов штабс-капитана Вересаева. – Как?!

– Ну вот же у вас «что кинул он в краю родном?»... Что он кинул?

– Вы меня спрашиваете?

– Он, ваш лирический герой, бросил семью, – сообщила женщина. – Кстати, замените «кинул» на «бросил», нас за это бьют. И переделайте концовку, чтобы читатель понял, что ваш герой побеждает-побеждает и вернётся к детям!

Лермонтов сильно побледнел и отказался.

В молодёжной редакции делили продуктовые пайки, поэтому ему велели оставить стихи и прийти через два месяца, лучше через полтора года.

В соседнем издании пайков не делили, поэтому там не было ни души. Будущий великий поэт напрасно прилипал к стеклянной двери и осторожно барабанил по железному косяку.

К вечеру он получил отказ ещё в трёх журналах, городской газете и в столовой, ибо перед этим какой-то тип из радиокомитета одолжил у него все деньги под честное благородное слово и сгинул до весны.

Вернувшись по темноте к себе в номер, Лермонтов крепко и решительно задумался. Затем он зажёл свечу, вздохнул и написал: «Ты прав, сволочь Мартынов, я – плохой поэт. Выезжаю ближайшим в Пятигорск. Встречаемся в пять у Машука!»

Бог поймёт этих поэтов.

Нервные все какие-то, тяжело ранимые...

Малое художественное отступление

Сегодня в рядах людей искусства тревожный вопросительный знак.

Нет, конечно, художников пока ещё меньше, чем остального населения планеты. Но вот эти две кривые начали тре-

можно сближаться. Кривая деятелей искусства неуклонно пятится вверх, когда кривая народонаселения неумолимо сокращается за счёт однополых, косых и неплодных.

Налицо грядущее снижение потребления искусства.

Читай: бабок.

Художественный народ волнуется: что бы такое учудить?!
То есть как снискать хлеб насущный?

А хрен его знает, товарищ майор!

Нет, пока всё хорошо. Художники – креативный народ.

Вот художница Н., и она не стоит на месте. Рисует грудями. Называется «боди-арт». Её груди, обе верные штуки, поставлены на службу искусству, бери шире – человечеству. Не болтаются дуриком, а давно уже себя окупили. Хорошо. Другой художник стекло кушает, хрустальные вазы барокко. Неплохо. Третий обмазался собственным... собственными фекалиями; накопил и обмазался, и ушёл в затвор. То есть велел прикопать его тело ввиду кактусов, как бы кто кого! Искусствоведы ломают голову: под какую рубрику его занести, такого пахучего? А ни под какую! Это новое слово! Съели?!

Много чего придумано яркого, гордого.

Однако в суете, в толчее брызг и осколков шампанского забываются истоки, вехи. А ведь политнавигаторы верно говорят: кто историю забыл, тот в штаны наложил! И не только под кактусом.

Так что вспомним, товарищ.

Например, жил да был в Америке /USA/ сперва никакой собаке не известный, а впоследствии известный каждой собаке художник. И звали его тогда... Как же его звали-то? Вот вам и первые протезы, в смысле прорехи... ладно, после вспомнится.

Рисовать тот художник не умел и грудей тоже не имел, ни спереди, ни с торца. И вообще, был он умственно-неокрепший, как на свой возраст. Так бы и умер, не произведя потомства, но случился случай, который помог ему стать апостолом, предтечей, мессией, горланом-главарём всего нового в искусстве...

Вспомнилось! Имя вспомнилось – Пенди Орхуел.

Да, где-то так.

И как же всё начиналось?

Однажды кто-то добрый подарил ему набор фломастеров. Может, от Санта ихнего Клауса. А фломастеры были тогда в большую диковинку. Он, значит, залез в рождественский чулок – что такое?! А там разноцветные палочки, и пачкаются таким же. Провёл линию, а она жёлтая; или завитушку, а она всё равно жёлтая! Послюнил, а оно одинаково жёлтое. Или чёрное! Чудо. Вот он водит, гукает, пальцы об скатерть вытирает – ничего, постирается скатерть. Ему-то их подарили, фломастеры, имея в голове: пускай лучше пачкает бумагу и тем самым меньше подглядывает в женский туалет.

Правильный, точный расчёт!

И вот этот будущий Орхуел, поимев такой подарок, давай

радостно гукать, давай радостно махать ручками, мигать глазиком! Сперва, конечно, мазал обои, после давай расти в мастерстве. Например, расположит перед собой снимок женской кинозвезды, чёрно-белый, понятно. А рядом верные фломастеры. И давай он ту звезду обрабатывать: губки помажет красненьким фломастером, щёчки – жёлтеньким, бровки – чёрненьким, лобик...

Да сколько там того лобка!

Смотришь, портрет готов и фломастеров ещё полно. Он радостно гукает, показывает родственникам. Родственники не нарадуются, что он культурно увлекается, а в туалет к женщинам не подсматривает и в иные места. Нарочно громко говорят гостям: вот, какой у нас художник, полюбуйте, друзья! И за спиной у него знакомым подмигивают. Знакомые с понятием моргают в ответ, а ему громко говорят: вот какой молоде-ец! старайся; гляньте, как похоже!

А он не видит их мигающих, верит, как дитя! Бывает, перепачкается, язык высунет, вспотеет.

Сопит, как мишка косолапый по лесу ползёт...

И вот однажды зимой некий знакомый родственник глянул на это дело под другим углом. Глянул да говорит: это же типичное новое слово в искусстве, а то оно уже застоялось! Вот он поставил перед будущим большим художником банку из-под кока-колы, говорит ему: а ну, посмотрим, как ты банку перерисуешь? А мы рядом присядем, полюбуемся!

А у самого, значит, бабок – не дай Бог!

Будущий Орхуел посопел, поагукал, по... Короче, нама-
левал.

Дальше было дело техники, то есть первичных вложений.

До него-то никто не додумался банки срисовывать – вот в чём сила! Выбрасывали, и всё тут! Постылые художники всё охоту рисовали, мёртвого зайца при луне, битву при Гастингсе. А в той битве – Боже мой! цвет, полуцвет! Закат красный, драка затяжная, пыль коромыслом! Гибнущие герои, в конце концов. Причём надо так изобразить, чтобы зритель мог легко отличить, которое – лошадь, а которое – героический прорыв.

Так это надо уметь, тренироваться надо.

С другого конца, лошадь поставишь срисовать, она шевелится, глазом косит. Чуть что – кусается, дрянь, хотя везде написано: травоядное животное. Кому верить? А банку поставил – стоит. Порисовал – стоит. В кино ходил, вернулся с партнёром, полюбились, а она себе стоит.

Терпит.

Так же и коробка из-под ботинок или парочка сломанных пылесосов.

И стал он благодаря своему новому слову художником, и не просто, а именно знаменитым на весь некрещённый мир.

Пока своим ходом не помер.

Сейчас его банки стоят столько!.. Страшно подходить и читать. А правильный народ не боится, читает. Укоризненно головой качает: учитесь, козлы! В смысле непризнанные

гении. Вот вам с цифрами в руках доказано: чтобы быть художником, необязательно уметь рисовать. Даже преступно. Надо уметь создать новое в искусстве. И слава, как пелось в песне, тебя найдёт.

То есть бабки.

А ещё за то его помнят благодарные потомки, этого первого из Орхуелов, что он вернул в искусство справедливость! Ведь как было сперва: публика забралась в музей, видит там картинки, и давай друг перед другом выставляться типа специалисты: этот – художник! а этот – плохой художник, это – наоборот великий художник.

А другой «эксперт» в кавычках ему возражает, руки в бока: нет, вот именно этот – плохой художник! А этот, наоборот, очень плохой художник. А этот – вовсе не художник, а гробовщик!

А последним, может, и обидно.

И тут является миру новый Кольт, говорит: Бог создал людей, а перед бабками все равны!

То есть все мы – художники, кто успел!

А потомство тот Орхуел таки не оставил. Ибо он, насмотревшись в морально шаткой юности дел в женских туалетах, в дальнейшем пользовал исключительно бойфрендов. А какое из них потомство – одна гадость, если на ощупь.

Героям слава!

Сюжет № 5: Как сегодня делается искусство кино. Новый Дон Кихот

Кабинет Продюсера. Продюсер один. Сидит, читает бумаги в очках, недоволен. Чем дальше читает, тем больше недоволен. Один раз даже стукнул кулаком по столу и невнятно выругался. Что-то упало.

– Алина!!

Появляется Алина – исполнительный продюсер, скандальная девушка лет 40. Ужасно пахнет табаком.

Продюсер трясёт бумагами:

– Это что такое?!

Алина, продолжая пахнуть табаком:

– Что там ещё?!

Продюсер, читает:

– Росси... рос... это что?!

Алина, неуверенно:

– Росинант! Это название лошади, на которой ездил Дон Кихот.

Продюсер, удивлён:

– Кто тебе сказал?

Алина, неуверенно:

– Все так говорят. Дон Кихот ездил на лошади. Лошадь Росинант. Счас бы ездил на машине...

Продюсер:

– Никаких лошадей!! У нас малобюджетное кино – выйди на улицу!

Алина, нагло:

– Зачем мне выходить?

Продюсер:

– Люди ходят пешком! То есть экономят на самом дорогом – на проезде в транспорте, а у вас сплошные кони. Так и скажи Режиссёру!

Алина, нагло:

– Ну скажите, попробуйте, ему сами!

Продюсер:

– Давай зови!

Алина красиво ушла.

Продюсер сам, горестно смотрит в бумаги:

– Сплошные расходы!

Влетает сердитый растрёпанный Режиссёр, следом Алина, за ней – табачный запах.

Режиссёр, с ходу:

– Так я не понял, что мы снимаем?!

Продюсер, смотрит на сценарий, спокойно:

– «Дом Кихот и Доктор Ватсон»!

Алина, неуверенно:

– Санчо Панса.

Продюсер, удивлён:

– Опять молдаване?! Только мы отбились от осла для вашего, как его... Шансопанса, как тут же появился целый

конь /смотрит/ Росси... Рос... Учтите, я вам не «Роскосмос»! У нас другой бюджет!

Режиссёр:

– Это же классика. Дон Кихот – рыцарь. Росинант – конь. Они дружат.

Продюсер:

– Пусть дружат. Но заочно. Например, у Росинанта фотография Дон Кихота на заставке в айфоне! Крупно лицо Росинанта, он с улыбкой рассматривает своего верного Дон Кихота. Дон Кихот весело ржёт.

Алина, осторожно:

– Дон Кихот – рыцарь, он должен ехать сверху. Какой он рыцарь, если ржёт, как конь?

Продюсер, хладнокровно:

– Пеший!.. Пеший рыцарь – пропаганда здорового образа жизни! Я сам пойду впереди!

Режиссёр, сдерживается:

– А сцена с мельницей? Почему вы вычеркнули сцену с мельницей?!

Продюсер:

– Где вычеркнул?! Кто вычеркнул?! Ничего я не... /смотрит/ Да, вычеркнул! Потому что сегодня какое кино ни глянь – всюду мельницы, кони, сцены насилия! Хватит гадости на экране! Поэтому я и предложил вам сделать ремейк /смотрит сценарий/ «Дон Кихот и Санта-Клаус»!

Алина:

– Санчо Панса!

Продюсер, горько:

– Вот, а у вас сплошные молдаване!

Режиссёр:

– Но Дон Кихот без мельницы – всё равно что Гамлет без сцены с черепом Йорика!

Продюсер, слегка удивлён:

– Что, Йорик уже умер?

Алина, неуверенно:

– Давно. Года четыре уже.

Продюсер, на всякий случай:

– Бедный Йорик! Ты так мечтал о новом мегапроекте, который можно было снять в одной декорации, с одним актёром, одной камерой, одной левой /прослезился, но быстро просох/. А что мы имеем вместо того?! Какие-то сплошные скачки, железные доспехи... Над нами уже лошади ржут! И вообще, кто это сочинил?!

Режиссёр, упавшим голосом:

– Сервантес.

Продюсер, прямо взвился:

– Опять молдаване?! У нас своих сценаристов нет?! Сегодня плотят за патриотизм! Давайте нашего, Акунина... я знаю – Сорокина... нет, этих не надо, заломят бабки, сволочи! О, лучше этого, как его... /Алине/ Ты должна знать. На Му... как-то!

Алина:

– Они сейчас все на «му»!

Продюсер:

– А лучше вообще старичка какого-нибудь. Старички – они едят мало, например...

Режиссёр, саркастически:

– Лев Толстой!

Продюсер:

– Прекрасная мысль! Толстой ходил босой, пешком и вообще вёл малобюджетный образ жизни...

Вбегает Администратор. Он запыхан, но счастлив, к Режиссёру:

– Нашёл! Нашёл!! Константин Сергеевич, вы меня похвалите!

Режиссёр:

– Что ты нашёл, Гарик?!

Гарик:

– Есть недорогой Росинант!

Продюсер, подозрительно:

– Кто есть?

Гарик, радостно:

– Предлагают пони. Возле «Макдоналдса». Пять долларов в час!

Продюсер, грозно:

– Опять?!

Гарик, упавшим голосом:

– Так с ихним седлом!

Продюсер:

– Не надо сёдел! Я вижу наше кино так: бодро идёт Лев Николаевич Толстой. Его окружает малобюджетная толпа почитателей, фан-клуб. Крупно ноги Толстого – они босы!.. Кстати, толпу можно дать за кадром, в кадре только пыль, шум толпы и речёвки... Вдруг Толстого что-то остановило – толпа за кадром, естественно, останавливается тоже! Пыль, естественно, оседает. Толстой хмурится – благодаря очистившемуся воздуху он заметил что-то неприятное. «Обратно мыльница, – думает он, – так недалеко и до затратных сцен насилия!» Кто-то из почитателей протягивает ему подвернувшееся рыцарское копье... можно бильярдный кий, я принесу. Вот он разбегается на босых ногах и мечет... метает... метёт и – попадает в Книгу рекордов Гиннеса как человек, попавший копьем в мыль... хорошо, в кофемолку с пятидесяти шагов... Вот так! Это будет свежо и никакого навоза. /Алине/ Пригласи завтра автора сценария... этого... Сервантеса!

Гарик, удивлён:

– Так Сервантес же это... уже умер!

Продюсер:

– Да они что, сговорились?! Ну и денёк сегодня! /свирепо/
Почему сидим! Время – деньги!

И понеслась!

А теперь приложение. Сценарий небольшого кино из жизни искусства: как снимают рекламу.

Сюжет № 6: «Сосиски оставляют след»

Небольшая продакшен-студия.

С улицы заходит её Администратор. Внутри на него с криком набрасывается Некто из съёмочной группы:

– Боря! Где ты ходишь?! Тебя все ищут. Побежали!

Бегут. Админ спрашивает на ходу:

– Что случилось, Валик?

Валик, на ходу:

– Немецкая группа на нашей базе хочет снимать рекламу баварских сосисок для именно России. Большие бабки.

Боря:

– А при чём я?!

– Им для рекламы нужен типичный русский; полдня ищем, не можем найти.

– Валик, посмотри, какой я типичный русский, когда меня зовут Борис Рувимович!

– Потому что ты можешь найти им кого угодно!.. Счас всё поймёшь.

Дверь съёмочного павильона. Под дверью в ряд сидят типичные русские:

– живая Матрёшка с румянцем в трёх местах,

– два официанта из «Макдоналдса»,

– типичный русский Учёный в белом халате, с автомо-

бильным аккумулятором на коленях,

– дама с собачкой в аквариуме,

– охотник в болотных сапогах и с больничной уткой,

– человек – Сельскохозяйственный Сноп,

– небольшая русская Девушка-негр.

Некто, продолжает:

– ...мы предлагаем артистов, режиссёр-немец всех браку-

ет. Говорит, нужен типичный русский из народа.

В это время из помещения вышел расстроенный Дед Мороз, за ним – потная истерзанная Снегурка в телогрейке, тяжело опираясь на скейтборд.

Валик – Боре:

– Видишь, никого не принимает! Подавай ему живой звук!

Заглядывают в помещение. Там съёмочная площадка: свет, камера, выгородка. В выгородке стол; на столе тарелка броских рекламных баварских сосисок. За столом сидит типичный русский Крестьянин в бороде; в руке у него вилы, на вилы насажена красивая баварская сосиска; в другой руке – большие промышленные лапти. На лице – счастье!

У камеры Режиссёр – типичная немецкая сволочь. Смотрит на Крестьянина – говорит:

– Найн! Не то.

Кто-то из наших помощников говорит:

– Айн момент!

Выталкивает Крестьянина в зашей. Увидел Борю, негром-

ко кричит:

– Боря, ищи типичного русского, бабки горят!

На «бабки» Боря заволновался, тем более «горят», убежал.

Улица. Бежит взмыленный Боря, вокруг полно людей, но ни одного типично русского – какой-то смазанный полуевропейский контингент.

Бежит Боря, вертит головой, подвывает – бабки-то горят! С разбега чуть не влетел в открытый люк. Смотрит на люк: эврика! Наклонился, кричит вниз. На крик высунулся Работяга – типичный русский, выслушал взволнованный рассказ Бори. Выслушав, наклонился в люк, покричал. Высунулся второй Работяга. Доложили ему.

Второй Работяга, Боре:

– Сколько?!

Боря:

– Не обидим!

Второй:

– Не обидимся!

Ударили по рукам. Боря незаметно стёр с руки какую-то рабочую сажу.

Студия. Тот же стол. За столом – Интеллигент в очках. В руках – сосиска, рядом микроскоп. Пытается изобразить на лице ликование. Аж очки запотели. Уставший немец гонит его взашей.

Привели Работяг. В руках – орудия труда: огромный га-

зовый ключ, через плечо – моток пахучего троса для чистки канализации.

Немец смотрит, ликует:

– Вот он – настоящи русски нарот!

Копирайтер тут же переделывает сценарий под персонажей.

Помощник объясняет Работягам суть дела:

– Вы голодные, вы пришли на обед. Увидели сосиски. Обрадовались. Сели. Накололи на вилку, сделали в камеру счастливую улыбку и большой палец – гут!

Всё это он показывает в лицах. Работяги энергично кивают, мол, коню понятно, товарищ майор; глаза у них при этом остро нацелены на сосиски.

Режиссёр говорит:

– Репете.

Идёт к камере посмотреть кадр. В кадре он видит работяг возле пустой миски с поднятыми большими пальцами. То есть тарелка сосисок опорожнена за мистически короткое время.

Немец не понимает, он сильно удивлён. Говорит Работягам:

– Не надо ейст сосиска! Надо понюхайст, наколоть на вилка, показать в камера и сделать пальцем зер гут!

Показывает суть дела Работягам. Очень красиво – прямо тут бы и остался ночевать! Работяги виновато кивают, мол, «дас ист ошибка, герр комендант! Сейчайст всё будет гутен-

таг!»

Помреж ставит новую полную тарелку живых сосисок.

Немец говорит:

– Репете.

Идёт к камере. Смотрит в глазок. Видит, что всё нормально: Работяги топорщат большой палец, на вилке болтается недоеденная сосиска, на лицах сияет оговорённое счастье. Но тарелка при этом пуста с той же скоростью.

Поставили новые сосиски. Ситуация вновь повторяется один в один!

Да что же это такое?!

Немец приказал помощнику держать этих прожорливых русских.

Поставили полную тарелку. Держат русских.

Немец пошёл к камере, смотрит в глазок. В кадре появляются Работяги. Они уже не торопятся. Видно, как помощник науськивает их на сосиски. Работяги переглянулись, сели за стол, накололи по сосиске, с отвращением понюхали и – по привычке очистили миску в мгновение ока!

Немец рвёт на себе перья, но, видно, пошёл на принцип – повторить!

Идёт к камере, смотрит в глазок: в кадре стол, на столе полная миска, вилки и больше никого.

Пауза. В чём дело?!

Мы видим Работяг, возлежащих тут же в позе обожравшихся патрициев с пивом в руках. Они лениво отбиваются от

помощника, привлекающего их на место трудового подвига.

В итоге после угроз или посулов, или того и другого Работяги собрались, может, даже сделали физзарядку; поклялись, что не подведут:

– Включай аппаратуру, герр!

Немец тоже сделал энергические движения, мобилизовался в лице. Идёт к камере.

Начинается плановая работа.

Мы видим, как в кадр энергично входят двое типичных русских. Они голодны. Внезапно, что это?! Они замечают тарелку с яркими аппетитными /внимание!/ баварскими сосисками! Их русской радости нет предела. Вот они значительно, рекламно, переглянулись, накололи на вилку по сосиске, подняли свободную руку, чтобы показать Большой Палец Счастья, но вместо этого прикрыли рты руками и убежали в туалет.

Пардон, прорыгаться.

The happy end!

Песни гор

В Беларуси, как известно, живут белорусы. Белорусы, в свою очередь, бывают разные: смешные, кроткие, шумные, непьющие, а также прочие в ассортименте. В этом легко убедиться, если походить по этой скромной стране, находящейся у Бога на особом счету, в особой папке, подложенной под ножку стола, чтобы не шатался. Ибо папка та тоненькая.

Это присказка.

Итак, дело было весной, в Беларуси, именно 9 мая. Как говорится, «этот День Победы...»

Ехал по городу автобус, вёз обычных пассажиров. Было утро, зелень, большое майское солнце. Хотелось чего-то хорошего.

На одной остановке в автобус вошёл ветеран. Небольшого роста, в кепке, в таком же пожилом пиджаке, тяжёлом от жёлтых медалей. При этом было заметно, что он с утра уже слегка, поскольку ему уже много не надо, а теперь едет на встречу с редующими побратимами. Ветеран улыбался чему-то своему ветеранскому, при этом имел в своём гардеробе небольшой конфуз. То место, которое в мужских брюках должно быть застёгнуто, как граница на замке, было как раз не застёгнуто. Вроде пограничник бросил пост и пошёл тоже праздновать. Вместе с замком и собакой.

Да. И вот ветеран вместе с улыбкой и гардеробом стал ря-

дом с сидящей молодой женщиной и заулыбался пуще прежнего, как соловей. Видно, вспомнил, какой он тоже был красивый. А женщине его праздник, как говорится, до стенки. Она покосилась на его гардероб, потом ещё раз, потом поднялась и пересела. Получилось, вроде уступила место. Ветеран, не прекращая улыбаться, сел, затем прекратил это дело, улыбки. Вспомнил, что ему уступили место, а он не поблагодарил. Нехорошо. Вот он обратно заулыбался и пошёл сказать большое спасибо. А этой молодой дуре кажется, что все на неё смотрят, она начинает нервничать и возмущаться. Да как-то по-современному обидно и резко. Причём ветеран-то ни сном ни духом! Он хотел как лучше, а тут обобщающее «понапиваются, козлы!»... Вот он и стал дурак дураком со своей Победой, наградами и тающими побратимами. И от этого задрожали у него губы, и пальцы на руках зашевелились растерянно и горько, и пауза в автобусе повисла большая и преглупая.

Ситуацию выровнял высокий парень с чёрными курчавыми волосами. Он встал, взял ветерана за дрожащую руку и сказал: «Отец, она молодая, она вас не поняла». Затем отвёл его на место, мимоходом намекнув про гардероб, и пошёл к себе. На том дело и закончилось, автобус поехал, люди погрузились в своё. Ветеран немного посидел, склонив голову, затем к нему постепенно вернулась улыбка, практически целиком. Потом он вновь перестал улыбаться, приподнялся и стал вертеть головой – вспомнил, что забыл поблагодарить

уже парня. Нехорошо. Вот он к нему подошёл, посмотрел на его чёрную курчавую шевелюру и задал самый логичный в этой ситуации вопрос:

– Парень, ты грузин?

– Нет, отец.

– Значит, – сказал ветеран, – ты не знаешь Песню гор?

– Не знаю, отец.

– Тогда, – сказал ветеран, – давай поцелуемся.

Парень поднялся, они уважительно расцеловались, ветеран пошёл к себе. Через минуту лицо его вновь приняло озабоченный вид. Он подошёл к парню:

– Я забыл сказать тебе спасибо, сынок.

– Ничего, отец, всё нормально.

Ветеран вновь натолкнулся на его чёрную шевелюру:

– Слышь, ты, случайно, не грузин?

– Нет, – ответил парень.

Ветеран потоптался, как бы осмысливая новость, и резюмировал:

– Значит, ты не знаешь Песню гор?

– Не знаю.

Ветеран снова помялся, вроде придумывая оправдание этой несурзости. Но ничего не придумывалось.

– Тогда, – сказал он после паузы, – давай поцелуемся.

Парень поднялся, они вновь троекратно по-христиански поцеловались. Автобус, наблюдавший это дело, тоже заулыбался. В середине вроде даже посветлело, и водитель два ра-

за выглядывал в своё зеркальце: чего там у него за спиной непривычно хорошо?.. В общем, на этом дело не закончилось. Через минуту ветеран вновь стоял над парнем, интересуясь его происхождением на предмет знания Песен гор. Получив неутешительный ответ, хорошенько его обдумал и снова предложил скрасить горечь поцелуем. Парень вновь поднялся, они вновь задушевно расцеловались. Причём парень делал это спокойно и доброжелательно, вроде только за этим сегодня и ехал. Люди же – входящие и сидящие пассажиры – наблюдали этот «пейзаж после битвы» и реагировали каждый в силу своего ума, ожидая, чем это всё закончится.

А закончилось это так. Ветеран, гонимый только ему известным горным инстинктом, помешкал немного на своём одиноком месте и снова оказался возле парня:

– Ты не помнишь, сынок, я тебя спрашивал насчёт ты грузин?

В автобусе на это уже засмеялись совершенно, мужчины погромче, женщины потоньше.

– Нет, – громко и спокойно ответил парень, – нет, я не грузин. Я еврей.

В этом месте автобус почему-то замолк. Ветеран тоже. Он поморгал, зачем-то потрогал потемневший от людских ладоней поручень. На лице его проступало глубокое горькое разочарование.

– Значит, – резюмировал он уже окончательно и как бы про себя, – значит, ты не знаешь Песню гор, так?

– Почему, – улыбнулся парень, – я знаю не одну песню гор. Я знаю их практически все.

– Тогда запевай!

Парень подумал и выбрал наиболее подходящую к ситуации Песню гор:

– «На речке, на речке, на том бережочке мыла Марусенька белые ноги...»

Ветеран подхватил дрожащим тенорком:

– «...мыла Марусенька белые но-о-ги...»

Так они и вышли вдвоём уже с другой Песней гор и смешались с толпой старых смешных людей в цветах и медалях.

Этот День Победы, как говорится, порохом пропах...

И конечно, чем-то ещё...

Роман ее жизни

Одна женщина Тамара, 175/70/90, без вредных привычек... Ну как без вредных... ну так – одна-две. Так они сейчас уже как бы и не вредные. Учёные пишут: не только, пишут, вредные, но и полезные!

Можно, пишут, полезно для здоровья!

Да. И вот однажды той Тамаре взяла и надоела её непросто однообразная жизнь. А сначала её пробросил один любимый человек, Роман. Она закурила и задумалась, а самой уже почти за сорок. Подумав, пришла к выводу: сегодня все женщины пишут книги, а ты, Тома, как всегда опоздаешь! Вот так, Ромочка, сказала она себе, ты думал, что я сижу – за тобой плачу? Нет! Я напишу целую книгу как будто из своей жизни! Там и про тебя будет, не волнуйся, скотина! И Боре будет приятно, что у него жена не просто Тамара, а писательница.

Сказано – сделано!

Тамара энергично затоптала окурок, энергично глянулась в зеркало, решительно перемазала ногти в синее. Проделав всё это и ещё кое-что, она твёрдо села к столу. Дальше всё закончилось. Вернее, дальше начались пресловутые клятые муки творчества. Главная Тамарина мука творчества заключалась в том, что она не имела понятия, про что так решительно села писать. Она, конечно, прочла перед этим десят-

ка полтора женских романов. Или полторы тысячи – это без разницы. Прочтя, сделала вывод, что написать роман может каждый дурак, в данном случае дура; убедившись – приняла решение; решив – решительно уселась.

На этом, как пишут романистки, её костёр растрескался и пустил струи.

Тома посидела, покурила, повспоминала прочитанное в прочитанных романах. Но ничего не вспомнила, кроме диковинной фразы: «Две её длинные ноги, как две реки, впадали в обширный залив её тела». Там и дальше было в таком духе, вроде «роковой водопад её груди» или «их обнажённые туловища устремлялись друг на друга, как дрова во время прибоя» и проч.

А роман назывался «Мучитель географии».

Повспоминав, Тамара сходила на кухню, покушала, вернулась, встала на весы, сказала: вот сволочь! Сказанное относилось к голове. Её бедовая голова, в которой круглосуточно что-то пело и лезло друг на друга, словно упомянутые дрова, в данный момент была пуста, как плац после грехопадения.

– Надо освежить память, – сказала Тамара.

Взяла на выбор мятую книжку, давай читать: «Она спасла его от рук наёмных убийц. Но теперь жертвой стала она сама, смерть поджидала её за каждым углом, за каждой дверью, за каждым окном, за каждым столом. . .» Дальше до конца страницы перечислялись объекты и пункты питания, за которыми

ми героиню терпеливо поджидала смерть. Но не дождалась. «В неё отчаянно влюбился один из убийц. Он был готов на всё ради её стройного шоколадного тела, её роскошных волос, её пышных глаз, ради которых он готов порвать с прошлым одним взмахом его мускулистых рук...»

– Да! – решительно решила Тамара, это будет детектив! Именно! Это будет называться... Ладно, придумаю после. Короче, там будут Она, Он и Злодей. Лучше целая банда, которая хочет... которые хотят... что же им надо, сволочам?! Ага, они всё пронюхали и намерены помешать ихнему счастью, в смысле денег. Но Она не сдаётся!

Неплохо, подумала Тамара, оживилась и даже подвигала под столом ногами. Как бы беря разбег.

– Так, героиня. Её будет звать Эльвира! Чего они меня Тамарой назвали, когда Эльвира куда проще?! В общем, Эльвира – это я в своей молодости. Короче, я, молодая, невинная... нет, я лучше одновременно влекущая, но недоступная по гороскопу. О, а Белка будет Зафирой. Я ей расскажу, ей понравится, дряни! Она тоже будет такая же нестарая, то есть энергичная, развратная... в смысле раскованная. Короче, Эльвиркина лучшая подруга. Так, для начала – хватит. Надо начинать, после придумается!

Тамара осмотрелась и решительно настучала:

«Однажды Эльвира вышла на балкон и остановилась...»

Нет, лучше так: «Однажды Эльвира распахнула балкон и давай в туда смотреть...»

Что она прицепилась к этому балкону?! Надо, чтобы случилось событие, чтобы сразу интересно!

«Однажды Эльвира вышла вперёд и тут случилось ужасное, но интересное событие: неизвестные убили причёску в её салоне красоты...»

– Гады, а бабки за причёску содрали, как за целую!.. Короче, Эльвира решает мстить!.. Как же им отомстить-то, чтоб покруче?! Ага. Можно переименовать их «Медею» обратно в парикмахерскую и спалить, как они сожгли мне волосы?.. Да!

«Один раз Эльвира вышла на балкон и давай вынашивать план мести...»

Опять балкон!.. Стоп, надо ещё подчитать и внимательней, как они там пишут. Тамара взялась читать чужую книгу, но застряла на первой же странице:

«– Не может быть, – поднимает бровь Селия и смотрит ею в упор на Марко...»

Зачем она её поднимает, бровь, раздражённо думает Тамара! Откуда она её поднимает? Пишут уже что попало!.. Потом до неё доходит, что, может, эта Селия нажралась и уронила брови вместе с головой под батарею. А теперь её поднимает, чтобы рассмотреть: это Марко или у неё обратно всё слиплось?.. Правильно, вот дальше так и пишется: «Селия в упор смотрит на Марко, прихлёбывая из бокала с оливе... По его лицу пробежала тень».

Прихлёбывая – это хорошо, думает Тамара, и тень пробе-

жала – тоже. Надо будет запомнить.

Тамара снова закурила, надолго затянулась, в смысле задумалась. Оказывается, не всё так быстро. Подумав, решительно отказалась от салона красоты, набила первую строчку:

«Сегодня Эльвира встала раньше обычного, подняла бровь и в таком виде вышла на...»

Но не на балкон!! Куда же её понесло с утра?

«Куда это я вышла? – подумала Эльвира, прихлёбывая из тарелки. – А балкона у нас нет?!»

Ага: «Эльвира вышла на кухню и обнаружила труп. По её голове пробежала тень...»

Так, где она его обнаружила?.. Ну, на кухне, где?! В борще!.. Да, в борще! Это будет иронический детектив!

Тома посмотрела на стопку иронических детективов на полке: нет, они ироническими детективами уже задолбали! Стала вспоминать, что такое «иронический»? Слазила в Википедию, ни черта там не вычитала, кроме каких-то длинных, неприятных слов. Зареклась. Сходила на кухню, встряхнула пепельницу – и тут её озарило:

– Это будет не иронический детектив. Это будет эротический детектив! Съели?!

Тамара даже облегчённо задышала: конечно, и придумать ничего не нужно! Ты, Рома, тоже считаешь, будешь тогда знать, кем ты так легко разбрасывался, мной! Тома подошла к зеркалу, потренировалась поднимать бровь. Получи-

лось неплохо, особенно, если подмогать пальцем.

«Эльвира вышла на свою элегантную кухню, обклеенную новыми обоями, как у Беллки... как у Зафиры, только ещё гораздо круче. И обнаружила у себя в постели труп мужчины. Она подняла бровь и сквозь них заметила, что он был высокий, широкоплечий и очень сильно сильный... не то что ты, Ромусик, хляк!.. Из-под его мужского пиджака выпирала гора мышц бицепсов...»

Стой, как он лежит в пиджаке, если он труп и одновременно лежит у неё в постели?.. Ага:

«Увидав неотразимую красоту Эльвиры, труп ожил, как подкошенный, встал, оделся, потом разделся до пиджака, лёг и умер от неизвестной болезни. А сам из Алжира, из эфиопской, в смысле царской семьи, где так принято. Короче, окинув Эльвиру долгим взглядом... нет, лучше взором, он сказал: здравствуйте, девушка, я из Алжира, где так принято, поэтому у нас мало времени!

– Здравствуйте, девушка, я из Алжира, где так принято, поэтому у нас мало времени!

– Ой! – воскликнула Эльвира. – Меня зовут Эльвира, лично я мстю одним козлам из салона красоты»...

Нет, не «мстю», а как-то иначе. И от салона ты уже отказалась, вспомни! Нет, рано отказалась. О, надо позвонить Фиме.

– Фима, хай! Фима, ты массажист – ты всё знаешь... Да, это Эльвира, тьфу, Тамара... Ну это... я книгу пишу, роман!

Да, представь себе!.. Кто тоже пишет?! Анжелка?! И ещё кто?! Ничего, пускай карябают! Что? Как моя книга будет называться?.. Моя будет называться... «Парикмахеры смерти»! У меня будет шестьсот страниц! С картинками. Да, уже с руками рвут! Бай!.. Кто вернулся, спонсор? К Милке? И чем она их берёт... Да и без тебя знаю чем! Бай!.. Стой, совсем забыла: как будет по-русски «мстю»? Так и будет? Ага. Вот ещё – козёл как будет: «козёл» или «казёл»? Да не ты козёл! Слово как пишется, через какую букву? Какую?! Сам ты на эту букву! Бай!

Боже мой, выругалась Тамара на всё сразу – Анжелка пишет роман! Ось кривая! И Илона тоже! И Ада Львовна, мышь некрепкая, туда же! Ладно, буду писать! Они, когда моё прочитают, все покроются от зависти синими шашечками.

Тамара даже разволновалась: вот дряни, не утонишься! А к Милке, значит, вернулся её спонсор. Надо срочно с ней мириться! О, надо ввести её в роман, она может пригодиться. Как её будут звать, Милку?.. Ага, Айна!.. Что же придумать про эту лошадь с отдышкой?

«Высокая, стройная Айна, в расцвете полных сил вышла на кухню... на свою роскошную гостиную и заметила там незнакомца. По её длинному как лошадь лицу пробежала тень...»

Нет, она на лошадь может обидеться... а по чему тогда?.. Ага. «По её стройной голове забегала тень. Незнакомец был

широк в своих плечах, в нём чувствовалась какая-то безумная притягающая сила. Вот это спонсор, подумала Айна и подняла бровь! Но это был не спонсор, это был маньяк! Его большое, brutальное туловище заканчивалось мужественной бритой головой».

Придумывая маньяка, Тамара даже облизнулась. Нет, – решительно решила она, – маньяка оставлю себе, в смысле Эльвирке. А то у этой дряни два мужа, и оба действующих, плюс бойфренд. Да ещё этот вернулся... как же зовут её спонсора-то? Ага, Самсон! Так после этого ей ещё маньяка?! А не вырвет тебя, Людмилочка?!

«Высокая, стройная Айна вышла к дивану, но в это время раздался тревожный звонок в её роскошный телефон.

– Хеллов, – сказала Айна своим голосом. В трубке послышался голос Эльвиры, её лучшей подруги.

– Хеллов, Айна, – спросила она, – ты случайно не видела Рому?...»

Тамара не заметила, как её мысли перекинулись на этого подлеца. Ничего, Ромочка, ты прочтёшь на моей обложке мою знакомую фамилию, огромными буквами. Раскроешь и тут же узнаешь себя, скрытого под именем... как его обозвать, чтоб пообиднее? Хуан! Это тебе намёк, потому что лучшего названия ты не заслуживаешь. Ты читаешь про себя, как подлого, низкого, только одни бабы на уме подлеца. И как после удара рока... Нет, ещё подумают, что его убило электричеством на рок-концерте... Как после удара судьбы

два чернокожие бомжа выловят твоё разможжённое тело из горного потока, дополнительно шмякнувшись об горные пики!

Тамара вспомнила Швейцарию, горный курорт, куда они летали весной. Вспомнила эту чухонку, с которой Рома пропал два суток, якобы засыпало снегом, и её наглые глаза навывате. Тамара вспомнила свои обиды, лицо покраснело от гнева. Нет, Ромусик, насчёт, об скалы – это ты так легко обделаешься. Скалы и горный воздух – это креативно, это я поберегу, я знаю для кого. А тебя затащит в свои неумолимые объятия страшная, неумолимая канализация! Да, канализация! Ведь ты этого достоин!

«Хуан почувствовал, как почва внезапно выскочила изпод его кривоватых предательских ног. Что это, трусливо подумал он?! Это оказалось внезапно открытый люк. И вот уж канализация с шумом затягивает его в свою глубокую бездонную леденящую бездну. Неужели мне конец, подумал он усилием ума?! Да, тебе конец! – внезапно услышал он над собой зловещий голос! Последним проблеском головы он увидел красивое лицо Эльвиры в обрамлении люка. Спасите, прошептал Хуан побелевшими губами! В ответ Эльвира сатанински захохотала! Ей доставляло огромное счастье, нет, наслаждение видеть этого подлеца, гибнущего от утопления!..»

Да! именно подлеца, этого обманщика, негодяя, из-за которого я чуть не бросила мужа – святого бизнесмена и тру-

женика; с утра до ночи в своём бизнесе.

Тамара замахнулась растянуть удовольствие за счёт утопляющегося Ромы; остановилась. А вдруг он ещё вернётся? Нет! сколько можно прощать... Нет, надо ему позвонить! Тамара потянула руку к телефону, опустила: опять отоврётся, зараза! Вспомнила их последнюю поездку за деньги её святого мужа. В памяти тут же всплыла мулатка на пляже. Как он на неё уставился, как буквально пожирал её глазами! Я значит, для него уже ничто! Стоит на горизонте улечься голлой мулатке, как он жадно поднимает свой якорь... Ладно, но – последний раз, подумала Тамара с женской логикой.

«Вдруг люк обратно раскрылся, и Хуан последним захлёбывающимся взором увидел, как по верёвочной лестнице спустилась стройная Эльвира. На ней были брюки «марлен» и спортивный жакет, придающий её фигуре невыразимую, желанную стройность, даже не снившуюся никакой мулатке. Бесстрашно наклонившись над струями, она подала ему конец руки. Хуан угасающими глазами заметил такую знакомую руку с его любимыми ногтями! С его обратно медленно покрасневших губ сорвались хриплые слова благодарности...»

Тома шмыгнула носом, почувствовала резь в глазах. Начала придумывать слова, которые должны были срывать с его губ... Не придумывались. Вместо этого в голове прыгала какая-то обиженная пачкотня. Какие слова-то у него сорвались?.. Ну какие у него обычно срываются: «Что ты на меня

смотришь, как Крокодил на Гену?! Заплати за стол, я сегодня не при мелочи!»

На Тому вновь накатила волна гнева. Нет, решительно сказала она! Нет, Ромаша, хватит! Прощай!

«Не вспомнив нужных слов, Хуан протянул руку, пытаюсь ухватиться за её конец, но в этот момент Эльвира зловеще дёрнула руку вверх! Ты думал, зловеще сказала, я всё забыла? Что я забыла нашу последнюю поездку, особенно предпоследнюю! Или эту плоскую гимнастку, которую ты выдавал за тёти Нюрину приёмную сестру...

«Так нет же, сказала Эльвира, закусив стройную губу, прощай! Донна Нюра рассказала мне всё! С этими словами она ловко вскарабкалась в седло. Когда она оглянулась, Хуан уже мелькнул последний раз, его бледная рука взмахнула прощальным махом. С его обратно побелевших губ сорвались слова: прощай, Тамара, в смысле Эльвира, я любил тебя...»

Тамара вытерла слезу, высморкалась в скатерть, в краешек. Закурила... Нет, надо ещё раз уточнить у него самого, решила она. Чтоб раз – и навсегда! Поколебалась, протянула руку к телефону. В это время телефон зазвонил сам. Эльвира, тьфу, Тамара отдёрнула руку: а если это он?! Брать трубку – не брать? Телефон звонил, упорно. Брать не брать... ещё два звонка и возьму... ещё один...

Вошла младшая дочка, пятиклассница Римма.

– Мама, ты не слышишь, у тебя телефон разрывается?!

– Ты не видишь, что мама занята?!

– Я вижу, что ты сидишь, упёрлась в окно, как наша кошка головой в папин ботинок! Лучше помоги мне задачу.

– Римка, ты уже с меня ростом, а всё время «мама, мама»! Что я тебе задачи до свадьбы буду решать?!

– Смотри, – не слушая, прочитала дочка. – «У Вовы было сто рублей, у Нины было шесть признаков нездоровых волос. Спрашивается, в какой класс перешли ребята?»

– Ну, отними от ста рублей шесть признаков, сколько будет?

– Отнимала.

– И что?

– В девяносто четвёртый класс. Таких не бывает!

– Ну так прибавь, я знаю...

– И отнимала, и делила, и скотчем клеила! Что ты всё кричишь целый день!

– Это у тебя что?! Вот это вот что?!.. и здесь!

– Это моё тату!

– Да?.. Ты могла бы сделать что-то поскромнее, что ли?

Что скажет учительница?!

– Евгения Михайловна? Да у неё самой на спине такое набито! Она думает, никто не видит, а все видят, если нагибается! И на ногах тоже, даже через колготки прёт.

– Ну почему, почему Алиса ко мне никогда не пристаёт про задачки?!

– Потому что твоя любимая Алисочка табаком так и воняет; может, я тоже хочу!

– Не смей хотеть! Алиса уже в девятом с половиной классе! Кстати, где она?

– Наверное, в компьютере, где!

– Вот, она поступать готовится!

– Ой, ой, готовится! Ты там проверяла!

– Иди отсюда, досада!

Кошмар! Один раз в жизни соберёшься написать роман, как на тебя все так и лезут!.. Анжелке писать роман, небось, никто не мешает! Тамара вспомнила и вновь изумилась: про что такое может писать Анжела, эта тощая клюшка? Что ли про то, чем она волосы выводит, нежелательную растительность?! Так все и так знают. Боже мой, любая тупая жестянка, а туда же – писательницей! Жалко, что я стихи не пишу, вот бы вы все подпрыгнули!.. Но стихов Тома не знала, не любила и вообще не понимала, почему их нужно писать в столбик. А может, бросить это всё, малодушно подумала она, эту Эльвиру?! Такая мутотень! Нет – назад дороги нету! И вообще, у меня будет лучше всех! Так, на чём я остановилась?

Тамара подчитала написанное для разгона: «...его рука взмахнула прощальным махом». Что за рука-то? А, в смысле Хуана... Нет, снова засомневалась она, если он махнул один раз, тогда ему конкретно кранты. Может, я ещё про него передумаю. Ага, он ведь может долго махать; он и плавает хорошо, Рома. Пускай пока плавает и машет, а я придумаю, что с ним делать:

«...Его рука Хуана замахала прощальным маханием. С обратно побелевших губ срывались слова: прощай, Эльвира, до новых встреч! Ну, это надолго, подумала Эльвира, вскочила в седло своего коня и помчалась со скоростью как ветер...»

Снова зазвонил телефон, затрезвонил.

Не буду брать, сварливо подумала Тамара, придумывая, куда могла помчаться Эльвира с такой скоростью! тем более в седле – там же всё себе поотбиваешь к чёртовой матери!.. Ага, она помчалась, чтобы успеть отомстить до закрытия салона. Стоп, так я мстю или не мстю?!

– Мама! – услышала она голос Риммы, – возьми телефон, у меня уже голова от задачи разваливается!

– Почему у Алисы никогда ничего не разваливается? – раздражённо крикнула Тамара и взяла трубку.

– Да! Да, Тамара Викторовна. Что?.. Встретиться и провести время? Я обещала? Ну, допустим, можно, а кто это? Михаил? Который Михаил, из Евпатории?.. А-а, Миша! Это ты недавно звонил? Ну, не узнала, будешь богатым... Ну, будешь ещё богаче!

Тамара вспомнила, как недавно на какой-то тусовке походя склеила сынка одной крутой мамашки. И что-то сдуру ему обещала, по нетрезвому делу. Туповатый такой Миша, но при маминых бабках и снаружи – ничего себе. Надо его отшить, от мамашки не оберёшься. Мало ему девок, что ли!

– Ну конечно, встретимся, если ты будешь хорошим маль-

чиком, – протянула Тамара специальным, чуть гнусавым голосом. – Когда? Ну, я должна подумать! Ну, хорошо, пишу телефон, диктуй!

Она машинально записала телефон, а сама уже сообразила, что делать дальше:

«Отгадай загадку, сказала Эльвира, лукаво глядя на недалёкого, но красивого Майка своими стройными глазами. «У Вовы... у Клода было 100 тысяч... нет, 100 мильёнов денег. А у одной девушки... – нет, он же тупой, она должна ему тонко намекнуть... – а у одной твоей знакомой девушки, которая сидит напротив тебя, было шесть... нет, был шестой размер бюста. В загадке спрашивается...»

Нет, шестой – перебор, некоторые ещё пугаются... Зато третьим размером сейчас вообще никого не заманишь. Вон Римка уже мои лифчики поднашивает, а как задачки – мама должна последнюю голову ломать!.. Так, на чём я стала?.. Ага, Майк. Стоп, откуда он тут взялся?.. Ну правильно, это же этот Михаил. Надо выше написать, что Эльвира крутит с юным Майком, чтоб подразнить этого скота, этого Хуана... А ты пока там поплавай, пополощись, Хуанчик. Помахай там ручкой! Теперь я над тобой поиздеваюсь. Захочу – вытащу, захочу – сделаю себе татуировку и никогда не покажу, в каком месте!

«Отгадай загадку, повторила Эльвира, тупо глядя на стройного Майка, в смысле, наоборот. При этом её лиловая атласная блузка с баской была настроена весьма игриво. Под

ней призывно двигался туда и сюда её бюст модного размера сайз-плюс. В то время как юбка-карандаш подчёркивала выпирающие уступы её обворожительной фигуры, покрытой великолепными фирменными тату».

Написав про Эльвиру, Тамара немного смягчилась. Особенно ей удалась юбка, которую она недавно купила в пику подруге Белле. Но порадоваться как следует ей не дала родная дочка Римма. Та нахально вошла в комнату и плюхнулась перед Тамариным носом толстую стопку бумаги, вот! На верхнем листе было красиво напечатано:

«Цецилия Гуттентаг «Монумент её страсти». Роман».

– Вот, – нагло сказала Римма, – смотри!

Боже мой, подумала Тамара, ещё какая-то ключица насочиняла.

«В то роковое утро Изабель не спалось. Подняв брови, она вышла на балкон в чём была и глубоко потянулась. Край короткой ночнушки задрался и нескромно обнажил её стройные ноги до упора...»

– Это про что? – спросила Тамара, уловив как бы нечто знакомое.

– Это ты читай дальше!

Тамара пожала плечами, раскрыла в другом месте.

«Дверь ванны внезапно распахнулась, на пороге возник Виджет. От ужасно приятного ужаса Изабель замерла в своей роскошной ванной. Но всё же успела заметить, как по всему ему голому телу так и бегают атлетические мышцы рук и ног.

Заметив Изабель, Виджет вдруг сильно остолбенел, но даже сквозь обильный столбняк успел заметить её зовущее к себе тело, небрежно прикрытое мочалкой. Вздвогнув от неожиданности, он сказал: извиняюсь, девушка, и прикрылся снизу ладонями, как это делают футболисты, закрываясь от их нескромных взглядов...»

– Ты зачем мне это принесла? – раздражённо спросила Тамара.

– Это твоя Алисочка. Роман пишет, это второй том. А Цецилия Гуттентаг – это её аноним. Читай-читай!

Тамара снова сунула нос в бумаги. Высунула.

– Изабель – это типа она, Алиска, – пояснила Римма из-за плеча. – А Виджет – это типа ихний учитель физкультуры Альберт Иванович. А перед этим был Зиндан, биолог. Только он её бросил беременной от него.

– Как беременной?! – закричала Тамара. – Алиса, иди сюда немедленно!

– Да не кричи! Это он дурную Изабель бросил, ещё в первом томе! Я его не нашла, она Няшке дала почитать. Ты смотри, там дальше ещё лучше.

Но Тамара не начала читать дальше, ибо стало ей неинтересно, а горько. Она выгнала Римку вместе с Цецилией, а сама села и поняла, что уже немолода и что уже никогда ничего не напишет, особенно вот такого. И подлец Рома никогда не вернётся, а муж Боря никуда не денется. И на лошади она никуда не поскачет, поскольку больно снизу. А дети выра-

тут, и чёрт знает, что из них получится, из таких ранних.

Тамара от этого всего хотела заплакать, да подзабыла, как это делается по-настоящему. Она вышла-таки на балкон, закурила и долго смотрела вниз на стоящие во дворе машины, понимая, что её жизнь начинается как бы с чистого листа. Как бы второй том. И как-то надо его начинать, а как? Тома поискала в этом смысле в голове, но ничего там не обнаружила, кроме Ромы, плавающего в ванне почему-то на спине, прикрывшись руками спереди по-футбольному. Вздохнула, вернулась в комнату, без сожаления отправила незадачливую Эльвиру в корзину. Встретила глазами недавно записанный телефон. Что за телефон? А-а, это Михаил! Что-то я ему обещала? Да-да, перезвонить насчёт встречи. Как интересно.

Тома подошла к большому зеркалу, осмотрелась, помотала бровями туда-сюда. Сказала себе, а я – ничего! Повеселела.

Повеселев, поняла Тома, что ничего страшного – роман её жизни продолжается.

Вот и ладно.

Забег на короткую дистанцию

Некий Лёня, студент и одновременно легкоатлет по скоротечному бегу в длину, познакомился в кино с одной женщиной. Они сидели рядом, хотя она была постарше его лет на пятнадцать, а он был парень из себя высокий и попал в это кино случайно. И вот слово за слово, она предложила провести себя домой, поскольку сеанс был последний, то есть на улице сильно стемнело, а кино было про людей сильных и мужественных, и Лёня логично согласился сопроводить соседку по искусству кино, раз такое дело. Идти было недалеко.

И вот возле уже парадного соседка предложила Лёне конкретно подняться к ней с целью попить чаю, поскольку она живёт на восьмом этаже. Лёня счёл предложение разумным, чувствуя, что одним чаем тут не обойдётся, а может, удастся покушать на халяву, поскольку в общаге его поджидали лишь койко-место да здоровый храп здоровых товарищей. Они поднялись на лифте, вошли в помещение, где их встретило злобное четвероногое, немедленно вцепившееся зубами в Лёнину ногу. Но хозяйка быстро урезонила собаку пинком, заперла в комнате, предложив Лёне не обращать внимания.

Переобуваясь в хозяйские тапочки, Лёня отметил на вешалке некое военное обмундирование в лице шинели, увен-

чанной сверху такой же фуражкой. Но отметил он это дело как-то легкомысленно, вскользь, ибо его уже пригласили пройти непосредственно на кухню, где и состоялся упомянутый чай и к чаю. В процессе же чая женщина обнародовала, что у неё муж ушёл на дежурство, отчего она вдруг почувствовала себя страшно одинокой и нуждается в надёжной мужской опеке, чтобы совладать с этим чувством. Лёня налегал на халявную колбасу /твёрдую/ и кивал в том смысле, что он это всё понимает и разделяет, и что с ним, с Лёней, она может быть спокойной. Примерно как под каменной стеной. И пока он так кивал, пока, не скупясь, накладывал на булку шпроты, женщина оперативно переоборудовалась в домашний халат и по-семейному пригласила в спальню отпочить.

Переходя от стола к койке, Лёня убедился в прихожей, что обмундирование принадлежит именно милиционеру с погонами, на что одинокая женщина мимоходом заметила, что дежурство у мужа суточное, так что можно спокойно скрашивать нахлынувшее одиночество ночь и ещё примерно полдня. И было в её голосе столько нерушимой уверенности, что Лёня откинул естественные в его положении сомнения и бодро прошагал в спальню, не обращая внимания на царапанье и лай из соседней комнаты.

Естественно, как только Лёня начал посылно скрашивать женское одиночество и даже с небольшим успехом, щёлкнул замок входной двери. Этот, согласимся, очень мирный в обычной жизни звук прозвучал для Лёни как-то невыразимо

громко. Примерно как залп бывшей «Авроры». Только ещё хуже. Лёня тихо обмер, поскольку опыт у него в таких ситуациях базировался лишь на анекдотах, начинающихся словами: «Возвращается муж домой...» И анекдоты те давали лишь юмористическую сторону дела, и никаких конкретно инструкций. Но его соратница не обмерла, а наоборот, с какой-то отработанной быстротой покинула любовный насест и вылетела в прихожую навстречу суженому уже в халате и взбитой причёске.

Всё остальное Лёня наблюдал и слышал как бы со стороны, как бы в своеобразном театре, где зрители располагаются лёжа и по необходимости без трусов. Он наблюдал, как на стеклянной двери спальни отразились две тени: одна большая, как показалось Лёне, колоссальная, в фуражке, другая поменьше, повисшая на первой с восклицаниями любви и радости. Вот большая сняла с головы фуражку, и Лёня отвлечённо подумал, что вот, у милиционеров, значит, две фуражки, одну они носят по городу, а другую оставляют дома для напоминания таким, как он. Мужчина говорил громким голосом, который мог принадлежать только Очень Большому Милиционеру, и Лёня вяло подумал, интересно, что это сейчас будет. В вялом течении его мыслей иногда всплывало: «балкон», «под кровать», «шкаф» – короче, джентльменский набор подполий, почерпнутый из тех же анекдотов. Но балкона в спальне не было, кровать была спроектирована каким-то подлецом, это он отметил, когда ещё заталкивал туда

тапочки, куда, кроме них, могла подлезть ещё кошка, да и то небольшая. Вот и собака учуяла хозяина и как-то особо, как-то ликующе завизжала и зацарапалась. Но женщина что-то быстро заговорила, не давая мужу отвлечься, что-то ему при этом втолковывая. Ещё, конечно, Лёню могли бы вырвать его длинные легкоатлетические ноги, но они отчуждённо лежали рядом с ним, как бы фабричные, правая и отчасти левая. Их можно было потрогать, их можно было, например, похвалить, даже показывать по телевидению, но двигаться на них было практически невозможно. Всё это длилось не более минуты, но прошла пред Лёниным охладевшим взором вся его такая короткая, такая перспективная жизнь с таким бесславным финалом, разные варианты которого объединялись одной и той же печально известной музыкой Шопена.

Но тут в этой драме случилось нечто, что заронило, как говорится, луч надежды в тёмном царстве, где Лёня стоял уже одной своей длинной ногой. А именно: большая тень на экране вдруг стала надевать на голову фуражку, затем явно повернулась к выходу, послышался волшебный, малиновый звук раскрываемой двери. Лёня сглотнул и даже чем-то пошевелил. Но в это время раздался такой полный глубокого разочарования вой из соседней комнаты! Замок снова защёлкнулся, тень вернулась на место с явственно прозвучавшими словами: «Да выпусти ты эту чёртову собаку!» А Лёня явственно вспомнил про свои почти новые кроссовки, которые он аккуратно составил под вешалкой и которые теперь

достанутся неизвестно кому, поскольку в кроссовках не хранят. В этот момент донёсся второй вой, но более членораздельный, в котором можно было разобрать: «Значит, тебе собака дороже жены!» После чего резко хлопнула входная дверь, резко щёлкнул замок, глухо затопали удаляющиеся шаги. Вслед им из собачьей комнаты донёсся разочарованный лай и даже вроде всхлипывания. Тут в спальню вернулась женщина, вокруг которой развернулся весь этот шекспир. И не было у неё на лице угрызений или там раскаяний. Она безмятежно заявила, что сообщила мужу, что у неё страшно болят зубы, и послала его в дежурную аптеку, это далеко, так что они спокойно смогут скрасить её одиночество ещё раз...

Надо ли говорить, что Лёня обогнал обманутого супруга ещё в их парадном. А что подумал милиционер, увидев выскочившего из парадного человека с кроссовками в руках и с пиджаком, заправленным непосредственно в брюки, про то науке неизвестно.

Русско-японское воспитание подростающего поколения

Вначале присказка.

Три девушки-медички держали постой в деревне в одной семье. Они там были «на картошке». Их хозяин – глава семьи – был запойным и во время этого дела становился совсем плохим. Однажды они вернулись домой с места трудового подвига. Их хозяин к тому времени был, как говорится, готов, и его тоже тянуло на подвиги. В это же время в гости к девчатам направлялся студент Дима, уже помытый и причёсанный. Крепкий парень и вообще спортсмен. Он направлялся пригласить девчат на культурное мероприятие танцы. К тому времени хозяин дозрел окончательно и, как говорят судейские, в состоянии сильного душевного волнения представлял старинную русскую забаву «гонки за женой по всему дому». С весёлым другом топором. Короче, у них с супругой происходит привычная вольтижировка, а три несчастных будущих ухо-горло-носа заперлись в своей комнате и неквалифицированно визжат. Примерно как недорезанные. В разгар аттракциона на горизонте появляется лирический Дима, а тут – облом! Вместо миловидной медички из дома выскакивает женщина в белом, в смысле исподнем, со словами: «Помогите!», «Убивают!», «Ой, мамочки, что ж это такое!»... И пока Дима с превеликим трудом перево-

дит стрелки с послетанцевых поцелуев на конкретную прозу жизни, из той же двери выскакивает дикий человек. Он профессионально размахивает топором и прёт конкретно на Диму. Хотя тот ни обличем, ни фигурой, ни полом-возрастом не похож на объект его притязаний. А также ни сном ни духом! И сейчас будет финальный эпизод из к/ф «Прощай, Маруся-ламповая». Диму, однако, этот финал не устраивает, поэтому он, не колеблясь, встречает топорonosца прямым правой в область нижнего подбородка, отчего тот плавно ударяется кудрями о траву-мураву и надолго засыпает...

Надо ли говорить, что медичка Вера, на которую Дима положил глаз, полюбила его окончательно и бесповоротно.

Что и требовалось доказать.

Конец присказки.

Погожим воскресным днём Дима собирался к Вере в гости. Они решили пожениться, и её родители пригласили его в качестве жениха, раз уже всё равно этого дела не избежать. Чтобы не ударить лицом, Дима поднял в родной общаге небольшую бучу и вышел из неё в почти новом костюме и туфлях цвета малярии в республике Марокко. Дима выпросил их практически на коленях у одного армянина кавказской национальности. В общем, не туфли, а воспоминания о Царском Селе! Дима как вставил в них свои ещё холостые ноги, так и пропали мелкие сомнения по поводу грядущей утраты свободы. И в таком вот авантажном виде предстал пред очи скорбящих от радости родителей невесты.

Итак, сидел Дима в чужой гостиной и чувствовал себя нехорошо. И почему же нехорошо? Во-первых, потому что квартира! Такие он видел лишь в кино и то смутном: мебель, предметы на стенах, книги до потолка и выше! Большой, какой-то трёхместный рояль, старая люстра с цацками. Тут же папа, мама, бабушка и собака величиной с небольшой бронепоезд – всё это страшно интеллигентное, тёмного дерева. Но между прочим, атмосфера, как говорится, воцарилась довольно доброжелательная. Родители, особенно мама, как увидели открытое Димино лицо, так сразу с них свалился как бы камень. Хоть перед этим та же мама дважды предлагала своё тело в качестве трупа, через который должна будет переступить дочка, если соберётся выйти за «своего физкультурника». Бабушка предлагала свои услуги в этом смысле трижды.

Итого – пять.

В общем, они увидели, что жених не так страшен, как рисовало их больное родительское воображение, махнули рукой на чаемого принца и оттаяли. Собака, видя такое дело, развернулась и тяжело улеглась головой к роялю. Конечно, через полчаса Дима чувствовал себя почти хорошо, особенно когда мама, видя его муки в чужом пиджаке, деликатно предложила его снять. Также ему понравилось, что семья хоть и сильно интеллигентная, но разговаривают почти нормально. А если порой и вставляют непонятные слова, так не из вредности, а видно, так воспитаны, и переучиваться им

уже поздно.

Короче, как выражаются интеллигенты из Диминой общаги, дело было на мази. Уже Дима даже раз пошутил, и окружающие не то чтобы засмеялись, но во всяком случае собака подняла голову и промела хвостом по ковру.

Эх! Тут бы и поставить точку, однако не получается.

В общем, в разгар этой дипломатической оттепели судьба притолкала на смотрины ещё одного зрителя. Это была Верина старшая сестра, неудачно замужняя. С вытекающими последствиями и ребёнком. Сестра та была культурнее всех остальных, если судить по полуторакилограммовым очкам с замысловатыми оглоблями, но по ухваткам кого-то сильно Диме напоминала. Он потом вспомнил – одну Зину из «Соков-водов». Однако не она и не очки сыграли неожиданную роль в этой нехитрой повести. Её сыграл малолетний ребёнок пяти лет Эдуард с выпуклыми козьими глазами и выражением невероятной в них наглости. Для начала он довольно ощутимо лягнул Диму в новые чужие брюки. Затем забрался на рояль и принялся барабанить по крышке чем-то медным. Его еле уговорили. При этом сестра закурила и пояснила, что они воспитывают ребёнка по японской системе и разрешают ребенку всё. Иначе, пояснила она, из ребёнка вырастает тупое закомплексованное существо. Тут она затянулась и с ударением посмотрела на простоватого Диму.

Надо сказать, что при появлении родственницы вся семья как-то присмирела и поубавила улыбок. Но затем, ведомые

чувством ложной вежливости, они теперь уже под руководством сестры поговорили про Японию. Уже был похвален талантливый народ Страны восходящего солнца; уже папа показал гостю натуральный самурайский меч, похожий на гнутую палку; уже освоившийся Дима собрался рассказать старинный японский анекдот, как попали на остров русский, еврей и чукча; короче, беседа стала вновь входить в благопристойное русло, когда этот пучеглазый подонок подкрался к Диме сзади и с невероятной силой треснул его деревянным половником. Непосредственно по голове. У Димы от боли и неожиданности выступила скупая мужская слеза, а заготовленный анекдот выскочил из головы и всплыл только лет через двенадцать, возле небольшой речки. На это сестра сделала ребёнку пальчиком, все понимающе по-японски улыбнулись, а Дима молча поскрипел зубами и решил, что нельзя, чтобы уже совсем хорошо. Дальше сестра взяла беседу на себя. Она с неодобрением выпрашивала Диму о его достижениях в учёбе и спорте, о его семье, при этом со значени-ем поглядывая на родственников, мол, вы бы ещё привели в дом паровозного машиниста или электрика!

Надо ли говорить, что в процессе допроса маленькая сволочь перетопталась у всех на коленях прямо в ботинках, сунула кошку лицом в горящую горелку, ещё раз попыталась ударить Диму Большой советской энциклопедией, 16-м томом. Рёв, который подняла эта дрянь, когда у неё отняли энциклопедию, Дима потом характеризовал как Последний

Вопль бешеного шакала, искажённый некачественным усилителем.

Или гиены, Дима их путал.

В общем, смотрины из благопристойного мероприятия с косвенным культурным эффектом превратились в нелепый кошмар. Окружающие натужно улыбались, показывая, что дети есть дети, а японское воспитание обязательно когда-нибудь принесёт пользу, они, японцы-то, ведь не дураки. Дима возлагал тайную надежду на собаку, но мудрое животное посмотрело на этот бред, пожало плечами и тяжело ушло в кухню. Дима незаметно потрогал шишку на голове и почувствовал, что в нём закипает тяжёлая классовая ненависть. Он-то был из простой сибирской семьи, где детей били за дело, били без дела и просто потому, что в данный момент в руках находилось какое-нибудь било. И всё-таки выбили детей в люди...

Однако всему приходит конец. Хозяйка дома вырвалась из-под гипноза старшей дочки и пригласила всех к столу. Все тоже вроде сбросили оцепенение, даже вроде потрясли головами. Но когда изнервничавшийся, изголодавшийся, травмированный Дима поднял спасительную рюмку, маленький подонок заорал, что оно хочет какать! И какать оно пожелало именно здесь, и в подтверждение серьёзности своих намерений сильно навоняло. Дима отупело вышел в прихожую и уже оттуда слышал сердитый папин голос, а затем звуки, которые мог бы издавать пьяный сторож зоопарка, разгоняю-

щий сиреной взбесившихся павианов. Дима начал тупо обучаться, но тут его подждал последний удар. Выдавая ему туфли, жмот-армянин с космическим именем Тариел особо упирал на то, что туфли из шведской кожи, поэтому бояться воды как огня. Ибо на них остаются Разводы, а Дима поклялся ему, что лужи и газированные автоматы он будет объезжать именно на метро! И вот, сунув ногу, Дима с тупой покорностью ощутил, что туфля, кроме шнурков, содержит в себе ещё и жидкость, которая при ближайшем рассмотрении оказалась мочой обыкновенной. То же подтвердил тест на обоняние, носом внутрь. Дима поставил туфлю, потрогал уязвлённую макушку, вспомнил непочатую рюмку и рожу Тариела и хотел было заплакать. Но погодил. Он выманил под каким-то предлогом мальчишку в коридор, посмотрел в его исполненные недетской наглостью глаза, взял за подлую душу и нанёс правой такой удар по заднице, что тот на минуту позеленел. А когда раскрыл пасть, чтобы включить свой мессершмитт, Дима остановил его простым солдатским словом. Он сказал: «Пикнешь, падла, примочу!!»

И потом уже по дороге в общежитие, прихрамывая на мокрую ногу, он делал сравнительный анализ японской и нашей воспитательных систем и пришёл к логическому выводу, что японских детей родители лупят уже потом, накопив злости, и бамбуковыми палками. Вместо того чтобы равномерно лупить ребёнка вдоль всего детства, наращивая мощь. Наша все-таки поумней будет.

А с женьтьбой у него ничего не вышло. Да может, оно и к лучшему. Гусь-то свиные не товарищ, как говаривал один поэт, то ли Александр Пушкин, то ли Михайла Буденный. Короче, кто-то из наших.

Нам – зеленый!

Чудес на свете не бывает – это раз.

Это все знают – это два.

И поскольку все это твёрдо знают, постольку каждый чего-то ждёт.

Например, чуда.

Поэтому сейчас я расскажу вам сказку. Сказку для взрослых, и о взрослых, и о чудесах. И о любви.

Ведь чудеса должны быть. Хотя бы в сказках.

Итак, в некотором царстве, в некотором государстве... Короче, в большом городе, в общем, в одном населённом пункте жили Он и Она.

Он был самым обыкновенным, вот как вы или я.

И она была обыкновенной внешности, среднего роста, и в среднем, каждый день ходила туда, где ей платили то, что можно назвать зарплатой, но почему-то не хочется.

Конечно, ей хотелось счастья. То есть любви.

И он тоже мечтал о том же, поднимите руку, кто этого не хочет.

Они никогда не знали друг друга.

Да. Тут нужно кое-что пояснить. Спросили мудреца, может ли быть идеальная пара? Мудрец сказал: конечно! Возьмите мешок яблок, разрежьте их пополам, перемешайте, достаньте одну половинку, затем наугад другую – если это бу-

дуг половинки одного и того же яблока – это и будет идеальная пара».

То есть с присущей восточным мудрецам краткостью он сказал: да ни за что в жизни, понимаешь!!

Но на то и чудо: в одном городе, в одно наше ненормальное время жили два таких человека, которые смутно искали друг друга.

А второе чудо – они встретились!

Они встретились где? В магазине, метро, в бане...

Нет, не так. Она шла с работы, несла что-то тяжёлое. Да, зашла на почту и получила посылку. А он сказал:

– Давайте помогу.

Она сказала:

– Спасибо, я сама. – И почему-то отдала ему тяжёлую коробку.

Он взвесил посылку в руке:

– У вас там кирпичи?

– Да. То есть нет. Книги. И ещё варенье – мама прислала.

Вам не тяжело?

– Тяжело в ученье – легко в варенье! – пошутил он как смог...

– ...Ну вот мы и пришли.

Третье чудо произошло, как говорится, в рабочем порядке. Вместо того чтобы потоптаться, почесать в затылке, повздыхать и уйти, он неожиданно даже для себя сказал:

– Давно что-то я не пробовал варенья. Сколько себя пом-

ню!

И она с облегчением сказала:

– Да, да, конечно! Давайте поднимемся, и я вас с удовольствием угощу.

И вот они поднялись. Потом закипел чайник. Потом выяснилось, что он чемпион мира по ремонту утюгов, и тут же с блеском доказано. После чего, правда, оно чего-то там стрельнуло, почему-то пропала вода, и диктор новостей стал дёргать щекой, как страдающий зубной болью китаец. Так его и выключили к чёртовой матери с его новостями, потому что в квартире было тепло и весело, как в детстве под ёлкой, и не хотелось никуда уходить, а хотелось, чтобы так было всю жизнь, и чтобы потом, даже если и умереть, чтобы взяться за руки и полететь, полететь... И чтобы там тебя уже ждали. Правда?..

Да. И вот в разгаре всего этого раздался звонок. В дверь. Это пришла её подруга. Увидев его, подруга сказала, ага! А когда узнала, как он сюда попал, сказала: ах! рыцари в наше время такая редкость!». И выпустила струю табачного дыма...

Потом они долго сидели, но уже втроём. Потом долго стояли, потому что подруга собралась уходить. На прощанье подруга сказала: надеюсь, рыцарь меня проводит? Было уже поздно, он вздохнул и сказал: да-да, конечно...

Остаток этого вечера наша героиня провела у телевизора. Впрочем, как и все последующие...

Тут и сказке конец...

Нет, глупо как-то. Зачем столько чудес и совпадений...

Вот что – их встрече сопутствовало искусство. Да!

Она была, допустим, балериной?.. Футболисткой?.. Фото-моделью?.. Да. Она была экскурсоводом.

Она была экскурсоводом, а его сдуру занесло на выставку современной живописи. Ну, Стасик пришёл к нему с какой-то сомнительной девушкой, сказал: будь друг, погуляй по городу пару часов, какая тебе разница...

Итак, она двигалась по залам, рассказывала о современной живописи, отвечала на современные вопросы: «А почём может быть такая рама?», «А бывает, чтобы художник, но непьющий?». На картине «Обнажённая, ремонтирующая табурет» какой-то посетитель узнал свою родную голую жену, спросил адрес художника и умчался с криком «убью обеих»!.. Она вздохнула и подумала, что за сегодняшний день это уже пятый.

Она рассказывала об этой самой живописи, поглядывала на него, и ей казалось, что она его где-то уже видела или знала всю жизнь. И будь на стенах хотя бы «Три богатыря» или «Медведи в сосновом бору», она его бы обязательно узнала, сердце бы подсказало!.. Но висели там современные картины с современными названиями: «Канализацию прорвало», или «Охотник с больничной уткой», или пейзаж «Грачи околели»... И всё это наводило его на печальные мысли о дураке начальнике; что жизнь проходит чем быстрее, тем бес-

толковой; что с каждым годом всё труднее бежать за трамваем, зато всё легче расчёсываться... Он смотрел на неё и думал: «Боже мой, какая чудесная женщина! надо было послать Стасика, сколько можно! в конце концов! да выспаться в выходной...»

Потом они пришли каждый к себе домой. Включили по телевизору. Затем выключили. И, уже накручивая будильник, она вспомнила, что видела сегодня человека, которого искала всю жизнь! И больше не увидит! Он тоже ворочался всю ночь, вздыхал, курил и молча смотрел в окно на мокрую улицу...

Тут и сказке... Да что же это за жизнь такая, прости Господи!..

Нужно дать им ещё один шанс. Итак, в одном городе жили двое, которые всю жизнь искали друг друга. Они встретились там, где уже не могли не познакомиться... Застряли в лифте? Нет. Объявление в газете? Нет. Выплыли вдвоём на необитаемый остров в Центральном парке культуры и отдыха? Да! Друзья сказали ему: старик, что ты там существуешь, как забытое одеяло на ночном пляже! Мы тебя познакомим с замечательной женщиной!

Он нехотя побрился, задал на шее галстук, пришёл в гости и сразу её узнал. Там было довольно много незнакомых людей, но он сразу понял, что это именно она, по голосу, по... короче, понял, и всё!

– Вам здесь нравится? – говорил он.

– Да, – говорила она, – музыка играет, и кошка у хозяев смешная: виляет хвостом и лает.

– У меня дружок, Мишка Крюков с автопарка, не слышали? Его тоже вот так полгода назад с женщиной познакомили, теперь у них уже трое детей.

– Так скоро?!

– Нет, у неё были с собой.

– Да, дети – это счастье... говорят.

– Да, говорят... А я сперва не хотел идти... а тут вот, значит...

– Да и я не хотела идти... дом, семья, хлопоты...

Боже мой, что я горожу, думала она! Какая семья, какие подоконники?! Но в ней поднялась волна какого-то глупого стыда, что она до сих пор не замужем и что её нужно брать за ручку и приводить знакомиться, от этого ей казалось, что она хуже остальных.

И вообще, говорила она, – она здесь на минуту, да, именно на минуту, потому что её ждут, и вообще...

И он тоже заговорил, что сам он, в общем-то, никуда не спешит, что только дураки женятся, как ненормальные...

– Вон Мишка Крюков с автопарка, не слышали? Женится, и что? Теперь все деньги уходят на гостинцы детям. А дети-то чужие...

Остаток этого вечера они просидели каждый у себя дома...

Нет, так нельзя! Конечно, нельзя!

Вот как было на самом деле. Однажды вечером она возвращалась с работы.

Она шла в уверенности, что сегодня, обязательно сегодня случится чудо.

Он тоже шёл с работы и знал, что чудес на свете не бывает!

Они встретились на перекрёстке, и она его сразу узнала. Он стоял на противоположной стороне и ждал, когда зажжётся зелёный.

Он её тоже сразу узнал: она стояла напротив и тоже ждала, когда зажжется зелёный.

И она подумала: вот сейчас, сейчас...

И он тоже подумал: вот сейчас зажжётся зелёный, они пойдут навстречу друг другу, встретятся на середине, посмотрят, нет ли движущегося транспорта, и пойдут каждый в свою сторону...

8... 7... 6... 5...

И она тоже поняла это! И тогда она рванулась прямо на красный! Визжали тормоза, ругались водители, где-то далеко, как во сне, свистел милиционер. А она – она держала его за руку и говорила, что всю жизнь его ждала! Что обязательно, обязательно должно быть чудо! А иначе... иначе зачем всё это?..

Потом она обернулась на зажжённый светофор и сказала: побежали скорей, нам – зелёный!

Из сборника «Трезвый образ жизни...»

Необходимое пояснение

Иной раз автора справедливо упрекают: Что это ты, мол, автор, так много пишешь о процессе выпивания? Может, ты пьяница, скажи, тут все свои?! Автор честно отвечает, нет! Как же нет, как же нет?! – горячатся упрекатели, – когда брешешь! Если, к примеру, берёшься живописать, например, поход в гости – так у тебя море таланта и шаги сажени! А как отобразить, к примеру... ну что... ну, допустим, великие человеческие страсти – твой творческий барометр показывает «Великая сушь»! Любовь там, ненависть, сцены насилия, здоровая эротика, перевёрнутые поцелуи – у тебя ведь этих явлений не сыщешь днём с огнём!

Скажи, что не так?!

Ну правильно, кается автор, нету. Во-первых, я пишу, потому что мне жалко людей и мне хочется их хоть как-то согреть. Вот и стараюсь как могу. А во-вторых и в-последних, я – русский человек, поэтому если когда и говорил про водку плохо, то исключительно на совете пионерского отряда.

Тогда так было принято...

Примерно так отвечает автор ревнителям современно-го благочестия, а сам думает: интересно, попрекали ли Сетон-Томпсона насчёт, что это вы, мистер, пишете всё про животных да про барсуков? Не гут!.. Или Айвазовского за преданность волнам, или Некрасова за «А по бокам-то всё косточки русские...»

Много косточек, если кто ещё помнит...

Может, и попрекали, да попрекателей смыло волной. А эти Томпсон и Айвазян со товарищи – здесь. И будут с нами, пока человек ходит прямо. А как вернётся на дерево, откуда так неосмотрительно прыгнул, тогда зазвучат уже иные песни, и споют их иные герои...

Уже начали.

Теперь глянем на вопрос с другой стороны.

Как-то в частной беседе митрополит Илья обронил: мол, веселие Руси есть – пити! Сказал ли он это сам или ему вложили во златы уста наши дальнейшие доброжелатели – история не настаивает. Однако фокус в том, что сам Илья подвизался /внимание!/ в XI веке от Р. Х.! То есть молвил он те слова ровно 1000 /одну тыщу/ лет назад!

Ровно столько, сколько существует Русское государство!

То есть при такой логике веселия население этого государства через несколько поколений должно было автоматом перейти в четвёртое агрегатное состояние материи – икающее и четвероногое. Тем не менее – вот оно, стоит до сих пор! Больше того, – и автор в этом глубоко убеждён, – оно гораздо

лучше, умнее, талантливей многих трезвых народов, кичащихся своей микрофлорой. И умом Россию действительно не понять, ибо у неё самой и у её жителя – русского человека – есть душа. И вот душа – это предмет тонкий и загадочный, навечно неразрешимый для тех, кто сопит и оперирует в понятиях ЖКТ.

Желудочно-кишечного тракта.

Как сказал великий поэт Гоголь: тысячу лет стоит нечто на удивление всему миру – Русская земля! Правда, если при Гоголе, глядя на Россию, мир выражал удивление, то сегодня, глядя туда же, мир издаёт тупое тревожное мычание.

То есть тут, друзья, кто-то врёт, читай, брешет!

А как будет правильно? Русь, дай ответ!

Молчит. У неё есть дела поважнее.

Ниже любезному, как говорится, читателю подаются некоторые рассказы из сборника **«Трезвый образ жизни как предчувствие второго пришествия»**.

Как мадам Анжу училась пить русскую водку

Мадам Анжу была доброй, жизнерадостной, любопытной. Ей было 67 лет, и она от них не пряталась. Ещё у неё был красивый домик, собаки, и дважды в неделю она косила свои лужайки глохнущей бензокосилкой, которая к рассказу не относится. Каждое утро она говорила соседям, бонжур, и занималась своими французскими вдовьими делами, ибо у них там не повисишь с соседкой на плетне полдня ввиду отсутствия тех же плетней.

Да. И вот над этим цветным мирком нависла тень. Так получилось, что к ней на постой должен был приехать один русский художник с женой. При этом сообщении мадам Анжу немного побледнела и пошла звонить сестре. Сестра сказала что-то вроде, нон стоп, майне либер Мари, русские теперь почти такие же, как остальные люди, я буду за тебя молиться. Полууспокоенная Мари пошла в муниципальную библиотеку и взяла книгу из жизни русской мафии, которая так и называлась: «Как закалялась сталь». Продрожав над книгой всю ночь, мадам Анжу поняла, что Бог за её ветреную жизнь уготовал ей мученический венец, поплакала, успокоилась, выпустила собак и пошла стричь газон глохнущей бензокосилкой.

Но всё оказалось гораздо проще и лучше. Приехали

русские, они оказались спокойными милыми людьми. Они быстро подружились; и уже русский художник с характерным для русских именем Давид косил лужайку глохнущей бензокосилкой, пока мадам Анжу часами висела с его женой на виртуальном плетне, а собаки её ревновали.

Короче, были у них мир и дружба, которые чуть было не нарушились из-за упомянутого вверху любопытства мадам Анжу.

Дело в том, что, кроме прочего, Давид привёз в качестве сувенира большую бутылку русской водки. Он спросил у опытных, что туда везти? Опытные сказали, вези водку, водка не подведёт». Вот он и привёз пожилой французской фрау большую бутылку, правда, хорошей водки. И ещё несколько себе, чтобы не удавиться в этой Франции от тоски. В первый же вечер после вручения сувениров и верительных грамот, когда они сели ужинать, Давид под неодобрительным взглядом жены поставил свою водку. Дамы пили вино. Причём уже успокоенная к тому времени мадам Анжу вновь насто-рожилась, увидев, как русский налил из большой бутылки бесцветную жидкость, опрокинул её в рот, наморщился, сказал Громкое Русское Слово и быстро отправил в рот маринованный огурец. Ещё перед этим подвигав зачем-то ногами и руками. Мадам Анжу пронаблюдала это с небольшим испугом и постановила сегодня же ночью зарыть подаренную бутылку под кустом клематисов. Однако этого она не сделала, не успела, а потом и вовсе забыла ввиду наступившего

мира и дружбы народов.

И вот они жили под сенью этого мира, Давид занимался своими художественными потребностями, его жена скрашивала жизнь хозяйки, а та скрашивала её походы по магазинам и торговым женским точкам, собаки успокоились и вновь стали набрасываться на бензиновую газонокосилку, успокаиваясь, лишь когда она глохла. Вечером они накрывали стол на свежескошенной лужайке, пахло русским сеном, Давид наливал себе рюмку водки, говорил тост, его терпеливая жена переводила тост на среднефранцузский. После чего Давид опрокидывал рюмку, произносил Громкое Слово, вертел головой и даже иногда сучил под столом ногами. По мнению мадам Анжу, после всех этих телодвижений он должен был логично упасть под стол и там замёрзнуть. Но Давид, наоборот, добрел и становился более разговорчивым. По наблюдению мадам Анжу после четырёх таких экзерсис Давид уже в одиночку повисал на плетне, после пятой начинал петь короткие русские песни, а наиболее чувствительные собаки начинали тосковать, не находить себе места, а затем поднимали лицо вверх и подтягивали в терцию.

И любопытство французской, хоть и пожилой, женщины разгорелось. Она даже позвонила своей тоже успокоившейся сестре и сказала, что кажется, она стоит на пороге открытия загадочной русской души. На что опытная сестра сказала, что это еще никому не удавалось, но я буду за тебя молиться.

И вот однажды мадам Анжу в частной беседе с женой Да-

вида осторожно спросила, что это за слово произносит ваш замечательный муж, когда выпивает водку? Давидова жена, как могла, объяснила, что это отнюдь не слово, что у русских это такое нечто, что называется «крякнуть». Мадам Анжу аккуратно записала это слово и спросила, а зачем нужно «крякнуть»? Из сбивчивого объяснения Давидовой жены она поняла, что крякнуть нужно, чтобы не так страшно, а если русские пьют в темноте, это значит, что рюмка пуста, можно повторить. Мадам Анжу записала и «повторить», и «треснуть», «замочить», «хлобыстнуть» и много других слов, которые продиктовала ей Давидова жена неуверенным, впрочем, голосом. Ибо хоть и была она по паспорту русской, однако практически не пила и крякала всего два раза в жизни, но по другому поводу – когда принимали в комсомол. И вот, прочтя и выучив новые русские слова, кое-что поосображав своей пожилой французской головкой, мадам Анжу однажды вечером выставила на стол бутылку сувенирной водки и что-то бодро сказала. Жена с небольшим замешательством перевела Давиду, что мадам тоже хочет крякнуть. Давид, которому к тому времени смертельно надоела отлакированная Франция и необходимость крякать в одиночку, сказал: переведи, что я её научу! Тут они с женой немного поспорили на педагогической почве, но Давид сказал голосом педагога-новатора: глянь, она уже совершеннолетняя. Вот он под неодобрительным взглядом жены открыл бутылку, налил себе и мадам, сказал тост, выслушал перевод, вы-

пил, крякнул, повертел головой. Мадам Анжу проделала то же самое с опозданием на полтакта. То есть подняла рюмку с водкой, посмотрела в сторону соседа, опрокинула, издала птичий звук и быстро ушла внутрь дома, откуда вышла минут через десять почему-то в тёплом платке на плечах и сказала практически по-русски, надо учиться.

Учиться постановили завтра же.

Учиться начали днём, чтобы, как утверждал Давид, на свежую голову. Вот они в обед сервировали стол на привычной лужайке. Поставили водку. Мадам Анжу сказала, айн момент, открыла водку, понюхала, вытерла свои пожилые глазки и проговорила, начинаем.

Начнем с теории, сказал Давид и разлил. Русская водка, учил он, пьется в несколько этапов. Именно в четыре:

- 1/ выдохнуть,
- 2/ выпить-одним-духом,
- 3/ собственно крякнуть,
- 4/ быстро закусить,
- 5/ понятно?

Этот процесс, утверждал он, отработан русским народом в течение тысячелетий, и любое в него нововведение не нужно, ложно и вредно! Тут он поднял свою рюмку и продемонстрировал порядок в замедленном виде. Получилось ещё красивей и очень убедительно. Получилось, что будь я и негром преклонных годов, как говаривал один пьющий поэт, я хотел бы умереть в России только поэтому.

Мадам Анжу подняла свою рюмку, превозмогла минутную слабость и поднесла её к устам. Выдохнуть, напомнил Давид. Мадам выдохнула, поставила водку и молча ушла в дом. Оттуда она вышла с платком, а также бумагой и карандашом. Давид ей туда продиктовал пункты, попросил жену, чтобы она проверила, ибо женщине нельзя доверять в серьёзном деле, особенно в таком. Жена хотела было сказать в ответ что-нибудь язвительное, но вокруг было столько цветов, благоуханий и аурумов, что она только вхолостую подвигала во рту языком, – ничего язвительного не подворачивалось.

Тем временем мадам Анжу ещё раз тщательно сверилась со списком и выпила водку строго последовательно. Получилось неплохо. Хотя она сильно побледнела, но никуда не убежала, а хлопнула сама себе на французский, непонятный нам манер, сказав, жаль, что не видят соседи. Лучше бы, конечно, если бы она этого не говорила. Но факт, что она это произнесла, а слово, как известно из газет, не воробей. Короче, они с Давидом выпили по второй рюмке тем же манером, то есть выпили, крякнули, закусили огурцом. К моменту третьей мадам была уже хороша. То есть ещё лучше, чем обычно. В третий раз она крякнула так лихо, так повертела своей красивой пожилой головкой, так посучила под столом своими сухощавыми ножками и даже пристукнула кулачком по столу, что тут уже Давид с женой ей хлоппали, а собаки подошли к столу узнать, всё ли в порядке на вверенной им

части республики Франция.

Всё было бы хорошо и ещё лучше, но как раз мимо проходил накликаемый сосед. Блестя помолодевшими глазами, мадам Анжу окликнула его и громко сообщила примерно следующее: месье Легран, эти замечательные русские научили меня пить русскую водку; главное, нужно крикнуть и не сбиться со счёта! Смотрите! Сосед вежливо остановился, сказал, бонжур, и повис на неприспособленной для этого дела французской ограде. И тут мадам Анжу погубили нетренированность, отсутствие опыта и женское легкомыслие. Она великолепно наколола огурец, взяла в правую лапку рюмку и сделала всё наоборот. То есть она глубоко вдохнула, сунула в рот огурец, залила его водкой. После чего она сделала Очень Большие Глаза и крикнула этой адской смесью на стол.

Тут занавес на время опускается.

Через несколько дней они сидели на сцене уже вчетвером, был вечер, лампа над столом, мотыльки и прочая интернациональная моль вокруг лампы. Пили русскую водку, пели короткие русские песни, поскольку запевала Давид знал из каждой по 2–2,5 строчки, закусывали русским национальным блюдом «салат оливье» и просто разговаривали при дальнем мерцании ничьих пока ещё звёзд... Как мало нужно человеку для счастья!

Но почему же тогда его так мало, господя?

Как мы пили «Наполеон»

Было это в старые добрые советские времена. Одному человеку по имени Ян подарили бутылку «Наполеона». В эти самые времена это приравнялось к тому, как если бы сам Наполеон подарил тому же Яну звание маршала Франции. Дело было то ли ранней весной, то ли поздней осенью. То есть сыро, холодно и дождь. Может, ему подарили эту бутылку, чтобы её огненное содержание напомнило иную жизнь и берег дальний. Например, французский.

Как поступали в те времена умные люди, получив столь редкий по красоте подарок? Умные люди в таких случаях ставили подарок в буфет, на Видное Место. Когда приходили гости, умные люди подводили гостей к буфету и говорили: вот это коньяк «Наполеон», умеют же люди делать! А после того как гости вдоволь налюбовались матовостью бутылки и умением незнакомых трудящихся, их приглашали к столу, где стояла ординарная водка и голубцы. Там они пили и разговаривали, а «Наполеон» стоял в гордом одиночестве – как бы сам император на о. Св. Елены с палкой, которой отбивался от местных собак. И дальше стояла драгоценная бутылка за раздвижным стеклом, ожидая Особого Случая, пока сам хозяин по пьяному делу не выпивал её в три часа ночи с пустым человеком просто так, без цвета, без вкуса и запаха, поскольку не хватило.

А когда хватало?

Ян был тоже умным человеком, но ещё и хорошим товарищем. Он не стал прятать бутылку под спуд. Он позвонил утром автору и его другу Николаю со словами, ребята, приезжайте, в меня бросили бутылкой «Наполеона»! Автор не стал ссылаться на утро, рабочий день и убийственную занятость, он послал эту занятость вместе с работой, взял друга Николая, да и поехал. Приехали. Там действительно стоял коньяк «Наполеон», упакованный в пузатую импортную бутылку, а сама бутылка – в строгую коробку, как бы в пресловутую башню из слоновой кости, только картонную. А было, напомним, холодно. Добирались коммунальным транспортом, промокли, кстати, в том же транспорте. Ничего, приговаривал автор, стуча зубами о трамвайный поручень, приедем согреемся, дыши глубже, Никола!

Однако насчёт выпить и согреться вышла запятая. Вышла да и пошла.

Как упоминалось, владелец «Наполеона» был умным. А умный ни за что так просто не нальёт и не закусит. Умный обязательно попытается сделать из этого простого дела сильное пиршество разума. Для начала Ян обратил внимание собравшихся на суперобложку. Посмотрите, друзья, сказал он, как удобно брать упаковку вот за эти ручки вверх. Мы посмотрели, действительно удобно – взял и понес. Хоть по простому мнению автора, удобно также брать бутылку за горло, сунуть под мышку и нести в виде термометра. Далее

Ян предложил осмотреть самое бутылку, её грацию, этикетку, номер на днище, общий дизайн и тональность. Мы терпеливо осмотрели бутылку в предложенном порядке. Мы покорно брали её в холодные руки, проводили пальцем по матовой поверхности, хвалили резьбу на пробке и саму пробку, в которую можно при необходимости налить, ибо всё продумано до мелочей. Собственно, хвалил и восхищался один автор, Николай терпеливо сопел у него над ухом, лишь однажды высказавшись в том смысле, что, мол, коньяк, говорят, расширяет сосуды, и тогда кровь бежит по ним ручьём, и тогда человеку сразу становится легче, в смысле теплей. Хозяин пропустил этот тезис мимо ушей, ибо решил выжать из «Наполеона» всё. Тут бы автору подсказать, что чего тянуть кота за хвост, давайте выпьем за начало отопительного сезона, да как-то не подсказывалось. Автор к тому времени был опытным выпивающим и мог при случае прервать красноречие хоть бы и директора ликёро-водочного завода, но в присутствии такой богатой бутылки чего-то оробел и покорно выполнял все инструкции, прислушиваясь к неодобрительному сопению своего друга Николая. Всё более серьёзному.

Наконец хозяин покончил с теорией и пошёл за рюмками. Николай поднялся, хотел что-то сказать, затем передумал и включил радиоточку. Радиоточка передавала «В рабочий полдень». Николай внимательно посмотрел на автора, автор вздохнул и показал руками, что, мол, что ж поделаешь, Ян-то – педант. Напомним, что педант – это такой человек, кото-

рый, когда уже налито, вдруг подхватывается, приносит сыр, начинает резать его Тоненькими Ломтиками и выкладывать ажурным кружком. Лично автор за такое внёс бы небольшую статью в Уголовно-процессуальный кодекс, но автора никто не спросил.

И уже не спросит.

Потом появился хозяин с рюмками. Он выключил радиоточку и опять взял соло. Хороший коньяк, поучал он, нужно пить из специальных бокалов, обычно больших. Однако, продолжал он, если нет специальных больших бокалов, тогда допустимо пить из таких вот маленьких рюмок. Он поставил эти рюмки на стол. Мы переглянулись. Действительно, рюмки были маленькими. У автора в словаре нет такого слова, чтобы описать их размер. Величиной они были не больше шрифта, которым напечатан этот рассказ.

Вообще с этим коньяком больше условностей, чем жизненной правды. Иногда его пьют действительно из больших лошадиных сосудов, где он плещется на дне в медицинских дозах. То есть наклоняешь, наклоняешь тот бокал, да и выльешь на ботинки. Проще получается спуститься внутрь самому и вылакать. А тут хозяин поставил рюмки как бы из кукольного набора, и было от чего переглянуться. Рядом с этими, не хочется произносить это слово, рюмками стало блюдце с лимоном. Лимон был нарезан Тоненькими Ломтями, примерно как бумага, на которой напечатан этот рассказ, только тоньше. Автор снова вздохнул и внутренним ухом

услышал, как Николай поскрипел зубами.

Но хозяин этого не слышал. Он был на гребне красно-речия. Он хвалил Запад за рациональность и умение кушать устриц. Он отвинчивал пробку и вспоминал, как однажды был в греческом посольстве, и какие греки всё-таки молодцы, хотя казалось бы. Он разливал «Наполеон» по этим, с позволения сказать, и радовался успехам Голливуда, как дитя. Он ликовал и включал свет, чтобы «отчётливей наблюдать янтарные огоньки, отбрасываемые наполненными до краёв рюмками на белоснежную скатерть под действием верхнего освещения!» Именно в такие моменты, полагает автор, и зарождаются мизантропия, юдофобство и неонацизм.

Всему, однако, приходит конец. Вот уже рюмки в руках, и автор подумал, что ничего; что если быстро выпить и затем быстро наливать следующие, то жизнь продолжается, а там – посмотрим. Но думал он так напрасно. Ибо хозяин предложил сперва понюхать букет. Мы тупо понюхали букет. Затем, когда мы отвели руку с рюмкой, чтобы ловчее попасть в рот, он предложил не спешить, а погреть коньяк между ладонями, чтобы «передать напитку частицу человеческого тепла». Мы жали рюмки между ледяными ладонями, передавая напиток частицу желаний взять топор и прекратить этот бред, пока мы ещё в состоянии. Но бред продолжался. Теперь, говорил хозяин, нужно коньяк не глотать, как керосин, а именно разлить по всей полости рта и ощущать букет уже имен-

но полостью. Мы, как загипнотизированные, влили коньяк в означенную полость и стали пытаться ощущать букет уже ею, как коза. Но ощутили лишь горечь, и что коньяк эту полость практически не оросил. Автор потянулся к бутылке, чтобы смочить места, оставшиеся в дураках, но хозяин неодобрительно отвёл его руку, сказав, что теперь нужно взять ломтик лимона и пососать. Мы стали сосать. Лимон был кислым.

На Николая было страшно смотреть.

Хозяин ничего не замечал. Он закатывал свои глаза и интересовался, ну как? Автор сдавленно хвалил необыкновенные ощущения, предлагал срочно повторить, не ошибся ли он? Налили по второй. Пообоняли, погрели, опрокинули. Причём Николай не попал рюмкой в полость, и содержимое разлилось по бороде и усам. Поэтому он не стал сосать ломтик лимона, а начал, наоборот, барабанить твёрдыми ногтями по столу. Хозяин неодобрительно посмотрел на его ногти и стал спрашивать автора про ощущения. У автора было ощущение, что его дразнили, а сейчас будут бить. Николай сидел, как Меньшиков в Берёзове на одноимённой картине Репина «И. Грозный сейчас кокнет своего сына». Почувствовав это, хозяин слегка остыл и почти нормальным голосом предложил налить по третьей. Налили по третьей. Примолкли. За окном лил холодный дождь. Из недовыключенной радиоточки слышалась песня советских композиторов. Где-то у соседей громко хлопнули дверью. Николай неожиданно резко встал и молча вышел. Мы услышали, как громко

хлопнула уже наша дверь.

Автор остался сидеть, ощущая себя полным идиотом. На столе колом стояла практически непочатая бутылка, рюмки отбрасывали янтарные блики, кружки лимона источали жёлто-зелёную тоску.

Праздник ушёл коту под хвост, где и остался.

Понукаемые ложной вежливостью, автор и хозяин говорили совсем уже о дурацком. Во рту стояла кислая горечь, вроде пили не коньяк, а пригорелые столовские щи. Нужно было уходить.

Ну, сказал автор голосом Пятачка, я пойду, очень много работы. Иди-иди, сказал хозяин, я, признаться, и сам должен уходить. Сидели ещё некоторое время, как бы выходя из оцепенения. Лгали друг другу, стараясь не смотреть в глаза, упирая их то в янтарные блики, то во включённую люстру, благодаря верхнему освещению которой хотелось дать кому-то в морду.

Почему-то было стыдно.

Ну, – еще раз сказал автор и поднялся. Но тут раздался громкий звонок входной двери. Кто бы это был, фальшиво сказал хозяин? Пойти посмотреть, что ли. Он поднялся и пошёл открывать. Автор тоже поднялся, чтобы уйти по-английски. То есть в окно. В это время в комнату стремительно вошёл Николай. Он вошёл, как был, в мокрой куртке, лицо строгое, на бороде и ресницах капли дождя. Он подошёл к столу, вытащил из карманов две бутылки водки и строго

сказал хозяину, давай стаканы!..

«Наполеон» допили из тех же стаканов, закусывая твёрдой холодной яичницей. Пили машинально, ибо уже пошёл хороший разумный разговор. А о чём – да кто ж его знает о чём.

Мало ли...

Как мы сливались с народом

Однажды холодной осенью нас занесло в Ленинград, поэтому мы захотели выпить.

Это было в конце 80-х XX-го, и мы нарвались на тогдашний сухой закон. Мы нарвались на него втроём, надеясь непонятно на что. Мы были чужими в этом городе, плюс с Невы дул тяжкий октябрьский ветер. Пустые винно-водочные полки навевали думы о зиме, чуждомье и неизбежности смерти. Желая оттянуть или сгладить её неотвратимость, мы спрашивали встречных, не слышать ли где водки? Встречные отвечали сочувственно, но как-то неразборчиво. Они отвечали как бы на очень похожем, но чужом языке. Ответив и посочувствовав взглядом, встречные привычно наклонялись против ветра и как-то мистически быстро исчезали.

И было утро, и был день.

Когда мы выходили из очередного стылого магазина, самый умный из нас осмотрел улицу и сказал.

Он сказал:

– Друзья, мы совершаем диалектическую ошибку!

Мы обиделись и потребовали объяснений.

Самый умный пояснил:

– Друзья, мы спрашиваем у себе подобных, т. е. у т. н. интеллигентов, заклеянных ещё гением В. И. Ленина и не добитых залпом «Авроры», по небрежности холостым. По-

этому ленинградцы до сих пор делают вид, что плохо слышат, и их можно понять!

Мы его похвалили на холоде и спросили, где выход? Самый умный из нас подумал и сказал.

Он сказал:

– Нужно оборотиться лицом к народу-богатырю!

Мы пожали друг другу руки и сказали:

– Да! Положимся же на здоровое народное чутьё, цель близка!

Мы сказали это бодро, отчасти сверкнув очами!

Полагаться на народное чутьё мы решили подальше от центра, рассуждая, что сила здорового чутья обратно пропорциональна расстоянию от ложных туристических красот. Когда на встречах в домах перестали появляться мемориальные доски и кариатиды с облупленными грудями, мы остановили полупаренька лет пятидесяти.

Мы сказали:

– Товарищ из народа, подскажите гостям этой Северной, будь она неладна, Пальмиры, где они могут достать чего-нибудь на согрев души, пока она ещё там издаёт звуки, как забытая флейта в подвале Союза композиторов!

Паренёк из народа прекратил перебирать у себя в кармане и насторожился.

Он сказал:

– Вы насчёт чего?

Мы сказали:

– Мы насчёт выпить.

Он облегчённо сказал:

– А я думаю, странные какие-то, а на мормонов не похожи, а...

Мы сказали:

– Ну так как?

Паренёк начал перебирать в другом кармане второй рукой, затем вытащил её оттуда. Оглядев руку и ничего нового для себя в ней не обнаружив, он вздохнул и сказал.

Он сказал:

– Валик тоже пошёл к мормонам на халяву из Америки а они оказывается не пьют даже на 8 марта а сверху совсем как люди хотя там баб полно наши думали что Валик тоже к ним поступил к мормонам уже над ним смеялись кричат Валик покаж обрезание а он молчит а я думаю ждёт пока оно отрастет обратно само но может и отрастет это же не жесьь...

Самый нервный из нас не выдержал и сказал.

Он нервно сказал:

– Друзья, идёмте, ибо я хочу убить его молотком!

Второй путеводной звездой была народная старушка. Услышав вопрос, она пошарила в карманах синей болоньевой куртки и сказала, будучи такого же синего цвета.

Она сказала:

– Если, допустим, вино, так это одно, а если, сказать, водка...

Мы закричали:

– Хоть вино! Бабушка, хоть что-нибудь!

Бабушка покачала мудрой народной головой и сказала.

Она сказала:

– Я, например, вином так упьюсь, меня ни на какой водке не догонишь! – И ушла в темноту подъезда.

Дверь на подъезде болталась на одной петле.

Третий, остановленный нами, был большой человек в тяжком довоенном пальто, надетом поверх народной майки.

Он высморкался в асфальт и сказал:

– Так это вам нужно в магазин!

Мы высморкались рядом и сказали:

– Это коню понятно, в какой?!

Он посмотрел на нас разумно и собрался полезть в карман. Мы вежливо, но твёрдо ему не позволили и повторили:

– В каком магазине можно купить выпить, чтобы окончательно не возненавидеть этот город?!

Человек осторожно высвободил арестованную руку, на лице его отразилось скудное северное гостеприимство.

Он сказал:

– Так вы, может, не местные?

Мы сказали:

– Дядя, мы очень издалека, и всё это время ужасно хотим выпить!

Человек, теперь уже на правах хозяина, сунул руку в карман и сказал.

Он сказал:

– Чувствую, что не свои, но, чувствую, и не мормоны, а Валик...

Мы излишне нервно сказали:

– Мы как раз хотим выпить за скорейшее возвращение Валика в объятия христианства. В конце концов – у него там не жесьть!

Человек оживился и сказал:

– Вот говорят: отрастает, как у ящерицы, а как? Вот предположение из области фантастики: допустим, Валик – это говорящая ящерица, а зовут её, допустим, тоже Валик...

Мы тупо переглянулись, тупо спросили:

– Зачем?

Человек удивился и сказал:

– Чтоб не усложнять!

Мы спросили:

– Дядя, где у вас можно достать ближайший молоток?

Человек сказал:

– Всё время прямо, слева увидите! Там сегодня шмурдяк завезли, не промахнётесь.

Тут он снова высморкался в асфальт и стал ковырять носком ботинка, что у него там образовалось. Мы пошли в указанном смысле. По дороге мы рассуждали, что здесь высадился десант мормонов и наделал дел, но для нас главное – не пропустить слева. По дороге один из нас рассказывал, что в детстве на уроках труда они делали ручки для слесарных молотков и с тех пор он верит им, как себе. Вернемся домой,

говорил он, я вам докажу. Мы отвечали в том смысле, что сейчас главное – выпить, ну а молотки, тем более девушки – потом! Так мы пересекли несколько небольших улиц. Самое похожее, что мы встретили слева в смысле выпивки, была урна с горящим мусором. Мы остановились рядом. Мнения разделились: двое из нас сказали, друзья, мы шли слишком быстро, и мы промахнулись. Третий, наоборот, просил его пристрелить и положить рядом с горящей урной, как бы у своеобразного Вечного огня.

Покрутив головой и поругавшись в этот город, постановили идти вперёд. И не ошиблись. Слева во дворе в торец серого здания с надписью «Вино» стояли люди. Людей во дворе было много. Обычно такое количество людей во дворе называют «море». Мы поняли, что наша жизнь закончилась здесь, и закончилась она плохо. Наш третий уже раскрыл рот, чтобы его отнесли назад к урне, но сзади уже раздавался вопрос, кто крайний? Мы машинально ответили, мы!

Голос сказал:

– Я буду за вами; не слышали, хватит?

Это был военный высокого роста. Военный был в непонятном чине: на одном погоне он значился майором, на втором погоне он значился непонятно кем, ибо погона там не было. Наши глаза были как раз на уровне его холостого плеча. Пока мы соображали, как к нему обратиться по-военному, ему ответили стоящие перед нами два брата по трудовому классу.

Братья сказали:

– Катерина говорила Нелику, что сегодня завоз за сегодня и за ту пятницу.

Военный сказал:

– Откуда Катерина знает?

Братья уверенно сказали:

– У неё через неделю суд с Неликом. За алименты!

Военный повеселел и сказал нам:

– Я буду за вами!

Пока мы осмысливали цепочку: – Катерина—пятница—алименты—шмурдяк, за военным уже стала группка людей. Они были похожи на отставных спортсменов. Причём на спортсменов, отсидевших за неспортивное поведение, повлёкшее за собой особо тяжкие последствия. Спортсмены были небриты, особенно их Старший, тот был небрит ужасно. Мы нервно переглянулись и почему-то остались. Спортсмены тоже спросили насчёт, а хватит? Военный стал охотно рассказывать им сагу про Нелика и Катерину в свете приближающегося отправления акта справедливости за ту пятницу. Мы начали было успокаиваться, но тут заметили, что в магазин люди только входят, вернее, протискиваются в открытую половинку двери порциями, которые на глазок определяет милиционер с дубинкой. И вот они туда протискиваются, и ещё никто оттуда не выходил. Мы снова насторожились.

Самый смелый из нас осторожно спросил:

– А почему никто не выходит?

Военный сказал:

– Там есть другой выход, за углом.

Мы обрадовались и, стараясь не смотреть на Старшего спортсмена, сказали друг другу.

Мы сказали:

– Молодцы! Ведь могут думать, когда захотят!

Военный закончил рассказывать про Катерину и, оглядев толпу со своей высоты, сказал:

– Что-то сегодня многовато!

Братья сказали:

– Сегодня на раздаче Света и тётя Липа. Но на подносе только Гарик. А Костик с Лёвушкой уже готовы. Ещё со дня Конституции.

Военный сказал:

– И Костик?!

Братья помогли военному обругать Лёвушку хромой скотиной и продолжили разговор.

– Пойми, – утверждал Первый брат, – ведь у него там не жесьть!

Второй смутно ему возражал в том смысле, что, ну и что не жесьть! зато ее можно варить!

Первый удивился и сказал:

– Ты пробовал жесьть варить?

Второй сказал:

– В аргоне. В аргоне что хочешь можно сварить. Ребята варили.

Первый сказал:

– Ребята... Это борщ варят, а жесьть клеплиют!

Стоявшая впереди женщина без ребёнка не выдержала и сказала.

Она сказала:

– Так в том-то и случай, что у него там не жесьть!

Братья обиделись:

– А что?!

Женщина сказала:

– Как у вас всех – говядина; жди – отрастет! – И засмеялась здоровым народным смехом.

Услышав знакомую тему, мы решили покориться судьбе. Тем более что очередь двигалась. Мы стали прислушиваться к разговорам. Женщина, сообщившая про говядину, докладывала соседу про случай на Васильевском, где жила её знакомая, у которой была канарейка, тоже пьющая. Они до войны вместе выступали от Ленконцерта.

– Бывало выпьют, – рассказывала женщина, – и свистят обе; любую музыку свистят на третьем этаже. А без выпивки не свистели, даже на концертах. А потом вот это началось, насчёт борьбы с пьянством, – и всё!

Сосед спросил:

– Что всё?

Женщина нервно сказала:

– Всё – всё!! Один раз участковый идёт, Павел, слышу, говорит, свистят, но одна и похоронный марш! Короче, дверь

взломали, а они лежат обе кверху лапами, мёртвые, уже четверо суток.

Сосед подумал и сказал:

– А кто же тогда у них в доме свистел?

Женщина подумала и сказала:

– Ну не участковый же!

Сосед сказал:

– Это не ответ!

Женщина подумала и сказала:

– Может, она лёжа просвистела себе отходную! – и обиженно замолчала.

Сзади старик-спортсмен рассказывал, как они вступали в Общество трезвости. Пришли, говорил он, оркестр дует на набережной, слева безалкогольный буфет с безалкогольной водой. Все вступают под расписку, вроде как на выборах. Тут приходит Барин – стармех с «Красной Волыни»; пришёл с тремя детьми, одно в коляске, говорит, и их пишите тоже! А сам пьяный в дупель, за коляску держится. Которые на записи, говорят: чего ты тут плачешь?! Чего ты тут сердце рвёшь, как гитару?! Видишь, говорят, у нас самих глаза туманом заплыли! А он младшего из коляски достал, говорит, мы-то своё выпили, вот их жалко! Как они дальше жить-то будут?! Тут уже все, особенно бабы, как взвоют! Как в войну возле военкомата, я помню!

Впереди кто-то сипло сообщал, что шмурдяка в городе на полтора суток – шмурдячный завод останавливают!

– Износ оборудования, – докладывал он, – 120 процентов; на износ персонала без слёз нельзя смотреть! На женщинах только и держались, но в среду и женщины полегли!

Братья впереди поёжились и сказали.

Они сказали:

– Так что теперь будет?

Сиплый сказал, как заголовком из газеты.

Он сказал:

– На помощь городу идёт состав самогонки из братской Белоруссии!

Все оживлённо зашевелились, заговорили: белорусы – это на какой вокзал?!

Ну, не Московский же, отвечали им с посылным юмором, – Витебский, какой же ещё?! Только на вокзал не пустят, состав с самогоном пустят морем, через залив! А то вокзал разнесут, а это историческая ценность. Тут все заспорили: где белорусы, а где море, соображайте!.. Подхваченные волной народного оптимизма, мы тоже оживлённо хвалили белорусов, одобрительно кивали, весело переглядывались, чувствуя причастность к общей радости. Наш сосед-полумайор осмотрел ликующих поверх голов и сказал, как бы резюмируя.

Он сказал:

– Все Россию продали и перепродадут, особенно хохлы, но белорусы – не было случая! Белорус уж если сказал «Сяпай!», так хоть кол ему на голове теши, а будет сяпай!

Мы тоже радовались такому правильному белорусскому упрямству и спросили, что такое «сяпай»? Военный подумал и сказал.

Он сказал:

– Это белорусская военная команда, примерно равна нашему «Ура!».

В скорых осенних сумерках приблизились к заветному входу. Чем ближе ко входу, тем строже становились лица, суше реплики, короче разговоры. Перед самым входом все напряглись. Военный снял уцелевший погон и зажал в правой руке. Через минуту нас внесло в магазин мимо покосившейся коричневой двери. Нас как бы выдавило из большого тюбика в узкое горло, как некую специфическую пасту.

Помещение магазина было полуосвещено и запрессовано людьми. Говорят, египетские пирамиды уложены столь плотно, между плитами нельзя протиснуть безопасное лезвие. Говорят, для сомневающихся организована продажа лезвий непосредственно с верблюда. Говорят, всё пространство вокруг пирамид усыпано цветными конвертиками для лезвий и верблюжьей шерстью. Это мы вспоминали, глядя на людей, между которыми нельзя было протиснуть даже мысль об что-нибудь протиснуть. Все стояли смиренно, у всех руки были плотно прижаты ко швам, поэтому разговоры практически смолкли. Очередь в магазине сформировалась замысловатой спиралью, как рисуют в детских журналах: «Найди начало бабушкиного клубка». Спираль конвульсивно сокращалась

и вновь распрямлялась, ноги проделывали несколько шажков в направлении цели и вновь замирали. Цель была в глубине. Там за решёткой на полке стояли бутылки. Они мерцали, как дальние звёзды, манящие усталого путника. Там же двигались фигуры в полубелых халатах. Всё это в глубокой космической тишине. Лишь гармоническая музыка соприкасающихся бутылок. Был в этом движении какой-то космический порядок, похожий на неоткрытый ещё закон природы. Мы двигались как плоть от плоти народной, внутри было что-то вроде полузабытой уверенности в завтрашнем дне. Невидимые отсюда ноги невидимо несли нас к заветной цели; цель медленно, но верно приближалась, как бывший коммунизм, на душе было практически тепло...

Так длилось недолго.

В какой-то момент этот порядок, эта гармония сфер внезапно оборвалась. То есть всё дышало, жило и двигалось – и вдруг остановилось. Даже не так. Движение умерло враз, будто выключили рубильник. Кто в это время поворачивался – остался в полуповороте, кто занёс невидимую отсюда ногу – замер с поднятой ногой; кто о чём-то подумал – замер с думой в обесмыслившихся очах. Самое страшное, что на это никто не проронил ни звука. Все остались стоять посреди гробовой, ужасной тишины. Наступила некая народная оторопь. Белые фигуры за решёткой тоже вроде зависли в неестественных позах, как это показывают в фильмах про аварии на атомных станциях. Было ощущение, что внезап-

но народ постигла тяжёлая утрата, или объявили всеобщую мобилизацию, или злой волшебник прикоснулся к очереди злой волшебной палочкой. Где-то у порога заплакал младенец и осёкся. Мы огляделись. Вокруг была как бы единая человеческая масса, из которой росло множество полуосвещённых голов с белеющими ушами, уста твёрдо сжаты. Головы слабо шевелились, мерцая терпеливыми очами. Нам стало страшно. Самый храбрый из нас вполголоса спросил у ближайшей головы, что случилось. Голова Первого брата странно посмотрел на него, затем на Второго брата и негромко сказала.

Голова сказала:

– Вино закончилось.

Мы задышали. Затем снова напряглись.

Мы сказали:

– А почему все молчат?

Голова сказала:

– Ждём свежую машину... – И снова терпеливо замигала.

Мы задышали второй раз и сказали:

– А когда машина?

Голова Второго брата ответила:

– До закрытия приедет.

Мы сказали:

– А когда закрытие?

Голова сказала:

– Катерина сказала, не закроют, пока не обслужат за пят-

ницу.

Мы обречённо оглянулись. Когда наш третий раскрыл рот с просьбой положить его возле урны, самый умный из нас внимательно присмотрелся и сказал.

Он сказал:

– А вон же вино стоит, как стояло! Может, муляж?

Мы повернули шеи. Вдали за решёткой по-прежнему стояли разноцветные бутылки.

– А вон же стоит вино, как стояло, может, муляж? – очень осторожно поинтересовались мы.

– Это «сухарь» – лаконично ответила голова Первого брата и посмотрела на голову Второго. Второй кивнул: да, сухарь.

Мы помолчали, затем осторожно спросили, как бы ни к кому не обращаясь.

Мы спросили:

– А если, допустим, людям нужен сухарь?

Головы братьев переглянулись и сказали:

– Зачем?

Мы сказали:

– Ну, чтобы... то есть... ну, пить!

Головы братьев поморгали и почему-то отвернулись.

Голова полумайора сзади строго сказала:

– А кто его собирается пить?

Мы вновь почувствовали непонятную опасность, но тут самый умный из нас нашёлся и сказал.

Он сказал:

– На безалкогольную свадьбу. Сухарь разрешён.
Головы братьев, не оборачиваясь, глухо сказали:
– Звери!

Голова военного сказала:

– Так идите берите!

– А пропустят? – по-юношески спросили мы.

Голова-военный прокашлялась и неожиданно громко сказала вперед: товарищи, пропустите этих втроем, им сухого! Его голос разбил тишину, как дорогую вазу. Головы вокруг сразу ожили, закачались, как цветы от порыва ветра: которым сухого?! Вот этим? Где, где?! Вон этим, безалкогольная свадьба! Который жених? Давай, ребята, поднимай рождаемость! Дальние вытягивали шеи, передние выдыхали, освобождая драгоценные миллиметры пространства. Задние проталкивали нас в образовавшуюся щель, словно пресловутые лезвия. Так мы продвигались вперед, сопровождаемые доброжелательными голосами: пропустите, этим сухого! если свадьба – сухарь разрешен! Пространство позади нас вновь смыкалось, но уже не жёстко, а как-то по-братски. Голоса вокруг крепили; было понятно, что завтра в другой очереди будут рассказывать про это чудо, рассказ будет обрастать баснословными чудесами и подробностями. Мы продвигались вперед, а сзади уже поднимались голоса с требованием разрешения вина также и на поминках... Таким образом нас дотолкали до зарешечённого окошка. Сопливый пацан, стоящий к нему первым, отжал своё тельце от барье-

ра и сказал.

Он сказал:

– Тётя Липа, им сухого! На свадьбу. Сухарь разрешён!..

Мы выбрались из магазина, чувствуя себя отчасти юродивыми, прижимая к груди бутылки, как дрова, радуясь, что уже стемнело. Почему-то было стыдно, вроде мы обокрали ребёнка или старушку. В голове вращалась полузабытая фраза «...ибо страшно далеки они от народа!», сказанная то ли Владимиром Лениным, то ли Василием Чапаевым.

В общем, кем-то из наших.

Как пили текилу

Текилу пили в московском Манеже.

Сразу после этого московский Манеж горел. Но не сгорел.

И текила тут ни при чём. У автора глубокое убеждение, что если эта заморская дрянь как-то и соотносится с горением, то лишь в сторону ликвидации последнего.

Что противоречит законам природы о спиртосодержащих веществах.

А дело было так.

Как-то днём в Москве к автору подошёл хороший человек и художник Серёжа и энергично сказал:

– Старичок, сегодня мне понадобится твоя помощь!

Был какой-то клятый московский ноябрь, сверху падало что-то вроде снега, под подошвами нечто неприятно шевелилось. Возможно, чужие ноги.

Серёжа сказал:

– Старик, твоя помощь понадобится непосредственно в Манеже, поэтому возьмём текилу.

Имея давнюю неприязнь ко всему не нашему, автор сказал:

– Серёжа, как говаривал великий, не помню кто: а может быть, водку?

Серёжа сказал:

– Старичок, текила и есть водка, только верблюжья, в

смысле кактусовая!

Автор сказал:

– Никто не против! Верблюды – древний, но вечно юный спутник человека, особенно кактуса! Но наша водка ещё старше. И не учитывать это – великий грех!

Горячий Серёжа сказал:

– Отец! В том-то и дело, что не грех! В том-то и дело!! Скоро всё человечество пересядет на электромобиль, а там, глядишь, и на текилу, и производителям нефтяных скважин ничего не останется, как скрипнуть своими золотыми зубами! Они будут с позором разорены, и воздух станет чист и свеж, как поцелуй ребёнка, не отравленного псевдоалкоголем, а пьющего крепкие и полезные юному организму напитки, произведённые в трудолюбивой Монголии, то есть братской Чехии, в смысле в суровой Мексике, что один чёрт, то есть огромная разница!!

Последние слова своей речи Серёжа буквально прокричал в лицо миловидной продавщицы, протягивающей нам бутылку спиртосодержащей жидкости подозрительного цвета. Желтоватого. Бутылка была достоинством 0,7 га, то есть литра. Это примечание важно в данном рассказе, о чём ниже. Текилу, учил Сережа, обычно закусывают лимоном с солью, поэтому в том же магазине были куплены лимоны и килограммовая пачка национальной соли. Погрузив эту экзотику в сумку, поехали в сторону Манежа.

Ничего, думал, автор, надо потерпеть. Хотя ему, напри-

мер, и не улыбалось закусывать солью, но и не таким закусывали, как-нибудь!

По дороге в Манеж Серёжа рассказывал, что сегодня там происходит большая выставка и что он, Серёжа, решил всех поразить! Автор осторожно за него порадовался, держа на худых коленях сумку с текилой, пошутив вскользь, что поражать тоже нужно талантливо, например, как Герострат. Ах, не надо было все упоминать этого древнего гада, но слово не воробей! Хотя, по мысли автора, Герострат имел-таки недюжинный талант! Поди попробуй поджечь огромное сооружение из ракушечника, песка и мрамора! И что это, кстати, были тогда за сторожа, в смысле спички?! Тем не менее автор уверен, что Герострат был вспомнят промыслительно.

Дело в том, что, кроме прочего, Серёжа обладал ещё одним редким даром. Например, вы студент и вы отдыхали с друзьями в Крыму. То есть деньги на «обратно» пропиты буквально на третий день после приезда «туда». А «обратно» – это примерно тыща километров по твёрдой местности, читай: далеко! Что делать, кричал в таких случаях нервный Станиславский и заламывал руки, ибо в этих драматических случаях каждый спасался по собственной системе. Например, Серёжа заходил в пустой ещё вагон, влезал на багажную полку, предварительно сбросив оттуда матрасы, ложился лицом к стене, прикрыв оттопыривающийся зад кепкой либо курортной панамкой, и затихал. Проводники, в конце сезона злые и зоркие, как осы, мимо лежащего Серёжи проходи-

ли как во сне. Некоторые даже останавливались, вглядывались в кепочку, как бы пытаясь соединить в голове разорванные провода или хотя бы проснуться. Но втуне. Свои, позорно изгнанные с полок и вагонных сцепок этими же проводниками, потом обижались: «Серёжа, почему это ты лежишь неприкосновенно, как Ленин на бугорке, когда мы вынуждены добираться унижительным автостопом, буквально на санях-волокушах?! Не знаю, честно отвечал Сережа. Я лежу и говорю в стенку: я старенький ватник, забытый разиней хозяином, носителем вибриона холеры. Они-то, контролёры, доверчивые, хуже детей! Главное, – настаивал Серёжа, – правильно прикрывать зад панамкой, чтобы не раздражал». Насчёт панамки вопрос спорный, но важно то, что есть у Серёжи некий пророческий дар, неоднократно, кстати, подтверждённый.

Короче, не зацепи мы тогда Герострата, глядишь, до сих пор стоял бы Манеж, не тронутый вульгарным пламенем. А погорел бы более благородно – хищение федеральных средств...

Да. Наконец мы приехали в этот огромный культурный сарай. Серёжу тут же хорошо встретили организаторы выставки, в основном женщины, с которыми Серёжа шумно общался, по-московски целуясь в воздух. Кстати, он честно представлял женщинам и автора, мол, гляньте, это мой друг Владимир! Но мог бы с таким успехом говорить, знакомьтесь, это мои прошлогодние опавшие штаны. Женщины го-

ворили автору, очень приятно, не спуская с Серёжи преданных подкрашенных глаз. Автор на это не горевал, понимая, что Серёжа красивый, весёлый художник, а они – люди искусства, то есть курящие матери-одиночки. Тем более что добирались до Манежа, не миновав ни одной пробки, продрогли до мозга костей, выпить хотелось страшно, и тут уже, конечно, не до женских изгибов и причуд.

Осмотревшись, автор вспомнил, что в далёкой молодости уже был в этом помещении и тоже на выставке искусства. Польского, если быть назойливо точным. Автора провёл в Манеж кто-то близкий к польскому искусству, уверяя, что там работают замечательные ребята-художники. Ребята оказались действительно замечательными, ибо пока автор обжигался в огромном помещении методистов, пока отвечал на вежливые вопросы дремучего бородатого художника с русой женской косой, пришёл менее бородатый, с косой меньших размеров, более того, рыжей. Из чего автор понял, что это подмастерье дремучего и далеко пойдёт. Второй вывод созрел, когда подмастерье ненадолго исчез и, воротясь, выставил на громадный художественный стол сумку с немереным числом портвейна. После чего вопрос о качестве польского искусства отпал сам собой.

И вот сейчас было то же место, те же окна, тот же легендарный стол, заваленный, правда, не портвейном, а окружённый худыми, как бы обезжиренными женщинами. Может, там временно победил передвижной матриархат, а может,

те замечательные ребята естественно-исторически спились. Ведь выставки в Манеже происходят непрерывно, в то время как человеческий организм имеет контрольный рубеж.

А мамонты, кстати, вымерли ещё раньше. Говорят, буквально по недоразумению! Но это – кстати.

В общем, после серии ликующих узнаваний Серёжа вспомнил про дело и для начала попросил у девушки-методистки посуду. Девушка не удивилась, сказала, сейчас, и вернулась с рюмками. Рюмки те были не маленькие и не большие, обычные. Автор нарочно подчёркивает размер, ибо он тоже важен в дальнейших событиях. Серёжа велел автору достать текилу, нарезал сырой лимон, отсыпал на стол соли, налил девушкам по рюмке. Девушки выпили за что-то, автор не расслышал, за что именно пили, ибо был занят эгоистически мелким. Вот, думал автор, лицемерно улыбаясь новым знакомым, если широкий Сережа начнет разливать пусть даже эту гадость с такой скоростью, а другой просто нет и неизвестно, то где мне, как говорится, взять такую песню?!

Уже глубоко потом выяснилось, что автор волновался напрасно. Ибо на всём пространстве этого уставленного и увешанного современным искусством аэродрома, у каждой выгородки за столами сидели авторы своего художественного хозяйства, возле них кучковались поклонники; поэтому вино, естественно, лилось рекой, сосед, естественно, поил соседа; шумел, как говорится, ночной Марсель...

Короче, всем было хорошо, кроме автора.

И почему же ему было нехорошо?

Ещё наливая девушкам-методисткам текилу, Серёжа сказал, что хочет расшевелить этот муравейник. Девушки его активно поддержали, зализывая эту гадость солью практически со стола, энергично сплёвывая лишнюю на пол. Из их невнятных переговоров выяснилось, что уже всё продумано, и он, Серёжа, может не волноваться. Не в наших-де правилах даром лизать чужую соль! Серёжа попросил у них красную дорожку правильной длины, и мы отправились в центр Манежа. Где и разыгралась дальнейшая драма под названием «Удивительная текила».

Или комедия. Смотря с какого конца смотреть.

Напомним исходный посыл.

Манеж. Выставка жутковатого современного искусства.

Художник X решил потрясти это, по его мнению, собрание застоя.

«X» – в данном случае Серёжа – сказал:

– Володька, я придумал художественный интерактив! – И помог автору взгромоздить на спину огромный мешок.

– Что-что? – насторожился автор из-под мешка. – Чего ты придумал?!

– Это будет, – сказал Серёжа, грузя на тележку ящики с неизвестным содержимым, – это будет

«Боулинг-Перформанс с элементами политического дежавю»!

Эти слова Серёжа произнёс Специальным Голосом, оки-

дывая взором бастионы ничего не подозревающих соперников.

– Представляешь, старичок, – кричал он, продолжая окидывать взором беспечных соперников, – Искусство и Политика наконец встретятся в одной точке и облобызаются!! – Он даже остановился, как бы сражённый силой будущих эмоций. – Представляешь?!

– Представляю! – громко крикнул автор из-под мешка и даже дрыгнул ногой, как бы показывая глубину поражения. Обычно эту глубину показывают, кивая головой, но голова автора была придавлена огромным, хоть и не тяжким мешком. Так что выбирать не приходилось.

Кстати, уже позже, пройдясь по Манежу, автор обнаружил, что не один Серёжа желал расшевелить этот, по его мнению, отстойник. Все без исключения художники собрались потрясти, а то и разворотить бедное терпеливое искусство. Там было представлено всё, что могла родить бедолая художественная мысль, свергшая тяжкие оковы здравого смысла. Например, запомнилась пирамида. Простая египетская пирамида, составленная из майонезных баночек, наполненных дарами Водоканала, читай: водой. Пирамида, конечно, была меньше натуральной. Но ненамного. По мнению её трудолюбивого автора, миллион майонезных баночек, устремлённых к зодиаку, должен был ломать стереотипы в уме обывателя. Или, на худой случай, его припугнуть! И это ему удалось. Автора, помнится, взволновала художе-

ственная мысль: сколько условных вёдер воды нужно было закачать в это сооружение и что случится, если, допустим, незаметно подъехать к нему на тягаче и незаметно же пихнуть?.. И у скольких любителей искусства будут сломаны стереотипы, а также руки-ноги, если кто-то всё-таки подъедет и пихнёт?

У остальных потребителей искусства на лицах был тот же тревожный вопрос.

Однако вернёмся к повествованию.

Упомянутую дорожку раскатали в самом центре Манежа. Была она длиной метров 10, правильного красного цвета. В чём заключалась лично наша мина под тогдашнее искусство, выяснилось, когда распаковали привезённые мешки и коробки. Там был всякий культурный металлолом, а также с десяток лёгких скульптур. Скульптуры были отлиты из монтажной пены для задувки строительных трещин: Избушка на цепких ножках, пузатый Буржуй, Зелёный змий, Рабочий и Колхозница, сказочный Заяц. У Зайца были очки и усталая морда антисоветчика. Всё это энергичный Серёжа энергично раскрасил подвернувшейся краской. Например, Буржуй очень походил на настоящего и вызывал низменное желание попасть в него чем-нибудь нехорошим. Быт представляли огромный горнолыжный ботинок весом со среднего горнолыжника; модель первого Спутника Земли, сооружённая из двух никелированных чайников; деревянная ложка, похожая на ненормальное весло; детсадовский мячик... И про-

чий хлам, который годами накапливается в любой художественной мастерской.

Добывая экспонаты, Серёжа оживлённо и громко пояснял, что в процессе Перформанса нужно предметом из бытовой кучи свалить скульптуру-кеглию на другом конце дорожки. Казалось бы просто, кричал он в расчете на слабослышащих! Многие могут мне сказать, что это не гордый Боулинг – Перфоманс, а невнятная гримаса современного искусства!.. Но не тут-то, было, господа хорошие, не тут-то было!.. Ты тоже подумай, поломай голову, старичок, – интригующе кричал Серёжа автору буквально в ухо, хлопоча возле дорожки, – шевельни извилиной!!

Туповатый автор послушно ломал ни в чём не повинную голову, расставлял принесённое, поправлял Зайцу примятые уши, тревожно поглядывая на соседние экспонаты. Слева стояла пирамида-близнец первой с майонезными баночками. Только наша была усечённой, поэтому баночки были заполнены тоже до половины и чем-то знакомым, жёлтым. В результате вся конструкция мучительно напоминала лабораторию военного госпиталя в пик сдачи анализов нижними чинами. Справа нависал фрагмент парусника практически в натуральную величину с мачтой, набором парусов и встроенным проигрывателем с набором кнопок. С их помощью нужно было проделать ряд логических операций. Если набор был правильным, парусник начинал дрожать, как змей перед родами, затем хрипеть, раскачиваться и пытаться

ся кого-то искалечить. Но в последний момент у него срабатывал некий нравственный стопор, он страшно хлопал парусами и замирал. Из разбуженного таким варварским способом проигрывателя лилось хрипкое военно-морское танго. Наверное, логическая цепь была несложной, поскольку танго гремело почти непрерывно, сам гигант шатался и мотал парусами, как нетрезвая разбушевавшаяся прачка таким же корытом. В сравнении с этим адреналином наша дорожка смотрелась дохло. Это как если бы движущемуся дизель-поезду противопоставить школьный завтрак. Автор осторожно высказал эту мысль Серёже.

– Ничего, ничего! – пророчески прокричал он, осмотрев нависающих соперников. – Запомни, вся публика будет наша!!

Последние его слова доносились уже из-за линии местного горизонта.

Как и ожидалось, Серёжа быстро остыл к своему предприятию, и потому начал постепенно и надолго пропадать. Всё на долгие. Что касается дальнейшего, то он, как всегда, оказался прав.

Либо накаркал.

И вот автор остался один наедине с искусством. Желание выпить перешло из острого в хроническое. Автор ходил вдоль дорожки, как кот учёный, сознавая, что взять и выпить в одиночку ему не позволят неправильное воспитание и пионерская клятва, данная в юности, то есть по глупости. Была

надежда, что Серёжа рано или поздно остепенится, и тогда можно будет спокойно сесть и выпить. Пусть даже в такой дикой обстановке, если так уж угодно судьбе. Но время шло, Серёжа не появлялся. Возле парусника топтались лица обоего пола. От пирамиды с анализами тянуло эпидемией желтухи. С этого ракурса она напоминала сильно увеличенную и поставленную на попа болезнь Боткина. Под действием всего у автора появилось настойчивое желание тоже сделать что-то нехорошее! Например, изобрести машинку, которая могла бы дистанционно лишать человека творческих позывов специальным хлором. Хоть механическая кастрация выглядела предпочтительней. Автор даже стал прорабатывать конкретные детали, но это дело прервал великолепный Серёжа. Он вынырнул откуда-то ниоткуда и крикнул:

– Слушай, Володька, я забыл, ведь ты же писатель!

Автор обрадовался его появлению, как контуженый на поле боя сестре милосердия, пусть даже и некрасивой.

Серёжа сказал:

– Старичок, надо составить рекламное объявление нашего Перформанса, его передадут по внутреннему радио. – Он в трёх словах объяснил суть дела, коварно добавив: – Отец, или ты, или никто! На тебя вся надежда!

Разом повеселевший автор понял, что сегодня в Манеже будет проводиться художественное Чёрт-Знает-Что и нужно сделать, чтобы наше антре запомнилось, а то и приснилось! Тем более что в финале Серёжа велел посулить незабывае-

мые призы.

А потом уже можно будет сесть и культурно выпить.

Автор пошёл покурить и там, в курилке, составил такое объявление, что хоть бы и в бронзе. Вернувшись, обнаружил, что неугомонный Серёжа уже притащил стол и пару стульев. Прочтя объявление, он одобрительно хмыкнул и остановил пробегающую мимо девушку со словами:

– Ниночка, вот, как и договаривались.

При этом он налил ей рюмку текилы, которую та невнимательно хлопнула, хоть автор и сопровождал её действия тяжёлым отрезвляющим взглядом. Пробежав объявление, она сказала «гут» – и умчалась, как нализавшаяся соли антилопа.

– Так и что? – спросил автор, намекая, что впереди нерас-
траченный вечер, а соли всего одно кило.

В ответ Серёжа как-то нерезко осмотрелся, неопределённо сказал:

– Ты давай, старичок, садись и, короче, давай!..

И умчался вслед за антилопой.

Поняв, что ему отведена покойная роль лорда-хранителя искусства, автор смирился, неторопливо достал пакет, поглядывая на пирамиду в смысле, куда бежать, если она художественно рухнет. Выходило – некуда. Положившись на Божью волю, автор неторопливо налил в рюмку текилу, поражаясь, до чего она напоминает цветом содержимое соседней пирамиды. Поразившись, автор собрался отрезать лимон, сказал, да чего там, и поднёс рюмку к застоившимся

устам. В это время включилось радио, и на весь этот собор прозвучал великолепный рекламный текст, повествующий о том, что «уважаемые посетители, вы приглашаетесь в центр Манежа, где вас ждут необычайные впечатления». Текст был гениален, голос диктора безупречен. Автор улыбнулся, даже отставил нетронутую рюмку, ожидая ход соперников. Действительно, через минуту вновь прозвучал вокзальный позывной, диктор откашлялся и напомнил уважаемым посетителям, что «в центре зала вас ждут незабываемые ощущения, вплоть до призов» Ага, подумал автор про незримых соперников, вы лихорадочно переделываете ваши убогие тексты и вирши, которые будут услышаны не больше, чем глас вопиющего из подвала зубной поликлиники. Автор благородно поднял рюмку, посмотрел на пирамиду, затем на текилу, сказал себе, ну и пускай желтая! и не такое пили; замахнулся, чтобы выпить, но тут щёлкнул динамик, и диктор так задумшевно сообщил насчёт центра зала и необыкновенных призов, что автор буквально всхлипнул.

Наверное, диктору там подливали для убедительности...

Уже гораздо позже, когда диктор повторил своё заклинание в пятидесятый раз, туповатый автор понял, что никакого шоу не будет, что всё шоу будет здесь, у дорожки, к которой он окажется прикреплённым, как неключимый раб к галере.

Но это выяснилось позже. А пока автор сидел с рюмкой вожделенной выпивки в руке, оттягивая удовольствие, и уже без страха смотрел в будущее. Шум парусника над головой

уже не казался таким опасным. И вообще, расслабленно думал автор, если всмотреться, то в этой пирамиде что-то, безусловно, есть. Какой-то «концепт», – вспомнил он специальное слово.

В этом месте автор и вовсе улыбнулся – это вспомнилось ещё один экспонат. Человек-Алюминий. Он был покрыт недорогой серебрянкой, которой женщины по весне с улыбкой красят оградки на могиле свекрови. Человек-Алюминий сидел в роденовской позе у подножия высоченной алюминиевой же стремянки. Вдруг, как бы всполошившись, он вскакивал и устремлялся по ступенькам ввысь, держа над головой алюминиевый же факел. И там, в поднебесье, ударял им, как колотушкой, в свисающий с потолка громадный лист, может быть, тоже алюминия. С удовольствием оценив содеянное, он так же строго спускался. Был он голым, и не просто, а идеологически, ибо это антре называлось:

«Alyminij!! или Nihil /Ничего!!/»

Помнится все, особенно женщины, пристально всматривались ему между ног в смысле: он там тоже голый или обратно дурят? И надо отдать дань неизвестному художнику. Там было сделано так виртуозно, что мнения сталкивались и резко разделялись. Поэтому, когда экспонат вновь устремлялся к видимым лишь ему алюминиевым звёздам, все, особенно женщины, быстро устремляли взор в это место. Но ничего так и не разобрав, раздражённо уходили!

Автор расслабленно улыбался своим воспоминаниям.

Спешить было некуда, вечер обещал приятные сюрпризы.

Сюрпризы начались ровно через одну минуту. Парусник в очередной раз загрохотал, из-под него вынырнул почти неповреждённый Серёжа. Увидев в руках автора нетронутую рюмку, он сказал, о, вовремя! Выпил, хотел покушать соли с лимоном, но не поел, а, наоборот, потёр руки и сказал, Володька, сейчас сюда потянется народ! И начал суетиться во-круг дорожки: разнёс по краям цели и средства, стал при-креплять на концах какие-то листки. Пересчитав скульптуры по головам, он сказал, что ненадолго отлучится; велел при-сматривать за инвентарём, блюсти точность метания и нали-вать победителю рюмку текилы...

Повторим ещё раз: присматривать, соблюдать и наливать рюмку текилы!..

– Кого, ты сказал, наливать? – переспросил автор. – Как-как?!

– Текилы, – ответил Серёжа. – Ты же сам обещал оригинальные призы!

От этой наглости автор, возможно, позеленел.

– Как я мог обещать?! – сказал автор голосом Незнайки, которому плюнули непосредственно в ухо. – Как?! Когда я её собирался выпить сам, отчасти с тобой?! Может, я за этим ехал! Может, поэтому и сижу здесь, сызмала страшась большого скопления людей, в смысле душевнобольных парусников! А ты мне предлагаешь отдать выпивку в чужие руки, так?!

– Старичок, поздно, – сказал Серёжа, уставив бесстыжий взор в мочегонную пирамиду. – Видишь, уже отпечатано!

Он показал листки, где были отражены Правила Перформанса, а внизу приписка:

«Приз – одна рюмка текилы!».

Прочитав собственными очами этот вероломный документ, автор потерял дар речи. Было ощущение, что он прочёл собственный приговор. И пока ошеломлённый автор ловил воздух так и не тронутым ртом, Серёжа уже кричал кому-то вглубь Манежа: старик, старик, стой!

И исчез.

Напоминаем, что был ноябрь, вечер. Отсыревшие москвичи и гости столицы приходили в Манеж культурно погреться и попадали в липкие руки современного искусства. Окинув тревожным взором ближайшие экспонаты, люди по-детски пугались, торопливо разворачивались на выход... И видели сквозь стеклянную дверь ужасный ноябрь, мокрый тупой снег в освещении уличного фонаря, тёмную согбенную фигуру курящей тётки, как бы аллегорию Свиного Гриппа... И в этот отчаянный момент они слышат тёплый голос диктора, говорящий на родном языке: «Дорогие посетители... в центре зала... оригинальные развлечения... незабываемые призы!» Естественно, люди ободряются, идут к центру, как верблюды на пастбище. И там, озябшие и жалкие, они видят красную обкомовскую дорожку; рядом стол, простой металлический стол из студенческой столовой, такие же стулья –

всё это мирное и полузабытое старое. И хорошо, и правильно, что мы сюда пришли...

И, верится, будет ещё лучше...

Автор в некотором оцепенении смотрел на людей, сидя за упомянутым столом то ли как билетёр в тире, то ли как идиот на открытой палубе. А люди всё подходили. Уже и от парусника оторвались поклонники художественного экстрима. Ужасные хлопанье и клёкот разом оборвались. Смолкло осатаневшее танго.

Наступила великая тишина, которую подчёркивали лишь дальние звуки, производимые неугомным Человеком-Алюминием.

Ошеломлённый автор очнулся и поступил, как на его месте поступил бы каждый: сделал вид, что не имеет отношения к дорожке, а любит переливами жёлтого в пирамиде Боткина! В подтверждение он повернулся к пирамиде передом, к дорожке задом – и сидел так некоторое время, закинув ногу за ногу, с видом скучающего либерала. Приём сработал. Люди некоторое время топтались вокруг дорожки, не дерзая прикасаться к предметам искусства. Натоптавшись, они поняли, что их опять обманули, привычно заскучали и стали рассасываться. Парусник снова задрожал. Мачта привычно накренилась. Грохнуло танго. Пирамида с анализами вновь загадочно замерцала.

Автор тихо вздохнул, незаметно полез в пакет за бутылкой.

В этот критический для современного искусства миг материализовался Серёжа. Оглядев бесхозную толпу, он крикнул:

– Я так и думал! – И добавил: – Товарищи, по вопросам Перформанса обращайтесь к этому молодому человеку с бородкой!

И сгинул под пирамидой.

Все товарищи по команде повернули лица к автору. Лиц было много. Автор понял, что это конец. Но это был не конец. Конец наступил, когда этот подлец вынырнул из-под пирамиды с ворованной баночкой, засыпал туда соль, достал из пакета текилу, лимоны, нож и громко объявил:

– Друзья, условия Перформанса прикреплены слева и справа. Правильно поразившему цель – Рюмка Прекрасной Эзотерической Текилы!!

Он потряс бутылкой и сгинул окончательно.

У автора было два пути: обидеться насмерть и уйти, хлопнув в данном случае столом, либо уйти по-английски, то есть хлопнув остатки текилы из горла «винтом». Косвенно глянув на бутылку, автор обнаружил, что там её ещё три четверти. Хоть по ощущению её там должно быть меньше половины. Гораздо меньше! Невнятно удивившись, автор слабохарактерно подумал, что обижаться на Серёжу бессмысленно. С другой стороны, смотреть, как на твоих глазах уничтожают выпивку, с которой ты уже практически сросся, для этого надо иметь тяжкие сталинские нервы. С третьей стороны,

нужно было хоть что-то предпринимать. Размышления автора прервало лицо кавказской национальности.

Лицо спросило:

– А в куда можно бросать?

Автор сказал:

– А в куда хочешь!

Лицо выбрало Избушку, установило в конце дорожки, вернулось и задумалось над грудой метательного мусора.

Напомним, что зерно Перформанса, по воспалённой мысли Серёжи, состояло в том, что нужно было поразить конкретную цель правильным средством. Проще говоря,образить, что чем можно сбивать! И только политически верно поразивший цель, утверждал он, будет увенчан незабываемым призом.

Как уже выяснилось, текилой.

Увидев Избушку на кону, автор заглянул в оставленный Серёжей райдер, где значилось: «Избушка есть символ старого мышления, поэтому правильно повергнуть её чем-то современным: например, Электроплойкой либо Вентилятором, как символом Ветра Перемен».

Кавказское лицо поковырялось в куче, достало ложку-весло, подумав, отложило. Извлекло маленький советский вентилятор, взвесило в руке и бросило. Избушка издала кроткий звук, с каким обычно прощаются со старым мышлением, и опрокинулась. Окружающие захлопали. В каком-то оцепенении автор честно поздравил лицо с победой, пожелал даль-

нейших успехов и весеннего настроения, а поскольку лицо не уходило, автор привстал и под пожатие руки пожелал лицу скорейшего выздоровления, то есть возвращения в родной аул. Лицо вежливо по-восточному кивало, как бы в знак полного согласия, но с места не трогалось. Автор злобно налил ему рюмку текилы. Лицо выпило, заело лимоном, залило солью из преступной баночки.

Молча отчалило.

Окружающие на это оживились. К столу выдвинулись две девочки-подростка, похихикали, спросили:

– Всем разрешено бросать?

Автор честно ответил. Девочки посоветовались, одна поставила чёрно-белого Хулигана с бутылкой, другая поискала в куче, достала резиновый мячик, неловко по-девичьи размахнулась, бросила и попала. К столу подошли обе-две. Автор посмотрел в райдер, убедился, что «резкие, ломаные линии Хулигана входят в неразрешимое противоречие с целомудренной округлостью детского мяча». Поудивлявшись на неразрешимое целомудрие мяча, автор горько налил им по полрюмки на двоих. Эти долгоязыые дряни переглянулись, нагло сказали:

– Не поняли! Мы вдвоём кидали!

Автор собрался послать их кидать лопатой асфальт, но за них вступился краснолицый человек. Из его речи выходило, что он не столько за справедливость, сколько за то, что у них в Туле нет такого размера «полрюмки»!

– Это как если бы открыли «Полрюмочную», она бы тут же разорилась, ибо все честно ходили бы в соседнюю «Рюмочную», согласись!

Автор покорно согласился, покорно долил. Девочки лихо выпили, как-то профессионально заели лимоном с солью. Похихикали, более решительная сказала:

– Мы хотим повторить.

Автор взял их за плечи и отправил повторять таблицу умножения, сопроводив лёгким пинком под тощий зад. Когда вернулся, у дорожки стояла молодая пара. Пара ругалась, чем бросать в Рабочего и Колхозницу. Парень предлагал завалить их Спутником. Девушка правильно говорила, что Спутник – это наша идея, и что только дураки сбивают нашей идеей наш символ! Сами Рабочий и Колхозница обречённо стояли в конце дорожки, прижавшись друг к другу, как сестрица Алёнушка и братец Иванушка в приёмной дяди Бери.

Кончилось тем, что парень обиделся на «дурака» и ушёл. Умная девушка прикинула в уме, что ей главнее, и побежала следом.

Тем временем к столу выстроилась очередь. Автор вздохнул и начал свыкаться с ролью тамады. Тем более что последующие соискатели были не так удачливы. Автор приободрился, строго следил за соблюдением Правил, браковал политически неграмотные броски. Убеждал неопытных к текиле не привыкать.

– Учёные спорят, – утверждал автор, – так ли уж полезна текила, когда опыты на мухах дают паралич Боткинсона и умственную золотуху. Особенно у зайцев!

Поражаясь своему красноречию.

В это время к столу подседа тощая дура из тех, которые болтаются по всем культурным тусовкам мира. Дура обвила тощую ногу другой тощей ногой и спросила, где Серго? При этом выжидающе глядя на бутылку.

Автор рассеянно отметил, что и на груди у неё тоже плоскостопие, и ответил, что Серго отправился на поиски Марго. Дура кивнула, но ногу не развинула и глаз от бутылки не отцепила. Пришлось скрипнуть зубами и налить. Дура выпила, полизала что нужно, развинула ногу, совралапередайте ему, я зайду позже. И отчалила к другому столу.

Автор смотрел ей вслед – злой, трезвый, голодный. Можно было, конечно, плюнуть и выпить открыто, на глазах у всех! Но мешало русское «неудобно», заставляющее, например, при малой нужде искать тупики и закоулки, вместо того чтобы опорожниться, где тюкнуло, как это сегодня делают в странах развитой демократии. Кстати, может, наши либералы потому так борются за её торжество, что имеют слабый мочевого пузырь, который ошибочно называют правами человека.

Эти бесполезные размышления автора нарушил привычный грохот. Оказалось, оставленный без внимания парусник включился самостийно и заработал в обратном поряд-

ке. Под душераздирающие звуки танго всё в нём начало хлопать, рваться, прыгать и даже как бы выкатываться из трюма. Воспользовавшись этим, автор трусливо налил рюмку, торопливо поднёс к запёкшимся устам, но к столу уже подходил майор, который один по-военному не дрогнул, а, наоборот, правильно завалил Буржуя с помощью пресловутого Спутника и теперь шёл за законным призом, как Гагарин. Пришлось сделать вид, что это именно его ждёт автор с текилой, и вручить ему рюмку с видимой миру улыбкой сквозь невидимые миру слёзы.

Нужно было что-то предпринимать!

Автор поёрзал, полизал лимон, как соловей валенок, решительно встал и решительно ушёл на поиски Серёжи, уже без страха двигаясь в джунглях современного искусства. Ибо что может быть страшнее, чем когда на твоих глазах уничтожают твою выпивку, причём практически твоими же руками, а ты ничего не можешь сделать, как в мрачном средневековом сне!!.. Так ему и скажу, думал взбешенный автор: я не хозяин брату своему!.. Нет, не кто-то другой... не охранник?... Как же это Каин сказал, – ломал бедную голову автор, высматривая яркую Серёжину куртку. – Я не завхоз брату своему?... дикость какая... Ага, я скажу так: «Серёжа, угадай, не кто я брату своему, а я пока съезжу домой в Киев.

И не вернусь никогда!

Но говорить было некому. Манеж стоял не то что пустынный, а как бы одичавший. Народ кучковался у столов, там

начиналось братание бывших соперников по искусству. Редкие испуганные посетители жались друг к другу, торопились к центру, тем более что диктор время от времени поддавал жару, напоминая насчёт незабвенных впечатлений! Делал он это, кстати, всё задумчивей. Как бы взвешивая каждое слово. В последний раз, когда он объявил, что призы ожидают вас в обувной секции нашего аквапарка, женский голос сказал ему туда: «Виталий Францевич, может, вам уже хватит?!»

После этих слов желание выпить у автора приобрело твёрдые нордические очертания. Он плюнул на долг, развернулся и двинул к дорожке за своими вещами.

Возвращаясь к центру незабываемых впечатлений, автор услышал громкую незнакомую музыку. Равнодушно подумал, что на паруснике поменяли программу. Вышел на простор, увидел, что пейзаж тоже поменялся. Например, парусник стоял на месте, но без мачты. Мачта лежала поверженная поперёк палубы, по ней ползали и фотографировались дети. Вокруг стола сидели и стояли чужие люди. На столе из знакомого была лишь баночка с солью, раздавленный лимон. Рядом с бесконечной текилой стояли неизвестные стаканы, две бутылки водки, початая говяжья тушенка, банка с горошком и солдатская буханка хлеба. Сидящая у кого-то на коленях девушка резала колбасу.

Дорожка лежала затоптанная, как в Красном уголке заводской общаги. Рядом молодая женщина громко читала из захватанного райдера: «Горный Ботинок – яркий пример здо-

рового образа жизни! Им должно поражать Зеленого Змия как образец подмены понятий». Сухонькая старушка, явно из правозащитниц, скособочась, держала жуткой тяжести ботинок, ожидая, пока не установят фигуру. Дождавшись, она как следует раскачала свой снаряд, метнула в направлении Зеленого Змия и упала следом, поскольку не успела вовремя разжать пальцы. Тяжкий снаряд проволоки её худое тельце по дорожке. Старушку за руки-ноги вынесли и сложили на обочине какие-то студенты. Там её, лежащую, дополнительно обругала женщина с райдером, может, невестка.

Народ, пущенный на самотёк, остервенел. Самостоятельно ставили фигуры, самостоятельно выбирали предметы для метания. Наибольшей популярностью почему-то пользовался Заяц. Его охотно бросали, причём в обе стороны. Заяц покорно летал, прижав к груди морковку, невидяще глядя в потолок, как космонавт, получивший с Земли известие, что жена подала на раздел имущества... «Мамаище», – вспомнил автор позабытое слово и хотел перекреститься, но отвлекся, наблюдая, как уставшая, но непокорённая старушка-правозащитница налила в стакан текилу, выпила и вступила с кем-то в спор, заедая чужой колбасой. При этом всё гремела музыка, стоял детский крик, ликование и ещё какие-то протяжные шумы, характерные для первобытно-общинного стойбища.

Эту вакханалию прервал очень знакомый, но жуткий в данном случае звук. Это как бы небольшой метеорит поце-

лил в повозку, везущую баночки с анализами из госпиталя на позиции. Оказалось, женщина, читавшая райдер со Зми-ем, принципиально раскрутила непокорный ботинок и таки метнула. Может, она хотела показать свекрови мастер-класс, но не рассчитала. Рядом с красной дорожкой немедленно образовалась ещё одна, только жёлтая. Прибежал хозяин пирамиды, он её сторожил с южной подветренной стороны, объединяясь с капитаном парусника. Вычленив на столе бутылку с такой родной жёлтой жидкостью, а рядом знакомую баночку, он начал что-то трудно составлять в голове, переводя взгляд с преступного стола на попорченную пирамиду, которая источала ядовитую жидкость.

Начинался скандал, автор торопливо схватил пакет с вещами и бросился к выходу, с удивлением отметив, что текилы в бутылке ещё на три пальца.

Серёжа нашёлся внезапно. Он сидел на художественном бордюре у подножия диорамы «Канализацию прорвало». Напротив Человека-Алюминия, с которым они в четвёртый раз пытались выпить на брудершафт. Они правильно брали рюмки, правильно сгибали руки в локтевом суставе, чтобы правильно завести одну за другую, прицеливались и в такой позиции недоумённо замирали. Фокус состоял в том, что алюминиевый человек был левша. Они с Серёжей с тупым вниманием смотрели каждый на свою руку, затем на руку соперника, пытаясь что-то соединить в голове. Не соединив, выпивали по-людски. При этом Серёжа был перепачкан се-

рой краской, как кладбищенский кот. У Человека-Алюминия, наоборот, были большие проплешины вокруг рта, он был одет в чей-то свитер, хотя внизу по-прежнему оставалось неразборчиво. Вы поменяйте руку, – раздраженно советовала знакомая плоская дура. Она сидела рядом, отчасти пытаясь уточнить, что же у алюминиевого человека между ног. Но безрезультатно.

Дождавшись, когда они в очередной раз промахнутся, автор громко и сердито крикнул:

– Серёжа, помни: я не кто-то брату своему, понял?!

– Отлично, старичок, – невнимательно ответил Серёжа, привычно сгибая руку. – Ты давай там сам!..

– Давай, – махнул свободной рукой алюминиевый человек, – не мешай!..

Они подняли рюмки и снова прицелились...

Оставшееся время автор провёл в народной пивной. В пивной было тепло, тесно и душевно. О современном искусстве здесь напоминал лишь запах, возникавший, когда дверь туалета открывалась, чтобы впустить очередного желающего.

При этом дверь была обита чем-то тоже жёлтым.

– Не вспомнишь, – спросил автор у соседа, – я не кто брату моему?!

Сосед поправил толстые очки и серьёзно сказал:

– Может, не сестра?

Тем сердце и успокоилось!

Как мы ночевали на Подоле

Будучи однажды на работах в одном колхозе, автор познакомился с замечательным человеком по фамилии Коля Банников. Коля был мягким добрым инженером без счастья в личной жизни. Вообще, компания там собралась неплохая, на четыре лица. Один тощий полуинтеллигент с забытым ныне именем Трофим. Он работал на Главпочтамте, в промежутках торговал дефицитными тогда книгами, «из-под полы». Вторым был Коля Банников, третьим – автор этих волнующих воспоминаний. Четвёртым был безымянный подросток, сын чьей-то сотрудницы. Она отправила его вместо себя. Подросток был задумчивым человеком размерами с гоголевского бурсака, работал мало, кушал много. Время проводил бессистемно. Отловил деревенского котёнка, часами с ним возился, манкируя производительностью труда. Острословы тут же прозвали его Герасимом. Якобы он сильно похож на тургеневского Герасима, воспитавшего несчастливую Муму – собачку, которую впоследствии сам же и утопил. Кстати, недалеко протекала река Днепр, куда все ходили купаться. Когда наш Герасим направлялся к воде с котёнком, работающие с нами женщины умолкали и насто-раживались.

Так он и остался Герасимом.

А жили в том колхозе так. Нас четверых поставили на раз-

грузку чего-то, что поддаётся разгрузке. Работали до обеда. После обеда разгрузки прекращались, и почему? Такое ощущение, что после обеда в колхозе прекращалось всё, вплоть до кровообращения. Начинался как бы большой цыганский привал в степи. Денег ни у кого из нашей компании не было, но каким-то чудом набиралась сумма на бутылку самодеятельной водки. Её изготавливал в домашних условиях некто Хома – местный умелец. Делал он её в страшном секрете, который знали все, поскольку жить как-то надо. По этой же причине Хома пользовался иммунитетом у местной власти. А стоила она тогда три рубля тех денег.

Самогонка, конечно, а не власть.

Итак, мы удивительным образом буквально наскребали три рубля, больше ни на что не наскребалось, даже на закуску. А как раз в то время автор находился в поиске смысла жизни, в активной его фазе, выражение лица имел соответствующее. Как бы полувернувшийся из четвёртого измерения, ещё одной ногой там. Ввиду такой потерянности, которую добрые поселяне принимали за благообразие, автора засылали христарадничать. Не посылать же юного, но прожорливого Герасима, которого посылать зареклись после одного нестандартного случая. И вот автор стучался в чужие двери и начинал прошение с кусочка хлеба. Получив хлеб, вспоминал про соль. Получив соль, просил луковичку, мягко напоминая забывчивым, что Бог любит троицу. Так постепенно дело доходило до частицы сала. Бывало, подавали и сало.

Но чаще заканчивалось на пункте втором – «соль». А бывало, возвращался к коллегам с лирической песней на устах: «Только ветер гудит в проводах, тускло звёзды мерцают...»

Облегчение пришло с началом кукурузного сезона. Разводили костёр, бросали туда кукурузные початки, прикрывали углями – получалось то же, что и печёная картошка, только гораздо вкуснее. А килограммовую пачку спёкшейся соли наконец-то приобрели в сельском магазине.

Герасиму по понятным причинам не наливали.

Потом располагались вокруг костра, начиналось время разговоров, диспутов и лежания на спине, задумчиво глядя в протекающие облака. Из рассказов запомнился случай, поведавший книжным фарцовщиком Трофимом.

К ним на стажировку прислали одну кореянку. Не к фарцовщикам, конечно, а на Главпочтамт. Та кореянка влилась в коллектив как хороший, главное, трудолюбивый человек, на которого всегда можно положиться, т. е. сбросить свою работу. Что Трофим, надо полагать, активно и делал, ибо фарцовка отнимает массу времени, кто занимался.

Даже звали её, помнится, как-то.

Да. И вот однажды Трофим направляется к ней с небольшой просьбой пересортировать за него какую-то тонну-другую почт и посланий и видит, что корейка стоит возле подоконника, рядом с кактусом, и плачет. А до этого – никаких эмоций не прочтёшь на её неразборчивом лице, и не пытайся. Имеющий свой интерес Трофим спрашивает: ты чего

плачешь, Чио-Чио-сан?... Нет, звали её, конечно, ещё интересней, это просто автор решил блеснуть знакомством с мировой оперой. Наша сан на вопрос заливается ещё пуще – и в этом становится похожей на всех женщин сразу, всего мира. После многих наводящих вопросов и сомнительных предположений Трофим узнаёт такую пикантную новость: оказывается, она одолжила десять рублей, а отдать не может, честная корейка! А обещала через три дня!! Так отдашь через три месяца, – успокаивает опытный в этом деле Трофим; пусть он теперь поволнуется. Имеется в виду заимодавец. Сумбурный ответ потерпевшей в нашем пересказе звучит примерно так: как же я ему отдам, когда я не могу вспомнить, у кого брала! Ведь вы, русские, – вы все на одно лицо!

Вот так. А дело, между прочим, происходило на прошлой Украине.

Да. И вот в процессе труда и закуски автор и Коля Банников подружились. Напомним, что Коля был простой интеллигентный инженер, поэтому его личная жизнь дала течь. Иногда он делился подробностями, из которых опытные понимали, что его жена давно любит другого, даже других, а он об этом почти не догадывается. Но, кстати, он этим никому не досаждал. Лишь иногда, когда на его славное тонкое лицо находила тень, было понятно, что он мысленно там.

Отступление. Какие бабы всё-таки поголовные дуры!

Да. Потом та волшебная, поэтому краткая часть жизни закончилась. Расставаясь, договорились с Колей как-нибудь

встретиться. И встретились первого сентября утром в скверике возле университета.

Аккурат в День знаний.

Сегодня будем ночевать на Подоле, сказал Коля, у меня там хорошие знакомые. Сделал он это далеко идущее заявление буквально после первых слов приветствия, часов в десять яркого солнечного утра. И что его потянуло так рано размышлять про ночлег – наука молчит. Надо полагать, на него накатило умственное озарение, поскольку мы таки ночевали на Подоле, но совсем по другому адресу и иному поводу.

Как бы накликал, о чём ниже.

Итак, когда вопрос с будущим ночлегом решился, следующим логично встал второй: где выпить и, главное, что именно? Ибо уже взошли первые цветы сухого закона, и цветы те были ядовитыми. От их мертвящего дыхания не спасало даже наличие официальных денег. Но и на этот случай у замечательного Коли оказался спасительный план. Идём, сказал он, у меня тут в университете живёт хороший товарищ, у него должен быть спирт, немерено! Порадовавшись такому количеству полезных Колиных знакомых, автор всё же по дороге поинтересовался, почему такой полезный знакомый живёт именно в университете? Потому что он геолог, просто ответил Коля, шурясь на яркое солнце. Очевидно, что он был уверен, раз геолог может жить на леднике или, допустим, под сенью пропитанных шпал, то университет – не худший ва-

риант. Про того геолога было добавлено, что живёт он одиночкой, ибо настолько предан камням, что жена не выдержала, сказала, Дима, или я – или пошёл вон! С тех пор он поселился на кафедре при каменном музее, среди минералов и уступов. Впрочем, успокоил Коля, человек он хороший, в смысле философ с минеральным уклоном... Но, уточнил он, спускаясь по неким ступеням, если скажешь про камни плохо – может голову распустить. Тем же камнем.

Автор принял к сведению.

Геолог Дима оказался-таки дремучим человеком с бородой, как у шумерского царя Хаммурапи, витой и твёрдой даже с виду. Обитал он в громадном университетском полуподвале, заполненном шкафами, стендами с образцами пород и чем-то сильно смахивающим на строительную щебёнку. Стены украшали волнистые разрезы гор и вулканов, панорамы земной коры, таблицы геологических периодов. В одном углу стояло чучело первочеловека с громадной челюстью и трудовым булыжником в верхней руке. При этом челюсть и булыжник были как бы взаимозаменяемы, так похожи! Кажется, там было написано, что зовут его дриопитек. Дриопитек строго и внимательно смотрел на посетителя изпод чудовищных бровей, как прообраз нынешней секьюрити. Был он столь волосатым и пыльным, что автор чуть с ним не поздоровался, попав с яркого дня в геологический полумрак.

Короче, вокруг было диковинно и, главное, неожиданно.

Ибо где-то наверху – ликующий День знаний, первый звонок, счастливые лица дедушек, а здесь, куда никогда не заглядывал солнечный луч, время как бы отключили. А если оно и существовало, то исчислялось такими периодами, против которых человеческая жизнь так же мала, как девичья ресница, оброненная на территории Австралии.

То есть суетиться там было абсолютно бессмысленно.

Пили из каких-то одичавших сосудов, которые в трезвое время явно служили хозяину пепельницами. Занюхивали серным колчеданом. Собственно закуску репрезентовало яичко, очень похожее на один из окаменевших экспонатов. Оно появилось здесь явно случайно, прямо из кембрия, либо было принесено дриопитеком в обмен на культурный камень, с которым он застыл на своей вахте.

Беседовали на геологические темы, поскольку иных хозяин не признавал, а может, и не знал. Спирт он добывал из казённого сейфа. Автор заметил, что первый раз он вытряхнул из чёрной бутылки со спиртом что-то неразборчивое, но не выбросил, а аккуратно отложил.

Впрочем, спирт был хорошим, без подмеса. А яичко, кстати, так и пролежало нетронутым. Судя по всему, оно и сейчас лежит где-то там, и нас переживёт...

После ознакомительных тостов Дима взял тему. Для начала он сообщил, что камни – это живые существа, вот как мы с вами. Поэтому не нужно их обижать только за то, что они якобы медленно думают и ничего не соображают! Не их

вина, что они растут не так быстро, как хотелось бы некоторым многим. . . Да, это не их вина, – подумав, сказал он, – это наша беда! Они ещё только продрали глаза, пробудившись от вечности, а мы что? А нас уже нету, и нашей эры, извините, тоже! И с кем им общаться, а!?

Мы сидели, сдвинув на край стола какие-то полуокаменевшие папки, разводили спирт мутной водой из-под крана, Дима набирал обороты. Голос его, который, по мнению автора, должен был пропадать в дебрях бороды, как детский сандалик в буреломе, не глох, а феноменальным образом усиливался. Угрюмый дриопитек стоял, слегка наклонившись вперёд, как бы готовый немедленно заступиться за семью лаборантов, один из которых он красноречиво сжимал в доисторической руке. Упреждённый о Диминой горячности, автор согласно кивал; под конец почти непрерывно. Коля кивал тоже и тоже невпопад, рассеянно улыбаясь славным лицом. Выпив спирта, он стал ещё лучше, что характерно для всех хороших людей. На почти мысленные авторы предложения сходить купить закуски он так же рассеянно улыбался и просил не торопиться. На Подоле, – утверждал он в перерывах, – нас ждёт такая закуска, что ты не захочешь уходить! Но, – добавил он, – тебя всё равно выгонят; это чужая квартира, знакомые вскоре оттуда съезжают, завтра.

А пока закусывали табачным дымом.

Спустя время в помещении как-то естественно материализовалась некая тощая барышня, может, геологова возлюб-

ленная в фиолетовых тонах. Автор чаял, что с её появлением Дима соскочит с каменной темы, от которой уже чувствовал ушибы по всему телу. Но безымянная возлюбленная не стала отвлекаться и отвлекать. Она молча присела к столу и включилась в праздник, прямо не раздеваясь, то есть дуя спирт прямо из горлышка, не разводя водой.

Примечание: Для того чтобы пить чистый спирт из горлышка, нужно иметь при себе лошадиное здоровье. Кто не чувствует – не пробуйте повторить в домашних условиях!

Отвлёкшись на невесту, автор пропустил начало очередной Диминой инвективы. А Дима окончательно раскалился. Ты думаешь, почему он называется чёрный, если их там семь штук?! – кричал он непосредственно в лицо доброму Коле. Оказывается, речь шла про чёрный камень Каабы. Так ведь все камни чёрные, – подал тонкий голос автор, желая вырвать кроткого Колю из Диминых лап. Ага! – зловеще прокричал Дима, покрутив головой, кто бы мог сказать эту глупость. Не найдя, вновь вернулся к безропотному Коле: – Да, допускаю, некоторые чёрные... но они чёрные, так сказать, по рождению, как, например, негры! А камень Каабы стал чёрным под гнусным влиянием человечества! А сперва был белым; белым, вот как твоя рубашка, даже белее! Добрый Коля, который всё это время терпеливо смотрел на Диму сонными любящими очами, принялся немедленно стягивать рубашку через голову, готовый самопожертвованно участвовать в любом эксперименте. Не надо, Коля, – остановил его

хозяин, – это не выход...

Он сделал горькую паузу, затем набрал воздух, пытаясь вспомнить, на чём прервался, но Колю выручила невеста. Ой, – сказала она по-женски, – совсем забыла! Она раскрыла сумочку и достала из недр цепочку толстоватых сарделек с налипшими на них крошками и какими-то девичьими квантиями. Сардельки были жутко непопулярной расцветки, ужасно жирные. Их вспарывали каким-то полукременным ножом и ели без хлеба.

Примечание. Можно повторить в домашних условиях, но учёные не рекомендуют – без спирта такие сардельки могут пойти изо рта назад, вырваться.

Постепенно спирт начал забирать своё. На каком-то полуслове Дима исчез. Коля тоже выпал из поля зрения, потом упал. Оказалось, он прилёг на некую оттоманку, продолжая кивать оттуда, словно соглашаясь уже с внутренним голосом. Чтобы не тратить время, автор начал несильно бить клинья под чужую невесту. Она уже не казалась такой синей, подтверждая древнюю кельтскую кухню, что не бывает некрасивых ярынь, а бывает мало уйли... А может, это было сказано в наших Чарьих Нарах?.. Тем более что на невесте оказалось навешано множество камней, как на празднике кушей. А это что, – спрашивал автор, щупая камень, висящий на том месте, где при обычных условиях у женщин растёт грудь. Это осколок Синего камня, – медитативно отвечала она, – сосредоточие энергии; также защищает от мертвецов. Убе-

дившись, что под синим камнем у неё больше ничего нет, автор решил, что камень отваживает не столько мертвецов, сколько живых, ибо приставать к ней дальше решительно перехотелось. Тем более что вернулся энергичный Дима. Он пришёл с каким-то располневшим гуцулом в национальной тюбетейке. Гуцул тут же включился в беседу, то есть выпивку, мимоходом представившись как Друзь. Выпив, он задекларировал, что это он по паспорту Друзь, а по сути, по своей идее он – настоящий Монгол; и прошу меня так называть! Как бы в подтверждение своей связи с кланом Настоящих Монголов он достал диковинную в то время голландскую машинку для набивки сигарет и давай демонстрировать её способности, не забывая при этом очерчивать в подвале кривую панмонголизма.

С этой кривой геологический праздник как бы покосился.

Для начала время стало показывать свою сволочную дискретность. Вдруг автор услышал свой голос, участвующий в споре о роли менгиров в искусстве человеческих жертвоприношений. При этом автор как бы отделился от себя. Первый из авторов громко и уверенно доказывал несомненную полезность менгиров в жизни тех, кто их видел. Другой слушал его и вяло думал: что за менгиры такие, может, это порода овец?.. Точно, порода!.. Ага, а при чём тогда английский менгир, по выражению невесты, достигающий 20 метров? Ага, это, наверное, высота менгира-рекордсмена в холке... Потом стрелка на невидимых часах прыгнула, в помещении

возник какой-то длинный, как палец, кристалл. Автору показалось, что неугомонный Дима добыл его непосредственно из бороды. Смотри, кричал Дима лже-монголу: смотри вот сюда... один глаз закрой!.. Да не которым смотришь, противоположный! Монгол, не привыкший заглядывать в кристаллы вечности, неумело пытался зажмурить ненужный глаз, но смыкались оба. Оторвавшись от кристалла, он потренировался под руководством Димы жмурить лишь один глаз на выбор, потом плюнул, давай заглядывать в нужном направлении, прикрыв лишний глаз национальной тибетейкой. Говори, кричал ему Дима, говори, что видишь; вслух говори, тут все свои!..

Потом автор вдруг увидел у себя в руках некую зелёную дрянь и услышал голос невесты: а теперь чувствуешь тепло, нет?! жми и чувствуй! Автор жал эту гадость и чувствовал, что спирт сегодня не отпустит просто так, с такой закуской. Нет, не отпустит... Даже собрался озвучить это вслух, но тут же забыл, понукаемый жать на зелёное.

Впрочем, уже никто никого не слушал.

...А предметы в помещении постепенно расплывались, начинали мерцать, принимая мягкие приятные линии. Только черты лица Димы, особенно борода, становились всё более твёрдыми, как бы базальтовыми, а его голос и речитативы возникали из разных мест, сопровождаемые горным эхом. И почему так?

«...Не тот это продукт, мои юные друзья! Не тот это про-

дукт...» Ага, эту мысль о спирте как раз и собирался донести автор.

Но не донёс.

Ибо дальше в памяти наступил Провал № 1.

Очнулся автор позже и уже в ином месте, на улице. Очнувшись, определил по солнцу, что улица называется Крещатик, а времени что-то около трёх – эти цифры показывали электрочасы, установленные недавно на здании универмага. Молодцы, хорошо придумали, – медленно думал автор об авторах идеи, а вокруг была прежняя суббота, начало золотой киевской осени; из школ или просто так возвращались нарядные дети с родителями и цветами. Автор смотрел на них, счастливых, и сварливо думал: чего радуетесь?! Это вам прозвучал не первый школьный звонок. Это прозвучал звонок из новой жизни, полной этого, как его... Автор долго пытался вспомнить, что ждёт невинных, как зайцы, детей в будущей жизни... при чём тут членские взносы?.. Не вспомнив ничего страшного, раздражённо закончил в адрес уже взрослых: нет, влекут родных детей за руку в могилу знаний!

Расстроился.

Расстроившись, обратил внимание на то, что он не один. Скосив глаза, определил, что на плече у него лежит умная Колина голова, глаза сомкнуты, остальное тело мягко свешивается долу. Ничего себе! Автор почему-то затревожился, заоглядывался. Оглядевшись, понял причину тревоги: оказывается, они с Колей движутся по проезжей части, правда, у

самого бордюра, чтобы не мешать остальному движению. А ведь по Правилам дорожного движения пешеход обязан идти против движущегося транспорта. Это правило распространяется даже на случаи, если пешеход несёт на плече нетрезвого товарища.

Закон, как говорится, строг, но это – закон!

Поняв ошибку, автор поправил на плече худощавого Колю с целью пересечь улицу на правильную её сторону по диагонали. В это время из притормозившего троллейбуса высунулся лысый водитель и что-то прокричал автору, может, и совет! Спасибо, конечно, но можно было бы сделать это в более приемлемой форме. Ибо вокруг, повторим, солнце, радость; из троллейбуса дружелюбно глядят весело улыбающиеся люди и женщины. А тут – «уроды пьяные!»

Кому они доверяют жизнь пассажиров, тех же женщин?!

Через некоторое время дорогу преградил милицейский «газик», возникший как бы из тёплого дрожащего воздуха. «Газик» остановился, люди в фуражках раскрыли двери, предлагая транспортные услуги, на удивление вежливо. Наверное, они подумали, что мы с Колей два молодых педагога, возвращаемся с открытого Урока знаний, а силы не рассчитали. Автор приятно улыбнулся в ответ, сообщив, что это мой друг Николай, я несу его домой, вернее, на Подол, где мы сегодня кровь из носа обязаны ночевать; друг ослабел от знаний без закуски; донесу до метро, а там – вниз.

Милиционеры спешились.

Спешившись, они продолжали дружелюбно улыбаться и настойчиво предлагали автору не волноваться, а спокойно куда-нибудь ехать, хоть и на Подол, предоставив заботу о друге дружеским органам. Автор, помнится, не соглашался, культурно отвечая в том смысле, что нисколько не сомневается, что другу будет оказана посильная в его состоянии помощь. Но давайте представим, – задавался автор тревожным вопросом, – что подумает друг, проснувшись неизвестно где, окружённый незнакомыми, пусть и любящими лицами в фуражках? Это может порушить его надорванную психику, – настаивал автор, – поскольку жена у него великая дрянь, только ему не говорите! Подумайте сами, – разумно продолжал автор, – какой же я после этого друг, если, блюдя личные удобства, оставлю товарища пусть и в гипотетической, но всё же неизвестности, а?!

Не старые ещё милиционеры явно задумались, опираясь на капот верного «газика».

Неизвестно, как долго длилась эта умственная пряха в самом центре лучшего в то время города мира, но стрелка времени перепрыгнула, и автор продолжил свою защиту уже в метро «Крещатик». Именно в том помещении, куда неугомонные милиционеры хлопотливо доставляли лиц обоего пола, подорвавшихся на поле знаний. Складируя их на расставленные скамьи, а после и друг на друга. В душном шевелящемся помещении разговор насчёт дружбы и её превратностей приобрёл более энергические формы. Особенно по-

сле того, как трезвого буквально как стекло автора пытались оторвать от безмятежно спящего, а потому беззащитного друга и недипломатично вытолкать из помещения.

Как недипломатично! Взашей!

Дальше в памяти наступил Провал № 2.

Сознание вернулось к автору в странном чужом помещении, явно ночью. Что так холодно?! Оглядевшись, автор обнаружил, что сидит он полностью голый, при этом в неудобной позе, поскольку связан. И не просто, а дополнительно прикручен к чему-то деревянному, как раб к пресловутой галере. Причём как обидно – вульгарными бельевыми верёвками, хоть и витыми! Как интересно, – думал автор, пытаюсь что-нибудь освободить, параллельно осматривая помещение, насколько это было возможно в его положении.

С чего бы это?

Связанные за спиной руки не освобождались, доступный зрению фрагмент помещения ничего не напоминал. При этом один глаз видел явно хуже второго. Или наоборот.

Под худшим глазом саднило.

Через некоторое время в помещение вошли два добрых молодца. Молодцы были почему-то в белых халатах, спросили: ну что, друг индейцев, остыл?! Остыл, честно ответил автор, не поняв про индейцев. Молодцы ловко развязали верёвку, даже, показалось, сочувственно; выдали немного одежды. Отвели в большое полуосвещённое непонятно что, уставленное рядами одинаковых казённых коек. Подве-

ли к свободной, сказали: ложись, Соколиный Глаз! И снова необидно заржали. Автор хотел им что-то ответить, что-то умное, но не успел – провожатые исчезли. Причём тут глаз, недоразумевал автор? И если это намёк, то где это я? Осмотрелся. На соседней койке лежало нечто, похожее на труп человека, накрытый с головой. Когда провожатые ушли, труп ожил, из-под простыни высунулась растрёпанная голова некоего хлопца. Хлопец тревожно осмотрелся, хрипло спросил: ушли, видя, что ушли. Ты откуда здесь, спросил хлопец, тоже в одних трусах. Он уселся на койке, свесив тонкие ноги, и, не дожидаясь ответа, спросил, что это у тебя с глазом?

Автор потрогал под глазом, который за это время стал ещё хуже. Даже на ощупь вокруг чувствовался большой медицинский синяк. Автор давай думать насчёт его происхождения, чувствуя, что некоторые части тела тоже повреждены и болят. Давай ощупываться, повернулся глянуть, что это так ноет в спине, но в это время сосед, который уже лёг в исходную позицию, вдруг подхватился – и давай судорожно отряхиваться, как девушка, которую окатил из лужи проехавший молоковоз, только испуганно. При этом он что-то глухо приговаривал.

– Ты чего?! – спросил автор, тоже почему-то заволновавшись.

– У тебя иголка есть, дай скоренько!

– Зачем тебе?

– Надо зашить подушку... видишь, лезут в дырку! Ящерки! Счас и по тебе полезут! Давай скорей!!

Никто из подушки не вылезал, даже не собирался! При этом хлопец был совершенно трезв и взволнован, а трусы у него были в синий детский горошек. Непонятно с чего, автор начал что-то соображать, вынул из матраца воображаемую иголку.

– На иголку, держи!

– ...А нитка? нитку скорей!

– На... Стой, дай сам заправлю в иголку!

– Спасибо, – сказал хлопец и давай непривычно по-мужски тыкать «иголкой» в подушку, судорожно заталкивая туда невидимых ящериц. Даже вспотел, сгоняя их в организованное стадо.

Кто-то небольшой пошёл по проходу в отгороженный туалет, прямо в одеяле. Потом прошёл назад, но без одеяла, в одной майке. Потом возле двери возник неорганизованный шум. Дверь широко распахнулась, с грохотом вошли давешние молодцы. Они буквально внесли полного мужчину, голого и жёлтого, как кукурузный початок. Мужчина шумно дёргал свободными ногами, кричал: я буду жаловаться, вы у меня ещё попляшете, – и прочие, лишённые свежести угрозы. Привыкшие к такому молодцы расторопно, как-то по-хозяйски прочно привязали его к койке. Помещение оживилось. Оказалось, что тут полно лежащих и отдыхающих. Очнувшиеся сильно комментировали событие. Какой-то борода-

тый предтеча правозащитников прокричал насчёт, не имее-
те права! Впрочем, не сильно на этом настаивая. Помещение
загудело, как потревоженный пожаром дом отдыха.

На шум в помещении появился большой человек тоже в
халате, из-под которого выпирали погоны.

– Чтобы мне тихо до утра! – велел он строго и вообще.
После прошёлся между койками, как бы являя себя народу,
прибавив несколько необязательных, но привычных здесь
слов.

И исчез.

Хлопец, который при появлении молодцев немедленно
упал в исходное положение и оцепенел с простынёй на го-
лове, осторожно проявился, спросил: ушли, видя, что ушли.
После поймал двух заблудших ящериц, затолкал в подушку,
пригладил, придавил. Осторожно приложил голову, как бы
прислушиваясь, готовый вскочить по первому требованию.
Из подушки никто больше не лез.

Он и заснул.

В помещении постепенно становилось тихо. Человек в
майке вернулся за одеялом. Вновь привязанный покричал
ещё некоторое время, всё менее убедительно, смолк. Потом
захрапел. Через минуту стало понятно, что лучше бы он кри-
чал.

Автор смотрел в размытый потолок, имея в голове стран-
ную ясность, подтачиваемую лёгкой тревогой. Стал искать
исток тревоги. Перед глазами возникали рваные картинки

различной резкости: яркая людная улица... ряд цветочниц возле бурой от времени стены городского кладбища... Вдруг возник булыжник с жёлтыми прожилками, а чей-то голос говорит, что это вкрапления чистого золота... одной лентой проплыло словосочетание Георгиймихайловичджеджула... что за Джеджула, от кого?.. Задумался. Вместо ответа возникли кадры из недавно виденного фильма, почему-то задом наперёд... а вот большой человек лежит в траве, ага, это Герасим, он тренировал котёнка лазать по деревьям методом, смотри, как надо и сверзился с груши; мы с Трофимом ржём, как ненормальные, Коля сам таскает ящики с бурыми помидорами...

Тут до автора дошло: Коля! Где Коля?! Я же его нёс... Где я его оставил?! Он же подумает, что я его бросил... А его же любой может обидеть, не говоря про милицию!

Не уберёг!

Вскочил, начал колотить в дверь. – Коля! Куда вы его дели, сволочи?! – Дверь открыл давешний медик в погонах. – Чего стучишь? Мало получил, ещё хочешь?! – И толкнул здоровенным кулаком в грудь, добавив необязательных слов. Много и громко.

Боже мой!

Лёг на место, заплакал. От обиды, стыда, ощущения собственной глупости. Вспомнил, как, изгнанный из милицеевской комнаты, пытался выкрасть Колю. И выкрал, воспользовавшись суматохой, поднятой доставленными туда двумя

пьяными цыганами, мужем и такой же женой. Ввалил ожившего Колю на спину, велел молчать, но сдуру попёрся в метро, на эскалатор, гонимый идеей ночлега на Подоле... Дальше вспоминать не хотелось, ибо неприятно. Почему-то представлялось, что бедного друга именно пытаются, как про это автор читал в подпольной тогда жуткой книге Кестлера. А хотят от него узнать имя человека, который его нёс на себе по Крещатику. А он молчит, сцепив зубы, говорит, убивайте меня, я не скажу!!

...Из дальнего конца помещения поднялся в туалет высокий худой человек в светлых плавках, чего-то замешкался, странно знакомый...

– Коля!.. Живой?!

Человек остановился, покрутил головой в поисках источника своего имени. Увидел, удивлённо сказал:

– О, здравствуй, Вова!

И раскрыл широкие дружеские объятия.

Уходили ярким воскресным утром. Вышли на крыльцо, осмотрелись. Одноэтажное здание старого красного кирпича, как бы детский садик с решётками на окнах. Большой двор, во дворе огромные клёны, чуть тронутые желтизной. На выщербленной красноватой шильде облезлым золотом означено «Медицинский вытрезвитель Подольского района».

Вот и переночевали.

Как делали обрезание

Случилось это, любезный читатель, в пору сухого закона и краткого расцвета безалкогольных свадеб.

Не к ночи будь помянуто.

Одного Серёжу попросили дать взятку. У друзей дочь поступала в мединститут, а родители желали ребёнку счастья, в данном случае высшего медобразования. Но желали они того счастья как-то не по-современному, как-то отвлечённо, ибо не только сами не брали взятки, но даже не пробовали их давать, а кто же в наше время так желает?! Узнав, что у Серёжи в том институте служит кто-то из знакомых, и полагая, что Серёже дать взятку всё равно что перейти через скверик, родители дочки попросили его сделать это не совсем нравственное дело.

При этом, будучи таки совестливыми, они уточняли, чтобы ничего такого – просто замолвить слово.

Серёжа в присутствии родителей позвонил знакомому, изложил дело, уточнив, чтобы ничего такого – просто замолвить слово, и сколько это слово будет стоить. Знакомый велел подождать и, видимо, прижимая трубку к животу, стал расспрашивать на том конце, что, сколько и когда. Затем, видимо, оторвав трубку от живота, сказал, что слово замолвят, взятку возьмут, но есть нюансы: берущая сторона просила мзду исключительно валютой, то есть водкой. Сколько, спро-

сил Серёжа знакомого. Знакомый вновь проделал артикул с трубкой, затем сказал сколько. Серёжа уточнил: за слово? Знакомый засмеялся и уточнил: по факту! Серёжа пересказал разговор родителям. Задача была небольшая, но сложная. Водка в то время находилась как бы в подполье, но чадолюбивые родители переглянулись и сказали, добудем! Спустя положенное время позвонил знакомый, сказал: Серёжа, слово замолвлено, дочка на пути к выздоровлению, в смысле к сияющим вершинам меднаук, неси благодарность, спросишь Виктора Збигневича. Серёжа понял, что это главный замолвляющий, и поехал к родителям с радостной вестью, то есть за товаром.

Итак, в субботу, ярким августовским днём, не предвещавшим ничего особенного, в том числе и в смысле осадков, о которых ниже, Серёжа, груженный сумкой с глухо звякающей взяткой, направлялся на кафедру Н-ского мединститута с целью её вручить и устремиться далее. Ему нужно было сегодня кровь из носа помириться с мамой своей жены. То есть тещей, как на грех, Настасьей Филипповной. Кстати, для этой цели он побрился и надел костюм с ненавистным галстуком. Он надел этот галстук, конечно, для примирения, поскольку для дачи взятки протокол и поныне не выработан, хотя казалось бы!

Короче, всё было хорошо, даже отлично!

Серёжа бодро двигался к цели, цель приближалась, солн-

це светило. Где-то высоко над городскими проводами болтались белые, ничего не предвещавшие тучки. И вот тут, проходя мимо тяжёлого от зелени парка, позитивный Серёжа встретил давнего знакомого по имени Митя. Митя, наоборот, двигался медленно; он рассеянно шёл улицей родного города, держа в каждой руке /внимание!/ по бутылке водки. Он держал их за шеи, при этом лицо имел такое, как бы он нёс не драгоценный, в то время практически реликтовый напиток, а двух представителей царства пресмыкающихся, только что убиенных. Серёжа такому несоответствию сильно удивился, ибо сам, невзирая на предстоящую встречу с Настасьей, прости, Господи! Филипповной, имел лицо радостное, зная, что в жизни можно встретить много хорошего, важно быстро проскользнуть мимо плохого. А встречу такой редкой по тому времени водки в одном месте в таком количестве вообще считал прекрасным ликующим знамением. Остановив Митю у ограды парка, он сказал, здравствуй, Митя; похоже, будет дождь, но может и не быть; что случилось, Митя?

Собственно с Митинога рассказа и начинается это замечательное повествование.

Глава первая

Оказалось, что Митя такой горький с лица вот почему. Потому что он идёт прощаться с христианством.

Ни много ни мало, любезный читатель!

Митя давно был в конфликте с существующим в стране строем /развитой социализм/, а с наступлением ветра перемен, то есть сухого закона, решил уехать из этой страны, раз она такая! Куда именно уехать, он не знал, но бесповоротно. Он долго думал, искал по карте и по памяти, пока сослуживец с подозрительным в наших широтах именем Генрих не склонил его ехать в Израиль. Генрих ярко описал красоты и вольготы этого вечно древнего, но живучего государства, убедил в простоте перемещения через границу. Короче, не пожалел красок. В процессе рассказа на щеках кроткого Мити вновь расцвели увядшие было бутоны. Нужна мелочь, бодро закончил Генрих – родственник-еврей, пусть даже самый слабый, ищи! У меня нет в роду евреев, подумав, сказал простоватый Митя. Ты поищи, уверенно сказал Генрих, поспрашивай дядьев, теток, старух – быть такого не может, Митя! Митя давай доверчиво искать еврейских родичей: сперва поблизости, затем более тщательно, затем практически с лупой – евреями и не пахло. То есть вокруг их было полно, молодых и не очень старых; и, главное, все они явно были заветными родственниками! То есть братьями и сёстрами людей, не знающих своего счастья! Конечно, в процессе поисков роз на щеках Мити сильно поубавилось, но тут, когда надежда пустила последнюю струйку дыма и собралась околеть, в далёкой полубылинной Костроме всплыл некто Паша Вишневецкий. И хоть родственник он был Мите

чуть более близкий, чем отблеск Сириуса, но при этом чистокровный полуеврей, часовщик по профессии!

Радости почему-то Генриха не было конца. Я же тебе говорил, ликовал он, что не может быть – и вот, пожалуйста! Однако радость почему-то Генриха была недолгой; при более глубоких раскопках Паша оказался хоть и полу-, но, увы, поляком! Потомком тех незадачливых поляков, которых умный Сусанин конкретно свёл в могилу аккурат в 17 в. нашей эры. А Пашин предок – Яцек Вишневецкий, шляхтич уродзонный, – выжил лишь потому, что задержался в кабаке одноногой Дарьи, а когда кинулся догонять, отряда уже и след простыл – Сусанин торопил, чтобы до света, имея своё на уме! Так этот Яцек вернулся к Дарье и в ожидании своих однопартийцев /безуспешном, как нам сегодня известно/ обрусел, дав вместе с Дарьей начало такому себе роду Вишневецких, ремонтирующих городские часы прямо со времён изобретения книгопечатания.

Узнав про такое Митино фиаско, неугомонный Генрих не сдался, а молвил. Он налил себе дополнительно в стакан и молвил: Митя, если гора не идет к Магомету, значит что? Значит, подумав, ответил Митя, что ты имеешь в виду, Генрих? Если у тебя в роду нет евреев, значит, тебе нужно самому стать им радостно сказал Генрих! Т. е. стать иудеем! Тут он поднял дополнительный стакан и рассказал, как это обычно делается. Дело оказалось до обидного простым. Оставалась одна щекотливая тонкость, которую Генрих то ли запа-

мятовал, то ли оставил на сладкое. А как насчет обрезания, вспомнил Митя, или это шутка? Почему шутка, немедленно обиделся Генрих, ничего себе шутка! Весь передовой отряд еврейского народа изобрёл и неуклонно проводит в жизнь этот древний обычай, а ты – шутка! Тут он взволнованно поставил дополнительный стакан и подробно рассказал детали этого непонятного обычному человечеству вида спорта. Услышав, что этот древний, но вечно молодой обряд проводят на восьмидневных младенцах, Митя о чём-то задумался, потом осторожно спросил: а может, мне не нужно, например, если я уже просрочил?! В том-то и дело, что нужно – так же энергично ответил Генрих, словно радуясь такому Митиному счастью, а как же! Подумай сам, как же тебя отличить на границе, когда, например, у тебя на лице никаких признаков, веснушки не в счёт?! А так – как говорится: читайте, завидуйте! А если без признака? – спросил Митя, не вполне радуясь грядущему везению. Без – не берут, – твёрдо сказал Генрих, – слишком много желающих! У них там, в Бен-Гурионе, в аэропорту есть специальный прибор. Сверху проверяют паспорт и деньги, снизу – наличие. Называется фейс-контроль. Паспорт можно потерять, татуировку вывести, а обрезание, как песня, – всегда с тобой, чудак!»

Митя взял неделю на раздумье.

И вот неделя истекла, закончил он свою повесть, что мне делать?

– Плюнь на этот Израиль, а Генриху соври, – уверенно

сказал Серёжа. – Я же тебя знаю! Тебе ведь и здесь хорошо, на просторах Родины чудесной. А там ты удавишься от чего-нибудь или просто по глупости, мне сердце говорит!

– Да я уже это понял, – ответил Митя, тоскливо оглядывая просторы Родины, состоящие в данный момент из чугунной ограды, каменного памятника какому-то забытому мужчине и трамвайных рельсов. – Я это понимаю, – вздыхал он, по-прежнему держа бутылки за горло. – Но тут есть одно дело...

Дело состояло в том, что Митя неосторожно сказал одной дуре, что уезжает в Израиль, и что вопрос этот практически решён! А та, будучи энергичной дурой, что ужасно вообще, а в данном случае стало катастрофой, – тут же сколотила инициативную группу. Ибо в те времена отъезд в Израиль – это было целое шоу, ритуал под названием «Проводы кормильца на землю обетованную!» Инициативная группа состояла в основном из таких же дур и их знакомых фотографов, о существовании которых Митя и не подозревал, что их так много. Они немедленно завалили кроткого Митю звонками, словами поддержки и гордости за таких людей, как он. Самые яркие слова и пожелания обычно заканчивались настоячивыми просьбами встретиться с уехавшими родственниками, и уже было принесено Мите несколько пакетов и свёртков с просьбой передать там, «а там встретят, мы уже позволили!». Короче, отступить было некуда. Вот Митя по древнему русскому обычаю решил утопить горе в вине. Он достал откуда-то из-за плинтуса две бутылки водки, берегомые на

самый главный случай, и теперь идёт не знает куда, но знает зачем – выпить водку и сегодня к концу дня предстать перед иудейской старшиной.

Закончив исповедь, Митя взял бутылки под мышки и потёр о штаны потные ладони. При этом он тяжело вздохнул. Слева чирикали и пылили беззаботные птицы. Справа у памятника забытому мужчине мучились пыльные августовские цветочки. Серёже стало жалко кроткого Митю, особенно драгоценную водку, которой Митя, будучи в неадекватном состоянии, может запросто неправильно распорядиться. Серёжа подумал и сказал:

– Митя, как христианин я не разделяю и скорблю о твоём решении, но как человек и тот же христианин я тебя понимаю и соболезную. Поэтому я лично провожу тебя в лоно иудаизма. Я стану тем христианином, который даст тебе последнее целование, перед тем как ты идеологически простишься с нами навек. Только сначала мне нужно зайти в один институт и отдать взятку.

Так сказал тронутый Серёжа и поднял с земли тяжёлую сумку с водкой.

Бутылки в сумке скупно звякнули.

– Идём в институт, – сказал согбенный Митя, – мне уже всё равно.

Глава вторая

В институте было тихо.

Только что отгремели вступительные экзамены. Поэтому и вокруг института тоже было тихо. Лишь у стендов возле входа кучковались какие-то совсем отпетые абитуриенты, но внутри было прохладно и почему-то сумрачно. Серёжа и робеющий Митя поднялись на кафедру анатомии, спросили Виктора Збигневича. По какому вопросу, строго спросила строгая женщина, посмотрев на тяжёлую сумку. По личному, ответил Серёжа и улыбнулся. Обычно перед Серёжиной улыбкой никакая женщина не устаивала. Строгая женщина предприняла попытку устоять, но силы были явно неравны. Чтобы не потерять лицо, она не без труда перевела ответную улыбку куда-то в брови, но ответила более гостеприимно. Они, сказала женщина, скорее всего в такой-то аудитории. И зачем-то добавила: у них сегодня было заседание учёного совета.

И показала куда идти.

В такой-то аудитории было по-медицински бело и по-анатомически прекрасно. В большие окна бил яркий солнечный свет. В стеклянных шкафчиках радостно отсвечивали банки с бледными витиеватыми препаратами. На стенах висели картинки, изображающие внутреннее ликующее устройство человека. Глядя на них, верилось в безграничные целитель-

ные силы ума и науки, и еще почему-то верилось, что космос будет наш. Картину этого анатомического счастья слегка портил высокий сухощавый скелет. Он грустно стоял у перепачканной мелом доски и был похож на туповатого студента, который давно умер, пытаюсь вспомнить, в каком месте у человека находится «кавум орис» и что это, собственно, такое. На мысль о его недалёкости наталкивала полураскрытая челюсть, куда так и тянуло вставить карандаш или окурок.

Что, впрочем, часто и делалось.

За всеми этими подробностями Серёжа с Митей не сразу заметили представителей царства живых. Живые в количестве четырёх человек сидели за студенческими столами и о чём-то тяжело молчали. Как позже выяснилось, сегодня у них действительно был учёный совет. Более того, совет победительный: они протолкнули на должность ведущего научного сотрудника своего человека, выдержав решающее сражение против группировки Алавердова. Естественно, столь чаемую и важную победу нужно было срочно обмыть. Протолкнутый сотрудник с ужасной для учёного фамилией Сидоров сказал, разобьюсь, но достану! принес закуску и решительно ушёл за водкой. Больше он не появлялся, трусливо сообщив по телефону, что водка есть, но ближайший водочный магазин находится в Хельсинки, а визу туда нужно ждать полгода, а без визы пока не пускают! Короче, был тот редкий случай, когда наука в столкновении с реальной жизнью показала свою бессильную изнанку. Единственным уте-

шением собравшихся было, что наша граница по-прежнему на замке!

Утешение было слабым.

И тогда самые стойкие приняли дерзкое научное решение: идти в анатомическую аудиторию и добыть спирт из препаратов. Эту идею подал недавний кандидат наук Зайцев, который хоть и был кандидатом, но как бы с порчей. Ибо весной, сразу после защиты, по древней научной традиции всех пригласили на протокольный банкет. Что было принято с естественным энтузиазмом. Однако узнав, что банкет будет безалкогольным, что тогда практиковалось сплошь и рядом, приглашённые мужи и девы науки немедленно увяли, как хризантемы в ведре, и разошлись, согбенные и на цыпочках.

Как бы не с защиты кандидата Зайцева, а с его поминок.

И вот прошло уже раз, два, три... пять с половиной месяцев, а его никто всерьёз не воспринимал. Он очень страдал, лез из кожи вон, стараясь доказать, что он – Зайцев И. Н. – настоящий кандидат медицинских наук. Он даже в коммунальных платежках ставил перед подписью «к.м.н. Зайцев», и в прачечной. Но утешало это слабо, ибо на работе все понимающе переглядывались и предупредительно ему улыбались, как больному с неутешительным диагнозом. Вот он и подал смелую научную мысль насчёт спирта из препаратов. Самые стойкие мысль подхватили, понимая: если не замочить по горячим следам, победа над группировкой Алавердова может оказаться пирровой. Пришли в аудито-

рию. Вскрыли несколько сосудов с людскими печенями и ушными раковинами – и тут же закрыли. Ибо до них там уже кто-то побывал. Что подтверждает старую истину насчёт идей, которые витают в воздухе. Короче, после этого оставалось одно...

А что именно «одно» – они как раз мрачно решали.

И вот в этот критический для науки час в аудиторию вошел обаятельный Серёжа, поздоровался и спросил Виктора Збигневича. Ну, я Виктор Збигневич, хмуро откликнулся большой мужчина с большими же поникшими усами. Он был похож на путешественника Пржевальского на известном портрете, только без мундира и в ужасном настроении. Увидев, что Серёжа замаялся, он мрачно произнес: давай говори, здесь все свои! Серёжа почему-то глянул на Митю и сказал про взятку. Митя кротко кивнул. Узнав, в чём дело, Пржевальский немедленно преобразился. Он торжественно поднялся, широкими движениями распрямил усы, приосанился и тут же стал похож на своего великого предшественника, собирающегося сделать свой знаменитый доклад в Императорском Географическом Обществе. Он торжественно открыл сумку, поставил бутылку водки против солнечного луча и громко восхитился. Жизнь продолжается, леди и джентльмены, сказал он прекрасным голосом и загадочно добавил: вот и не верь после этого приметам! Остальные трое зашевелились и заулыбались, кандидат Зайцев несколько раз хлопнул в ладоши. Картина сразу оживилась; учёные мужи зады-

шали, задвигались, привычно смахивая со стола коробки с костями и стеклянные сосуды с органами.

Готовился выстраданный пир.

Не двигался только Митя. Он стоял у двери и, будучи робким от рождения, тревожно рассматривал начинку аудитории, где всё было белым и пугающим, начиная от скелета, заканчивая кактусами на подоконниках. На большом медицинском столе лежало что-то длинное, покрытое клеёнкой. Оказалось, научная половина умершего человека без головы и внутренностей; проще говоря, половина трупа. Пахло чёрт знает чем. Формалином, пояснил позже кандидат Зайцев. Помня, что Серёжа после дачи взятки собирался к тётке, Митя начал потихоньку отступать на волю, делая Серёже робкие знаки. Но Серёжа был в своей стихии, тем более что предстоящий визит к тётке, Настасье Филипповне, его совсем не воодушевлял. Поэтому он радостно устанавливал на место попорченные препараты, сверяясь с табличками, громко при этом восторгаясь, мол, как всё-таки правильно устроен человек – все некрасивые, то есть необязательные органы спрятаны внутри организма; сразу и не разберёшь, зачем их так много!

Короче, начиналось хорошее, перспективное дело.

Пржевальский зорким оком путешественника заметил отступающего Митю, закричал: не позволяю! и втокнул Митю в аудиторию. Стол был накрыт по-военному быстро; роль торжественных бокалов выполняли некие ущербные рюмки

и медицинские полустаканы. По Митиной просьбе отнесли за шкаф угловатый скелет. Он настоящий, спросил кроткий Митя? Настоящий-настоящий, успокоительно махнул кандидат Зайцев; не бойся, тут все настоящее, и отдал Мите поднос с костями и совсем уже третьестепенными косточками, на которых обычно валят студентов. Митя принял поднос кончиками пальцев, побледнел и оставшееся время выпивал, чувствуя в пальцах как бы отравленное жжение, а попросить помыть руки стеснялся.

В компании, кроме молодого кандидата Зайцева и Пржевальского, был ещё некто Иосиф Адамович, полный мужчина с красным лицом – доцент какой-то несложной кафедры. Про него было сказано, что он любит точность даже в мелочах, за что его ненавидят в деканате, особенно в канун женских праздников. Иосиф Адамович не стал сопротивляться насчёт точности, но насчёт ненависти молча покачал стриженной головой. Четвёртым был непонятно кто по имени Стасик. Во всяком случае, он на это имя отзывался. Стасик был худым и задиристым, и вообще выяснился геологом. Он лишь вчера вернулся из-под Хохольмы, с разведки ископаемых, а сюда пришел, узнать, куда делась его жена Инна Анатольевна, ассистент кафедры санитарной гигиены. В поисках жены он забрёл на учёный совет и там, стосковавшись в диких сопках по научным прениям, попросил слово. Получив, он громко, а главное, аргументированно выступил против группы Алавердова. К которому, кстати, ни-

чего не имел, просто у них в геологической партии был татарин Нармуминов, которого Стасик остро не любил. Решив, что Нармуминов от Алавердова далеко не падает, он с ходу и решительно дал последнему отповедь по всем пунктам. Учёный совет внимательно, хоть и не без тревоги, выслушал выступление незнакомого коллеги. Ибо оно было насыщено словами и терминами, более уместными на угрюмых откосах Хохольмы, чем на медицинском совете. Однако услышав несколько раз произнесённое «в недрах», народ успокоился, поскольку на совете шла речь как раз о делах акушерства и гинекологии. Дослушав страстного Стасика, совет ничего не понял, а не поняв, решил, что береженого Бог бережет, и отдал пальму выдвигенцу группы Пржевальского.

Естественно, Стасика почётно пригласили замочить победу, а он и не стал упираться, отложив поиски жены на потом.

Праздник начался с ритуального запираания аудитории изнутри.

Напомним, время было антиалкогольное, читай, тревожное. Подняли тост за общую победу над группировкой Алавердова. Затем – за победу над каждым участником группировки в отдельности, давая каждому краткую /отрицательную/ характеристику. Получалось, правильно сделали, что низложили Алавердова и его клику, ставших на пути передовой науки, как кость в голове.

Митя пил со всеми, но напрасно – не брало. Предстоящая встреча с иудейской головкой, последующая унижительная

операция плюс больничное окружение аудитории не могли наводить на хорошие раздумья. А лежащая на столе половинка умершего человека без головы – та активно наводила на раздумья нехорошие, тошнотворные. Роскошный Пржевальский руководил застольем и громогласно удивлялся, почему Митя такой тихий и уж не болен ли он?! Серёжа сказал, нет, и рассказал за Митю его печальную сагу, по привычке кое-что разукрасив.

По Серёжиной версии, уже крепко нетрезвой, выходило, что Митя как раз жив и здоров, но ему предстоит ехать на землю обетованную, чтобы выяснить... А что выяснить – Серёжа как раз не придумал. Поэтому он обтекаемо сказал, что это – государственная тайна. Не смотрите, что Митя как бы тихий, продолжал он, придумывая тайну на ходу; он как раз не тихий! Он очень не тихий, а почему? Потому что уже дана телеграмма тамошнему премьер-министру, который в Мите страстно заинтересован... Соображая, какой такой интерес может вызвать веснушчатый Митя у премьер-министра израильского государства, Серёжа выглянул в окно, погладил кактус и ни с того ни с сего заявил: друзья, ни для кого уже не секрет, что едет Митя выяснить тайну своего рождения, которая одновременно является тайной государственной! А в Кнессете бояться, добавил он для интриги, чтобы Митина тайна не попала в третьи руки, читай, к арабам, которые тоже имеют к Мите свой мрачный интерес. А почему они имеют к нему интерес, спросите вы, а я уже отвечу, ибо здесь все

свои. Перед вами не Митя... нет, не Митя... отнюдь не Митя! А кто же, спросите вы меня? А я сейчас отвечу... Он прямой наследник... тут Серёжа набрал воздуха, чтобы вспомнить, чей Митя наследник, кроме своего папы дяди Леонтия... Короче, бухнул он, перед вами – прямой наследник царя Соломона!

Соврав на такой высоте, Серёжа выдохнул и дальше врал легко, как на салазках.

Он доверительно сообщил, что наши правительства уже, было, ударили по рукам, но тут заартачился Моссад, читай, израильская разведка. Нагло заявляя, что, мол, мы не можем дать гарантию! Но тут наша разведка аккуратно над ними посмеялась и дала гарантию! Даже две! Уже были куплены билеты Москва – Бен-Гурион, но тут вырос камень преткновения: у Мити не оказалось обрезания! В Израиле ужас, общественность поднялась на дыбы! Какая-то баба из Кнессета вспомнила, как её мужу-таксисту из Коростышева делали обрезание в гараже и что он при этом говорил! И нагло заявила, что всё должно быть по закону Моисееву, иначе чем тогда Израиль отличается от коростышевского водоканала, где она работала до Кнессета на заявках, – ничем!..

Короче, сказал запыхавшийся Сережа, Мите нужно кровь из носа сделать обрезание, и быстро; то есть его уже с нетерпением ждут!..

Закончив легенду, Серёжа потянулся налить и понял, что перегнул. Что напуганные учёные могут запросто свернуть

выпивку в угоду чужой демократии! Но не станем торопиться, сообщил он! Проявим же присущую нашей науке осторожность! Ибо если выяснится, что Митя таки еврей, то есть конкретно наследник легендарных копей Соломона, – тогда обрезание окажется как никогда кстати! А если нет? Чем мы посмотрим ему в глаза?

С этими словами Серёжа налил-таки себе водки и одиночно выпил, слегка сотрясённый своей речью.

Уже хорошо нетрезвые слушатели выслушали смутный Серёжин рассказ, ничего не поняли, вычленив из него два ключевых слова: «Израиль» и «надо ехать». Вычленив, немедленно заспорили. Ибо тема отъезда на родину предков была тогда на редкость популярной.

Мнения громко разделились на:

а/ надо обязательно ехать!

б/ не надо никуда ехать, подурели совсем! и

в/ что это за копи такие, может, овчинка не стоит выделки,

г/ а?!

Насчёт никуда не надо ехать настаивал патриотический Стасик.

– Значит, – допрашивал он Митю, – ты не нашёл здесь ни одного родственника еврея, так?

– Не нашёл, – отвечал красный от общего внимания Митя, – все уже умерли. Поголовно!

– Вот, – обрадованно сказал Стасик, – значит, ты – круглый сирота! За тобой нужен уход, а там у них человек чело-

веку – алкоголик, то есть верблюдо... в смысле волк! Короче, ты пока тут посиди и никуда не едь! Я сейчас сбегаю куплю чего-нибудь кислого и напомним тебе одну песню! И тебя туда никакими копиями не заманишь! Придумают же!

С этим обещанием он быстро вышел, проверив наличность.

Кандидат Зайцев, обиженный на страну за своё научное непризнание, наоборот, настаивал на немедленном отъезде.

– И плевать на родственников! – кричал он. – Тем более если ты царский сатрап, в смысле наследник! Ты просто заходишь в ближайшую нашу синагогу, там все про всех знают, особенно про Соломоновых наследников. Они падают перед тобой плашмя и выдают соответствующий документ. За относительно небольшую плату!

При этом он смотрел на Иосифа Адамовича, как бы на авторитет в еврейском вопросе. На что краснолицый Иосиф Адамович сердито засопел в том смысле, что имя Иосиф абсолютно ни о чём не говорит. И вообще, если следовать Зайцевской логике, то можно заподозрить в еврейских корнях даже товарища Сталина, которого мама назвала Иосифом то ли по вековой женской дури, то ли по иронии судьбы, в то время как у её мужа было нормальное грузинское имя Вася, которое в угоду культа личности переписали на неприятное «Виссарион».

К Митиному облегчению они с кандидатом немедленно сцепились насчёт иудейских имён.

Оставшись без присмотра, Митя принялся листать громадный анатомический атлас с жуткими картинками. В свете предстоящей операции эти картинки нагнали на него такую тоску, что он решил плюнуть на Серёжу и идти делать чёртово обрезание, а там – будь что будет! Он вздохнул, посмотрел на часы и аккуратно пошёл на выход, чтобы не заметил Пржевальский или Серёжа. Но те, вспомнив какую-то общую Полину Эдуардовну, ничего не замечали, погрязнув в двусмысленных воспоминаниях.

Первым, кого встретил освободившийся Митя в пустом коридоре, был Стасик. О, Митя, радостно сказал Стасик, а ну, напомни, на чем я остановился. И сам же ответил: не надо, я же все помню!

Вернувшись в аудиторию, они услышали голос кандидата. – Из этого графика, Иосиф, – говорил кандидат, похаживая возле им же исписанной доски, – мы видим, что мы все имеем один еврейский корень! И мне положительно странно, зачем ему /Мите!/ нужно куда-то ехать, когда он, считай, везде дома! – Тут он положил мел и победно вытер руки.

– Но ты же сам только что кричал, что ему нужно ехать! – отвечал Иосиф Адамович, поражённый бессовестной кандидатской логикой. – Кричал, говори?!

Запутавшийся кандидат посмотрел на свои графики, потом на красное непреклонное лицо Иосифа Адамовича, обиженно замолк и демонстративно отошёл к Пржевальскому и Серёже.

– Ты их никого не слушай, – сказал Стасик, подталкивая Митю к столу. – Ты слушай меня!

Ты вспомни нашу песню, Митек, – убеждал он, доставая из карманов пиджака горячие городские огурцы.

– Вспомни: «...а Родина милей, милей! запомни, журавленок, это слово!» Запомнил? – строго спрашивал он.

– Ты не смотри на препарат живота или что там за гадость в банке, ты смотри на меня! Ты запомнил это слово?!

– Ну, запомнил, – покорно сказал Митя, послушно отрывая взгляд от банки, – а какое слово, Стасик?

– Вот это слово, – торжественно отвечал Стасик и запел на какой-то забайкальский мотив: – «А где-то там вдали курлычут журавли, они /внимание!/ об Родине заснеженной курлычут...» То есть плачут вот такими, – показывал Стасик размер слёз, – горькими журавлиными слезами!

Слёзы по Стасиковой версии были большими, величиной с блюдце.

– Такими и ты будешь плакать, Митёк! Запомнил?!

– Запомнил, – мигнул Митя покрасневшими от этого всего веками.

– Короче, лети, Митя... в смысле сиди и не рыпайся!.. То есть давай лучше выпьем за родные бугорки и подворья!

– Оставь его в покое, – сказал поднявшийся в туалет Пржевальский, – видишь, он уже давно не журавлёнок!..

– Пусть едет, – добавил он, воротясь из туалета, – пусть, если такова его карма!

И предложил тост за обрезание как новое перспективное направление отечественной хирургии.

– Но обрезание, – строго продолжил Пржевальский, закусывая огурцом, – обрезанию рознь! Это дело серьёзное, и в неумелых, дилетантских руках пациент может запросто получить сепсис, то есть закончить старую жизнь, так и не начав новую!

В доказательство этого он доел огурец, показав аудитории бесполезную его часть, именуемую в народе «попкой».

– Чего получить? – тревожно переспросил Митя, – кого?!

– Сепсис, – пояснил всё ещё обиженный кандидат, – экзитус леталис!

– Но ты ему не верь, – добавил он, почему-то показывая на Иосифа Адамовича, – в Израиле такие специалисты, обрежут с ветерком!

Он сказал это так убедительно, словно сам был ассистентом кафедры Обрезания в Тель-Авивском медуниверситете.

Все, кроме насупившегося Пржевальского, заговорили, что в Израиле медицина на высоте, и нет сомнения, что израильские коллеги сделают Мите отточенную веками операцию на высшем уровне. Но тут их охладил любивший точность Иосиф Адамович. Высказав удручающую мысль: для того чтобы израильские коллеги могли блеснуть мастерством, сначала нужно к ним попасть. А для того чтобы к ним попасть, нужно иметь это самое обрезание в наличии. Получается, закончил он, заколдованный крюк: чтобы сделать

обрезание, нужно сначала его иметь.

Налили, задумались, как быть?

И тут кандидат Зайцев выразил вторую за этот день дерзкую научную мысль. Он сверкнул очами и возгласил:

– Товарищи, предлагаю сделать Мите обрезание на Родине, то есть в стенах нашего ордена Трудового Красного Знамени института. Мы не имеем права рисковать таким человеком! – добавил он, показывая на несчастного Митю.

– Правильно, – веско сказал Пржевальский, который выяснил хирургическим профессором, – я сам его обрежу по всем правилам отечественной хирургии, мировое первенство которой кое-кто тут пытался пошатнуть! Тем более что в руках дилетантов наш Митя может потерять не только жизнь, но и принадлежащие ему по праву кольца царя Соломона.

– Копи, – поправил его Иосиф Адамович, не прощавший неточность даже армейскому начальству.

– Какая разница, – ответил Пржевальский с высоты своего роста и велел Зайцеву: – Коллега, приготовьтесь, будете мне ассистировать.

Гордый поручением кандидат немедленно куда-то умчался.

– Ждите нас здесь, – сказал Пржевальский и, сильно покачнувшись, ушёл за Зайцевым.

– Видишь, Митя, – сказал Серёжа, – как всё хорошо складывается! Сейчас мы весело и с музыкой проводим тебя ту-

да... – Он забыл, куда именно собирался провожать Митю, и нейтрально добавил: – ...куда глаза глядят.

– Ты не волнуйся насчёт обрезания, – успокаивал Митю Иосиф Адамович и добавил про Пржевальского: – Он знаешь какой хирург! Он однажды, чтобы уечь австралийца Вантмайера, на спор сделал грыжесечение по Бассини /внимание!/ простым сапожным ножом. Я этого не видел, – добавил он, – но говорят, на Вантмайера жалко было смотреть! Говорят, вся Австралия плакала, включая кенгуру!

Серёжа тут же вспомнил хирургический анекдот, как двое везут больного на каталке. Больной спрашивает: ребята, вы куда меня везете? А ребята по-простому говорят: в морг. Больной заволновался, говорит: ребята, я же еще не умер! Ребята говорят: так и мы еще не доехали!

Услышав про нож, особенно про морг, Митя окончательно решил бежать, даже привстал, чувствуя непослушание в ногах, но тут вернулся Пржевальский. Он вернулся с расстроенным кандидатом и каким-то докторским портфелем, сообщив, что Маргарита Георгиевна сказала, что ей, конечно, всё равно, но что сволочь Жилинский пронюхал про их пир и куда-то быстро пошёл, насвистывая «мне сверху видно всё, ты так и знай!».

Ясно, что закладывать.

– Ребята, – строго скомандовал Пржевальский, – сворачиваемся, хоть это противоречит фундаментальному принципу отечественной хирургии, который гласит: сказав «а»,

хирург обязан сказать «б»! Но Алавердов – известный гад – возглавил комиссию по этике, и он за поражение на нас же и отыграется!

Глава третья

Вышли на воздух.

На улице по-прежнему было ярко и беспечально. Августовский день клонился к жаркому вечеру. Душа тоже горела и требовала чего-то большего. У институтской ограды женщина в белом торговала с колёс прохладительными напитками. Пржевальский посмотрел на запотевшие этикетки, затем осмотрелся вообще и резюмировал общее настроение словами:

– Вот так возьмём и разойдёмся?! Что ли, мы немцы?!

– Друзья, – подхватил Серёжа, которому страшно не хотелось ехать мириться с тёщей, ужасной Настасьей Филипповной, – друзья, я знаю прекрасное место! Буквально пять остановок на троллейбусе – и мы на первоклассной природе с видом на женщин, то есть озеро плюс первозданная тишина!

– Правильно, – сказал Пржевальский, выступая к остановке и твёрдо помня генеральную линию, – на природе и обречем, то есть скажем своё веское «б»!

Иосиф Адамович было заартачился, но было понятно, что артачится он исключительно из принципа, будучи ленивым и толстым.

– А водка ещё есть? – поинтересовался он из любви к точности, точно зная, что есть.

Стасик потряс похудевшей сумкой, в сумке характерно звякнуло.

– Одна звенеть не может, – философски заметил кандидат, – а две звенят не так. Эрго – водки полно!

– Полно! – широко шагая к остановке, подтвердил Пржевальский. – Хватит и на выпить, и на анестезию!

– Анастасия, – кивнул захмелевший Митя, – прощай!

В троллейбусе ехали на разных площадках, но в одну сторону. Митя с кандидатом вошли через переднюю дверь, хоть им хотели помешать, как не имеющим явных признаков инвалидности. Воспитанный Митя было засовестился, но кандидат затолкнул его внутрь со словами, лезь давай! И громко пояснил возражающим:

– Это знаете какой инвалид?! Это такой инвалид – это главный Инвалид страны! А вот вы, женщина, своей тяжёлой сумкой можете здорового сделать калекой!

Он ещё хотел уточнить, что своей сумкой она может сделать инвалидом кандидата медицинских наук, но троллейбус дёрнул, и они с Митей чуть не обрушились в проход. Так и поехали, держась друг за дружку, высматривая своих на задней площадке.

На задней площадке воцарился нетрезвый Стасик, продолжая начатую, но незавершённую еврейскую тему.

– Допустим, – кричал он вглубь салона и непонятно ко-

му, – допустим, мы поехали в Израиль! А вы знаете, сколько у них правил, то есть законов насчёт субботы, поднимите руку, кто знает?! Так я и думал – все без понятия! Я скажу: шесть... шестьсот тысяч законов, не хотите?! И все придётся выполнять!

Троллейбус молчал, как бы обдумывая неоправданно чудовищное количество субботних законов.

– В субботу ничего нельзя: нельзя ложиться, ходить, смотреть телевизор, мыть голову, кушать. А также отправлять естественные надобности, а после их убирать!

– Ну, – возразил от окна точный Иосиф, – а если у меня энурез?!

– Там это никого не волнует, – закричал Стасик, – это такое, с позволения сказать, государство! В субботу все терпят, где кого прижало, стиснув зубы!

Тут он сжал худые челюсти, изображая сильно терпящего еврея.

– Старики, женщины и дети – все терпят! Женщины сидят под стенкой на корточках с выпученными глазами – ждут сигнала, то есть начала воскресенья! Правда, Сергей?!

– Естественно, – охотно подтвердил Серёжа. – Суббота – это их священная корова: где кого застало, там тому и крышка!

И тут же придумал, что его двоюродная знакомая в Хануке в пятницу вечером влезла на стол завинтить лампочку, а саму зовут Роза. Вот она влезла поменять перегоревшую

лампочку, а в это время стукнула суббота. Она у них там начинается вечером в пятницу, а не как у людей! И вот перед ней, перед Розой, а не субботой, вопрос: слезать на пол и тем самым надругаться над законом, то есть сесть на шесть лет в тюрьму, или простоять на столе 24 жутких часа, в её возрасте в такой позе?!

Окружающие с понятным интересом изготовились слушать, чем закончилось Розино субботнее стояние. Но Иосиф Адамович заявил от окна, что ханука отнюдь не город и даже не еда, как можно подумать, а праздник, и что это неплохо помнить. Заспорили насчёт хануки, затем так же энергично перешли на статью в «Медицинском вестнике» какого-то Бермана. Перешли плавно и по пьяному делу очень логично, хоть там шла речь о компонентах хронического эндотоксикоза в условиях вегетативной дисрегуляции.

Услышав эти страшные слова, народ увял и вновь углубился в сборники несмешных анекдотов.

Проехали пять обещанных остановок. Затем ещё две. Митя вцепился в стойку, дремал, как лошадь на коновязи. Кандидат тяжело уставился в спину молодой женщине-водителю, пытаясь отдать ей мысленный приказ по разработанной им системе. Однако ничего не получалось, ибо он позабыл, какой именно хотел отдать приказ. Но он упорно продолжал смотреть ей в косынку энергетическим взором, пока она не повернулась и грубо велела пройти внутрь салона.

– Станут и висят над душой! Как гиря, честное слово! –

закончила она своё обращение. Такая немилovidная.

Обиженный в очередной раз кандидат повернулся к Мите, чтобы спросить его о чём-то простом. На что Митя раскрыл очи и посмотрел на него мягким, добрым, незнающим взглядом.

Его, что называется, догнало и растащило.

Бывает, пьёт человек в культурных гостях, беседует с хозяйкой; горько качает головой, видя, как сосед быстро и шумно напился. А назавтра буквально холодеет, когда ему рассказывают, как он сам чудил, после того как галантно попросил разрешения снять пиджак. Вот и Митю развезло. Он обмяк, ему показалось, что всё плохое позади – и уже он едет по земле обетованной на троллейбусе обетованном. А вокруг всё так похоже на обетованное наше. И женщина-водитель объявляет израильскую остановку совсем по-русски: остановка «Комсомольский парк»! «Совсем как у нас», – блаженно улыбается Митя. В подтверждение с задней площадки раздался голос Сережи: ребята, Митя, выходим!

– Выходим, – сказал счастливый Митя, – какой прекрасный русский язык! Здравствуй, земля об... бетованная, дай я тебя поцелую!

И выпал из троллейбуса на участливые руки входящих старушек.

К парку подошли без потерь.

Кандидат и Серёжа вели Митю под руки. Митя болтался между ними, как гармонь между двумя женихами. Он бла-

женно улыбался и думал: вот какие тут люди, ни за что не бросят своего, не то что наши! От избытка чувств он пел старинный еврейский гимн «Ужасно шумно в доме Шнеер-зона...».

На душе у него было хорошо; лишь иногда всплывало ощущение некоей предстоящей утраты, и тогда он начинал светло плакать.

Что касается парка, то это был нестарый ещё очаг культуры и отдыха, переоборудованный из бывшего леса. С озёрами и зарослями, огромными липами, обещающими прохладу и негу на лоне родной природы.

Парк встретил пржевальцев какой-то суетой и громкими звуками. У центрального входа болталась развязная девица с пачкой листовок. Она преградила дорогу седому Пржевальскому и уверенно сообщила: Христос любит тебя! Пржевальский, занятый очередным Серёжиным рассказом, пропустил это послание мимо ушей. Девушка не обескуражилась и сказала свой пароль Стасику.

А не надо бы.

Ибо Стасик был и есть бич Божий для всех пророков, провозвестников, духовидцев, заклинателей и доверенных лиц кандидатов в депутаты. Не то, что он был против, в данном случае, христианства, отнюдь. Просто он был против всего сразу. На любой тезис он сначала говорил «нет!». И всё это громко, на одном дыхании, без знаков препинания. Говорил вопреки здравому смыслу и, не в последнюю очередь, риску

быть побитым.

Что и делалось неоднократно.

Короче, когда Стасик догнал своих на какой-то второй-степенной аллее, энергичная, но неопытная проповедница слова Божьего сидела в тени, пытаясь восстановить бывший здоровый смысл. Изредка трясла молодой головой, как пловец, вытряхивающий воду из ушей. Но вытряхивала она не воду, а невероятные Стасиковы стансы с припевом: не знаешь?! так что ты тут мне рассказываешь?!

Хоть она всё время простояла с открытым ртом, как гипсовая рыба в высохшем фонтане.

Остальные пржевальцы всё это время бродили в поисках укромного места, но найти его оказалось непросто. Бывшую точку культуры и отдыха трудящихся присмотрели, а присмотрев, оккупировали представители нетрадиционных сект, различных варварских течений и толков. Их тогда всплыло великое множество. То ли в ответ на вероломное внедрение трезвого образа жизни, то ли в предчувствии Второго пришествия.

Что для многих было одним и тем же.

Поэтому там кучковались худые сыроеды, квакеры, меннониты, хлысты-реформаторы, непотопляемые толстовцы и даже тощие с прозеленью навьи волхвы во вьетнамках на босу ногу. Издали доносился отдалённый ропот барабанов – это камлали шаманы из НИИ сверхпроводников. Они сосредоточенно скакали и колотили в бубны величиной с летаю-

щую тарелку.

А это нелегко. Особенно в пимах и куных шапках с хвостами.

Недалеко от чёртова колеса тузили друг друга и гуркотали последователи Велесовой борьбы. Само поржавевшее за годы лихолетья колесо было похоже на культовое сооружение древних солнцепоклонников. А редкие мамыши, толкающие коляски с испуганно выглядывающими оттуда младенцами, воспринимались как адепты женского отделения Малых Каменщиков.

Укромное место нашлось аж в дальней аллее. Это была потемневшая от времени резная беседка. При этом спугнули двух немолодых свидетельниц Иеговы. Те, обмахиваясь от духоты «Сторожевой башней», охмуряли бабушку с парой малых внучат. Бабушка уже имела взгляд с поволокой, а косвенные к тому времени внучата лазали по перилам и скамьям беседки, иногда сверзаясь на нечистый пол. Уважая чувства верующих, пржевальцы деликатно расставили на столе водку, закуску и стаканы, прихваченные в автомате с газировкой. Умолкшего Митю положили на скамью, подложив под голову сложенную вчетверо сумку. Увидев на столе привычные человеческие предметы, бабушка стала подавать признаки сознания, даже потрясла головой в панамке, на что свидетельницы хмуро подхватили её под руки и увели, не прекращая охмурять, так что она чуть не забыла внуков.

В природе было жарко и душно.

Поэтому красиво начатая выпивка логично перешла в фазу пьянки, которую академик Амбарцумян характеризует следующими признаками:

- окончательным прекращением процесса закусывания;
- активными монологами, диалогами и тетралогами при полной либо частичной утрате темы и смысла беседы;
- дискретными потерями памяти у участников пьянки;
- внезапной «отключкой» одного или нескольких участников;
- неожиданным возникновением казачьей песни;
- резким переходом казачьей песни в неразборчивую;
- частичной или полной потерей самоидентификации участников;
- внезапными пропаданиями одного или нескольких участников;
- прочими явлениями, исходя из обстановки, времени суток, поры года, а также состава, количества и качества пьянствующих.

Группа Пржевальского достигла фазы «Разбивка участников по интересам с активной беседой при полной луне».

Например, Стасик, непонятно с какого дива, ругал детское питание.

– Ты знаешь, Иосиф, каких я видал младенцев?! – кричал он. – Наша повариха Мугоева, тунгуска, ты её должен знать, она могла провисеть на турнике на одной руке рабочую неделю! Или на ветке, что приравнивается. Верить?!

– Допустим, – нисколько не удивляясь своему знакомству с тунгуской Мугоевой, говорил Иосиф. – А чем она питалась?

– А питалась она, – подумав, сообщил Стасик, – методом попадания гнуса и комаров в раскрытый рот. Самоотёком.

Он хотел раскрыть рот, чтобы показать, как было дело, но не показал, а кратко уснул.

Иосиф Адамович посмотрел на лежащего Митю, пытаясь вспомнить, кто это и почему сам он здесь, а не на футболе, как и собирался? Не вспомнив, улёгся рядом, головой к Митиным ботинкам.

Кандидат Зайцев настойчиво предлагал Серёже писать совместную докторскую, мол, у него есть прорывная тема.

– Счас вспомню, как называется, – говорил он, – а ты пока кивни, что согласен.

Пьяный Серёжа понимал его так, что кандидат предлагает научный способ уговорить Настасью Филипповну уехать, почему-то в Аргентину навеки. Поэтому он активно кивал, не отнимая руки, которой подпёр голову, чтобы так не падала.

– Вспомнил, – сказал кандидат. – «Нарушение в системе ге... короче, в связи с развитием коагуляции».

– Гиперкоагуляции, – очнулся дремлющий Иосиф Адамович, любящий точность даже во сне.

– Ну гипер... гипер, не мешай, – морщился кандидат. – Серёжа, ты уже кивнул, я не видел! Кивни как следует!

На это Серёжа с готовностью вынул руку из-под головы, замахнулся кивнуть и ударился подбородком об стол, напугав мух, обсевших заброшенную колбасу.

Замечательный же Пржевальский помнил, что собирался сделать иудейское обрезание, но забыл кому именно. Посчитав в затуманенной голове и осмотрев лежащих и беседующих, он методом исключения пришёл к выводу, что обрезание он должен сделать самому себе! С одной стороны, ему сильно этого не хотелось, с другой, как учёный-практик он был неумолим.

– Значит, ты не хочешь быть иудеем? – спрашивал он себя. И сам же твёрдо отвечал: – Не хочу!

– Не настаиваем, – говорил Пржевальский-1, – но, сказав «а», ты как мужчина должен сказать...

Тут он надолго замолк, мучительно вспоминая, что необходимо должен сделать мужчина, по глупости сказавший «а».

Это его и спасло. Хотя оставило нас без уникального в истории медицины случая самообрезания.

Очнувшийся от краткого сна Стасик повертел головой по сторонам, сказал себе: вот как?

И пошёл за приключениями.

Меж тем движение странных людей в парке достигло верхней точки.

По аллеям и дорожкам шаталась делегация в оранжевых балахонах с экзотическим пением. Это были редкие в ту

пору кришнаиты. Они передвигались оранжевой группкой. Впереди шёл их гуру с горящими глазами и какой-то ступкой. Кришнаиты шли за ним, как утята, позвякивая как бы кастрюльными крышечками из детского кухонного набора, распевая в нос незатейливую мантру.

На бывшей игровой площадке маялись дурью последователи Порфирия Иванова. Последователи-мужчины были голыми, прикрытые снизу чёрными вокзальными трусами. А последовательницы чудного Порфирия были не в громадных трусах, а, к удивлению, в обычных цветных купальниках. И выглядели бы совершенно пляжницами, если бы не строгие лица, на которых читалось, что отсутствие на них чёрных трусов явление абсолютно временное! В подтверждение этого самые маленькие ивановцы были в больших чёрных трусах до подмышек. Бородатый старшина зачитывал вслух из «Детки», остальные повторяли нестройным хором, совершая при этом ритуальные махания.

На боковой аллее, усаженной вековыми липами, обняв громадный ствол, стояли представители Хартии древесиллов, открывших, что люди произошли от деревьев и должны пользоваться целебной силой деревянных братьев. Когда мимо них проходили зудящие кришнаиты, древесиллы недовольно морщились и отворачивались. Прижимаясь к дереву свежей щекой, показывая наружу старую, всю в рубцах и отпечатках коры.

Иногда по такой щеке пробегал перепуганный насмерть

муравей.

Побродив по этому своеобразному бестиарию, Стасик вернулся в беседку и увидел, что пирующие в сборе и что у них как бы открылось второе дыхание. Иосиф Адамович стоял в галстуке, аккуратно повязанном поверх бельевой майки, держа в руках наполненный стакан. Он явно собирал мысли для тоста, но тут мимо беседки с глухим пением прошла странная группа в белых ку-клукс-клановских балахонах. То есть как бы в мешках с прорезанными дырками, из которых торчали руки и головы. Большинство голов были идентифицированы заволновавшимся Серёжей как женские и, главное, молодые. Прервав Иосифа на полупhrазе, он сказал, ребята, я сейчас, и исчез вслед за группой.

Тем временем как-то быстро потемнело. Оказывается, пока то да сё, небо покрылось тёмными шевелящимися тучами, собирался дождь. Вдали пробно громынуло, как бы пробормотало. Поднялся лёгкий ветер и принёс долгожданную прохладу. Проснувшийся Митя внимательно всматривался в лица незнакомых мужчин. Он уже хотел спросить у них что-нибудь, но тут вернулся возбуждённый Серёжа со словами, гусары, радуйтесь, там дамы и там их полно: они явно будут купаться! За мной!

Гусары в лице Иосифа Адамовича начали кряхтеть и отбrehиваться. Но Пржевальский оживился и громогласно заявил: вот именно это я имел в виду, когда сказал «а»! Серёжа умчался вперёд, чтобы не потерять след.

По команде Пржевальского остальные покинули беседку и бодро пошли за ним.

Тем временем громыхнуло ближе. Торопливо и уже без песен прошествовали к выходу оранжевые кришнаиты, машинально позвякивая на ходу музыкальными крышечками. Глаза их гуру по-прежнему пламенели. Первые редкие капли дождя, соприкасаясь с этим трансцендентальным пламенем, шипели и возвращались к небу как бы в виде жертвенного испарения.

Во всяком случае, так казалось со стороны.

Откуда-то из кустов вынырнул радостный Сережа. Что я говорил, крикнул он и ликующе добавил: они там голые, как ветки! Гусары оживились, нырнули за ним. Какое-то время энергично блуждали в зарослях. Остановились. Куда дальше? Прислушались. Откуда-то доносились невнятные звуки. Сюда, скомандовал обрадованный Сережа, они тут! Пошли туда. Голоса усиливались. Остановились в зарослях, похожие на охотников в пойме Амазонки, кто был. Неподалеку слышались крики и визг, который обычно издают женщины, если на них внезапно брызнуть из ведра, либо окунуть в ведро с головой.

По Серёжиной инициативе разделись догола, чтобы не выделяться. Митя тоже безвольно разделся, посмотрел на свою крайнюю плоть, окончательно вспомнил, что это за люди и что скоро ему придётся с этой плотью расстаться. И такая взяла его жалость, ибо её там и так кот наплакал, так ещё

часть должна была упасть в корзину, неизвестно зачем. Но бедовый Серёжа уже командовал, куда сложить вещи. Главное, утверждал он, незаметно попасть в воду и там смешаться с противником. Запомните, мы учение «Чающие движения воды», у нас сегодня ежегодная инициация!

По его команде вышли на берег озера строем с глухим сакральным пением, в котором угадывались нотки популярной песни «По долинам и по взгорьям». Выйдя на берег, остановились. Остановясь, переглянулись. В небольшом озере действительно плескались женщины, но отнюдь не молодые. Самые юные из них походили на престарелых русалок. Оказывается, это древосилы пришли в купель смыть отрицательные флюиды. Женщины смотрели на голых витязей, витязи смотрели на Серёжу. Кандидат ещё раз глянул на русалок и прикрылся горстями. Загремел гром. Женщины очнулись, заверещали и бросились кто куда. Кто-то закричал милицию. И вроде откуда-то послышались милицейские трели. Перекрывая эти звуки, Пржевальский громовым голосом командовал: друзья, все врассыпную, встречаемся у беседки!

И тут сверху хлынуло.

Бросившийся врассыпную Митя очнулся по чресла в воде. Вода вокруг кипела и пузырилась. Сверху лило. Кругом грохотало. Сверкали какие-то ненатуральные молнии. Всё вместе походило на безумную киносъёмку или генеральную репетицию конца света. Испуганный Митя попытался звать своих. Затем выскочил на берег, давай искать, где оставил

вещи. Но какие могут быть вещи, когда уже явно вострубил Первый Ангел и сейчас начнётся такое, что все поймут, что этот крошечный ад был лишь предстартовой разминкой.

И пожалеют, что вели себя так нехорошо!

В перепуганной и нетрезвой Митиной голове была полная уверенность, что это всё из-за него; за то, что он изменил христианству! Он метался по берегу, как Адам сразу после грехопадения, и с подвывом обещал Богу больше так не делать, а наоборот, делать исключительно хорошо и только правильно! При этом он просил оставить его в живых, настойчиво напоминая Богу, что в противном случае он не сможет выполнить обещанное.

Ливень закончился так же внезапно, как и начался.

Опустевший парк представлял участок Земли после потопа: воды схлынули, все захлебнулись, новая жизнь ещё не наплодилась. Где-то сквозь растрёпанные деревья мигали уцелевшие огни. Мокрый Митя пошёл туда, к живым.

Пришёл к беседке.

У беседки голый Стасик громко убеждал голого Пржевальского, что разве это ливень?! Мол, в Меконге, где он сдуру проработал два года, вьетнамцы на такое даже зонтики не раскрыли бы! Мрачный Пржевальский мрачно осматривал себя и остатки своего войска.

Последним к беседке подтянулся кандидат Зайцев. Все были голыми, как выставочные огурцы. Лишь на Иосифе Адамовиче были семейные трусы. Трусы были чёрные и

большие, как если бы Иосиф тайно стащил их с павшего последователя незабываемого Порфирия Иванова. Быстро темнело. Фонари горели только на главной аллее и у входа. Дальше начинались сумерки, и сумерки те сгущались. Естественно, встал вопрос, кто помнит, где мы оставили вещи? Геолог Стасик сказал, идемте, у меня фотографическая память на вещи, то есть местность. Пошли за ним, не опасаясь кого-то встретить, ибо уже было не до опасений. Пришли на место. Вещей не было. Это не здесь, сказал Стасик, там мы проходили мимо поваленной урны. Прошли мимо урны. Затем мимо еще двух. На этом урны закончились, вещей не было. Если бы это тайга, почесал голову Стасик, или сопки. Там взял компас и все видишь, в крайнем случае заночевал в сугробе. А у вас тут одни кусты ненормальные! Стали коллективно вспоминать, как шли, как сворачивали, кто как бежал, и какой идиот предложил ехать сюда, когда нужно было не ехать! Логично хватились Сережи.

Серёжи не было.

Ждали Серёжу, выдвигая версии. Выдвинув все, резюмировали, что Серёжа не пропадёт, а вот нам надо что-то делать!

И вот картина: посреди сумерек стоят пять голых мужчин, и прикрыться им нечем, разве что этими же сумерками. Об выйти в город, на люди, не могло быть и речи. Постановили идти тылами, надеясь непонятно на что. Пошли тылами. Когда аллея закончилась, Митя ударился коленями предполо-

жительно об остатки ограды, остановился и вспомнил, что где-то тут в частном секторе живёт Серёжин друг по армии с женой.

– Мы с Серёжей у него несколько раз бывали, – добавил он, растирая ушибленные места.

– Веди нас туда, – сказал Мите Пржевальский, – веди нас скорее, Мичурин!

– Сусанин, – глухо сказал поднаторевший в поисках родни Митя, – мне нужен хоть какой ориентир.

Вдалеке послышался шум железной дороги.

– О, – сказал Митя, – там была железная дорога!

Пошли на шум. Но невидимый поезд вскоре ушёл, с ним закончился и шум. Дальше шли куда глаза глядят; глаза привыкали к темноте, но ничего спасительного не видели. Кто-то вспомнил, что парк тылом переходит в лес, а лес, в свою очередь, переходит в остальную страну.

Пригорюнились.

– Частный сектор, – произнёс, стуча зубами, Иосиф Адамович, чтобы хоть что-то сказать, – значит, нам крышка: собаки любят сырое мясо!

На это дело никто не отозвался. Из головы выветрились остатки пиршества, остались сухость во рту и горечь в животе. Шли без надежды, по привычке прикрываясь горстями. Как бы неся перед собой самое дорогое. Затем к холоду присоединились комары. Наломали близлежащих веток. Шли, стегаясь этими ветками, неразборчиво переругиваясь.

Похожие на голых космонавтов, уцелевших после аварийной посадки на мрачной планете, населённой чёрными кустами и насекомыми.

Где-то далеко-далеко, как бы в другой галактике, протарахтел трамвай с мирными сухими обитателями.

Но туда было нельзя.

Глава четвёртая

На обетованный частный сектор попали случайно – внезапно из темноты послышался собачий лай. Сектор был небольшой, состоял из нескольких маленьких же неосвещённых улиц. Улицы шли по дну параллельных оврагов. Дома располагались на склонах и откосах, были отгорожены огородами и палисадниками. В некоторых окнах мигали включённые телевизоры.

Дом Серёжиного сослуживца искали сначала на одной улице, затем на второй, затем на последней.

Дом не находился.

– Ты улицу-то хоть визуально помнишь?! – допрашивал Митю нервный Стасик.

– Конечно, помню! – отвечал Митя. – Короткая такая, дом возле гаража.

– Вот гараж, вот улица! – кричал Стасик. – Где дом? Этот, что ли?!

– Нет, – нетвёрдо отвечал Митя. – У Вадика дом другой,

необычный!

– В смысле как необычный, большой, что ли?

– Нет, не большой, – сказал Митя, – но не похожий на другие.

– Ну вот смотри, дом, не похожий на другие! Он?!

– Нет, – кротко ответил Митя, – это сарай.

Прошли ещё некоторое время. Наконец Пржевальский несколько раз остервенело ударил себя веником по ногам и резюмировал:

– Будем стучаться в любой дом; нужен телефон!

Они остановились у какого-то полуразрушенного строения. Или полупостроенного. В верхних окнах горел мирный свет.

– Иосиф, – велел Пржевальский, – иди стучи.

– А чего я? – спросил Иосиф.

– Тогда дай мне трусы!

– Это же он! Дом! – присмотревшись, закричал Митя. – Я же говорил, непохожий! Вадик как пришёл из армии, так и строит его. 19 лет!

Подошли к дому сквозь дырку в заборе. Долго с сомнением звонили. Затем стучали. В темноте заходила от лая соседская собака. Наконец в доме послышался шум. На всякий случай отступили с крыльца. В освещённом дверном проёме появилась женщина с громадным беременным животом, начала щуриться в темноту.

– Нина, это я, Митя! – крикнул Митя и неуверенно доба-

вил: – Ты только не пугайся!

– Какой Митя? – спросила Нина и включила свет на крыльце.

Во дворе стало светлее. Она снова зажмурилась, на этот раз от испуга. Под большим мокрым кустом сирени стояла, как ей показалось, толпа голых мужских тел. Тела стояли, прикрываясь спереди горстями, как бы рассыпанная футбольная стенка, при этом все взгляды были устремлены на неё.

Нина тихо сказала, ой, и начала оседать, придерживая живот.

– Внимание всем! – загремел Пржевальский голосом начальника космодрома. – Женщине плохо! Сейчас мы окажем ей первую помощь!

Он первым поднялся на крыльцо и давай приводить полулежащую Нину в чувство. Нина, естественно, очнулась, и что она увидела? Она увидела, как над ней склонился огромный усатый абсолютно голый мужчина с болтающейся крайней плотью таких размеров, что, казалось, остальной организм к ней просто пристроен. Вместе с усами.

У неё немедленно начались схватки.

– Ага, – радостно загремел Пржевальский, – вот и роды! Друзья, заносим роженицу внутрь! Митя, ищи воду и полотенца. Иосиф – со мной, молодёжь – прочь!

Когда хозяин Вадик вместе с фельдшером «скорой» ворвался к себе в дом, егохватила малая кондрашка. Да тут,

собственно, любого бы парализовало! Когда ты знаешь, что оставил дома собравшуюся рожать жену, а вернувшись, видишь, что на твоей, хоть и недостроенной, веранде сидит толпа незнакомых мужиков! Причём в голом виде! Фельдшер тоже замер в пороге, встревоженно глядя на хозяина и явно намереваясь бежать из этого вертепа.

В этот момент поднялся Митя, поправил на себе Нинину кофту, пытаясь прикрыть злосчастную крайнюю плоть, сказал:

– Здравствуй, Вадик, ты только не волнуйся, Вадик, у тебя сын родился, на глаз 3700. Мы его пока назвали Митя, в честь Пола Маккартни; но не понравится, можешь и переименовать, это ведь не обрезание, что один раз – и на всю жизнь!

– Не беспокойтесь, коллега, – сказал Пржевальский фельдшеру, кутаясь в ковёр, – плод прошёл нормально.

И они с всё ещё настороженным фельдшером поднялись наверх, переговариваясь на акушерском языке.

За ними бросился потрясённый всем сразу хозяин Вадик.

От такого дела, – резюмировал Стасик, – можно запросто чокнуться. – И задумчиво добавил: – Хорошо, что мы вовремя оказались здесь!

Кандидат на это перестал расчёсывать покусанную комами грудь и давай рассказывать про одного ненормального лётчика, который очень хотел мальчика, а чтобы не сглазить, говорил всем, что хочет девочку, и выражал непреклонную

уверенность, что родится именно девочка. И так всех удостоверял, что когда родился мальчик, от него скрыли, боялись, что он на себя руки наложит. Тогда родственники договорились с одной тоже чокнутой мамашей – и обменяли своего мальчика на её девочку. За большие деньги, естественно. И вот в среду утром приходит он в родильный дом, а нянька выносит ему девочку...

Чем закончился этот мезальянс, осталось за скобками. Ибо в этот момент на веранду вошли два милиционера. Увидев компанию, старший сказал: ага! вот и они! Так и описывали: все голые, один большой краснолицый и остальные тоже. На «краснолицего» Иосиф Адамович побледнел.

– Приходько, сколько их должно быть?

– Пятеро, товарищ капитан, – ответил младший милиционер.

– Значит, одного не хватает. Что тут у вас?

– Консилиум, – вызывающе соврал кандидат. – Патологические роды. Приглашены профессор Мазур, доцент Добошинский и кандидат медицинских наук Зайцев.

– Чего-чего, – напрягся милиционер, – кого приглашены?

– На консилиум! Патологические роды – витиатам деливери, ферштейн?!

Милиционеры переглянулись, пытаясь сопоставить точные строгие слова науки с диким пейзажем – не сопоставлялось.

В это время открылась дверь наверху, по лестнице стали

неторопливо спускаться Пржевальский и фельдшер. Обёрнутый большим ковром, Пржевальский был похож на старого падишаха, сопровождаемого почтительным визирем. Визирь слушал и учтиво кивал...

– О, а это ещё кто? – удивился старший милиционер.

– Это, – гордо ответил кандидат, – светило мировой хирургии профессор Мазур Виктор Збигневич!

– В чём дело?! – громко спросило мировое светило, заправляя внутрь ковра то, что из-под него нескромно выставилось.

– Собирайтесь, сейчас поедем, – почему-то с облегчением сказал старший милиционер, оглянувшись на входную дверь. И иронично добавил: – Доценты с кандидатами!

– Никуда не поедем! – взвился кандидат, принявший последние слова исключительно на свой болезненный адрес. – У нас роженица, возможно осложнение ин витро! Вы отдаёте себе отчёт?!

– Подожди, – остановил его полемический Стасик. – Товарищ милиционер, зайдём с другого конца. Интеллигентная компания собралась в доме друга выпить чашку-другую кофе. Поговорить, обсудить назревшие проблемы...

Стасик не успел громко досказать, какие проблемы приспичило обсуждать группе голых учёных за полночь, ибо в этот момент откуда-то из-под спуда появился Вадик, неся впереди живота ящик водки.

– О, ещё один! – сказал старший милиционер. – Да сколь-

ко ж вас?!

– Товарищ капитан, у него сын родился, – просто сказал Митя, показывая почему-то на ящик. – Мы у него роды принимали!

– В смысле не у него, – неожиданно мирно добавил Стасик. – У неё, то есть жены! – И показал наверх.

– А думали уже всё, – сказал Митя. – Думали, не примем!

– На глаз – 3700, – добавил Вадик и потряс ящиком.

– Назвали Митя, в честь Уго Чавеса.

– Но не настаиваем. Всегда можно переименовать!

– Да. Это же не город!

В это время раскрылась входная дверь, показался большой узел, за ним неизменно весёлый Серёжа в почти целом костюме.

– Вот, – сказал весёлый Серёжа, – разбирайте!

И вывернул содержимое узла на пол.

– Скажите спасибо мне, в смысле милиции!

Все внимательно уставились на мокрую, перепачканную грудку бывшей одежды. Иосиф наклонился и поднял опознанную туфлю.

– Это я когда узел из машины вынимал, – задумчиво сказал Серёжа, – так оно немного выпало в грязь. Но ничего, высохнет, грязь можно стряхнуть, правильно, товарищ капитан?

Старший милиционер постоял, покачался с пятки на носок, пытаясь принять какое-то разумное решение. Не при-

нималось. Плюнул, повернулся к выходу.

– Товарищ капитан, а может, это... с нами?

– Да!..

– Не могу, – с сожалением сказал капитан, представляя, как сейчас здесь будет хорошо и душевно. Он посмотрел наверх, потоптался. – В общем, примите поздравление!

– Спасибо!

Уже в дверях старший милиционер остановился, как-то по-молодому улыбнулся и сказал:

– Счастливо оставаться, товарищи учёные! Пошли, Приходько!

Из сборника «К лесу передом»

Было время, были избушки. Избушки стояли на курьих ножках – причуда тогдашней архитектуры. Герой подъезжал на коне, говорил: избушка, избушка, стань к лесу задом, а ко мне передом. Вытирал ноги и входил, перекрестясь на образа в красном углу.

О чём это говорит?

О том, что тогда простая избушка отзывалась на человеческую речь, читай, понимала по-русски. Сегодня нас окружают нумерованные строения, строения те плоские, нервные, стеклянные, т. е. временные. Названия имеют птичьи: высотка, ТРЦ, «Гиппо», «Триппо», «Парадиз-хаус». Подъедь к тому хаусу, скажи верное слово: стань ко мне передом! Так, во-первых, один чёрт разберёт, где у них перёд. Во-вторых, выйдет охранник и надаёт по шее. Заодно и лошади...

Была надежда на околицы, так они туда же. В городе Топтыгине кукует на юру «СитиПарк». Стоит тот парк, машет голыми ветками, пока его хозяин грустно сидит за нехорошее поведение. В Старомухинске действует «Маруся-плаза». Она раскинулась в подвале городской бани, откуда вылезит голый девелопер, пугая интерактив!

То есть человек – царь природы – стал и непрерывно стоит к той природе, читай, лесу, задом, в то время как сам лес провонялся шашлыками и некачественными человеческими

отходами.

С другой стороны, природе тоже до стенки, что станет с её царём – человеком. Тем более что царём его никто не назначал, он – самозванец.

А век самозванцев, как гласит история, краток и неубедителен.

Но если присмотреться, повернуться к лесу передом, так ещё есть жизнь, дышит. Ворона скачет, паук сторожит паутину, коты орут, пчёлы кусаются. Наконец, канареечка жалобно поёт. Они всё ещё с нами рядом, как мы их ни не замечаем. То есть, если оглядеться, оторвать брови от айфона – много ещё можно увидеть интересного!

Ниже дано несколько рассказов, так или иначе связанных с животным и прочим нормальным миром.

Мурка и местные ядовитые грибы

Есть такое народное занятие – собирание грибов. «Тихая охота», по меткому выражению писателя, большого любителя этого дела. Что касается поэтов, то они «тихой охотой» называли собирание пустых бутылок в скверике. Этим делом лучшие из них занимались, когда уходила Муза. В смысле заканчивались деньги. Сейчас бутылок не собирают. Рынок насытился – поэты закончились.

А вообще собирание грибов, это только часть симфонии под названием «Тихая охота».

Часть первая – Аллегро, собираем энергично, быстро, весело.

Часть вторая – Анданте: чистка и приготовление. Медленная часть с зеванием, с криком: кто эту липкую гадость собирал, пускай тот и чистит, умные какие!

Часть третья – Скерцо. Бодрое поедание под гармонь, то есть водку.

Часть четвёртая, финальная – Рондо-соната. Лежание ночью и тревожное прислушивание к движениям внутри организма.

Пронесёт – не пронесёт?!

Любая из этих частей достойна кисти крупного художника слова. Мы же остановимся на странностях и чудесах вокруг этого дела.

Например. Утром с другом поехали за грибами, на электричке. Есть, говорил друг, место совсем недалеко от города, никто не знает; ездят, Бог знает куда, а счастье-то под боком, в смысле носом! Народ в электричке зевал по раннему делу, клевал носами и подбородками – ра-а-а-но! Я, говорил друг, правда, там давно не был, но это сто процентов. О, на следующей выходим! Вышли – посёлок, улица. Идём. С левой стороны – дома, с правой – манящий лес. Ленивый автор говорит-давай сворачивать, видишь какие кусты! Друг холодно отрезвляет: разве это лес? Скоро посёлок закончится, увидишь настоящий лес.

Посёлок не заканчивался. Наконец закончился, но начались высоковольтные мачты. Автор предложил привал. Какой тебе привал, лентяй, бодро укорил друг: видишь столбик? – Где? – Вот за той просекой! – Ну, допустим, вижу. – Так вот, там поворот направо, и мы на месте, чудак! Дошли до столбика, устали. Увидали поворот направо. Повернули строго по азимуту. Остановились. За поворотом стояло два девятиэтажных дома. На балконах сохло и трепетало на утреннем ветерке синее исподнее бельё. От сырого асфальта тянуло утренней прохладой.

Нет, всё равно, конечно, нашли место и выпили. Ибо для нормального человека грибы и рыбалка – это просто уважительный повод для более серьёзного, то есть для душевного разговора.

А сейчас – небольшая драма про грибы и кошку Мурку.

Дело происходит в большой коммунальной квартире. Они ещё догорают кое-где, особенно в центре больших городов.

Действующие лица:

Антонина – именинница.

Вячеслав – муж именинницы.

Участковый Миша – друг семьи.

Людмила – подруга именинницы, мать-одиночка.

Руфина – малый предприниматель, очень малый.

Лёня – язвенник, житель квартиры, без слов.

Вера Самойловна – соседка, не участвует; смотрит телепередачи.

Остальные соседи – не участвуют, они на даче.

У Антонины в субботу был день рождения. Участковый Миша, друг семьи, предложил мужу именинницы отметить это дело грибами, чтобы надолго запомнилось. Договорились, выехали рано утром. Собрали не так много, но и не так мало – как раз на гости.

Вернулись к обеду.

Приехали, поставили именинницу, безропотного Лёню и остальных женщин чистить грибы. Женщины было возроптали, но кроткий Лёня уже взялся за нож, пришлось им подключиться. Миша же взялся грибы и приготовить, поскольку его дед родом из Тобольска, читай, из Сибири. Взялся и приготовил, с картошкой, луком, укропом – хоть бы и в ресторане! Пахло на всю большую старую квартиру, на всю окружающую среду, тревожило улицу. Застелили стол, накрыли,

поставили в центре большую утварь с грибами; водка для мужчин, вино для дам, красивые салфетки для красоты – ну, приступаем! И вот, в этот главный момент жизни женщины вдруг засомневались: а вдруг грибы это... ядовитые! Первой заартачилась именинница. Она, кстати, сразу была против грибов, предлагая наделать безопасных голубцов, в смысле купить в соседней кулинарии. Участковый же Миша был романтик в чине старшего лейтенанта, он вообще предлагал отметить это дело в лесу, среди шишек, но Антонина отказалась, мотивируя отказ новой красивой юбкой, которую ей подарил муж. А теперь вот она логично отказывается вкушать дары природы и сбивает остальных.

Миша, вложивший в грибы всю свою милицейскую душу, кричал: девчонки, вы сперва понюхайте, потом отказывайтесь! Женщины нюхали, говорили, ну, пахнет, но это ни о чём не говорит. Мол, стрихнин тоже приятно пахнет вишнёвыми косточками, а сколько случаев! В конце женское семя так распалило себя случаями из жизни, что начали сомневаться и мужчины. Последним заколебался Миша: чёрт его знает, может, они у вас тут действительно ядовитые. И сам же рассказал про недавний случай, когда целая свадьба чуть не утонула, решив прокатиться по реке на пароме и разыграть на воде сценку из Стеньки Разина. Хорошо, что по пьяному делу так и не смогли отвязать паром от берега! Бросали, говорит, невесту «в набежавшую волну» прямо с берега. За руки, за ноги.

Короче, из-за женщин хорошее, правильное дело застопорилось, так и не начавшись.

Встал вопрос, что же делать? Как проверить, ядовитые они или пускай! Бывший школьный отличник Лёня сказал: давайте дадим попробовать кошке, вон она лежит. Действительно, в коридоре на коврике лежала ничейная, то есть общеквартирная кошка Мурка. Антонина сказала: сволочи, вы травитесь, ваша воля, а при чём тут животное! Муж Вячеслав давай настаивать на эксперименте, заявив, что животные издревле приставлены служить на благо человека, пусть и такое сомнительное. И призвал в помощь лошадь Пржевальского, газель Томпсона, особенно собаку Павлова. Большинство голосов постановили: надо попробовать, ибо человеческая жизнь дороже кошачьей, это и в Коране сказано, правда, Руфа?

Руфа неопределённо кивнула, так как Коран не читала, будучи противоположной национальности.

Позвали толстую Мурку. Положили в блюдечко грибы из сковородки.

– Много не сыпь, – сдерживал Вячеслав, – если ядовитые, один кусочек покажет.

Антонина вступилась за кошку:

– Если уже травите, так пусть перед смертью хоть наестся, жмот!

– Кто жмот?!

– Ну не я же!

Супруги кратко поцапались. Мурка скушала грибы, обли-
зала усы и внимательно посмотрела на обступивших её лю-
дей.

– Ну, съела, – удивилась Антонина. – Давай ей ещё, кро-
хобор!

Дали ещё. Съела и это.

– Ну что? – кричал оскорблённый Миша, показывая на
здоровую Мурку, – жива или что?!

– Жива! – передразнила его Людмила. – Должно пройти
время. Яды сразу не действуют, погода!

Засекли время. Время пошло. Мужчины поглядывали на
праздничный стол, где стыла водка. Антонина вновь предло-
жила выбросить грибы, раз они такие волнительные, и сбе-
гать за голубцами, пока не поздно. За грибы вновь вступил-
ся Миша, как автор идеи. Не хотите, так я поехал, кричал
он, тупые фомы неверующие! Постановили: потерпим ещё.
Терпели, невнимательно смотрели телевизор, бегали в кори-
дор, стояли кружком над подопытной Муркой, как Павлов
над своими питомцами, переглядывались. Мурка на это де-
ло поднимала голову, отрывалась от вылизывания лапы, рас-
крывала один глаз, мол, не волнуйтесь, всё под контролем.

Через час, когда мужчины серьёзно собрались взять водку
и пойти в скверик, Антонина сказала, ладно, всё нормально.
Весело разогрели остывшие грибы, налили в рюмки, начали
поздравлять именинницу, закусывать. Хвалили грибы и Ми-
шу, что настоял! Женщины и хвалили, как вам понравится?!

Миша сидел обиженный и гордый, долго не хотел снимать китель, еле уговорили. Через час Лёня побежал в магазин за водкой.

И вернулся.

Когда за окном посерело, затянули «как на речку Терек...». Да славно затянули, со слезой. На словах «жалко саблю востру да буланого коня...» из туалета прибежала взволнованная Людмила с криком: Миша, там это... Мурка! Идите смотреть!

Подбежали, посмотрели, побледнели, как мука. Мурка вертелась на своём коврикe и по-человечески стонала. Её буквально выворачивало. Потом как бы отпускало и приступало вновь. Переглянулись. Женщины в горе расцарапали на себе щёки, взвыли: скорую! Ну, Миша, сказала Антонина, я тебе этого никогда не прощу! И скомандовала: давайте пешком, больница рядом! В больницу шли быстро, почти бежали прощальным журавлиным клином: впереди – Антонина в развевающейся новой юбке, остальные следом. Миша шёл позади, без кителя, ненавидимый всеми! Шли с замиранием сердец, прислушиваясь к симптомам. Первые симптомы проявились, когда ещё выбегали из парадного. Вот, сказала Людмила, уже начались рези в желудке. Все немедленно почувствовали рези в желудке. Потом Людмила прислушалась и почувствовала тошноту. Всех немедленно затошнило. Возле кулинарии, на которой настаивала благоразумная Антонина, у Людмилы началось онемение пальцев на руках. По-

ка остальные с ужасом шупали себя немеющими пальцами, с ужасом понимая, что пальцы многое уже не прощупывают, Людмила объявила об отвердении в области нёба. Сбитые с толку страждущие бросили ощущать тело, давай шупать ожесточающееся нёбо остывающими пальцами. С неутешительным результатом. А Людмила всё озвучивала новые, мало изученные наукой симптомы, совсем как академик Павлов, который, по легенде, диктовал ученикам симптомы, находясь на одре смерти. Делала она это так же системно, плюс в её голосе проскакивали радостные нотки первооткрывателя. Её невольные ученики множили в себе эти роковые признаки, шли, раскачиваясь под их тяжестью, как матросы на казнь, практически подвывая. Пугали своим отчаянным видом нарядную субботнюю публику.

В больницу ввалились бесформенной толпой, готовые к самому страшному.

В приёмном покое врач или кто-то там в белом халате ужинал с газеты с кем-то, тоже в белом, может, помощником. Увидев нарезанную буженину, Руфа выпучила глаза и выскочила, прикрывая рот злосчастными пальцами. Привыкший ко всему врач начал неторопливо расспрашивать галдящих пострадавших. Напарник неторопливо заносил всё на официальную бумагу, неспешно переспрашивая имена-отчества. Драгоценные секунды таяли, жизнь истончалась на глазах, поэтому женщины подняли такой крик и причитания, что врач сдвинул закуску в сторону, индивидуально

осмотрел языки, после чего они с помощником переглянулись, пожали плечами. Помощник, не опуская плеч, отвёл пострадавших строем в помещение с конкретной табличкой «Клизменная». Там им сделали генеральное промывание желудков с двух концов, практически из пожарного шланга. Женщинам, естественно, процедура была сделана отдельно, но в остальном – без снисхождения. Просушив, отпустили домой, сказав, в палатах затор, даже в коридорах; идите и не волнуйтесь, будете жить.

Насчёт, будете жить, всем хотелось, чтобы было сказано потвёрже.

Возвращались домой по темноте медленно и томно, как погорельцы. Шли, шатаясь; лёгкие, бледные, какие-то даже просветлённые. Особенно мужчины – трезвые, именно как стекло. Женщины гуркотали между собой, жалели Мурку, загубленную молодость. Мужчины скорбели об пущенной на ветер выпивке. Антонина всхлипывала, придерживая пальцами спадающую новую юбку.

Вот и погуляли, называется!

Вернувшись домой, включили свет. Первым делом увидели Мурку. Мурка лежала на своей подстилке, совсем как живая, вывернувшись на спину. Вокруг и по ней, жалобно пища, ползало и тыкалось в живот несколько уже вылизанных котят.

Мурка блаженно шурилась.

А хрен его знает, товарищ майор!

*Нема в Канаді соловейка...
/сомнительная украинская аксиома/*

У Вовы был друг Лёня, и однажды этот Лёня взял и приехал в гости.

Непосредственно из Америки.

Ещё недавно Вова провожал его непонятно зачем в эту Америку, а вот уже прошло 10 лет, и Лёня затосковал по родине предков.

Был он принят гостеприимно и в первый же день накормлен супом с грибами. Суп варил сам Вова, приговаривая: ты ведь не кушал грибной суп в этой чёртовой Америке, даже не ври! Лёня вдыхал забытые запахи, молча подтверждал кивком головы. В награду за правду он получил большую порцию и впрямь вкусного супа. Той порции при других условиях негабаритному Лёне хватило бы, как штангисту, – на три подхода. Однако изголодавшийся по нормальной пище американец съел суп в один заход и вчистую. Отдышавшись, он попросил полотенце. Вытерев обильный пот, вызванный непривычным усердием, протянул тарелку, твёрдо молвив: наливай ещё!

И съел ещё столько же.

После этого небольшого подвига он поднялся, немного,

правда, шатаясь, и долго смотрел в кухонное окно, что-то там различая.

Что значит человек соскучился по человеческой еде.

А ещё у Вовы была большая собака по кличке сенбернар. То есть породы сенбернар, а по имени Даня. Это было огромное добрейшее существо с таким же огромным аппетитом. И доказывать ему, что у Вовы скромные доходы и нужно как-то с ними соотноситься и мириться – ему было совершенно бесполезно. В такие моменты у этого умнейшего из умнейших существ появлялось на лице отсутствующее выражение, как у иностранца, слушающего в исполнении хора русскую народную песню «Бежал бродяга Сахалином».

Т.е. глухое дремучее непонимание.

Теперь переходим к некоторому загадочному случаю.

Одним из пунктов культурной программы для Лёни была поездка на Вовину дачу, оборудованную из деревенского дома. С последующим походом в лес за грибами. Из собранных грибов Вова собирался изготовить ещё одно блюдо, чтобы окончательно уложить в этом смысле Америку на обе её пакостные лопатки. Лёня согласился, тем более что, по его словам, уложить её в этом смысле совсем несложно. Мол, Америка перестала вкушать грибы сразу после объявления 13 штатами о независимости от британской короны. Следом подтянулись остальные 37.

Итого, 50 административных единиц и территорий, давящихся химическим фастфудом.

На дачу взяли и Даню, хотя он не любил собирать грибы. Он, наоборот, любил лежать в тени, неспешно моргая, по необходимости прометая пространство сзади мощным мохнатым хвостом.

Надо ли говорить, что истосковавшийся по нормальной природе Лёня бегал по лесу, как молодой заяц, ликовал при виде банальной сыроежки или просто стоял, обнявшись с осиной, говоря, как я люблю нашу природу, особенно наши дубы, простые и незамысловатые!

В отличие от их тупых пальм.

Вернувшись на дачу, Вова объявил, что намерен угостить Лёню блюдом, изготовленным по старинным национальным рецептам, а именно Картошкой-с-Грибами-и-Водкой. Узнав, что его ожидает, Лёня совсем разомлел, долго жаловался, что водки в Америке полно, а выпить не с кем! Представляешь, Вова, говорил он, я могу в этом смысле устроить «День открытых дверей» для всех жаждущих, но никто ведь не придёт! Вокруг меня живут в основном китайцы, которые водку не пьют и спасаются непонятно чем, настойкой из ящериц. А негров я сам боюсь.

Вот крючок и замкнулся.

Картошку делали в большой сковороде на костре. Даня обиженно лежал поодаль. Ему была взята персональная еда – половина ведра Вкусной Каши, которой рыбаки пытаются привлечь рыбу на свою сторону. Неизвестно, как рыбы, но Даня при виде этой каши становился грустным, как разве-

дённый таможенник, в его глазах появлялось выражение, с каким человек обычно сочиняет меланхолические осенние баллады с плохим концом. Когда возле костра затеялось движение, он оживился, подошёл глянуть, о чём там речь. Увидев, вернее, унюхав ингредиенты, снова поскуучнел, тяжело улёгся под кустом жасмина, хотя тот давно отцвёл. Так и лежал, время от времени поднимая большую голову и безнадежно нюхая пустой нейтральный воздух. Надышавшись, отправился в сад заниматься скучным дачным делом – объеданием малины с ветвей. При этом он аккуратно губами снимал ягоду с насеста, так же аккуратно втягивал внутрь громадной пасти и долго, как-то по-стариковски жевал её зубами, абсолютно непригодными для жевания малины. Как бы показывая хозяевам, до чего, при старании последних, может опуститься большое культурное животное. Выведенное, кстати, именно для спасения людей и потерпевших.

И где, спрашивается, благодарность?

Но Вова с Лёней выпили по предварительной рюмке, затем ещё по одной для закрепления эффекта, поэтому не обращали на его страдания никакого внимания, поглощённые действиями возле костра, где установленная на треноге большая сковородка уже начала что-то источать. Правда, Вова, засовестившись, бросил Дане нечто, которое тот осмотрел и скушал буквально со вздохом разочарования в умственных способностях людей. И ушёл, показывая, что был о них гораздо лучшего мнения.

Об упомянутых способностях.

А вокруг было лето, хороший день, древний открытый огонь. На деревьях пели какие-то птицы, в небе болтались небольшие облака. Лёня буквально светился от хорошего настроения и предвкушения. И было, кстати, совсем непонятно, что он делает в той Америке, где есть все слагаемые для счастья, а самого счастья и нет.

Или оно есть, но, разложенное на слагаемые кучки, источает тоску и сырость.

Наконец, обещанная картошка начала доходить до кондиций, распространяя в природе всё более фантастические флюиды, ибо в помощь грибам туда был заложен изрядный кусок дорогой колбасы. Как утверждал Вова, не для красоты-басы, а для крепости.

Учуяв такое дело, Данька плюнул на аристократизм и обиды, подошёл и сел непосредственно у треноги с источающей сковородкой, как бы в виде охранника, нейтрально шевеля хвостом в опасной близости от углей. Вова, зная одно его свойство, прогнал и даже чем-то пригрозил. Рассказав Лёне историю, когда вот так же собрались выпить, имея из закуски лишь хлеб, лук и большой кусок сала. Сидели, потирали руки, разливали по рюмкам. Данька радовался вместе со всеми, гости хвалили его за характер и воспитанность, невзирая на размеры. Хозяин взялся нарезать сало, отвернулся за ножом, когда повернулся в исходное положение, сала не было. Даньки тоже. Бросились в погоню, хоть он сильно и не убегал.

Догнали. Данька стоял с покаянно поникшей головой, держа в пасти кусок сала, рассчитанный на четверых взрослых мужчин. Понимаю, Данька, сказал хозяин, тебя бес попутал, но я тебя прощаю, давай. Данька кивал, активно соглашался насчёт «попутал», но сала не отдавал. Тогда хозяин добавил аргументации – Данька не возражал и против неё, но сало не возвращал. Потом подключились остальные. И вот картина: большое животное стоит в окружении тоже немаленьких мужчин. Одни давят ему на совесть, в то время как соседние берут на испуг, третий машет перед носом кулаком. Животное соглашается со всеми, но сала не выпускает. В конце, потеряв терпеливые аргументы, пробовали вульгарно вырвать сало из пасти. На что Данька даже не рычал, что сделала бы на его месте любая мало-мальская собака. Было очевидно, что он был согласен на всё, даже на умереть.

Но расстаться с салом было выше его собачьих сил.

Так что бывают случаи, когда он себе не хозяин, заключил Вова. Да, говорил Лёня, с кем не бывает, а сам не отрывал умилённый взор от природы, в смысле сковороды.

В общем, дело шло к хорошему финалу.

Но, как всегда, вмешался случай.

Пока ходили, пока готовили, облачка, которые с утра буквально плавали, кружились в небе и, согласно поэту, «весело резвились по лазури», в конце объединились в тяжкую грозовую тучу. Из которой для начала громыхнуло, а понизу потянуло сильным ветром. Короче, когда картошка оконча-

тельно созрела – дозрел и дождь, которой не пошёл, а именно хлынул: вероломно, внезапно и как из ведра. Вова схватил самое дорогое – сковородку, бросился на веранду под навес. Лёня с криком, ура, ливень! схватил остальное, помчался следом. Данька, с детства боящийся грозы, как огня, спрятался инде ещё при первом громе. Думали отсидеться на веранде, но передумали – дождь доставал и под навесом, где вскоре всё намокло. Отступили в дом. Посидев некоторое время при свете вспышек за окном, Вова предложил забрать сковородку и начать пировать в доме. Но Лёня его отговорил, мол, гроза дело проходящее, а вкушать такое блюдо в доме – врагу не пожелаешь!

Так и сделали. Спустя какое-то время шум за окном начал стихать, молнии укоротились, гром стал отдалённее, глуше. Посидели ещё, вышли на веранду. Надо ли говорить, что природа вокруг стояла, как умытая, гроза уходила в сторону далёкого райцентра. Отсюда она наблюдалась как бы со спины: что-то в ней вспыхивало, бормотало, серая стена ливня шла над мокрыми полями и нивами – но нас это уже не касается. В подтверждение этого мокрый Данька сидел тут же, по-кошачьи вылизывая манишку на широкой груди. Глянь, Вова, радуга! радостно закричал Лёня. Вова посмотрел на Лёню, затем на такую себе рваную радугу, снова на ликующего друга – и понял, что и с радугами в Америке напряжёнка. Данька на это оторвался от манишки и пожал плечами, мол, стоило после всего Америку открывать, такую бедную?

Пировать решили на веранде, как бы на полуприроде. Протёрли сухое место, расставили вокруг сковородки рюмки, нарезали мокрые огурцы, принесли из дома новую соль, взамен намокшей. Открыли крышку на сковороде – может, пойти её разогреть. Но в этом не было никакой необходимости, ибо картошки там не было. Под крышкой. Сковорода была чистой, словно только что вышла из рук рачительной хозяйки в рекламном ролике.

А где картошка, сказал Лёня упавшим голосом и посмотрел вокруг. Вокруг было мокро с подтёками, табуретка с влажной газетой вместо скатерти, на скатерти были вилки, рюмки, початая бутылка, лук-порей в ассортименте. Там же была и сковорода.

Картошки в сковороде не было.

Вова с Лёней переглянулись, бессмысленно посмотрели на Даньку. Данька! – строго сказал Вова, сам поражаясь глупости своей строгости. Что тот ему и подтвердил, отвернувшись в сторону радуги, всем своим видом говоря: а как я мог назад накрыть сковородку крышкой, какой рукой сообщайте, приматы?! Действительно, крышка была на месте и покрывала пустоту. Лёня зачем-то посмотрел под табуретку, затем поискал по мокрым углам, сказал, нету. Торопливо ушёл в дом, как бы подозревая, что волшебное блюдо, испугавшись грозы, самотёком скрылось на кухне, чтобы не отсыреть, не погибнуть под действием дождевой струи. Через минуту вышел оттуда с поднятыми бровями.

Сели вокруг осиротевшей табуретки, налили, молча выпили. Закусили хлебом с луком. Начали выдвигать гипотезы. Гипотезы закончились на второй, гласящей: а чёрт его знает?! Снова молча налили. Лёня рассеянно поднял злополучную крышку. Под крышкой было тихо.

Допили, договорили насчёт исчезнувшей картошки, отпжимали плечами, понимая, что это и есть любимое юристами «неодолимое обстоятельство», именуемое форс-мажор. Однако Лёня всё не мог смириться с этим непреодолимым обстоятельством. Он рассеянно бродил по даче, как бы в поисках утраченного, внезапно замирал, прислушиваясь к чему-то. Несколько раз подходил к сковородке, резко открывал крышку, видимо, рассчитывая на внезапность. У него был потерянный вид, как у ребёнка, собиравшего деньги на покупку желанного братика, как ему это объяснили добрые взрослые, и уже насобиравшего, экономя на всём. И внезапно узнавшего от других добрых взрослых, откуда они действительно берутся, братики и сестрички. И главное, как неинтересно они берутся.

И собранные с таким трудом деньги, оказывается, тут ни при чём!

Домой возвращались уже в сумерках. Автор рассказывал что-то смешное, как спасал одну дуру-лису. Лёня в нужных местах смеялся, рассеянно барабанил пальцами по коленям. Зачем-то открыл бардачок, посмотрел в середину, поднял брови, захлопнул и вздохнул.

Интересно, что он рассказывал про этот случай в Америке?

И главное, кому?!

Летний скверик в центре столицы

Это был старый киевский скверик. Небольшой скверик на десяток скамеек и столько же большущих кустов и деревьев.

Со старинным чугунным фонтаном.

Ещё не так давно, а именно в прошлом пропавшем веке, в этом скверике шумела культурная жизнь. Вблизи располагался какой-то институт, даже три, – повышенное средоточие образованных людей. А напротив скверика, через неширокую улицу находился магазин с популярным названием «Гастроном». Внутри были товары, змеились горячие очереди. А ещё там продавали кофе на разлив, что тогда не часто. А тут – повышенный процент приличных людей, которым время от времени и кровь из носу надо выпить культурную чашечку кофе. Пока начальство отсутствует или обеденный перерыв. Плюс в те времена интеллигентный человек, держащий в правой руке чашку с кофе, нёс её как небольшое знамя. Вкушая кофе, он как бы напаялся свободой мысли и возможностью её высказать. Пусть даже в такое же бледное ухо.

Кстати, если же интеллигент держал чашку кофе в левой руке, значит, он был левша!

Вот такие крылья давал людям этот примелькавшийся нынче напиток.

Но пить его в магазине было плохо: жарко и унижитель-

ная атмосфера торговой надбавки! А в сквере через дорогу – хорошо и простор для парения крыльев. Как быть? Чаюющие движения свобод делали вот что. Отстояв душную очередь, брали ту чашечку за ухо правой /левой/ рукой, выходили на улицу. На улице двигались люди, по дороге двигались машины. На том берегу – зеленел желанный оазис с фонтаном и свободомыслием. Выждав паузу в потоке машин, чаюющие бросались через дорогу, как в реку, – дерзко, отчаянно; мужчины, женщины, юноши, диссидентствующие девы!.. И не было случая, чтобы кого-то задавила машина или, что ужаснее, кофе расплескался! Во всяком случае, автор не помнит, хоть, допустим, сам никогда в этом аттракционе не участвовал. И уже там, на земле обетованной, чашечка со спасённым кофе ставилась на поручень скамейки, неспешно доставалась сигарета. Сигарета неспешно прикуривалась. Дым неспешно втягивался внутрь организма, неспешно производя там что-то вредное, – и вольно выходил на свободу посредством струи свободного волеизъявления. А то и двух, если из ноздрей. Был в этом действии вызов правящей в стране системе. И долго и вольготно свершалось это пиршество либерализма, плавало невысказанное, тем более сладкое слово «свобода»!

С припевом: а потом – хоть потоп!

Вот какой это был заслуженный скверик – предтеча будущих дивных событий. После которых народ испуганно пригнулся, фонтан заглох, кофе начали продавать где попало,

как попало, кому ни попадя – хоть залейся!

Но сладкая запретная его радость сгинула.

Жизнь ведь в то время была гораздо лучше, только мы этого ещё не поняли.

Это была присказка.

Теперь вопрос в зал: что может быть обыденнее в нашей жизни, чем воробей?

Правильный ответ: ничего нет обыденнее, и не надо задавать глупых вопросов! Тут и так голова пополам!

Действительно, воробей – вещь совсем простая. Они возникают откуда-то, некоторое время существуют параллельно с нами, куда-то же исчезают, такие безвредные. С наступлением холодов они тоже начинают мёрзнуть, но не улетают, а жмутся к нам, бестолково перебирая тоненькими ногами по грязному городскому снегу, вечно голодные и озабоченные. Если правильные птицы поют, то воробьи чирикают, сопровождая теми наивными звуками своё ненужное нам существование.

Автор однажды держал в руке воробья – и, Боже ты мой! – сколько там оттенков и переливов в оперении! Сколько гармоничных полутонов и полуцветов, и чёрный, донельзя испуганный глаз. И сердце быстрое и еле слышное, то ли стучит, то ли тикает, – страшно воробью!

Не бойся, серый, тебя не обидят!

А во-вторых, ты совсем не серый! Ты красивый, – это мы слишком быстро движемся.

И вот про скверик.

Сегодня жаркий летний день. Скамейки в скверике разбросаны в беспорядке; в основном перетащены в тень – жарко. Из соседнего кафе пахнет чем-то противным, потому что горячим. В сухой чаше угрюмо молчащего фонтана успокоились яркие пакеты из-под чипсов, пластик, окурки – до новых встреч!

Жарко.

Люди прячутся под кусты и деревья. Из тени как-то злорадней смотрится на раскалённые машины, шумящие на улице, напрочь открытой истекающему солнцу. Сидящие в тени заняты кто чем: читают, играют в шахматы, жмурятся; в ассортименте представлены бесхозные курящие девушки. Несколько голубей, буквально четыре-пять, озабоченно прогуливаются среди скамеек. Тут же скачут и прыгают воробьи.

Иногда всё это останавливается и на мгновение как бы засыпает.

Жарко.

В тени отцветшего жасмина сидит молодая мамаша с прогулочной коляской. Наверное, она тоже когда-то здесь курила в ожидании суженого, теперь заботливо присматривает за уже ходячим ребёнком. Ребёнок оживлённо гукает, гоняется за голубями, пытаясь пнуть их ножкой, но пока ещё слаб в коленках. Голуби вяло вспархивают и тут же садятся, недовольно бормоча. Мамаша любовно делает сыну пальчиком. Голуби толстые и какие-то тренированные. Они выжидающе

ходят практически под ногами, людей не боятся; читающих или шахматистов огибают невнимательно, как урны, чуя их бесполезность. А поскольку, невзирая ни на какую жару, кто-то обязательно что-то жуёт, им и впрямь кое-что перепадает.

Мирная, хоть и жаркая городская картина, повторяющаяся из года в год и, может, из века в век.

Всё спокойно.

Нет, не очень. Это откуда-то от домов в скверик явилась старая бабушка с бумажным пакетом. Бабушка явно из тех, которые курируют городских котов или собак, или других городских насекомых. Это старшие сёстры могучего ныне ордена мающихся дурью правозащитниц. Смотрящие голуби устремились за ней, дёргая на ходу головами. Посреди скверика проплешина – это бывшая клумба, которую освободили от цветов, утрамбовав под будущее бизнес-что-то. Бабушка привычно высыпала туда из пакета всякий съестной мусор. И что тут стряслось! Откуда ни возьмись, туда хлынули птицы, ещё птицы; волна за волной, со всех сторон; пикируют, хлопают крыльями, дерутся. Воздух дрожит! Через минуту мирное убитое место закипело, зашевелилось, замотало головами, заперевранивалось, с шумом перепархивая с места на место. Вселенский гомон и переселение народов. Тут же полно воробьёв. Они соревнуются с громоздкими голубями и довольно успешно. За счёт маневренности, понятно. Слышен стук клювов, громкое воркование, шорох и хлопанье крыльев.

Цирковые называют такой общий выход – «тутти!».

Неподалёку на бордюре сидят молодые воробьи-дети, четыре штуки. Они уже ничем не отличаются от взрослых, в смысле размеров. Их можно выделить лишь по жёлтым заедам вокруг рта и общей юношеской растрёпанности. Они внимательно наблюдают за происходящим, но не вмешиваются – рано ещё. Вот из общей свалки вынырнул старый воробей с хлебной коркой. Молодые тут же набросились на него, всей четвёркой, забрали у него добычу и уже между собой устроили малый сабантуй. Поскольку воробей и не отбивался, было понятно, что это он пришёл их кормить. Вот он отдыхает, наблюдая за детьми. Только недолго было ему расслабляться! Молодые распустили корку буквально в несколько секунд, подскакали к нему и только что не сказали ну?! Воробей вспорхнул и скрылся в этом кипящем борще. Молодые остались сидеть, внимательно всматриваясь в том направлении; даже вытягивали шеи, как женщины на футболе. Через короткое время воробей вынырнул, но уже откуда-то сбоку. Он вынырнул с добычей, уселся тут же на бордюр и давай спокойно и заслуженно клевать свой кусок. Молодые, на удивление, никак на него не среагировали, даже отвернулись. И вовремя, потому что из водоворота вырвался другой воробей и тоже с хлебом. Молодые – фрррр! двое перехватили его ещё на подлёте, остальные перехватили перехвативших. Меж них произошла привычная свалка.

Ага, то был чужой воробей, а папа, значит, этот – похожи

таки.

Кстати, вопрос автору: почему именно папа, с чего автор такое взял? С того! Потому что воробей от подруги отличается, как мужчина от женщины. Даже сегодня гораздо проще спутать мужчину с женщиной, чем воробья. Но для этого нужно остановиться и присмотреться. А если бежать глаза в забор – тогда, конечно! Они ведь все серые.

Короче, это был именно папа, а где и с кем была в это время мама этих выростков – науке неизвестно. Скормив хлеб, папа-воробей сидел неподалёку, полуприкрыв глаза, быстро дыша, – дело явно далось ему с трудом. Одно перо у него было как бы надломленное. Растерзав корку, дети немедленно подсказали к нему с двух сторон и практически грудью стали подталкивать к ристалищу. Причём все четверо одинакового с ним роста. Воробей перепорхнул в другое место. Дети снялись следом. Он отлетел ещё – видно, сильно ему не хотелось нырять в эту травматологию. Дети достали его там. Они прогнали его практически по кругу и таки заставили нырнуть за добавкой, сами уселись в позах наблюдателей. Старого воробья, кстати, уже легко можно было отличать по неуклюже торчащему перу, из правого крыла. Через минуту он вынырнул с приличным куском, дети оживились, запищали – а напрасно! Кусок на лету схватил другой воробей, понаглее, и удрал. Папа снова нырнул в трепещущую гущу, потерялся, вынырнул в другом конце – безрезультатно. Попытался отнять хлеб у кого-то по недавнему примеру, сцепился

в воздухе, получил. Упал вниз прямо под нервные топчущиеся ноги. Выпорхнул живым, но порожняком, благоразумно перелетев на другую сторону площадки, под скамейку. Туда немедленно устремились дети и вновь принялись толпой подталкивать его, шатающегося, внутрь площадки.

И тут ему повезло. Откуда-то из самого пыла битвы к нему под ноги прилетел приличный кусок батона, царский подарок. Ещё не веря своим круглым глазам, он схватил подарок, но уже с другого конца в него вцепился серый голубь. Кусок был большой, но голубь был ещё больше. Он потянул кусок на себя, воробей потащился следом, растопырив куцые крылья, вцепившись в свой край, как матрос в борт шлюпки. Голубь тряс добычу, пытаясь оторвать воробья, сердито бормоча что-то сквозь захлопнутый клюв. Воробей держался за другой конец, но благоразумно молчал. Они с голубем составили на ристалище вроде отдельную пару. Голубь мотал головой туда-сюда, воробей мотался вместе с куском, составляя с ним единое целое. Тогда голубь поднял эту неразрывную пару и давай вращать головой. Воробей вращался вокруг голубя, сложив крылья по швам и закрыв очи, как смертельно уставшая фигуристка. Наконец голубь в последний и решающий раз тряхнул головой. Батон разломался, воробей отлетел вместе с отбитой частью и упал под куст жасмина. Некоторое время он лежал в траве, не раскрывая глаз, держа в клюве честно отвоёванный кусок. Ещё через мгновение туда слетелись прожорливые питомцы. Они без тру-

да отняли добычу, разорвали на части, проглотили, осмотрели, нет ли ещё чего? Не обнаружив больше ничего примечательного, они отряхнулись и упорхнули в тень, успокоенные и довольные жизнью. Воробей сидел некоторое время, тяжело дыша через полураскрытый клюв. Затем что-то вспомнил, повернулся, вспорхнул на площадку. Но, увы! Ристалище было порожним и скучным. Там, где минуту назад было кипение жизни и страсти, стояла тишина, лежали чьи-то перья да разрозненный голубиный помёт. Воробей прыгал по пустому квадрату, пытаясь выключить из почвы что-то, видимое лишь ему одному, – раз, два, три... Напрасно.

В природе вновь установилась шумная тишина центра столицы. Всё поехало по своим неведомым адресам и дорожкам. Солнце запалило сильнее, как бы после небольшой передышки. Люди жались в тень, смотрящие голуби, сыто урча, болтались под ногами. Воробей прыгал по чистой площадке медленно и безнадежно, высвеченный горячим солнцем.

Рядом прыгала его маленькая одинокая тень.

Увидев воробья, ребёнок, на радость маме, устремился туда, махая ручками и радостно гукая. Хотел ковырнуть воробья ножкой, но не рассчитал, упал на попку. Осторожно, Дюдя, ласково сказала мама, любуясь сыном, и нестрого сделала ему пальчиком.

А может, птичка не поёт? – спрашивал один хороший писатель и человек. – Может, она плачет? /М. Мих. Зощенко/.

Мы вечные странники

В своё давнее уже время автор стоял на вахте.

Вахту автор стоял на громадном военном корабле, а была ночь.

Корабль был пришвартован к берегу кормой, то есть привязан к тому берегу толстыми «концами»-тросами.

Ночью стоять на вахте трудно и скучно. Потому что остальные лежат в постельках или где кого застало, а ты глядишь на небо, один, как палец в носу.

Освещённый огнями и фонарями ночного порта.

И вот автор стоял на своей страже и меланхолично наблюдал, как с берега на корабль переходит большая крыса. Она шла по толстому канату, как по проспекту, не торопясь и не оглядываясь на прошлое. Но где-то на половине пути её вояж неприятно прервался – она упёрлась головой в большой алюминевый диск, насаженный поперёк каната. Она отошла, поудивлялась; стала на задние ноги, обследовала диск визуально и обонятельно; обследовав, пришла к неутешительному выводу и только что не выругалась – дальше хода нет! После чего неуклюже развернулась и тяжело плюхнулась в воду. Но не утонула, а поплыла к берегу своим ходом, оставляя след в чёрной, освещённой прожекторами воде.

Такие же диски были насажены на все остальные троса и канаты, известные в морских кругах как «крысоотбойники».

Интересно, не правда ли?

Вопрос: что может жить и выжить на военном корабле, среди громады железа? Кроме, конечно, терпеливого экипажа?

Ответ: на морских судах и военных кораблях живут и процветают крысы. Много крыс.

И почему же так? – интересуются непосвящённые. – Даже удивительно слушать в наше время! Куда, извините, смотрит современная наука?!

Наука чешет лысеющую макушку и что-то невнятно объясняет у пивной.

А весь фокус в том, что их нельзя травить, крыс-то, и они этим активно пользуются. Их разрешено уничтожать лишь физически. Ибо, отравленная, крыса заболевает, залезает в недоступную человеку щель и там отдаёт Богу свою небольшую душу. Оставшееся без призора тело начинает разлагаться в полном соответствии с законами энтропии. Это дело сопровождается нарастающим запахом. А поскольку корабль или судно пронизано вентиляционными ходами и трубами, как дорогой сыр, то запах немедленно и надолго распространяется по всему кораблю.

И запах этот отнюдь не сырный.

Бывало, лежишь в кубрике на койке, темно, горит дежурный плафон. Лежишь себе, ворочаешь в голове скромные думы – скоро тебе на вахту, а неохота. А внизу, на палубу, как на простор речной волны, выходит семейство крыс: родите-

ли, невестки, дядя, небольшие крысята. Они бесстрашно фланируют по небольшому пространству кубрика, освещённые синюшным дежурным светом. Совсем как в парке культуры при полной луне. Молодёжь резвится, достали чей-то неосторожно покинутый предмет, подьедают. Изредка раздаётся негромкий писк и звук подзатыльников – это урезонируют разгулявшуюся молодёжь. Они взлетают на переборки, бегают по рундукам, чем-то надсадно шуршат. Иногда почувствуешь, как в ногах что-то энергично зашевелилось. Привычно натянешь на голову одеяло, слышишь, как по тебе, как по ипподрому, промчалась пара и скрылась в вентиляционном ходу. Лежишь себе дальше, думаешь: а если это любовь?

Конечно, в это гульбище мог бы вмешаться вахтенный матрос. Он специально поставлен Уставом внутренней службы охранять пусть краткий, но мирный сон моряка. Только плевать он хотел на УВС, он нагло «давит клопа» на рундуке, шевеля в тревожном вахтенном сне толстыми губами.

Может, ему снится мамино варенье или девичьи колени.

Или девичьи колени, смазанные маминым вареньем.

Два в одном.

Поэтому на большом, огромном военном корабле, где автор коротал годы воинской службы, крыс уничтожали упорно и абсолютно безуспешно. У начальника медслужбы капитан-лейтенанта Тиханского был заведён специальный Журнал. В тот Журнал заносились фамилии и воинские звания

лиц, уничтоживших грызуна лично и представших пред капитанские очи с трофеем в руках. Начмед визуально констатировал смерть, затем брал труп пухлой рукой и выбрасывал в ближайший иллюминатор.

То есть предавал тело воде.

Эта славная традиция хоронить умерших и погибших за бортом воспета в старинной морской песне, содержащей такие слова:

*К ногам привязали ему⁴колосник⁵
И койкою⁶труп обернули.
Пришёл корабельный священник-старик,
И слёзы у многих сверкнули.⁷*

Начмед Тиханский на церемонию погребения никого не приглашал. Просто брал почившего за хвост и удивительно точно выбрасывал через плечо. Даже не оборачиваясь, ибо иллюминатор был у него непосредственно за спиной. Предав тело воде, он вписывал фамилию добытчика в Журнал и ставил против неё птичку.

Или крестик, запомнялось.

⁴ Ему – покойнику, конечно.

⁵ Колосник – железяка, чтобы не мешкал, а быстро шёл ко дну.

⁶ Койка – так и будет, койка. На старых кораблях матросы спали в парусиновых койках-гамаках. Здесь – обернули матроса его же койкой, чтобы она упокоила его последний раз.

⁷ Умные читатели, конечно же, узнали «Раскинулось море широко».

Насколько проблема была серьёзной, станет понятно из того, что охотник, набравший определённое количество птичек-крестиков, поощрялся поездкой на родину. На космические 10 суток. «Десять-суток-отпуска-не-считая-дороги» – это было специальное поощрение для матросов и старшин срочной службы, совершивших что-то из небольшого ряда вон выходящее. Например, сломавших весло на соревнованиях по гребле на тяжких морских шлюпках. Кстати, и вёсла там были такие же, неподъёмные. И вот находились чудо-богатыри, которые во время гонок ухитрились то весло сломать – так чудовищно старались, получается! За это старание их и награждали тем краткосрочным отпуском. Или если моряк совершил какой-нибудь малый подвиг, который не тянет на государственную медаль, а 10 суток – в самый раз. Тем более что матросу тот вождеденный отпуск был дороже любой медали.

Даже самой толстой.

И вот в эту славную когорту попадали истребители крыс – было чего стараться и не спать!

Конечно, в том славном Журнале были случайные люди, против которых стояло буквально 1–3 птички. Эти в счёт не шли. Но были хантеры, добытчики, промысловики, у кого это число приближалось к критическому. То были профессионалы. И профессионалы честные. Они придумывали всякие приспособки, капканы, уникальную инженерию, какие-то страстные орудия. Они изобретали это всё, не жалея

сил, – лишь бы уничтожить побольше этих злостных травоядных, заслуженно поехать домой и наврать там, что поощрены за спасение командира корабля, тонущего в мундире.

Хотя, по уму, хороший морской командир может утонуть лишь с упомянутым колосником в ногах.

И то не каждый.

Да. Много удивительных способов придумывали эти морские охотники, и многое они бы свершили. Только добыча у них была ещё более хитрая и живучая. Великий физик Роберт Вуд, гений эксперимента, рассказывал, как он лично боролся с крысами в лаборатории. Он придумал царь-крысоловку, в основу действия которой была положена большая дождевая бочка. А он мог придумывать. Он ещё школьником сделал самострел, стрела из которого проникала в доску глубже, чем винтовочная пуля. Короче, гений. Вот они туда наловились с десятков, в ту бочку, из которой спасения нет по всем законам любимой Вудом физики. Это он так думал, а потом с изумлением на умном лице наблюдал, как они из неё выбирались, придумав новый, неизвестный природе закон. И что сделал этот великий человек? Он засмеялся, выпустил оставшихся на свободу и дал себе зарок никогда больше не заниматься глупостями – не бороться с живой природой.

Но вернёмся на море.

Известно, что при любом хорошем перспективном деле есть своя деятельная когорта паразитов.

Например, хантер N с помощью хитрости, ловкости и все-

нощного бдения добыл вожделенную крысу. Вот он несёт её за хвост под завистливые тексты сослуживцев. Эта новость немедленно облетает всех, кто в ней заинтересован. Тут же появляется группка поддержки, они поздравляют N с законной добычей, хлопают по спине, желают новых успехов. Убедившись, что N зашёл в каюту начмеда, они пулей взлетают на верхнюю палубу, становятся у бортовых лееров аккуратно над начмедовским иллюминатором, зорко смотрят за борт. За бортом плещется тёплая зеленоватая волна, на ней болтаются чайки и бакланы. Иногда взблеснёт бок ставридки – красота.

В руках у них ведро наизготовку.

В каюте в это время довольный N расписывает драматические подробности сафари.

Начмед торжественно принимает добычу, констатирует отсутствие пульса и сокращение зрачков.

Группа застыла над бортом с ведром.

Склонённый над Журналом Тиханский ставит напротив фамилии старателя торжественную птичку.

Счастливый N говорит: разрешите идти? и выполняет поворот кругом.

Из иллюминатора вылетает тело покойного.

Сверху немедленно летит ведро на канате.

И вот тело уже поднято на борт.

Над ним склонились, как в той же славной песне:

*К нему подбежали с холодной водой,
Пытаясь привести его в чувство.
Но доктор седой покачал головой:
Бессильно здесь наше искусство.⁸*

Естественно, в нашем случае никто никого не пытался приводить и реанимировать. Бережно брали холодный мокрый труп, бережно осушали, согревали дыханием; высушив, вздыбливали шерсть бережно хранимой для такого дела зубной щёткой вплоть до ресниц.

Работали сосредоточенно и самоотверженно, как трудятся стилист, визажист и турок-банщик, создавая влекущий образ хозяйке-миллионерше, совсем сдуревшей на старости лет.

Затем, выдержав приличную паузу, очередник брал оформленное животное, спускался к начмеду.

Группа захвата замирала с ведром над бортом.

Начмед без горечи констатировал смерть.

За бортом плескалась небольшая зеленоватая волна. Изредка на солнце взблёскивал бок небольшой ставридки.

Всё повторялось.

Вот такой был круговорот в природе.

Но всё имеет свой конец.

Попались, как всегда, на спешке, то есть жадности.

Когда Тиханскому в пятый раз принесли одну и ту же

⁸ Искусство врачевания, конечно, а не вприсядку.

«только что убитую в жаркой схватке» крысу, он не выдержал. Оказывается, он давно подозревал, что не может такое прибыльное дело не взрастить свои сильные характеры.

Но не такие же наглые!

Под раздачу попали и честные охотники. Они тоже не получили свой выстраданный отпуск, о котором уже изнамекались в письмах домой.

И получилось совсем как в песне:

Напрасно старушка⁹ждёт сына домой.

Ей скажут, она зарыдает.

А волны бегут от винта за кормой,

И след их вдали пропадает...¹⁰

И мы с вами, увы, тоже!

⁹ Не обязательно и старушка, сейчас другие времена, другое расписание.

¹⁰ Уже сколько лет они бегут и пропадают!

Попугай Мишо

Это последняя хозяйка его так называла – Мишо. На французский манер. У её любимого Бальзака был такой болтливый персонаж, тоже Мишо.

Или у Гюго?

А как его звали с самого начала, с дня рождения, – хроники молчат. Попугая, конечно, а не Гюго, у которого, кстати, было простое русское имя Виктор.

Попугай Мишо был крошечный, но разговорчивый до нельзя. Он днями сидел перед своим отражением в маленьком зеркальце и в чём-то его горячо убеждал. Делал он это неутомимо, с каким-то комсомольским огоньком. Временами беря собеседника на испуг, временами давя на совесть. Иногда он срывался с жёрдочки и повисал вниз головой, как бы сражённый абсурдностью чужих аргументов!

Автор познакомился с ним у своей старой учительницы, у Людмилы Павловны. Сидим как-то, беседуем у неё в квартире. Слышно, кто-то параллельно с нами разговаривает, кто-то явно неприятный. – Людмила Павловна, кто там у вас? – Где? – Ну, на балконе. – А-а, на балконе!.. Пошли на балкон, а там среди спрессованного годами балконного хлама стоит гнутая, какая-то полувдовья клетка, а в ней сидит небольшой попугай и беседует сам с собой. Увидев нас, попугай поперхнулся, как бы застигнутый врасплох, отвернулся и запел что-

то нейтральное, кажется, «в лесу родилась ёлочка». Пел он старательно, с чувством, раскачиваясь и смаргивая непрошеную слезу. Вскоре ему надоело притворяться, он прервался на «везёт лошадка дровенки» и вновь начал что-то горячо доказывать сопернику в зеркале, причём, в отличие от песни, сердито.

Учительница рассказывала, как он впервые попал в дом, весной. Пьющие супруги снизу, говорит, позвонили в дверь, сказали, здрастье, Людмила Павловна, поздравляем с восьмым мартом! И сунули мне в руку что-то мягкое – это вам, с праздником весны и труда! Я говорю, Толик, это что? Он говорит, это волнистый попугай, обратите своё внимание! Его жена Светлана говорит: Людмила Павловна, это не попугай – это прямо амурские волны, видите, какой он волнистый, меня буквально укачивает! Мы его зовём Миша. Я говорю, Света, зачем мне попугай, да ещё такой волнистый? Она говорит, потому, что он говорящий, нам страшно, а вы учительница литературы, вы помиритесь, дайте три рубля! Говорю, Света, ты бы с этого начинала! А как он к вам попал? Толя говорит, да залетел в раскрытую форточку, а мы кушали. Он сел ко мне на тарелку и говорит: дай пяточок на метро! Я чуть не умер, правда, Света?

Заберите, Людмила Павловна, где я ему наберусь пяточков?!

Когда я его принесла в квартиру, рассказывала Людмила Павловна, он неделю молчал. Думаю, опять обманули, пара-

зиты. Не обманули. Однажды я сижу работаю. Три часа ночи, лампа светит, этот попугай сидит сбоку, уже обжился. Смотрю, перебирается ко мне поближе. По краю стола, боком, боком, небольшими шажками, остановился возле локтя. Я не поворачиваюсь, но чувствую, смотрит. Я оторвалась от письма, говорю, ну, что смотришь, молчун? Он вздохнул раз, второй, явно помялся и спрашивает: ты, говорит, какой национальности? Я сказала. Он, видимо, успокоился, потому что с этой минуты начал постепенно говорить; к вечеру пошёл практически вразнос. Цитировал Шекспира в подлиннике, хоть и очень неразборчиво.

Ну, насчёт Шекспира это она, конечно, пошутила. Его-то и люди особо не читали, кроме, понятно, Людмилы и самого Шекспира.

Такое это было удивительное насекомое.

Вообще рассказывать про говорящего попугая да ещё чужого – пустое занятие. Всё равно никто не поверит. Вот, кстати, вспомнилось. В своё время автор был знаком с одной девушкой-вентрологом. Вентролог – это, говоря по-простому, чревовещатель. Только оба этих длинных тяжких слова к ней никак не лепились – была она нормальной, более того, симпатичной девушкой по имени Валентина. Наинормальнейшей, если не считать этого её редкого дара. У неё была большая «говорящая» кукла Катя. Она с этой куклой работала на эстраде – полный фурор, особенно у детей! Вот Валя брала эту Катю, усаживала к себе на колени, дальше начинал-

ся, как говорят наши, «цирк на проволоке». Например, кукла Катя поворачивалась к вам и спрашивала: ну, что, так и будем молчать?! На ваш невыразительный ответ Катя по-девичьи хихикала и брала разговор на себя. Чтобы окончательно не пасть в её глазах, вы трудно втягивались в разговор, даже пытались тупо острить, отвечая на её весёлые приставания. Со стороны это было похоже на разговор юного косноязычного Буратино, только что вышедшего из-под топора папы Карло, с нахальной, поднаторевшей в любви и дружбе Мальвиной. Главное, Валя – хозяйка куклы – сидит тут же и молча наблюдает этот диалог как бы со стороны, улыбается.

Кошмар!

Лично автор редко бывал в более глупом положении. Полное раздвоение личности! С одной стороны, вот Катя болтает с тобой, поёт частушки и даже подмигивает – но ведь это кукла, мёртвая материя. С другой стороны, вот живая Валя сидит себе неподвижно, молча посматривает своими красивыми глазками то на тебя, то на куклу, и её симпатии явно на стороне последней. Так с кем я разговариваю?! Валя прекращает сеанс, смеётся: ну, как?!

Ну так – спина мокрая, спасибо за компанию!

Примерно такие же чувства испытывал автор, беседуя с тем Мишо. Не разговаривая, мол, Кеша – умный, а Попка – дурак! А именно беседа. И получал порой такие ответы, что поднимался и уходил, обуреваемый сомнениями и почему-то пристыженный...

Это не перескажешь.

Говорят, попугаи живут очень долго. Не знают и врут! Во-первых, смотря какие попугаи. Например, волнистый может жить 15 лет. Может, даже больше, только кто ему даст. Или умрёт с тоски, если вовремя не научится говорить сам с собой; или пропадёт через форточку, или его сожрёт вульгарный неграмотный кот, которому плевать на таланты и образование.

Совсем, кстати, как у людей.

А большой попугай, конечно. Большой попугай – другое дело. Большой попугай, как написано, может радовать хозяина более 120 лет.

Только где же взять теперь такого большого хозяина?
Перевелись на Руси богатыри!

Мормоны с видом на залив

Случаются в жизни встречи.

Разные случаются, интересные, неожиданные, счастливые, безумные, безумно ненужные. Ненужных больше всего. А ещё, бывает, попадётся чёрт знает что и помнится почему-то всю жизнь. Почему? Наука молчит – учёные разводят плечами.

Так и обедают.

1

Сидим как-то с другом на берегу озера, собрали прутики для небольшого ритуального костра; с трудом, но собрали. Ибо их, нужных, там мало. Собрали, кстати, не повреждая зелёных насаждений. Во-первых, они не горят, во-вторых, и, в-главных, – нехорошо. И вообще мы всегда приходили на природу с девизом: чтоб после нашего ухода было чище, чем было до нас. Не потому, что мы такие хорошие, просто кто-то когда-то нас этому научил, спасибо ему, низкий поклон. Поэтому, прежде чем приступить к своему скромному празднику, часто приходилось делать генеральную уборку. Зато совесть была чиста, и на душе становилось прибрано.

Да. И вот озеро, небольшое, обрамлённое камышом, берег низкий, травянистый, кустарник и небольшие заросли в

ассортименте. Когда мы пришли, озеро показалось безлюдным, то есть безжизненным. Через какое-то время почувствовали, что вокруг и внутри существует жизнь, только она временно прижукнулась ввиду появления посторонних. Позже оказалось, что её там вообще полно, разнообразной и разнообразно шевелящейся.

Первыми задвигались камыши. Оттуда выглянула утка, осмотрелась, негромко крякнула. На звук проворно выбралась целая команда утят, тронулись вслед за мамой. Один немедленно отстал, самый непослушный, завертел головой в поисках приключений. Утка-мама повернулась, строго что-то сказала. Он торопливо заработал лапками, догнал строй, и они чинно уплыли в нужном направлении. Над озером проворно залетали ласточки; они буквально чиркали крыльями по гладкой поверхности и тут же взмывали вверх, как на соревнованиях, демонстрируя фигуры высшего пилотажа. Некоторые с разгону подлетали к вербе, свесившей тонкие ветки до самой воды. Тут они делали совсем уже непривычное: затормозив перед самым деревом, цеплялись маленькими, неприспособленными для такого дела лапками за тонкую веточку и повисали на ней, трепеща крыльями. Повисев буквально вниз головой и пораскачивавшись, они срывались вниз, развёртывали крылья над самой водой, снова взмывали, сверкнув на солнце белой грудкой.

Представители царства насекомых – водомерки – озабоченно бегали по воде аки посуху; было заметно, как вода

под их ногами именно прогибается – так интересно! Тут же барражировали большие летние стрекозы, слегка потрескивая удивительными прозрачными крыльями. Усаживались на сухое быльё, сидели там, ворочая головой с огромными глазами. Интересно, как мы смотрелись оттуда? С точки зрения перепончатокрылых. Остальные представители этого обширного царства прятались в траве и в тени, дожидаясь вечерней прохлады. Иногда зудел и норовил укусить совсем уже отпетый комар, но делал это так неохоче, что его отпугивали буквально словами.

Получилось, что мы со своим костерком и скромной гигиеничной закуской как бы вписались в окружающую среду. Вот на торчащую из воды корягу уселась и задремала большая меланхолическая чайка.

Хорошо.

Интересно, что всё это происходит практически внутри огромного города. Метрах в пятистах от озера растёт частокол девятиэтажек; по улице мчатся машины, через мост катится аккуратный красно-жёлтый трамвай. А сюда долетают смешанные звуки мегаполиса. Мягко и ненавязчиво.

Такой это удивительный город, Киев.

Это он удивительный для посторонних, а мы привыкли. Мы пришли на это озеро, потому что оно есть, потому что это такой город, и для нас ничего странного. Мы сидим, наблюдаем движения прекрасной жизни, говорим про необычное антре ласточек, про чёрных угрюмых головастика, из

которых образуются прекрасные зелёные лягушки; про золотистую пчелу, упавшую в воду по неосторожности или технической неполадке. Которую пришлось доставать специальным длинным прутиком, с которого она непрерывно сваливалась в воду. В конце выяснилось, что с ней всё в порядке; оказавшись на суше, она провентилировала крылья, снялась и улетела. Мы беседуем про всё это, мягко шумит город, по озеру пробегает легчайшая рябь. Изредка всплещёт рыба, пустив по воде мягкие круги; вот возле берега что-то сверкнуло на солнце и брызнуло, как горох, – это мальки. Значит, где-то появился окунь, которого вечером запросто может поймать терпеливый рыбак и съесть с приятелями, совершая незыблемый круговорот еды в природе.

Но, кстати, необязательно.

Знакомый Игорь пошёл как-то утром на рыбу, набрал туда еды, приманок, запасных крючков, всякого рыбацкого дреколья. Произнёс некую рыбацкую мантру и отчалил, решительный и гружённый. В конце дня, к вечеру, автор проходил мимо водоёма, увидел Игоря. Он сидел над своими удками, коричневый, прокалённый солнцем до зубов. Автор остановился, вежливо поинтересовался, чем обычно интересуются у рыбаков, например, уловом. А берег вокруг вытопан, как если бы Игорь весь день бился, вытаскивая наружу упирающуюся рыбу, и – побеждал. Но рыбы не было. «Ни одной», – хмуро уточнил Игорь. И вот типичная рыбацкая картина: закат, Игорь сидит, уставившись на поплавок с затёк-

шей от этого бесполезного надсадного дела шей, а оттуда, со стороны заката, к берегу и прямо на нас плывёт то ли выдра, то ли ондатра. Плывёт тяжело, не спеша, во рту у неё здоровенный, какой-то выставочный карась. Карась взблёскивает и золотится в лучах заходящего солнца. Игорь смотрит на это горькое зрелище, сглатывает, в его очах застыл вечный вопрос о справедливости. Ондатра вильнула и спряталась со своим карасём в береговых зарослях в паре метров от нас; наверное, там у неё дом с малыми ондатрятами.

Вот тебе и царь природы с окурком.

Ну вот. А сегодня мы лежим на совсем другом берегу совсем другого озера, не спеша обсуждаем эту историю, слегка споря, чего в ней больше – трагедии или комедии. А вокруг мир, тишина, полузабытая благодать.

И вдруг – трах-бах, стук, тресь!..

Откуда-то, непонятно откуда выскочил человек в чёрной спецодежде, в чёрной же маске с прорезями, с автоматом. Из другого непонятно откуда выскочил другой персонаж и выстрелил в спину первому, который уже пропал в зарослях, слышен треск и шелест его удаляющегося тела. Через минуту всё вокруг закипело. Появилось ещё несколько персонажей с автоматами, они забегали, загонялись друг за дружкой, буквально перепрыгивая через возлежащих нас. Слышно: пук-пук, пук-пук, пук-пук. Это было так вероломно, что мы даже не успели среагировать, например, испугаться. Потом и вовсе успокоились, определив, что это охотники за ад-

реналином играют в свою войнушку. И форма у них была как бы настоящая, и оружие, и стрельба, и пряталки. Они всё делали старательно сопя и как бы по правде. Они Прятались На Местности, Осторожно Высовывали Голову Из-за Дерева; Нажимали Пальцем На Курок, Ведя Огонь На Поражение: пук-пук, пук-пук!

Пук-пук...

Заскучав, мы вернулись к столу, налили и выпили за мир, но прежний разговор уже не шёл. Нам почему-то было неловко за этих взрослых дядей, таких почти грозных и мужественных, таких смешных и жалких в своей пластиковой отваге. Откуда-то справа доносился треск, шелест; слышалось пук-пук, пук-пук... всё дальше, всё тише.

Сгнули.

Какое-то время потревоженный мир осторожно прислушивался, как бы собираясь в себя. Как вода после брошенного камня: волны ещё бегут-разбегаются от центра, а в самом центре уже восстанавливается мир и потревоженная гладь. Убедившись, что всё в порядке, зашевелились жители и обитатели. В камышах сердито заскрипела некая новая птичка, может, и камышовка. Ласточки вновь завились, зачирикали над водой. Потерявшие нить водомерки принялись озабоченно перемерять свою территорию. Уточка осторожно высунула голову, повернулась, крякнула в камыши. Оттуда неспешно показался её малый отряд. Они выстроились в клин и чинно поплыли за мамой по своему правильному

делу.

Трогательные и настоящие.

2

А вот ещё встреча.

Мы сидим с нашими детьми на берегу огромного водохранилища, по-местному – моря. Это действительно море; в главной, цивилизной своей части оно оторочено в бетон. А здесь оно только начинается. Здесь широкий песчаный берег, потом кусты, потом сосновый лес. Лес иногда подступает прямо к воде. Лес редкий, даже жидкий. Тут и там между отстоящих сосен встречаются и цветут странные ползучие растения с непонятными светло-зелёными цветами. Такие странные цветы обычно высаживают на кладбищенских могилках. А вот и сами могилки, заброшенные, какие-то полустёртые. В общем, это не лес, это бывшее деревенское кладбище. Могилок немного, десятка два, а сначала было явно больше, ибо уцелевшие отстоят одна от другой далеко и неравномерно. Можно было бы сказать, что жильцы переехали, да только это вряд ли, скорее всего, многие холмики просто сравнялись с остальной землёй. Вот вам и «вечная память». Тем не менее уцелевшие по-прежнему напоминают, что они-то дома, а мы в гостях. Пока. Но делают они это деликатно. Может, потому, что вокруг лето, мы молоды, рядом с нами наши замечательные дети, рядом большое зеле-

новатое практически море.

И мы твёрдо уверены, что так будет всегда.

Мы сидим на песчаном берегу ближе к соснам, как бы на границе живых и бывших. На открытом солнце жарко. А вокруг ни души, позади лирический шум сосен, перед нами большая вода, дальний, в дымке, другой, противоположный берег. Вверху синее небо, ветер, редкие чайки.

Лёгкую монотонность летнего безделья оживляет появившееся дикое животное. Очень небольшое – ласка. Метрах в трёх от нас растёт густой широкий куст орешника, под тем кустом у ласки дом, норка. Вот она высунулась оттуда по пояс, повертела красивой хищной головкой, выбралась совсем и стремглав помчалась к соседнему кусту через открытое пространство. Можно сказать, огромными прыжками, насколько ей позволяют короткие ножки. Хвост сзади именно трубой. Через какое-то время она возвращается обратно в норку, такими же прыжками. И так много раз кряду. Что бы это значило? Мы ломаем голову над её экзерсисами, но безответно. И главное, если бы она таскала себе какую-нибудь покражу. Нет. Пробежится под соседний куст, что-то там увидит или пересчитает – и бегом назад, упомянутыми прыжками. Дети высказали мнение, что ничего она там не сторожит, а наоборот – засиделась у себя в сырой норке, а теперь таким способом просушивает свою хорошенькую шубку, коричневую с белым.

Как бы на ветру.

Мы сидим на пустом берегу, вокруг лето и больше никого. До конца дня ещё далеко, солнце только свернуло с зенита.

Хорошо, и всё тут!

Естественно, через некоторое время дети сказали, что они хотят есть, конкретно умирают. Ира достала предусмотренную для такого случая коробку с оладьями. Оладьи были торжественно разложены на салфетках, семья приготовилась к заслуженной трапезе. В это время младшая громко закричала: смотрите, смотрите, лебеди, ой, какие хорошенькие!

Действительно, вдоль нашего берега плывут лебеди, два белых и четыре бурых, надо полагать, – детки. Те и другие одинаковых размеров, больших. Они плывут сильно, торжественно, в кильватер: главный впереди, остальные друг за другом, ему в затылок. Наши дети взволновались, вскочили: смотрите, какие они миленькие! И давай их кликать: лебеди, лебеди! Как привыкли подзывать кошку Славу. Лебеди на эти звуки притормозили, собрались в круг, как бы посоветовались. Главный солидно вышел на сушу и направился в нашу сторону, хоть мы сидели от воды далеко, метрах в сорока. Остальные тронулись за ним тем же кильватерным строем. Они не спеша одолели эту дистанцию, при этом по мере приближения как-то тревожно вырастая в размерах. То есть постепенно превращаясь из милых, воспетых поэзией птиц в крупных молчаливых созданий с маленькими головами и массивными клювами.

Как бы небольшой киркой на изогнутой ручке.

Мы наблюдаем это пришествие с радостью первооткрывателей, переходящей в лёгкое волнение неизвестности. Дети на всякий случай умолкли, потом и вовсе спрятались за нас. Лебеди выжидающе остановились в полутора метрах от нашей подстилки. Родители были, как и положено, ослепительно белыми, их дети стояли поодаль, такие же массивные, но коричневые, как бы неприятно небритые. При этом мы сидим, они стоят. Получается, смотрят на нас как бы сверху вниз – что уже унижительно. И о чём с ними говорить – неизвестно. Ибо сначала неизвестно, что у них в головах, в таких маленьких с неподвижными глазами.

Мы молча сидим, они молча стоят. Пауза затянулась.

– Может, они ждут, когда их угостят, – вполголоса сказала Ира, – наверное, их здесь все угощают.

Постановили, да, нужно угостить. Из угощения были лишь упомянутые оладьи, рассчитанные на полудневный поход на природу семье из четырёх человек. Бросили гостям. Лебеди мгновенно проглотили, поймав угощение на лету, как собаки, и вновь выжидающе замерли, глядя всё так же немигающими глазами, но теперь уже конкретно – на оставшиеся оладьи. Это нам не понравилось. Хорошие животные, подумали мы, например, та же собака виляла бы хвостом, благодарно лаяла, припадала на передние ноги, приглашая продолжить начатое хорошее дело. А тут – вместо благодарности тяжёлая немигающая тишина, кто так делает? Ласка высунулась из своей пещеры, настроилась бежать, но за-

метила эту картину, замерла, потрясла головкой. На всякий случай нырнула назад. Воспользовавшись паузой, наши дети схватили по оладье, отправили в рот. Гости проводили это дело тяжёлым непонимающим взглядом.

Бросили им ещё, потом ещё, но силы были явно неравны.

– А животы у них не заболят?.. А животы у вас не заболят, пернатые?!

Лебеди молча переглянулись, несогласно покачали изогнутыми пустыми головами, мол, не волнуйтесь, и не такое одолевали.

Скрепя сердце, отдали им последнее.

– Почему они не уходят?

– Наверное, они не знают, что у нас ничего больше нет.

– Нету! Смотрите, больше ничего нет! – Ира показала лебедям пустую коробку, для убедительности перевернула и постучала по дну. Звук получился пустой и печальный. Конкретно для нас.

– Видите, всё, гуд бай!

Убедившись, что пир закончен, гости внезапно озвучились, все вместе, особенно молодёжь. Они заговорили неожиданно сердито, затоптались на месте, недоумевающе замотали длинными шеями. Помитинговав, ушли вольным строем, то есть сварливой толпой, тяжело ступая, громко, осуждающе перекликаясь. Как расходятся цыгане после несостоявшейся драки с соседним табором, галдя и выкрикивая бранные слова на своём непонятном, как бы самой

природой созданном для таких дел языке.

Не стоит благодарности.

3

Насчёт благодарности вспомнилось совсем уже чумное.

Сидели как-то с тем же замечательным другом, но уже на Днепре, на берегу залива. Сидели на небольшом пяточке практически у самой воды, ногой достать. Справа камыши, слева камыши, сзади камыши, спереди – огромный вид на залив. А камыши вокруг, можно сказать, вплотную, и сами стоят плотно, словно стена. Поэтому мы чувствуем себя уверенно, как, скажем, на маленькой кухне с прекрасным видом из окна.

Тихо, хорошо. Где-то слева слышны приглушённые детские крики и визг – там что-то вроде пляжа.

А мы – здесь. Место явно и давно облюбовали любители отдыха на природе: мусор, бутылки, обёртки, окурки, огрызки почему-то лимона – корочка, свалка. Ну, давай всё собирать, сжигать в костре, содеянном из того же мусора. Запыхались. Зато место обрело, хотелось сказать, человеческий вид, да что-то не говорится. Корочка, стало чисто. Сидели, беседовали. А перед этим позорно купили на рынке судака. Боже мой! Кому сказать: «На речку – со своим судаком!» Хорошо, что никто не видел. Судака покупного испекли в фольге фабричной. Съели, отдыхаем. Слышно, со стороны

залива доносятся отдалённые звуки, частые и неразборчивые команды по «матюгальнику» – мегафону. Оказалось, пока мы занимались делом, там начались соревнования на приз имени кого-то. Действительно, по огромному заливу болтаются яхты, валяются на поворотах, моторка вытаскивает за шиворот павших. Вдали гребцы без паруса что-то делают, в данном случае истово машут вёслами. Мы наблюдаем это всё, комментируя или сожалея о тех, кто вынужден махать веслом, вместо того чтобы курить табак, внемя плавному подъёму мирного дыма.

Хорошо.

В этом или в ином месте наши мирные рассуждения были нагло прерваны. Ибо слева стена густого камыша неожиданно раздвинулась, из неё высунулась большая чёрная сумка. За сумкой последовал молодой хлопец с незапоминающимся лицом. Он выпал из стены камыша, как от чего-то отпочковался. Хлопец воровато огляделся по сторонам, заметил нас, замер. Мы тоже смотрели на него с некоторым изумлением. А как не изумиться, когда сидишь у себя на кухне, внемлешь невидимым звёздам, в это время появляется посторонний человек, непосредственно из стены!

Чистое тебе привидение с объёмной сумкой и блудливым взором.

Тем временем хлопец успокоился, а сам по-прежнему какой-то неразборчивый. Поставил сумку, спросил, закусить не найдётся, и поправился, закурить? Закурить нашлось.

Хлопец сунул пальцы в протянутую пачку, щедро угостился. Сказал, спасибо. Подхватил сумку, собрался уходить. Передумал. Передумав, остановился, молча расстегнул сумку, достал оттуда пригоршню семечек. Сунул нам. Семечки были белыми. Мы сказали, спасибо. Хлопец ещё постоял, как бы наблюдая, правильно ли распорядимся подарком. Увидев, что мы держим семечки крепко и непосредственно в руках, он успокоился, поднял сумку, сунул её в противоположную стену камыша. Нырнул следом за сумкой, не простясь. Ушёл, как и вышел, – частями. Сначала исчезла голова, затем – шея, спина, ноги: одна, следом задняя с перепачканным ботинком; затем – тишина.

Всё это произошло быстро, можно сказать, вероломно.

Когда стена камыша сомкнулась, спрятав последнюю ногу пришельца, мы с другом переглянулись – или показалось? Когда мы раскрыли рот, собираясь что-то сказать, из камыша снова высунулось знакомое лицо и голова до плеч. Хлопец ещё раз строго посмотрел на нас, строго спросил:

– Ребята, вы, случайно, не мормоны?

Не дожидаясь ответа, он втянул лицо вслед за головой и пропал.

Теперь уже навсегда.

Мы долго ещё смотрели друг на друга, затем на семечки, затем на перепачканную фольгу с остатками судака. Мы лениво убрали за собой, склоняясь к мысли, что это был злодей, а в сумке у него краденые золотые медали текущих со-

ревнований, прикрытые белыми семечками. И что бедные участники ничего не подозревают, гнутся от усилий, рвут снасти на яхтах, клянут рулевого на «восьмёрке», а им – победителям – вместо золота на шею будут продевать через головы похвальные грамоты, торопливо собранные по сусекам и на скорую руку заполненные туповатой секретаршей. Которая, естественно, перепутает имена-отчества, города рождения, пол и возраст участников. Всё перемешает, худая блондинка.

Праздник силы и молодости уйдёт коту под хвост...

Потом мы засмеялись, подняли последнюю рюмку за мормонов и их отца-основателя Джозефа Смита. Который ни за что не принял бы нас в свои объятия, а, наоборот, приказал верным вытолкать нас в чисто поле непосредственно в шею. В результате чего мы вернулись бы в лоно родного православия, которое хоть и не приветствует «возлияния», однако терпеливо смотрит на это дело сквозь растопыренные пальцы. Мудро напоминая Богу, что «Один Ты, Господи, без греха, а что ж мы, Твои дети? – слабые и неразумные, вспомни!»

За что мы родной вере глубоко признательны.

За святое терпение.

Саша и козёл с бородкой, как у М. И. Калинина

Есть замечательная притча про еврея и козу, но многие её уже не знают.

Пришёл Шмуль к ребе и говорит: ребе, так и так, у меня полный дом евреев, а тут Циля ещё троих родила, про Броху я уже молчу; живём друг на друге, и, главное, никто не мрёт! Посоветуй, как быть, ребе!

Ребе подумал и посоветовал.

Ребе сказал: – Купи козу.

Шмуль подумал и сказал себе: Шмуль, ребе даром врать не станет. И купил козу. Вот он купил козу, привёл в дом. Как бы невесту. С этого входа жизнь у них оживилась окончательно. И разодрал Шмуль на себе одежды, старые, специально надетые для такого случая, и побежал Шмуль к ребе и закричал: что ты насоветовал, старый ты... ребе!!! От твоей козы уже весь дом при смерти, хоть по-прежнему на кладбище никого калачом не заманишь! Что мне делать?!

Ребе почесал на переносице, потом посмотрел куда-то далеко и сказал.

Он сказал: – Шмуль, продай козу!

Шмуль продал козу. Вернулся, а в доме просторно, чисто, даже как-то одиноко!

Он потом ходил и всем рассказывал: – Евреи, наш ребе

самый ребе в мире!

А дело было в Бердичеве, который остроумцы называли «Тель-Авив в степях Украины».

Теперь по существу.

У каждого в жизни бывало счастье. Было оно и у автора. Автор имел счастье дружить с редкой и редчайшей красоты людьми. Счастье, нужно сказать, незаслуженное.

Впрочем, у Бога свои резоны.

Одного из таких людей звали Саша. Он жил в самом центре Киева, и когда он умер, его жена задумалась и сказала: а ведь Саша-то был настоящим интеллигентом! Вот такое наступило озарение. Кстати, и у остальных тоже, кто, как пишут в газетах, его знал. И автор до сих пор гордится, что дружил с настоящим интеллигентом, о которых сам так много и шумно рассуждал с рюмкой в правой руке; а рядом – не замечал!

Ву, как говорится, аля.

С другой стороны, внешне Саша сильно не походил на интеллигента, как мы его представляем. Внешностью он больше походил на тех лиц, чьи фото часто показывают под популярным заголовком «Их разыскивает милиция». Через такое сходство он имел личные приключения.

И вот какие.

Например, Сашин путь в ближайший гастроном лежал мимо «Короленко, 15». Это такой эвфемизм. Так горожане называли пугающее Управление внутренних дел, короче го-

воя, Главное милицейское гнездо.

И вот идёт Саша, сутулый, высокий, в руках авосечка. Проходит мимо огромного здания Управления внутренних дел, но всё равно старается думать о хорошем. В это время / и каждый раз как бы из-за кустов/ появляется милиционер и вежливо спрашивает, не может ли он, Саша, выполнить свой гражданский долг – поучаствовать в следственном эксперименте? А Саша-то врать не умеет. Он перекладывает авосечку в другую руку и честно говорит: конечно, могу.

Вот вспомнилось некстати: в том же Киеве сумасшедший дом назывался «Фрунзе, 103». Впрочем, в каждом городе есть места, которые называются гражданами не прямо, а с некоторым кандибобером.

И вот, значит, заводят Сашу в строгое помещение, ставят в один ряд с такими же гражданами, слегка испуганными счастливой возможностью исполнить свой гражданский долг. Потом открывается дверь, и дверь та впускает, как правило, женщину, чаще немолодую и некрасивую. Тут ей задушевно говорят: потерпевшая, не узнаёте ли вы среди этих мужчин человека, который вас:

- изнасиловал,
- вырвал из рук сумочку и скрылся в подворотне в Тирасполе,
- вошёл в доверие под видом экономиста, после чего связал и забрал драгоценности,
- клялся жениться, а сам уже многоженец, гад!

– и т. д.

Произнося это заклинание, милиционер всегда почему-то смотрел на Сашу. Естественно, тот начинал нервничать ещё до того, как потерпевшая отправится в свой поход. Чувствуя её приближение, он судорожно пытался придать лицу непри-
нуждённость, улыбку, любовь к животным, а также огромное счастье видеть жертву такой живой и полной сил – ведь в наше время это большая редкость! Бывшая жертва медленно шла вдоль мрачной шеренги, вглядываясь в лица, и, естественно, натыкалась на эту исковерканную гамму чувств. И не было случая, – рассказывал Саша, – чтобы эта несчастная не остановилась и не впивалась в моё лицо, как Анна Каренина в расписание электричек! И всё! – говорил Саша. – Она смотрит, а я буквально чувствую, что это я вырвал, скрылся, втёрся, а также подделал ключ рашпилем и изнасиловал!

Причём все шесть преступных деяний одновременно!

Дело усугублялось тем, что Саша сам несколько лет провёл на зоне. Грубо говоря, в местах лишения свободы. Только, конечно, не за сумочки и иные полезные, хоть и противоправные, ископаемые. А за гораздо плоше – за свободомыслие! Он не любил рассказывать о годах, проведённых в том невесёлом месте, на знамени которого значилось «На свободу с чистой совестью!». Тем более что ему не нужно было выходить оттуда с чистой совестью – он с ней туда вошёл и там прожил, не запачкавшись.

Да, так эксперимент.

Выполнив гражданский долг и получив от испытующих скупое милицейское спасибо, Саша выходил на улицу всё с той же чистой совестью, разве чуть постаревший. И так было не раз и не пять. Но и в следующий раз говорил: да, конечно, могу – и шёл на этот моральный эшафот, ни разу не сославшись на умирающую тёщу, самолёт в Анадырь, горящий дом, Карибский кризис. Или просто отрезав: не-хо-чу-и-всё-тут! Он честно говорил, да, могу.

И всё начиналось сперва.

Кстати, именно за эту честность его уважали и охраняли лагерные сотоварищи. Там, где этой честности не должно быть по определению. А в финале наградили уникальным орденом, автор однажды держал его в руках. Это был бронзовый восьмигранник, на котором лагерный гений выгравировал Сашин профиль в обрамлении роз и колючей проволоки. Внизу шла красивая надпись:

«Борцу за свободу Александру Барчуку».

Вот такой он был уникальный кавалер уникальной награды.

Это про Сашу. А вот про козла.

Как уже сказано, Саша был настоящим интеллигентом, поэтому имел трудности. Ибо жил в центре, и каждый знакомый, проходя мимо их дома, предполагал, что там спят и видят, когда он, такой знакомый, явит себя народу! Читай, хозяйевам. Спасибо, помня об их материальной нищете, приходили со своей выпивкой и закуской. То же делал и ав-

тор, в ту пору непонятно кто. Вообще, в этот дом приходили разные люди. Творческие, полутворческие, учёные, полуучёные, умные, полу... то есть очень умные. Там можно было встретить бывшего настоящего разведчика и директора пляжа, или ветеринарного врача. Приходили, приносили с собой; часто устраивали какую-нибудь литературную прю, умственный бой или интеллектуальный сабантуй. Саша выпивал вровень со всеми, но в этих пиршествах разума не участвовал. Чаще всего его можно было видеть повиснувшим на двери, как на турнике, – таким народным способом он избавлялся от хронической боли в позвоночнике. Оттуда же он подавал реплики, если его спрашивали. Но его особо и не спрашивали, такого неубедительного в смысле позы. Разве что из ложной вежливости.

Кстати, ещё случай.

Однажды один молодой и будущий шумный художник попросил автора рекомендовать его в Сашин дом. Автор сообщил хозяевам, так и так, молодой и подающий надежды просит принять его в дом, про который часто слышал, но ещё чаще проходил мимо, а внутрь ни разу! Хозяева сказали, конечно, пусть! Вашей рекомендации достаточно. То есть автор взял как бы ответственность за рекомендуемого, о чём позже сильно пожалел, пеняя себе словами: а не торопись, дурень!

Но все по порядку.

Однажды этот подающий гад позвонил, сказал, Вова, я тут

кое-что достал! Короче, жди у Саши, приду туда эффективно – прямо со спиртом. Надо сказать, что уже наступила напряжёнка с водкой, а тут – целый спирт! То есть авторова рекомендация плюс это дело – и художник, считай, член семьи! Тем более на дворе ноябрь или даже больше. Вот автор пришёл к Саше, конечно, не сдержался, сказал про сюрприз. Хозяева оживились. Разговаривали, предчувствовали. Тем более что богатая соседка принесла нечто в большой миске, сказав: это Эсточке! Сашинной, значит, любимой собаке. Её любили все соседи и подкармливали. Естественно, Эсточка всегда и благородно делилась приносимым с хозяевами, которые у неё особо не спрашивали. То есть вот и закуска на столе, а этого спиртосодержащего паразита где-то носит! Значит, задержался, – вежливо резюмируют хозяева. – Повременим же! Ответственный автор, зная ветреность рекомендуемого, давай слегка беспокоиться и сожалеть. На что воспитанные хозяева выдвигают убедительную версию, что гость по молодому делу задержался или по молодому же делу похвастался спиртом. В результате уникальный сегодня напиток у него выманили и выпили нехорошие люди, и его счастье, если его самого взяли в долю.

А то бывали случаи.

Пили чай, вспоминали случаи. Чаю выпили литра по полтора, тем более что заварки хватило только на первые чашки. Дальше пили «вторяк», «третьяк», потом просто желтоватую горячую воду с сахаром. Где-то в половине одиннадцатого

вечера кто-то из хозяев глянул на часы и сказал, ого, половина одиннадцатого! За кухонными окнами была глухая ноябрьская тьма, слегка разбавленная городскими фонарями. Посидели ещё, больше по инерции. Автор встал, извинился за непутёвого подопечного, оделся и отчалил. Ибо нужно было добираться из центра до того места, где автор тогда жил вдалеке.

Когда троллейбус выгрузил охлаждённого автора в спальном районе, район уже тяжело спал. Автор пришёл домой, разложил холостяцкую постельку и только занёс ножку, чтобы нырнуть туда в носках и к утру согреться, когда зазвонил телефон. Автор машинально глянул на часы. Часы укоризненно показывали половину первого. Самое интересное, что когда раздался звонок, автор даже не выругался, ибо немедленно всплыло – «это этот гад!». И в самом деле, звонил Саша. Он сказал, Володя, ты уже дома? Пришлось признаться, что да, уже. Не мог бы ты подъехать к нам, сказал Саша немного смущённым голосом. Автор обречённо нацепил штаны и приехал назад по тёмному холодному городу чуть ли не на городской поливалке. Куда, кстати, она ехала, когда вокруг, считай, зима?

Поднимался на шестой этаж, не ожидая ничего хорошего, и, естественно, не дождался. Когда открылась дверь в Сашину квартиру, первое, что бросилось в глаза, – лежащий вдоль узкого коридора труп молодого мужчины в пальто и неплохих туфлях. Пространство вокруг головы покойного было,

как бы это сказать помягче, обрыгано, и такой же запах! Тут же стоял тазик с водой и тряпка, видно, что убирались эти пищевые отходы неоднократно. Саша извинился и сказал: извини, Володя, я дальше не смог его дотащить, а то он сильно тяжёлый». Аккуратно переступая, прошли на кухню.

Оказывается, когда автор уехал, хозяйева посидели еще. Вначале первого в дверь позвонил сосед снизу и загадочно произнёс: Саша, кажется, к вам пришли. Надо сказать, что контингент в их доме проживал культурный донельзя! В крайнем случае, начальствующий. Например, позвонивший сосед был татарин по национальности и писатель по зову сердца. Вот, значит, сосед-писатель сообщил эту новость, Саша поискал глазами за его спиной, кто бы это был так поздно. На что сосед сухо уточнил, что пришедший находится внизу, между этажами. Четвёртым и пятым, сказал он, будучи надоедливо точным. Спустились. Действительно, на лестнице лежал мужчина в застёгнутом художественном пальто, покрыв длинными кудрями часть ступенек.

Как, скажем, златокудрая Лорелея в осенних туфельках 45-го размера.

Рядом с Лорелеей стояли две пожилые соседки. Они стояли, печально склонившись, словно ивы над мрачным прудом, то есть утопленником, и скорбно качали головами на предмет: о времена, о нравы! Они же и подтвердили, что, изредка приходя в сознание, мужчина называл Сашину фамилию и номер квартиры. При этих скорбных словах павший поднял

голову, сказал совершенно трезвым голосом: вот именно! И снова почил.

Сашиных сил хватило лишь втащить его в квартиру. После чего он привычно повис на двери.

Картина для следствия была понятной: этот гад выжрал обещанный спирт с кем-то посторонним. Затем посторонний, убедившись, что спирт выпит и более не предвидится, подло смылся. Юное же, но пьяное вдребезги дарование, по-нукаемое остатками совести, честно, хоть и на автомате, шло по обещанию. Но не дошло. Пало в пути, как Будённый с лошади.

Привычно сидели на кухне. Привычно пили практически водопроводную воду, т. к. сахар ликвидировали ещё перед этим. Привычно беседовали на отвлечённую тему, прислушиваясь к звукам из коридора. Звуков не было. Автор вспомнил свою службу на флоте и рассказал об одной традиции, существовавшей там ещё в недавние времена. Например, днём команда сходила на берег, в увольнение. А ночью по городу ходил патруль и собирал возвращающихся из того увольнения. Но не возвратившихся. Они лежали разбросанные там и тут, как после неудачной атаки. Таких, павших, собирали и сортировали. Если, допустим, матрос лежал головой в направлении корабля – его доставляли на корабль с воинскими почестями. То есть брали за руки-ноги, забрасывали на борт со словами: ваш? забирайте! Если лежал к кораблю ногами – везли в комендатуру, и горе такому, туда

доставленному! А логика при сортировке была простая: если он лежал головой к кораблю, значит, стремился, хотел, и не его вина, что сегодня враг оказался сильнее!.. Услышав такое, Саша обрадовался, заволновался: да, да, Володя! Какая это наша, какая разумная традиция! Вот и наш юный друг, ведь он лежал сюда именно головой! Значит, его нужно простить!!

На том и порешили.

Единственно, чем мог помочь автор, – это вымыть пол и выпростать тяжёлого и бесчувственного, как бетонная свая, художника из пальто. Но давно известно, что Господь вслед за испытанием посылает и избавление. Ибо, приводя в порядок попранное пальто, автор нащупал во внутреннем кармане что-то твёрдое. И вытащил оттуда сосуд с прозрачной жидкостью. То есть с пресловутым спиртом.

Сидели, выпивали замечательной чистоты напиток русских богов. За окном была холодная ночь, а здесь было тепло. На столе лежал хлеб, Эсточкина еда, соль и большая банка из-под редкого тогда китайского чая. Чаю в той банке не было со времён Гоминьдана, зато в годину изобилия она наполнялась окурками. А поскольку в Сашинем доме година эта длилась недолго, примерно как мимолётное виденье, постольку банка со счастливыми окурками доставалась и становилась в центре стола. Хозяева переживали за лежащего художника в том смысле, что это же он очнётся, ему завтра будет ужасно стыдно, и он, может, больше сюда не придёт.

А пусть бы приходил, парень, видно, хороший! Так вы его, Володя, как-то успокойте, говорили хозяева автору! Скажите, что мы... короче, что-нибудь придумайте. Ведь с кем не бывает.

Понятно, что этот паразит долго потом переживал, мучился, наконец набрался мужества, пришёл и покаялся. Надо ли говорить, что его приняли как блудного сына! То есть гораздо лучше, чем если бы он пришёл на прямых ногах, как все нормальные люди!

Это загадка, которую автор не может понять ещё с Евангелия.

А вот где, с кем и на чём этот подлец так подорвался – по сей день тайна, а сам герой забыл. Помню, – говорит, – поднимались на фуникулёре. Дальше помню: иду, иду, а машины туда-сюда, туда-сюда, туда – и всё! Дальше – тишина!.. При этом он морщил молодой лоб, как бы пытаюсь добыть из памяти ещё хоть какой-то логический клочок.

Не вымарщивалось.

Ну хорошо, – скажет читатель, – а при чём тут притча про еврея и козу? А при том, – отвечает автор, – что до неё как раз и дошли.

И вот, про козу.

Поскольку Саша не был евреем, постольку коза прибыла к нему самотёком. Вернее, козёл. То есть приходили к нему разные гости, разного пола, возраста, вероисповедания, даже лица с физическими недостатками, то есть непросыхающие.

И вот однажды к нему логично привели козла. На упомянутый шестой этаж. Козёл был угольночерный и в натуральную величину. Его привёз какой-то Сашин родственник, вынырнувший из Полтавской губернии, неожиданно, как сокол из облака. Он привёз в столицу дочку – поступать в институт, поступил, а чтобы обратно не лупить порожняком, купил элитного козла. Козёл ему был нужен для укрепления в козьем стаде то ли дисциплины, то ли нравственности.

Короче, свежая кровь.

Он затащил его к Саше /на шестой этаж!/ со словами: здравствуй, Николай, пусть животное побудет у вас до завтра, в смысле переночует. Когда «Николая» исправили на «Александра», дивный родич невнимательно сказал, ага, и добавил: можно покормить его хлебом, он всё жрёт, а я завтра же заберу! Вот он произнёс эти слова, попросил водички, а то жарко, и – сгинул. Исчез так же, как и появился. Пропал на неделю. Неизвестно, где он блуждал эту неделю на радостях, что дочка пристроена, в то время как жена надоела, как зайцу букварь, но лично Саша провёл эту неделю в обществе козла.

О чём вспоминал без улыбки.

Надо сказать, что козлы – народ вольный, а в энциклопедии про них написан всякий вздор. Например, там козлы характеризуются положительно и как «мелкий рогатый скот» /см. БСЭ, т. 21, «Кинестезия – Коллизия»/. «Рогатый» и «скот» – была единственная правда, которая касалась кон-

кретно приведённого козла. Да, это был скот, но отнюдь не мелкий, а наглый и коварный, как большевик, – т. е. крупная сволочь мужского рода! Саша хотел заглянуть в энциклопедию ещё раз, чтобы уточнить насчёт козлов и написать им опровержение, но не успел, ибо оставленный без присмотра том был мстительно сжёван натуральным козлом и после выплюнут, как невкусный! Нужно добавить, что привезённое животное находилось в самом расцвете козлиных сил, глаза имело выпуклые, хитрые плюс подлая козлиная бородка. То есть вылитый М. И. Калинин без очков! Его сразу и прозвали Мишей. Гадил этот Миша какими-то рекламными катышками и от всей души, в результате чего квартира немедленно наполнилась нехарактерной для столицы экзотической вонью. Становился передними ногами на стол, съедал всё, что плохо лежит. Буквально на второй день ликвидировал вазоны; долго и укоризненно выплёвывал кактус, после чего остальные три мстительно скинул на пол и обмочил. Однажды опрокинул легендарную банку с окурками и сожрал содержимое. После чего томно лежал, смежив свои козлиные очи, стонал и капризничал, как больной богатый дядя, окружённый любящими наследниками. В конце концов он оккупировал одну из двух Сашиных комнат, где немедленно установился тяжкий запах старого гулящего холостяка.

Бедная интеллигентная Эста прожила эту неделю в гетто, то есть в ванной, потерянно воя оттуда женским голосом.

Вдобавок этот Миша просыпался рано утром, с зарёй.

Проснувшись, он радостно трубил. Затем прыгивал с топчана, на котором в отсутствие гостей ночевала Эста, и давай гарцевать по непривычному паркету, звонко стуча парными копытами, как пьяный патруль.

Иногда ему что-то снилось, что-то козлиное, тогда гарцевал и трубил среди ночи. За это все его журили, зывали к совести, утверждали, что хорошие козлики так себя не ведут. Даже неумело грозили, на что этот сатир несогласно блял, мелко тряся гнусным подобием хвоста.

Сашины соседи спрашивали: Саша, из вашей квартиры порой раздаются какие-то странные звуки, в смысле постоянно; чем вы это объясните? Саша им неумело что-то придумывал, а сам высматривал хозяина козла, как соловей лето.

Чуть ли не становясь на цыпочки.

Меж тем вырвавшийся на свободу хозяин Миши где-то жуировал, даже не звонил. То есть пропал без следа, как ботинок на асфальтовом заводе. Может, уже и умер на радостях. И что прикажете делать? И вот однажды, когда козёл сожрал чужие перчатки и дефицитные в ту пору шпроты, его за это впервые обругали «козлом стоеросовым» и даже замахнулись! На это Миша медленно выплюнул банку, посмотрел оскорблённым выпуклым взором, сказал: ме-е, не понял?! – и нагадил чем-то столь чрезвычайно пакостным, что терпеливая Сашина семья ахнула и убежала на кухню, захлопнув дверь. Дальше так было невозможно! Кто знает адрес этого родича?! – кричали они, – и откуда он взялся,

будь он неладен со своей живностью?! На что все опрошенные и обзвоненные тревожно переглядывались и пожимали плечами.

Адрес никто не знал.

Тогда собрали совет, что с ним делать, с Мишей? Мнения резко разошлись. От «наделать из гада шашлыков!» до «ну что ж, Бог терпел и нам велел». Настаивающие на шашлыках предупреждали, что нужно только предварительно хорошенько вымочить в уксусе, лучше в керосине. Саша и его сторонники утверждали, что Миша, в принципе, хороший козёл. И не его вина, что его лишили привычной среды обитания. Это, – настаивали они, – его беда! При этом они ссылались на ахимсу, то есть непричинение зла, и на популярный в те годы Кодекс строителя коммунизма. Хорошо! – кричали им в ответ, – не хочешь шашлыки, может, ты и прав; может, он ядовитый. Но прекрасная козлиная шкура на полу станет украшением любого жилища, особенно, извиняемся, вашего. Плюс полоску кожи с козлиным мехом можно привязать на поясицу! Такие полоски, – запальчиво утверждали они, – особенно привязанные к поясице, мёртвого из могилы поднимают, а ты ещё тут! Соглашайся, и мы завтра же доставим сюда тебе настоящего резника, чеченца по образованию! Скажи радикулиту «нет!».

Саша не соглашался.

Но всему приходит конец. В высшей точке, когда друзья готовы были рассориться, а семья – распасться, в дверях

неожиданно возник кленомый хозяин козла.

Он явился за своей подвижностью аккурат в пятницу утром. Надо ли говорить, что вместо того, чтобы его убить через порог старым добрым утюгом, хозяева встретили как самого дорогого гостя. Гость долго пил чай, отдохнувший, румяный, вытирая платком крепкий деревенский затылок. Ему подливали и обхаживали зеленоватые от пережитого хозяева, как бы покрытые патиной. Потом на кухню призывали козла, говорили: Миша, вот пришёл твой замечательный хозяин; теперь вы уже никогда-никогда не расстанетесь, как же вы похожи! Потом долго прощались за руку, желали скатертью дорожку, крепкого здоровья, лёгкой погоды, попутного ветра! Хотя гость собирался на рейсовый автобус «Киев – Полтава». Присели на дорогу. Поднялись. Сказали: ну, как говорится...

Дальше, как говорится, началось непредвиденное.

Дело в том, что за время отсутствия хозяина Миша его разлюбил. Он полюбил новую семью, новый культурный уклад жизни; ему понравилось вежливое обхождение, столичные газеты, которые ему рвали в месте его козлиного туалета; топчан, который если бы не вонял собачатиной, то лучше и не надо. То есть он пришёл к простому выводу, что от добра добра не ищут, остаюсь! И когда старый хозяин заявил на него права, а именно взял за рога и потащил к выходу, он вырвался и предупредительно боднул бывшего родича в зад. Очень ощутимо. Но у родича не было высшего образования,

он не раздумывал об идеях Ганди на предмет ахимсы; он вообще никогда не раздумывал. Он просто развернулся и так пнул свою движимость, что та изумилась! То есть тот. Он от такого обращения отвык! Он привык к культурным взываниям, и что «неплохо бы учитывать, что рядом находятся тоже живые люди»! После же ещё двух дополнительных пинков Мишино изумление сменилось задумчивостью. Что-то тут не так, – думал он, взяв тайм-аут, – как-то неправильно всё! В результате к нему пришло понимание, что, скорее всего, дальше будет продолжаться в том же духе. И дух этот в свете новых высоких горизонтов категорически неприемлем. В результате покидать гостеприимные своды Миша отказался наотрез.

То есть тут и началось!

Хорошо, что хозяин козла, как чувствовал, и явился с безымянным племянником – здоровенным парнем, вскормленным полтавскими мясными консервами «Головач». Но, главное, никто не подозревал в скромном парнокопытном столько первобытной силы. Когда его начали насильно протаскивать через двери, он активно цеплялся руками, ногами, зубами, рогами и копытами, проявляя чудеса изобретательности. И протащить его из дальней комнаты на выход было так же трудно, как вытащить на балкон взбесившийся рояль. Всё это, естественно, сопровождалось звуками, которые культурный дом не слышал даже по телевизору. Звуками, которые, если перевести с козлиного на русский, звуча-

ли бы так:

– На помощь, на помощь! хелп!.. Убери руки, колхозник! Лапы свои, говорю, убери!! Люди, смотрите все!! ме-е... Это у нас называется гостеприимство!.. А-а-а!.. Прощайте, товарищи! Пусть всегда-а будет солнце, пусть всегда-а будет мама!.. Ты за что хватаешь, гад?! Да?! А вот этого я тебе никогда не забуду!.. Вставай, проклятьем заклеимённый!..

Последнее Миша пел, переходя в контрнаступление!

Сашу как недееспособного поставили заклинить двери лифта, куда собирались в финале загнать козла, как своеобразный шар в своеобразную лузу.

Тем временем потянулись к службе поздно встающие жильцы. Спускались неодобрительным пешком, наблюдая, как в передней Сашиной квартиры возятся красные потные мужчины, борют чёрное, ужасно похожее на козла, сопровождая это дело деструктивными выражениями. Они торопливо проходили мимо; на их спускающихся спинах явно читалось: Боже мой, и это в центре столицы!!! Впрочем, мы не удивляемся!

Наконец недалёкие полтавчане догадались взять бельевую верёвку; связали козла, повалили, сели рядом на корточки перекурить. Миша лежал на площадке, опутанный, как больной палец, и тихо стонал. Сафари закончилось. Саша подгонял их в смысле, нужно освободить лифт, а то люди ругаются. На что хозяин говорил ему: «Счас, Коля, дай передохнуть».

Но передохнуть не получилось. Этот стреноженный скот как-то освободил ноги, вскочил, миновал гостеприимно раскрытый лифт, устремился по лестнице вниз и вскочил в квартиру упомянутого татарина, который недальновидно вышел на площадку, узнать, что там обратно мешает ему творить?! Теперь они уже втроём шумно гоняли козла по татарской квартире. Гоняли неорганизованно, из рук вон плохо. Ибо квартира была уставлена и уцеплена какими-то бонбоньерками, статуэтками и четырёхведёрными напольными вазами. То есть предметами, совершенно не приспособленными для такого дела, для козлиных ралли. Наконец козла загнали в угол, набросили национальный халат, сверху пал молодой племянник; втроём вытащили вопиющего благим матом козла за ноги, вбросили в лифт, вскочили следом и нажали на кнопку.

Всё! Как в песне:

*До свиданья, наш ласковый Миша!
Возвращайся в свой сказочный лес.*

Последнюю точку в этой притче поставил один немолодой Сашин тёзка. Ему с утра приспичило навестить друга, то есть Сашу, с четвертушкой в руке. Он ожидал лифт внизу, лифт не ехал, шахта лифта транслировала непонятные крики. Было похоже на звуки горящего бродячего цирка с грохотом падающих клеток, рёвом верблюдов и неразборчивой матер-

щиной поднятых по тревоге служителей. Наконец там что-то упало, крикнуло последний раз; брякнула дверь, лифт взвыл и тронулся, продолжая издавать звуки, как безумная музыкальная шкатулка. Бледный Сашин тёзка прислонил ухо к двери, прислушиваясь к этой музыке сфер, и даже один раз неумело перекрестился. Когда же лифт остановился и на площадку вылетел козёл, влача за собой упирающихся мужчин, приятель повёл себя совсем странно. Он не упал в обморок, не кинулся прочь. Он неожиданно заулыбался, закричал: «Ура, козёл! С бородой! Саша, дай я тебя поцелую! Это настоящий козёл!»

И уже наверху, разливая, с чем пришёл, он радостно рассказывал. «Слышу, – рассказывал он, – лифт поехал, хорошо! И вдруг из этого лифта явно слышу козлиный голос: ме-е-е!.. Думаю, показалось. Слышу, ещё раз. Говорю себе: «Сюня, тебе кажется, и всё!» А у самого мурашки по спине так и скачут, как кони! И главное – утром!! Опять – ме-е-е!! Говорю: «Всё, Сюня, вот и ты допился!» И так, поверите, стало его жаль! В смысле себя, не поверите! Утро – а ему уже козлы поют! Потом смотрю, а это – настоящий козёл. Как же тут не обрадоваться, как не петь, в смысле как не выпить?!»

Ну, как говорится, с выздоровлением!